

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 25. № 1

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«75-летию Победы в Великой Отечественной войне
и 77-й годовщине Победы в Сталинградской битве посвящается...»

Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War
and the 77th Anniversary of the Victory in the Battle of Stalingrad...

SCIENCE
JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 25. No. 1

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate **ПИ № ФС77-25018** of June 29, 2006)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICH’S-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,
M.V. Rassakhatkaya, I.V. Smetanina*

Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Relayed to print Jan. 7, 2020.

Date of publication Febr. 28, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.9. Published pages 25.7.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–70). Order 38. «C» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-25018** от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef**(США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek**(США), **MIAR**(Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD**(Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICH’S-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *C.A. Astakhova,
M.B. Rassakhatkaya, I.V. Smetanina*

Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 07.01 2020 г.

Дата выхода в свет 28.02 2020 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 25,7.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–70 экз.). Заказ 38. «C» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

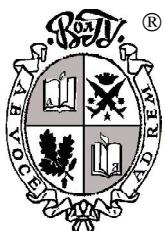
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020

Том 25. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL
OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2020

Volume 25. No. 1

**SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS**

2020. Vol. 25. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

***Topic of the issue: Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War
and the 77th Anniversary of the Victory in the Battle of Stalingrad...***

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdalna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);

Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Political Sciences) *Konstantin Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020. Т. 25. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 77-й годовщине Победы в Сталинградской битве посвящается...»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбако* – отв. секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьянко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);

д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (политические науки) *Константин Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. КурILLA* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыболова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Орленко С.П. Бартар Кинеман, Филипп Тимофеев, Каспар Кальхоф II. Судьбы иноземных оружейников в России XVII века 6

Иванюк С.А. Усиление артиллерийского парка Полтавской крепости зимой 1708 – весной 1709 года 22

Клейтман А.Л., Тюменцев И.О. Артиллерийские орудия конструктора И.А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах 34

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Вовина-Лебедева В.Г. «Жена его вышла замуж...»: к вопросу о судьбах солдатских жен в XVII веке 44

Волкова Е.Ю. Положение ленинградских детей, эвакуированных из блокадного города, в Ярославской области (1941–1945 гг.) 59

Мартыненко В.Л. Эвакуация немецкого населения из Транснистрии в марте – июле 1944 года 70

Губайдуллина М.Ш., Исsova L.T., Кульбаева А.Т. Польские делегатуры в Казахстане в годы Второй мировой войны: Алма-Ата и Семипалатинск 84

Жаркынбаева Р.С., Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты) 97

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Матиев Т.Х. Гражданская война на Северном Кавказе в отражении горской буржуазно-демократической печати (на материалах газеты «Вольный горец») 109

Попов А.Д., Романько О.В. «Конструирование мифов»: западный взгляд на советскую / российскую историческую память (Рец. на кн.: Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City [Text] / V. Davis. – London : I.B. Tauris, 2018. – 351 p.) 120

Харинин А.И., Харинина Л.В. Настольная военно-историческая игра как форма исторической реконструкции 126

НАРОДЫ МИРА: АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойнонен М., Песснерт Г., Нестерова Л.А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия 141

- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Слепцова А.В.*
Происхождение северных селькупов по антропологическим данным [На англ.] 152
Нелин Т.В. Мифы о чарруа: правда и вымысел в истории уругвайских индейцев 171
Дробышевский С.В., Селиванова Е.М., Негашиева М.А. Антропологическая характеристика строения головы и лица коренного населения Северного Сулавеси 183

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Петров А.В. К вопросу о крещении княгини Ольги 200

Олейникова Е.Г. Государственная концепция управления учреждениями социальной помощи и ее реализация во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Саратовской губернии) 208

Шишкин В.Г. Приватизация британской нефтяной отрасли в 1970–1980-х годах 218

Попков В.Д., Попкова Е.А. Русскоязычные группы в Германии: миграционная мотивация 229

Морозов С.И. Практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов в контексте регулирования системы массовой коммуникации в Российской Федерации 241

CONTENTS

HISTORY OF GUN SMITHING IN RUSSIA

Orlenko S.P. Bartelt Kinneman, Philip Timofeev, Kaspar Kalthof II. Career of Foreign Gunsmiths in Russia in the 17th Century 6

Ivan'yuk S.A. Increase in Artillery of the Poltava Fortress in Winter 1708 – Spring 1709 22

Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. Cannon Gunnery of Designer I.A. Makhanov: Development, Implementation, Combat Use in the 1930s – 1950s 34

MILITARY DAILY LIFE

Vovina-Lebedeva V.G. “His Wife Has Married...”: To the Problem of the Fate of Soldiers' Wives in the 17th Century 44

Volkova E.Yu. Situation of Leningrad Children Evacuated from the Besieged City in Yaroslavl Region (1941–1945) 59

Martynenko V.L. Evacuation of the German Population from Transnistria in March–July 1944 70

Gubaiddullina M.Sh., Issova L.T., Kulbayeva A.T. Polish Delegations in Kazakhstan During the Second World War: Alma-Ata and Semipalatinsk 84

<i>Zharkynbayeva R.S., Dulina N.V., Anufrieva E.V.</i> Military Routine in Rear City in 1941–1945 (Case of Alma-Ata)	97
WAR IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES AND DESCENDANTS	
<i>Matiev T.H.</i> Civil War in the North Caucasus in the Reflection of the Mountainous Bourgeois-Democratic Print (On the Materials of “Volnyy Gorets” Newspaper).....	109
<i>Popov A.D., Romanko O.V.</i> “Myths Making”: Western View of Soviet/Russian Historical Memory (Book Review: Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev’s Hero City [Text] / V. Davis. – London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.)	120
<i>Kharinin A.I., Kharinina L.V.</i> Wargaming as a Form of Historical Simulation	126
PEOPLES OF THE WORLD: ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY, HISTORY	
<i>Vybornov A.A., Vasilyeva I.N., Kulkova M.A., Oinonen M., Possnert G., Nesterova L.A.</i> About Ancient Ceramic Traditions of the Population of the Northern Caspian Region	141
<i>Poshekhanova O.E., Zubova A.V., Sleptsova A.V.</i> Origins of the Northern Selkups Based on Anthropological Data	152
<i>Nelin T.V.</i> Myths About the Charrua: Truth and Fiction in the History of the Indigenous People of Uruguay	171
<i>Drobyshevsky S.V., Selivanova E.M., Negashova M.A.</i> Anthropological Characteristic of the Head and Face of the Native People from North Sulawesi.....	183
POWER AND SOCIETY	
<i>Petrov A.V.</i> On the Issue of the Baptism of Princess Olga	200
<i>Oleynikova E.G.</i> State Concept of Social Management and Its Implementation in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century (On the Materials of Saratov Province)	208
<i>Shishikin V.G.</i> Privatization of the British Oil Industry in the 1970s – 1980s	218
<i>Popkov V.D., Popkova E.A.</i> Russian-Speaking Groups in Germany: Motivation for Migration	229
<i>Morozov S.I.</i> Practices of Interaction of State and Non-State Actors in the Context of Regulation of the Mass Communication System in the Russian Federation	241

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolu4.2020.1.1>

UDC 94(47)
LBC 63.3

Submitted: 13.12.2018
Accepted: 18.06.2019

BARTEL KINNEMAN, PHILIP TIMOFEEV, KASPAR KALTHOF II. CAREER OF FOREIGN GUNSMITHS IN RUSSIA IN THE 17th CENTURY¹

Sergey P. Orlenko

Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site Kremlin,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* An important aspect of studying the activities of the court Armoury of the Russian tsars of the 17th century is the work of foreign specialists. The firearms made by Bartelt Kinneman, Philip Timofeev and Kaspar Kalthof II are currently preserved in the collection of the Moscow Kremlin Museums. Unfortunately, many aspects of the biographies and professional activity of these masters in Russia are still poorly studied. *Methods and materials.* The basis for the study is the complex of unpublished sources of the former archive of the Armoury Chamber – currently Fund 396 of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Besides, the paper applies unpublished and published sources of the offices of the Ambassadorial Prikaz, the Artillery Prikaz and the Secret Affairs Prikaz. *Analysis.* When considering the biography of one of the most successful court gunsmiths Bartelt Kinneman, we pay attention to the episode with the escape from him of student named Philip arrived with him from Vilna. In 1672, master Philip Timofeev, who later took a high position among the court gunsmiths, was transferred from the office of the Artillery Prikaz to the Armoury Chamber. The examined documents helped clarify some important details of gunsmiths Kaspar Kalthof II's stay in Russia. In particular, it was possible to determine the place and duration of his service in the workshop of the Artillery Prikaz. The sources allow to establish that Philip Timofeev was a student who escaped from master B. Kinneman in 1661, entered military service, and later worked in the Armoury workshop in the office of Artillerie with K. Kalthof II. It is assumed that the transition of Ph. Timofeev and his successful career in the Armoury Chamber became possible as a result of the agreement that he concluded with his former master B. Kinneman. *Results.* The article introduces new information about the place of service of the gunsmiths in Russia, the features of professional training, career development in the court Armoury, the specifics of relationships with each other and with the Russian administration.

Key words: Russia, Armoury Chamber, 17th century, Bartar Kinneman, Philip Timofeev, Kaspar Kalthof.

Citation. Orlenko S.P. Bartelt Kinneman, Philip Timofeev, Kaspar Kalthof II. Career of Foreign Gunsmiths in Russia in the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 6-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolu4.2020.1.1>

УДК 94(47)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 13.12.2018
Дата принятия статьи: 18.06.2019

БАРТАР КИНЕМАН, ФИЛИПП ТИМОФЕЕВ, КАСПАР КАЛЬХОФ II. СУДЬБЫ ИНОЗЕМНЫХ ОРУЖЕЙНИКОВ В РОССИИ XVII ВЕКА¹

Сергей Павлович Орленко

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению жизни и профессиональной деятельности трех иноземных оружейников в России XVII века. Произведения Бартара Кинемана, Филиппа Тимофеева и Каспера Кальтхофа II ныне хранятся в собрании Музеев Московского Кремля. На основании комплексного анализа вновь выявленных документальных и вещественных источников реконструируется ряд важных эпизодов биографий ремесленников. Вводятся в научный оборот новые сведения о месте службы ремесленников в России, особенностях профессиональной подготовки, развитии карьеры в придворной оружейной мастерской, специфике взаимоотношений друг с другом и с русской администрацией. Основой для исследования служит комплекс неопубликованных материалов бывшего архива Оружейной палаты – ныне фонда 396 Российского государственного архива древних актов. Также к работе привлекались неопубликованные и опубликованные источники делопроизводства Посольского приказа, Пушкарского приказа и приказа Тайных дел.

Ключевые слова: Россия, Оружейная палата, XVII в., Бартар Кинеман, Филипп Тимофеев, Каспар Кальтхоф.

Цитирование. Орленко С. П. Бартар Кинеман, Филипп Тимофеев, Каспар Кальтхоф II. Судьбы иноземных оружейников в России XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.1>

Введение. Оружие ведам и исследователям истории Оружейной палаты XVII столетия хорошо известны имена мастеров Бартара Кинемана и Филиппа Тимофеева. В собрании Музеев Московского Кремля хранятся великолепные образцы оружейного искусства, выполненные этими ремесленниками. Также в собрании Оружейной палаты хранится подписанное многозарядное ружье, выполненное в Москве в 1665 г. мастером Каспарам Кальтхофом. Значительный интерес представляют собой подробности биографий оружейников и сведения об условиях их профессиональной деятельности в России XVII века.

Методы и материалы. Основой для исследования служит комплекс неопубликованных материалов бывшего архива Оружейной палаты – ныне фонда 396 Российского государственного архива древних актов, включающего в себя столбцы текущего делопроизводства и приходо-расходные книги Оружейного приказа. Важные сведения относительно условий пребывания и профессиональной деятельности иноземных оружейников в России содержат документы Посольского приказа, Пушкарского приказа, а также приказа Тайных дел. Наряду с документальными, к исследованию привлекались и вещественные источники – оружие, изготовленное иноземными мастерами за время их службы в России.

Сопоставление и комплексный анализ документальных и вещественных источников, использование общенаучных методов синтеза и историко-генетического метода по-

зволили не только выявить неизвестные подробности биографий иностранных оружейников, но и установить, насколько взаимосвязи между ними влияли на их профессиональную деятельность.

Обсуждение. Произведения вышеназванных оружейников, а также известные сведения об их происхождении и службе в России публиковались в каталогах внутренних и зарубежных выставок из собрания Музеев Московского Кремля. Авторству Е.А. Яблонской принадлежат статьи и научные описания оружия в каталогах выставок 2003 и 2006 годов [40; 45]. Сведения об оружейниках семейства Кальтхоф приводятся в статье того же автора в каталоге английского оружия кремлевского собрания [42]. Также Е.А. Яблонской принадлежит отдельное исследование, посвященное иноземному оружейнику Филиппу Тимофееву [41]. Обширный раздел, посвященный «виленскому немчину» Бартару Кинеману и его работам, включает в себя исследование о западноевропейских ремесленниках в Оружейной палате XVII столетия [43]. Информация о выезде мастера на русскую службу содержится в работах И.В. Герасимовой, исследовавшей жизнь Вильно при русской администрации в середине XVII столетия и процесс «культурной эмиграции» в Москву [5; 6].

Вместе с тем вновь выявленные источники позволяют существенно уточнить и дополнить сведения о жизни и работах иностранных оружейников в русской столице второй половины XVII столетия.

Анализ. Первым в Оружейной палате появился Бартар Кинеман. В мае 1657 г. царю Алексею Михайловичу из Вильно писал воевода Михаил Шаховской о том, «что призвал на ево великого государя имя лучшего ствольного дела мастера иноземца Балтыря Киномана и прислал ево с Петром Болотниковым в Оружейную полату со всеми оружейного дела снастями» [34, л. 2]. Согласно приходо-расходным книгам Оружейного приказа, в июне 1657 г. мастер уже приступил к работе в придворной оружейной мастерской [26, л. 108 об.–109].

Вопрос о степени добровольности переселения ремесленников из ВКЛ в русскую столицу однозначного ответа не имеет. Тем не менее Бартар Кинеман, вероятнее всего, действительно покинул Вильно по собственному желанию. По мнению исследователя И.В. Герасимовой, одной из причин отправиться в Москву могло быть стремление оружейника спасти семью от эпидемии чумы, обрушившейся на Вильно в 1657 году [6, с. 233].

За почти четверть века своей службы в Оружейной палате (1657–1681) Бартар Кинеман выполнил множество работ, изготавливая как отдельные части (стволы и замки), так и полностью завершенное огнестрельное оружие. Практически сразу Бартар Кинеман занимает ведущее положение среди западноевропейских мастеров придворной оружейной мастерской. Можно констатировать, что начальство было чрезвычайно довольно работой Б. Кинемана. Мастер постоянно получал прибавки к жалованью и разного рода наградные и поощрительные дачи и выплаты «для того, что он Бартар самой доброй мастер», «для того, что он, иноземец, к Москве взят волею, и для того видя такую государскую милость, но и паки вновь прибыльные дела объявлял и ничего не таил» [19, л. 4; 38, л. 37–42]. А также за то, что «не ленится, дела великого государя делает с великим радением и смыслом добрым, без мешкоты» [31, л. 1–1 об.].

К концу 1667 г. жалование Бартара Кинемана достигло своего максимального размера – годовой денежный оклад составлял 25 рублей, кормовых денег по 8 рублей на месяц. Всего вместе 121 рубль. До конца службы Бартара Кинемана размер его жалования больше не менялся [12, л. 100–102 об.; 25,

л. 169; 27, л. 35]. Денежное жалование самого высокооплачиваемого русского оружейника – Григория Вяткина составляло по совокупности всех выплат 94 рубля. Таким образом, во второй половине 1660-х гг. Кинеман получал денег больше, чем кто-либо из мастеров Оружейной палаты. Однако следует учитывать, что, в отличие от иноземцев, русским жалованным мастерам давали еще и хлебное жалование, размер которого зависел от специальности и квалификации мастера.

Среди работ, выполненных в Оружейной палате Бартаром Кинеманом, особое внимание привлекает конструктивно сложное многозарядное оружие. В мастерской на своем дворе в Новой немецкой слободе Кинеманом для поднесения царю Алексею Михайловичу на Пасху 1664 г. было выполнено уникальное по емкости барабана (для оружия с ударно-кремневым замком) девятизарядное ружье [15, л. 129–130, 281–282; 22, с. 235]. Записанное в инвентарные книги как голландское, в настоящее время это ружье находится в экспозиции Оружейной палаты в витрине с западноевропейским оружием (зал 3, витрина 22) (рис. 1, 2).

Также в 1664 г. Бартаром Кинеманом была выполнена пара пищалей «двойных... против немецкого образца» [20, л. 1, 14–19]. Речь идет о конструкции, которую в России называли «перевертной», а ее европейское название – «вендер» (от немецкого wenden – поворачивать). Ее особенность состоит в том, что оружие снабжалось одним кремнево-ударным замком французского типа, а стволы закреплены на центральной оси вертикально – один над другим и могли поворачиваться. Даные памятники с высокой долей вероятности удалось идентифицировать в музейном собрании [43, с. 85]. Одна пищаль из пары в настоящее время находится в экспозиции Оружейной палаты (зал. 4, витрина 27) (рис. 3, 4).

После ухода из Оружейной палаты Никиты Давыдова в 1664 г. и до появления в ней Филиппа Тимофеева, Бартар Кинеман оставался, по всей вероятности, единственным мастером придворной оружейной мастерской, способным создавать конструктивно сложное многозарядное оружие.

В 1661 г. иноземный мастер придворной оружейной мастерской Ганс Маер² был челом

государю о том, что обнаружились два ученика, некогда выехавшие в Москву вместе с ним и другим мастером – «виленским немчином» Бартаром Кинеманом и позднее сбежавшие от них. В челобитной не указано время побега учеников, известно лишь то, что в ноябре 1661 мастера их «проводали». Молодые люди по имени Андрей и Филипп поступили на военную службу и состояли «в полку Бовмана у солдат в прапорщиках». (Усиленный солдатский полк Николая Баумана имел инженерно-артиллерийскую специализацию и в отличие от большей части войск нового строя подчинялся не Иноземному, а Пушкарскому приказу.) Челобитчики просили вернуть им беглых учеников, и в Пушкарский приказ была послана память о присылке Андрея и Филиппа в Оружейную палату [18, л. 1–2].

Исследователю И.В. Герасимовой удалось обнаружить сведения о двенадцати виленских ремесленниках, поступивших в Оружейную палату. Среди них присутствует замочного дела ученик Андрюшка Матвеев [6, с. 239]. Об ученике по имени Филипп информации не выявлено.

Едва ли реакция на эту память могла быть положительной. Князь Юрий Иванович Ромодановский, которому был адресован документ, относился к так называемым «сильным» – влиятельным и могущественным людям Московского государства. В 1662 г. Патрик Гордон в своем дневнике охарактеризовал Ю.И. Ромодановского, как одного из главных наперников и фаворитов царя Алексея Михайловича [7, с. 120]. Крайне сомнительно, что он с пониманием отнесся к требованию отдать в Оружейную палату в ученики офицеров подчиненного ему полка.

В 1672 г. в Оружейную палату из Пушкарского приказа был переведен оружейный мастер иноземец Филипп Тимофеев. На момент перевода Ф. Тимофеев был опытным и квалифицированным мастером [41, с. 92–94]. В одной из своих поздних челобитных царям Иоанну и Петру Алексеевичам, Филипп Тимофеев рассказал о своей прежней службе: «Служил я, холоп Ваш, отцу Вашему великих государей, блаженные памяти великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу в салдацком полку в начальных людях в енералове полку Бумонове многие годы и был на Вашей

великих государей службе пот Конотопом...» [32, л. 1]. Можно предположить, что бежавший некогда от Бартара Кинемана ученик Филька и принятый в Оружейную палату мастер Филипп Тимофеев – одно лицо.

В записях о выдаче жалования из приказа Тайных дел 1663 г. указано: «дано его государево жалования кормовых денег на прошлой август и на нынешней сентябрь по указным статьям, на лицо: салдацкого строю генералу поручику Микулаю Бовману двесте рублей, полковнику гранатному и огнестрельному мастеру Самойлу Бейму сто рублей <...> прапорщикам: гранатному и пущечному ученику Андрею Дену четырнадцать рублей, Андрею Симсону, Павлу Паттерсону <...> Филиппу Тимофееву, Андрею Матвееву – по десяти рублей человеку». В октябре прапорщики полка Николая Баумана Филипп Тимофеев и Андрей Матвеев получили жалование по пять рублей [30, с. 407, 420].

В записных книгах приказа Тайных дел 1 июля 1666 г. зарегистрировано распоряжение о даче хлебного жалования «Гранатного двора мастеровым людям на нынешний на 174-й год в дворцовую меру: по 12 четей ржи овса по тому же человеку: алхимист Миколай Греченин, латной мастер Назар Близловской, капитаны и пущечные мастера: Юст Фан-Керковен, Андреян Фан-Керковен, поручики и снцери (слесари? – С. О.): Филип Тимофеев, Андрей Матвеев...» [10, с. 1211].

Таким образом, переход Филиппа Тимофеева из полковых прапорщиков в мастеровые люди Гранатного двора произошел между 1663 и 1666 годами. В этот период Филипп был повышен в чине, а компанию ему по-прежнему составлял Андрей Матвеев – вероятно, бывший ученик Ганса Маера.

С переходом в Оружейную палату материальное положение Ф. Тимофеева существенно улучшилось. Как свидетельствует приказная выписка, в Пушкарском приказе он получал жалования 32 рубля в год, хлебного жалования по 8 четей ржи и овса [2, л. 3]. В придворной оружейной мастерской Филиппу сразу назначили 40 рублей годового оклада, по 12 четей ржи и овса, а также денежный корм по 3 деньги на день. Спустя два года размер хлебного жалования и кормовых денег был повышен. Кроме этого, мастер полу-

чил значительные денежные субсидии на приобретение собственного двора в Бронной слободе [41, с. 94]. Материальное благополучие позволяет Ф. Тимофееву устроить свою личную жизнь. В 1674 г. мастер женится, а выданные ему «в зачет на свадбенко» пятнадцать рублей, по решению оружничего Б.М. Хитрово, из его оклада вычитать было не велено [3, л. 16–18 об.].

Вероятнее всего, перевод Филиппа в Оружейную палату был возможен лишь при отсутствии противодействия со стороны Бартара Кинемана, занимавшего в то время высшее положение среди иностранных оружейников. Возможно, Б. Кинеман даже содействовал переводу Филиппа в придворную оружейную мастерскую, и в этом случае Ф. Тимофеев оказывался весьма обязан своему бывшему мастеру. Не исключено, что успешное поступление Ф. Тимофеева в Оружейную палату сопровождалось некими условиями. Ряд обстоятельств свидетельствуют о том, что некая форма зависимости Филиппа Тимофеева от Бартара Кинемана присутствовала вплоть до смерти последнего.

Примечательна форма, в которой в одной из своих поздних членобитных Филипп Тимофеев сообщает о передаче ему части «убылого» жалования Б. Кинемана: «велено мне государева жалования давать кормовых денег что давано *m[асте]ра моево* (курсив наш. – С. О.) Барторю Киномона». Приказная выписка по членобитью подтверждает «ствольного и замочного дела мастеру Филипу Тимофееву учинено для ево доброго мастерства из убылого месячного корму ...*мастер[а]* ево (курсив наш. – С. О.) иноземца Бартара Кинемана по 8 рублей на месяц» [16, л. 1–3].

До последнего времени неразрешенным вопросом для исследователей жизни и творчества Ф. Тимофеева оставалось появление у него прозвища «Балтырев» или «Болдырев». Можно предположить, что прозвище представляет собой варианты имени Бартара Кинемана, с которым у Филиппа Тимофеева после его перевода в Оружейную палату в 1672 г. возникли патронно-клиентские отношения, которые признавались обеими сторонами и не были секретом для окружающих. Появлением прозвища Филипп Тимофеев обязан своему патрону – «за кем» он был.

В истории Оружейной палаты этот случай не уникален. Подобным же образом имя одного из ведущих оружейников ведомства – самопального и пушечного дела мастера Ермолова Федорова вытеснило патроним из имениования его брата (вероятно, младшего) замочного мастера Григория Федорова, постепенно в бумагах Оружейного приказа превратившегося сначала в «Гришку Ермolina брата», а позднее и в Григория Ермolina [24, л. 41 об.; 17, л. 14–16; 28, л. 7; 29, л. 3; 36, л. 2].

В членобитной 1692 г. мастер пишется как Филька Тимофеев сын Болдырев. А в окладной книге Оружейной палаты 1696 г. мастер фигурирует как «Филип Балтырь» [11, л. 61; 32, л. 1]. Следует отметить, что прозвище (фамилию) «Балтырев» унаследовали и сыновья Филиппа Тимофеева – оружейные мастера Федор и Афанасий, в начале XVIII в. проживавшие на отцовском дворе в Бронной слободе в приходе церкви Иоанна Богослова [23, с. 76; 41, с. 99].

В ряде публикаций, посвященных иноземному мастеру Оружейной палаты Филиппу Тимофееву, высказывалось предположение об английском происхождении оружейника. Основанием для этого послужило написание имени мастера на стволах парных пищалей ММК Инв. № Ор-93; Ор-1939 (ДЕЛО ФИЛИПА ТИМОФЕЕВА СЫНА УЛЬЯНОВА). Английское же имя Уильям в России XVII в. передавалось как Ульян. «Ульяновыми» в русских документах писались многие известные англичане – дипломат Джон Меррик, торговый агент Фабиан Смит и др. [41, с. 92; 45, р. 142].

В документах делопроизводства Оружейного приказа XVII столетия эта версия подтверждения не находит, как, впрочем, и опровержения. Однако, когда в начале XVIII столетия в Оружейной палате встал вопрос о повышении жалования ствольного и замочного мастера Константина Абакумова, вспомнили, что «был в мастеровых людех *иноземец польской породы* (курсив наш. – С. О.) Филип Балтырь. Делал мастерства своего стволы и замки всякие обронные травы с позолотою и к ним станки. Великого государя жалованье ученино ему было оклад 40 рублей, кормовых и праздничных 70 рублей. Всего 110 рублей. А членобитчик Константин Абакумов станков не делает... А по скаске ствольного и замочного дела

мастера Афанасия Вяткина мастерством он Константин делает стволы и замки против мастерства Оружейной палаты бывшаго мастера Филипа Балтырева» [37, л. 3].

Как убедительно доказала в своей работе М.Н. Ларченко, «польскими» в документах Оружейного приказа называли мастеров – выходцев из городов, отвоеванных у Польско-Литовского государства и в большом количестве принятых в придворную оружейную мастерскую в 1656–1662 гг. независимо от их национальности (за исключением лиц западноевропейского происхождения) [13].

В собрании Музеев Московского Кремля хранится семизарядное ружье сложной конструкции. На казенной части ствola гравировано имя мастера (KASPAR KALTHOF) и год создания оружия (ME FACIT AN 1658) (см. рис. 5). Как удалось установить Е.А. Яблонской, ружье было поднесено в дарах короля Карла II Стюарта царю Алексею Михайловичу английским послом гр. Ч.К. Карлейлем 11 февраля 1664 года [42, с. 81–82].

Оружейник и изобретатель голландского происхождения Каспар Кальхоф с 1628 г. работал при дворе маркиза Вустера. В 1634 г. король Карл I пожаловал его кузницей и казненой квартирой в лондонском Тауэре. Специально для К. Кальхофа был возведен вал для испытательной стрельбы в Воксхолле. Имя Каспера Кальхофа упоминается в хартии Компании оружейных мастеров 1638 года. Во время гражданской войны в Англии в 1645 г. мастерская и «маленький рабочий домик» в Воксхолле были конфискованы парламентом, а мастер вынужден уехать в Голландию. Около 1660 г., после восстановления династии Стюартов, Кальхоф возвращается в Лондон, где продолжает работать над заказами маркиза Вустера и короля Карла II. В 1663 г. оружейник демонстрировал семизарядное ружье Королевскому научному обществу. Каспар Кальхоф скончался в Англии в 1664 году [40, с. 204; 44, р. 125].

В 1660 г. в Архангельск на кораблях прибыла нанятая на русскую службу «комиссариусом и резидентом» Иваном Гебдоном большая группа западноевропейских офицеров

и специалистов. Среди них был и ««оружейного двора стройщик» Каспар Колтов» [14, с. 94]. С высокой долей вероятности мы можем предположить, что это сын оружейного мастера Каспера Кальхофа и его полный теска Каспар Кальхоф II, решивший попытать счастья на русской службе. Очевидно, пребывание в России не оправдало ожиданий мастера и он стал искать способ вернуться на родину. Однако оказалось, что русские власти отказываются отпускать из России оружейника до истечения договорного срока его службы. Не помогло оружейнику и ходатайство за него английского короля Карла II.

В расходных записях приказа Тайных дел 1663 г. в статьях о выдаче жалования служилым людям разных чинов и в том числе офицерам полка Н. Баумана и мастеровым людям Гранатного двора отмечено: «Сентября в 24 день <...> государева жалования мастеровым людям кормовых денег на нынешний сентябрь, и впредь на октябрь месяцы: оружейному стройщику Кашпиру Кантову восемьдесят рублей, часовому мастером Андрею Крику, Рычеру Джариту – по двадцати по четыре рубли человеку...». В декабре: «По указу великого государя, его государева жалования Гранатного двора мастеру Самоилу Бейму, на платеж долгов, сто двадцать три рубли <...> оружейному стройщику Кашпиру Кантову да часовому мастеру Андрею Крику, в приказ, на дворовое строение двести рублей» [30, с. 413, 452].

В 1664 г. Каспар Кальхоф II предпринял попытку нелегально выехать из России, присоединившись к покидавшему русскую столицу английскому посольству гр. Ч.Г. Карлейля. В документах Посольского приказа этот эпизод описан следующим образом: «Июня в 24 день, как аглицкой посол пошел с Москвы и в Посольском приказе ведомо учинилось, что не быв челом великому государю и не взяв проезжей поехал с Москвы с аглицким посольством самоволно агличанин же, который был на государеве Гранатном дворе оружейный устрйщик. А срок по приговору его не дошел. И по того оружейного устрйщика послан посольского приказа подьячий Яков Поздышев. И того оружейного устрйщика, он Яков взял, у посла за Земляным городом за Ямскою слободою и привез к Москве». Самого мастера

подъячий вернул на Гранатный двор, а его имущество на подводе отвезли на некий двор в Немецкой слободе [1, л. 133–134]. Следует отметить, что в источнике не названо имя англичанина и до последнего времени не было окончательной уверенности, что речь идет именно о Каспаре Кальхофе II.

В собрании Музеев Московского Кремля хранится семизарядное ружье, по конструкции аналогичное привезенному в 1664 г. в составе посольских даров ружью мастера Каспара Кальхофа I. Сверху на казенной части ствола гравировано имя мастера (K. KALTHOF FECIT), место и время создания ружья (MOSCOVA 1665). Нет никаких сомнений, что перед нами оружие, выполненное Каспарам Кальхофером II (сыном) в бытность его службы в Москве (см. рис. 6).

Нам известно, что английский король не оставлял попыток добиться от русского царя возвращения К. Кальхофа II. Об одном из таких эпизодов мы узнаем из дневника Патрика Гордона – шотландского офицера на русской службе, одно время игравшего роль дипломатического курьера между русским и английским дворами. Согласно записям шотландца, в 1667 г. Карл II обратился к нему со словами: «Полковник Гордон, там, в России, у меня есть слуга по имени Гаспар Кальхоф, о коем я не раз писал вашему императору. Я удивлен, что его не отпускают по нашей просьбе. Прошу поговорить с императором дабы он отпустил его». Если П. Гордон и передал царю Алексею Михайловичу просьбу Карла II, то она опять была оставлена без удовлетворения. В 1670 г. английский король вновь писал русскому царю о К. Кальхофе II [7, с. 192].

Летом 1674 г. мастер Оружейной палаты Филипп Тимофеев был челом: «По твоему великого государя указу делаю я, холоп твой, в Оружейную палату всякие твои государевы дела. И у меня, холопа твоего, наковальни да меха немецких нет. Милосердый государь [м.т.] Алексей Михайлович пожалуй меня, холопа своего, вели государь мне из своей государевы казны из Пушкарского приказу наковальню и мех выдать для своих государских дел» [35, л. 1].

Просьбу мастера удовлетворили и 20 июля в Пушкарский приказ была отправлена память с указанием «взять ис Пушкар-

ского приказу в Оружейную палату для своих государских оружейных дел наковальню, да мех, что прежде сего бывали на Гранатном дворе у оружейного мастера иноземца Кашпера Кальтова». На документе присутствует отметка, что оборудование с Гранатного двора забрал Филипп Тимофеев [21, л. 1].

Таким образом, мы узнаем, что местом службы Каспара Кальхофа II в России был находившийся в ведении Пушкарского приказа Гранатный двор. Нет никаких сведений о том, что мастеру удалось вернуться в Англию. Вероятнее всего, Каспар Кальхоф II окончил свои дни в России между 1670 и 1674 годами.

В биографии Филиппа Тимофеева есть одно загадочное обстоятельство. Из Пушкарского приказа в Оружейную палату он поступил будучи специалистом очень высокой квалификации, владевшим чрезвычайно широкой номенклатурой профессиональных навыков. Назначение высокого денежного оклада Ф. Тимофеева было аргументировано тем, «что он не одному ремеслу умеет делать: стволы пищальные и станки, и замки (курсив наш. – С. О.)» [39, л. 1–2]. Другой документ содержит более развернутую профессиональную характеристику мастера: «А делает он Филип в Оружейной палате стволы пищальные винтовальные и гладкие и пистольные, и по тем стволам насекает травы, и золотит, и серебрит, и золотом наводит. А он же Филип делает к тем же стволам замки шкоцкие травчетые и французские и наводит золотом и золотит. Да он же Филип к тем же стволам делает станки яблоневые с костьми и с раковинами с порескою, и станки же костяные, и режет по них личины, и травы, и птицы, и звери, и иные всякие притчи» [33, л. 2–3].

Трудно поверить, что «ученик Филька» уже обладал таким уровнем мастерства на момент своего побега от мастера Бартара Кинемана. Еще труднее поверить, что он сохранил свой профессиональный уровень несмотря на перерыв в ремесленной деятельности – время его военной службы. Обращает на себя внимание, что по некоторым из «мастерских умений» Филипп Тимофеев явно превосходит своего бывшего мастера Б. Кинемана. Если мы посмотрим на станки огнестрельного оружия, наверняка или с большой

долей вероятности изготовленные самим Бартаром Кинеманом, то увидим, что они очень просты и практически лишены какой-либо декоративности [43, с. 91, 93].

Станки парадных пищалей работы Ф. Тимофеева чрезвычайно нарядны. Деревянные части оружия инкрустированы фигурными гравированными костяными пластинами с изображениями русского герба, архангелов, людей, животных, птиц, фантастических зверей. Весьма впечатляют и изображения, выполненные золотом на металлических частях оружия в технике насечки (см. рис. 7, 8, 9). Очевидно, что у Филиппа Тимофеева в бытность его службы в Пушкарском приказе появилась возможность расширить и усовершенствовать свои профессиональные навыки.

Особого внимания в вышеупомянутой характеристике квалификации мастера заслуживает информация о способности Ф. Тимофеева не только инкрустировать деревянные части оружия раковиной и костью, но и изготавливать «станки же костяные». Данное обстоятельство позволяет выдвинуть предположение об авторстве Филиппа Тимофеева не только стволов и замков пары пистолетов, но и станков, практически целиком выполненных из слоновой кости (см. рис. 10).

С высокой долей вероятности местом, где Филипп Тимофеев мог вырасти профессионально, был находившийся в ведении Пушкарского приказа Гранатный двор. Учреждение представляло собой многопрофильную мастерскую, значительную часть кадров которой составляли отставленные от строевой службы иностранные офицеры, владевшие какой-либо актуальной для русской администрации ремесленной специальностью. Причем среди них, помимо оружейников и «гранатчиков», были и представители сугубо мирных специальностей: живописцы, ювелиры, книжный переплетчик, мастер кружевного дела и др. [41, с. 92].

Среди мастеровых людей Гранатного двора конца 1660-х – начала 1670-х гг. были резчики по кости поручик Ганс Юрья и прaporщик Троян Баусен, золотого и серебряного дела мастера Август Голда, Яков Буда, Юрий Илис и Роман Фрузе, «золотильщик» Вильям Гамс. Разумеется, работали на Гранатном дворе и оружейники [4, л. 1–4; 8, л. 1–86; 9, л. 1–5]. Как указывалось выше, местом службы Каспара Кальтхофа II также был Гранатный двор Пушкарского приказа. Таким образом, у Филиппа Тимофеева была возможность повысить уровень своей квалификации практически по всем направлениям. Стремление Филиппа Тимофеева, перешедшего на службу в Оружейную палату, получить оборудование, оставшееся на Гранатном дворе после английского мастера, – является косвенным свидетельством совместной работы двух оружейников.

Результат. Изучение и комплексный анализ источников бывшего архива Оружейной палаты в сопоставлении с документами других ведомств, а также вещественными памятниками из собрания Музеев Московского Кремля, могут раскрыть удивительные подробности жизни и творческого пути мастеров XVII столетия. Мы видим, как причудливо переплелись в России судьбы трех иноземных оружейников – Бартара Кинемана, Филиппа Тимофеева и Каспара Кальтхофа II.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00268).

The reported study was funded by RFBR (project no. 17-01-00268).

² Ранее считалось, что Ганс Маэр был выходцем из Швеции – «Свейской земли» [43, с. 93, 94]. Позднее, в более разборчиво написанном документе, удалось прочитать, что Г. Меер писал себя «иноземцем Бронсвейских земли», то есть из Брауншвейга.

Рис. 1. Револьверное девятизарядное ружье с ударно-кремневым замком. Мастер Бартар Кинеман.
Москва, Оружейная палата, 1664 г. ММК. И nv. № OP-277

Fig. 1. Nine-shot revolver with a shock-flint lock. Master Bartelt Kinneman. Moscow, Armoury Chamber,
1664. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-277

Рис. 2. Замок и барабан девятизарядного ружья. ММК. И nv. № OP-277
Fig. 2. Lock and cylinder of a nine-shot revolver gun. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-277

Рис. 3. Двустрельная «перевертная» пищаль с ударно-кремневым замком. Мастер Бартар Кинеман, Евтифей Кузовлев (станок). Москва, Оружейная палата, 1664 г. ММК. И nv. № OP-105

Fig. 3. Double-barreled “revolving” rifle with a shock-flint lock. Master Bartelt Kinneman, Evtifey Kuzovlev (mount). Moscow, Armoury Chamber, 1664. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-105

Рис. 4. Замок двустрельной «перевертной» пищали с ударно-кремневым замком. ММК. И nv. № OP-105

Fig. 4. Lock of a double-barreled “revolving” rifle with a shock-flint lock.
Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-105

Рис. 5. Магазинное семизарядное ружье с ударно-кремневым замком. Мастер Каспар Кальтхоф I. Англия, 1658 г. ММК. И nv. № OP-104

Fig. 5. Seven-shot magazine gun with a shock-flint lock. Master Kasper Kalthof I. England, 1658.
Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-104

Рис. 6. Магазинное семизарядное ружье с ударно-кремневым замком. Мастер Каспар Кальтхоф II. Москва, 1665 г. ММК. И nv. № OP-1947

Fig. 6. Seven-shot magazine gun with a shock-flint lock. Master Kaspar Kalthof II. Moscow, 1665. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-1947

Рис. 7. Пищаль с ударно-кремневым замком. Мастер Филипп Тимофеев. Москва, Оружейная палата, 2-я половина XVII века. ММК. И nv. № OP-93

Fig. 7. Rifle with a shock-flint lock. Master Philip Timofeev. Moscow, Armoury Chamber, 2nd half of the 17th century. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-93

Рис. 8. Станок пищали с ударно-кремневым замком. ММК. И nv. № OP-93

Fig. 8. Mount of a rifle with a shock-flint lock. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-93

Рис. 9. Замок пищали с ударно-кремневым замком. ММК. И nv. № OP-93

Fig. 9. Lock of a rifle with a shock-flint lock. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. OP-93

Рис. 10. Пара пистолетов с ударно-кремневыми замками. Мастер Филипп Тимофеев.
Москва, Оружейная палата, 2-я половина XVII века. ММК. И nv. № Op-113, Op-114

Fig. 10. Pair of pistols with shock-flint locks. Master Philip Timofeev. Moscow, Armoury Chamber,
2nd half of the 17th century. Moscow Kremlin Museum. Inv. no. Op-113, Op-114

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бытность в России аглинского посла Говорта Карлиля // РГАДА. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 201. – 694 л.
2. Выписка по челобитью Филиппа Тимофеева... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 13736. – 3 л.
3. Выписки и челобитные о выдаче Оружейной палаты разных дел мастерам и ученикам... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 15223. – 31 л.
4. Выпись о назначении жалования живописцу Индрику Валтреху и костяного дела резцам Афанасию Федорову и Трояну Баусену // РГАДА. – Ф. 1470. – Оп. 1. – Д. 264. – 4 л.
5. Герасимова, И. В. «Культурная эмиграция» из Вильны в Москву во второй половине XVII века: опыт социокультурного исследования / И. В. Герасимова // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – Вып. 97. – С. 59–63.
6. Герасимова, И. В. Под властью русского царя. Социокультурная среда Вильны в середине XVII в. / И. В. Герасимова. – СПб. : Изд-во Европейского университета, 2015. – 341 с.
7. Гордон, П. Дневник 1659–1667 / П. Гордон. – М. : Наука, 2002. – 330 с.
8. Дела о выдаче жалования иноземцам гранатным дел мастерам, костяного дела резцам... // РГАДА. – Ф. 1470. – Оп. 1. – Д. 263. – 88 л.
9. Дело о выдаче жалования иноземцам гранатного дела Якову Корету и золотых и серебряных дел мастеру Юрию Илису, золотых дел мастеру Роману Фрузе... // РГАДА. – Ф. 1470. – Оп. 1. – Д. 269. – 5 л.
10. Записка о всяких делах 174-го // Русская историческая библиотека. Т. XXI. – СПб., 1907. – С. 1105–1220.
11. Книга окладная жалованья 7204 (1696) г. // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 967. – 151 л.
12. Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 гг. // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 958. – 491 л.
13. Ларченко, М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века / М. Н. Ларченко // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. – 1984. – Вып. 4. – С. 185–192.
14. Малов, А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. / А. В. Малов. – М. : Древлехранилище, 2006. – 624 с.
15. О даче Оружейной палаты разных дел мастеровым людям... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8893. – 463 л.
16. О выдаче мастеру Филиппу Тимофееву кормовых денег... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 21523. – 3 л.
17. О даче Оружейной палаты разных дел мастерам государева жалования... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8817. – 16 л.
18. О побеге от иноземного пистольного мастера Ханского Смегира ученика и его розыске // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7809. – 2 л.
19. О пожаловании тафтою ствольного дела мастера иноземца Кинемана // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 6668. – 4 л.
20. Памяти и челобитные о выдаче мастерам Оружейной палаты жалования... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9364. – 24 л.
21. Память о взятии в Пушкарском приказе для оружейного дела наковальни и меха // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 14977. – 1 л.
22. Переписная книга Новой немецкой слободы 1665 г. // Переписные книги Москвы 1665–76 гг. – М. : Городская типография, 1886. – С. 231–238.
23. Перепись московских дворов 1716 года // Переписи московских дворов XVIII столетия. – М. : Городская типография, 1896. – С. 1–175.
24. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты на жалование мастерам и на разные покупки (7168) 1659–1660 г. // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 949. – 269 л.
25. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты 7188(1679–1680) гг. // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 960. – 758 л.
26. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа... 7165(1656–57) гг. // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 947. – 173 л.
27. Роспись Оружейной палаты разным мастеровым делам, которые сделаны после подносу и кто имяны из мастеровых людей по наряду какая дела делал и что им денежного и хлебного жалования... // РГАДА. – Ф. 396 – Оп. 1. – Д. 11823. – 45 л.
28. Роспись раздаточного жалования Оружейной палаты... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8252. – 38 л.
29. Роспись русским мастерам Оружейной палаты... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10761. – 7 л.
30. Росход великого государя денежной казне в приказе его государевых Тайных дел... // Русская историческая библиотека. – СПб., 1904. – Т. XXIII. – С. 403–526.
31. Челобитная Оружейной палаты мастеров Бартара Кинемана и Филипа Тарасова о даче им кормовых денег // РГАДА. – Ф. 396 – Оп. 1. – Д. 9868. – 3 л.
32. Челобитная Оружейной палаты отставного ствольного замочного и станочного и разных оружейных дел мастера Филиппа Тимофеева сына

Болдырева... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 29263. – 1 л.

33. Челобитная Оружейной палаты ствольного, замочного и станочного мастера Филиппа Тимофеева... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 20701. – 3 л.

34. Челобитная Оружейной палаты ствольного и замочного дела мастера иноземца Балтыря Кинемана жены Елены об учинении ей за многою мужа ее работу государева жалования против вдовы дозорщика Вилимовской жены // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 22288. – 7 л.

35. Челобитная Оружейной палаты ствольного и замочного мастера Филиппа Тимофеева о даче ему из Пушкарского приказа наковальни и меха для дел великого государя // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 14976. – 1 л.

36. Челобитная Старокузнецкой слободы замочных мастеров... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 5793. – 22 л.

37. Челобитная ствольного и замочного мастера Оружейной палаты Константина Абакумова о прибавке ему жалования // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8469. – 4 л.

38. Челобитные Оружейной палаты разных дел чинов мастеровых людей... // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9284. – 47 л.

39. Челобитные и выписки о выдаче государева жалования // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 13872. – 76 л.

40. Яблонская, Е. А. Английское огнестрельное оружие XVII века в Московском Кремле / Е. А. Яблонская // Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. – М. : ОАО «Типография «Новости», 2003. – С. 191–216.

41. Яблонская, Е. А. Первостатейный мастер – иноземец Оружейной палаты Филипп Ульянов Тимофеев / Е. А. Яблонская // Материалы и исследования. Музей Московского Кремля. – М., 2014. – Вып. 25. – С. 92–112.

42. Яблонская, Е. А. Огнестрельное оружие Англии XVII – начала XIX века. Каталог собрания / Е. А. Яблонская. – М. : Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2006. – 167 с.

43. Яблонская, Е. А. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века / Е. А. Яблонская, С. П. Орленко // Материалы и исследования. Музей Московского Кремля. – М., 2018. – Вып. 28. – С. 66–102.

44. Blackmore, H. L. Dictionary of London Gunmakers 1350–1850 / H. L. Blackmore. – Oxford : Phaidon-Christie's, 1986. – 224 p.

45. Yablonskaya, E. Seventeenth Century English Firearms in the Kremlin / E. Yablonskaya // Britannia and Moscovy. English Silver at the Court of the Tsars. – New Haven : Yale University Press, 2006. – P. 134–143.

REFERENCES

1. Bytnost v Rossii aglinskogo posla Govorta Karlilya [English Ambassador Govort Karlil's Life in Russia]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 35, Op. 1, D. 201. 6941.
2. Vypiska po chelobityu Filippa Timofeeva... [Extract on the Petition of Philipp Timofeev...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 13736. 31.
3. Vypiski i chelobitne o vydache Oruzheynoy palaty raznykh del masteram i uchenikam... [Extracts and Petitions on Giving Assignments to Different Craftsmen and Students of the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 15223. 311.
4. Vypis o naznachenii zhallowaniya zhivopistsu Indriku Valtrekhu i kostyanogo dela reztsam Afanasiyu Fedorovu i Troyanu Bausenu [Extract on Appointing Salaries to Painter Indrik Valtrekh and Bone Carver Afanasiy Fedorov and Troyan Bausen]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 1470, Op. 1, D. 264. 41.
5. Gerasimova I.V. «Kulturnaya emigratsiya» iz Vilny v Moskvu vo vtoroy polovine XVII veka: opyt sotsiokulturnogo issledovaniya [“Cultural Immigration” from Vilno to Moscow in the Second Part of the 17th Century. Social and Cultural Research Experience]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2009, iss. 97, pp. 59–63.
6. Gerasimova I.V. *Pod vlastyu russkogo tsarya. Sotsiokulturnaya sreda Vilny v seredine XVII v.* [Under the Rule of the Russian Tsar. Socio-Cultural Environment in Vilna in the Mid 17th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta, 2015. 341 p.
7. Gordon P. *Dnevnik 1659–1667* [Diary of 1659–1667]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 330 p.
8. Delo o vydache zhallowaniya inozemtsam granatnym del masteram, kostyanogo dela reztsam... [Documents on Paying Salary to Foreign Masters of Grenade Crafts and Bone Carvers...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 1470, Op. 1, D. 263. 881.
9. Delo o vydache zhallowaniya inozemtsam granatnogo dela Yakovu Koretu i zolotykh i serebryanykh del masteru Yuryu Ilisu, zolotykh del masteru Romanu Fruze... [Documents on Paying Salary to Master of Grenade Crafts Jacob Coreui, Master of Gold and Silver Crafts Yury Ilis, Master of Gold Crafts Roman Fruze...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 1470, Op. 1, D. 269. 51.
10. Zapiska o vsyakikh delekh 174-go [Report on Various Affairs of 174]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Saint Petersburg, 1907, vol. XXI, pp. 1105–1220.

11. Kniga okladnaya zhalovania 7204 (1696) g. [Salary Book of 7204 (1696)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 967. 1511.
12. Kniga prikhodo-raskhodnaya denezhnoy kazny Oruzheynoy palaty 1677–1678 gg. [Parish-Expenditure Book of the Armoury Chamber of 1677–1678]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 958. 491 l.
13. Larchenko M.N. K voprosu o rabote tak nazyvaemykh «polskikh» masterov v Oruzheynoy palate vo vtoroy polovine XVII veka [To the Issue of the Work of the So-Called “Polish” Masters in the Armoury Chamber in the Second Half of the 17th Century]. *Materialy i issledovaniya. Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja*, 1984, iss. 4, pp. 185–192.
14. Malov A.V. *Moskovskie vyborne polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoey istorii 1656–1671 gg.* [Moscow Selected Soldiers’ Regiments in the Early Period of Its History]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006. 624 p.
15. O dache Oruzheynoy palaty raznykh del masterovym lyudyam... [About Giving Assignments to Various Masters of the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 8893. 4631.
16. O vydache masteru Filipu Timofeevu kormovykh deneg... [About Paying Maintenance Money to Master Philip Timofeev...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 21523. 3 l.
17. O dache Oruzheynoy palaty raznykh del masteram gosudareva zhalovaniya... [About Paying Salary to Different Masters of the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 8817. 161.
18. O pobede ot inozemnogo pistolnogo mastera Khanskogo Smegira uchenika i ego rozyiske [About the Student Escape from Foreign Pistol Master Khanskiy Smegir and His Search]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 7809. 21.
19. O pozhalovanii taftoyu stvolnogo dela mastera inozemtsa Kinemana [About Awarding with Taffety of Foreign Gunsmith Kinneman]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 6668. 41.
20. Pamjati i chelobitnye o vydache masteram Oruzheynoy palaty zhalovaniya... [Orders and Petitions on Paying Salary to the Masters by the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 9364. 24 l.
21. Pamyat o vzyatiyu v Pushkarskom prikaze dlya oruzheynogo dela nakovalni i mekha [Order on Taking the Anvil and Fur in the Artillery Prikaz for Armoury Affairs]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 14977. 11.
22. Perepisnaya kniga Novoy nemetskoy slobody 1665 g. [Census Book of the New German Quarter of 1665]. *Perepisnye knigi Moskvy 1665–76 gg.* [Census Books of Moscow of 1665–76]. Moscow, Gorodskaya tipografiya, 1886, pp. 231–238.
23. Perepis moskovskikh dvorov 1716 goda [Census of Moscow Households of 1716]. *Perepisi moskovskikh dvorov XVIII stoletiya* [Census of Moscow Households of the 18th Century]. Moscow, Gorodskaya tipografiya, 1896, pp. 1–175.
24. Prikhodnaya i raskhodnaya knigi denezhnoy kazne Oruzheynoy palaty na zhalovanie masteram i na raznye pokupki (7168) 1659–1660 g. [Receipts and Expenses Book of the Treasury of the Armoury Chamber for the Salary of Masters and Different Purchase (7168) 1659–1660]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 949. 2691.
25. Prikhodnaya i raskhodnaya knigi denezhnoy kazne Oruzheynoy palaty 7188 (1679–1680) gg. [Receipts and Expenses Book of the Treasury of the Armoury Chamber 7188 (1679–1680)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 960. 758 l.
26. Raskhodnaya kniga denezhnoy kazne Oruzheynogo prikaza... 7165 (1656–57) gg. [Expenses Book of the Treasury of the Armoury Prikaz... 7165 (1656–57)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 947. 173 l.
27. Rospis Oruzheynoy palaty raznym masterovym delam, kotorye sdelany posle podnosu i kto imyany iz masterovskykh lyudey po naryadu kakiya dela delal i chto im denezhnogo i khlebnogo zhalovaniya... [List of Different Products of Masters of the Armoury Chamber Prepared for the Easter Presentation Indicating Personal Authorship...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 11823. 451.
28. Rospis razdatochnogo zhalovaniya Oruzheynoy palaty... [Payroll of Salary of the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 8252. 381.
29. Rospis russkim masteram Oruzheynoy palaty... [List of Russian Masters of the Armoury Chamber...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 10761. 71.
30. Roskhod velikogo gosudarya denezhnoy kazne v prikaze ego gosudarevykh Taynykh del... [Record of Great Sovereign’s Expenditure of the Treasury in the Secret Affairs Prikaz...]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Saint Petersburg, 1904, vol. XXIII, pp. 403–526.
31. Chelobitnaya Oruzheynoy palaty masterov Bartara Kinemana i Filipa Tarasova o dache im kormovykh deneg [Petition of Masters of the Armoury Chamber Bartelt Kinneman and Philip Tarsov on Payng Them Maintenance Money]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 9868. 31.
32. Chelobitnaya Oruzheynoy palaty otstavnogo stvolnogo zamochnogo i stanochnogo i raznykh oruzheynykh del mastera Filipa Timofeeva syna Boldyreva... [Petition of the Retired Master of Barrels, Locks

and Mounts and Different Armoury Crafts of the Armoury Chamber Philip Timofeev, Son of Boldyr]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 29263. 11.

33. Chelobitnaya Oruzheynoy palaty stvolnogo, zamochnogo i stanochnogo mastera Filippa Timofeeva... [Petition of Barrels, Locks and Mounts Crafts Master of the Armoury Chamber Philip Timofeev...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 20701. 31.

34. Chelobitnaya Oruzheynoy palaty stvolnogo i zamochnogo dela mastera inozemtsa Baltyrya Kinemana zheny vdovy Eleny ob uchinennii ey za mnoguyu muzha ee rabotu gosudareva zhalovaniya protiv vdovy dozorshchika Vilimovskoy zheny [Petition of Widow Elena of the Foreign Barrels and Locks Master of the Armoury Chamber Bartelt Kinneman on Paying Her Sovereign's Salary for Many Years of Her Husband's Work Against Watchman Widow Vilimovskaya Wife]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 22288. 71.

35. Chelobitnaya Oruzheynoy palaty stvolnogo i zamochnogo mastera Filippa Timofeeva o dache emu iz Pushkarskogo prikaza nakovalni i mekha dlya del velikogo gosudarya [Petition of Barrels and Locks Master of the Armoury Chamber Philip Timofeev on Giving Him the Anvil and Fur from the Artillery Prikaz for the Affairs of the Great Sovereign]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 14976. 11.

36. Chelobitnaya Starokuznetskoy slobody zamochnykh masterov... [Petition of Locks Masters of Starokuznetskaya Sloboda...]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 5793. 221.

37. Chelobitnaya stvolnogo i zamochnogo mastera Oruzheynoy palaty Konstantina Abakumova o pribavke emu zhalovaniya [Petition of Barrels and Locks Master of the Armoury Chamber Konstantin Abakumov on Increasing His Salary]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 8469. 41.

38. Chelobitnye Oruzheynoy palaty raznykh del chinov masterovskykh lyudey... [Petitions of Armoury

Chamber Masters of Different Crafts and Ranks]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 9284. 471.

39. Chelobitnyya i vypiski o vydache gosudareva zhalovaniya [Petition and Extracts for Paying Sovereign's Salaries]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 1, D. 13872. 761.

40. Yablonskaya E.A. Angliyskoe ognestrelnoe oruzhie XVII veka v Moskovskom Kremlle [English Firearms of the 17th Century in the Moscow Kremlin]. *Rossiya – Britaniya. K 450-letiyu ustavleniya diplomaticeskikh otnosheniy* [Russia–Britain. To the 450th Anniversary of Diplomatic Relations]. Moscow, OAO «Tipografiya «Novosti», 2003, pp. 191–216.

41. Yablonskaya E.A. Pervostateyny master – inozemets Oruzheynoy palaty Filipp Ulyanov Timofeev [High-Class Foreign Master of the Armoury Chamber Philip Ulyanov Timofeev]. *Materialy i issledovaniya. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Moscow Kremlin Museums]. Moscow, 2014, iss. 25, pp. 92–112.

42. Yablonskaya E.A. *Ognestrelnoe oruzhie Anglii XVII – nachala XIX veka. Katalog sobraniya* [English Firearms of the 17th – Early 19th Centuries. Catalogue of the Collection]. Moscow, Gosudarstvenny istoriko-kulturnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml», 2006. 167 p.

43. Yablonskaya E.A., Orlenko S.P. Zapadnoevropeyskie oruzheyniki v Oruzheynoy palate XVII veka [Western European Gunsmiths in the Armoury Chamber of the 17th Century]. *Materialy i issledovaniya. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Moscow Kremlin Museums]. Moscow, 2018, iss. 28, pp. 66–102.

44. Blackmore H.L. *Dictionary of London Gunmakers 1350–1850*. Oxford, Phaidon – Christie's, 1986. 224 p.

45. Yablonskaya E. Seventeenth Century English Firearms in the Kremlin. *Britannia and Moscow. English Silver at the Court of the Tsars*. New Haven, Yale University Press, 2006, pp. 134–143.

Information About the Author

Sergey P. Orlenko, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Arms and Armor, Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site Kremlin, 103132 Moscow, Russian Federation, orlenko@kremlin.museum.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1219-8400>

Информация об авторе

Сергей Павлович Орленко, кандидат исторических наук, заведующий сектором оружия и конского убранства, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 103132 г. Москва, Российская Федерация, orlenko@kremlin.museum.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1219-8400>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.2>UDC 94(47)053
LBC 63.3(2)511-68Submitted: 01.07.2019
Accepted: 27.11.2019

INCREASE IN ARTILLERY OF THE POLTAVA FORTRESS IN WINTER 1708 – SPRING 1709

Sergey A. Ivanyuk

State Historical-Memorial Museum-Reserve “The Battle of Stalingrad”, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The battle of Poltava on June 27, 1709 is one of the most famous battles of the Great Northern War. Despite the rich historiography, a number of issues related to this event remain insufficiently studied. This study is devoted to the analysis of certain aspects associated with the formation of the artillery park of the fortified city of Poltava in winter 1708 – spring 1709, the day before and during the siege of the Swedish army.

Methods and materials. The preparation of the Poltava fortress on the eve and during the period of its siege by the troops of Charles XII has not been specifically studied in historiography to date. The study is based on both published documents and those stored in the archives of Russia and Ukraine, which allow us to understand the principles of command of the Russian commanders, in terms of supplying the Poltava fortress with guns and ammunition. Methods of the study: the principles of historicism and objectivity, analysis, synthesis, systematic approach. *Analysis.* In the course of the study, it was possible to determine the main actions of the command of the Russian army and personally of Peter I to increase the defense capability of fortresses in the Cossack Hetmanate and the fortress city of Poltava, in particular. The analysis of the documents indicates that the Poltava garrison successfully collected additional resources for the artillery park of the fortress as soon as possible, which helped to strengthen and retain the Poltava fortress during its immediate siege (May – June 1709). *Results.* As a result of the study, a set of valuable documents is introduced into scientific circulation, filling in the gaps associated with the history of the defense of the Poltava fortress in 1709 and establishing the main source of supply of artillery guns and ammunition for the Poltava garrison during its preparation for defense.

Key words: artillery, Peter the Great, Battle of Poltava, Great Northern War, Karl XII, Poltava.

Citation. Ivanyuk S.A. Increase in Artillery of the Poltava Fortress in Winter 1708 – Spring 1709. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 22-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.2>

УДК 94(47)053
ББК 63.3(2)511-68Дата поступления статьи: 01.07.2019
Дата принятия статьи: 27.11.2019

УСИЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПАРКА ПОЛТАВСКОЙ КРЕПОСТИ ЗИМОЙ 1708 – ВЕСНОЙ 1709 ГОДА

Сергей Александрович ИванюкГосударственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»,
г. Волгоград, Российской Федерации

Аннотация. *Введение.* Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г. – одно из самых известных сражений Великой Северной войны. Несмотря на богатую историографию ряда вопросов, связанных с этим событием, остаются недостаточно изученными. Данное исследование посвящено анализу отдельных аспектов, связанных с формированием артиллерийского парка города-крепости Полтава зимой 1708 – весной 1709 г., накануне и в период ее осады шведской армией. *Методы, материалы.* Вопросы подготовки Полтавской крепости накануне и в период ее осады войсками Карла XII до настоящего времени специально не изучались в историографии. В основе исследования лежат как опубликованные документы, так и хранящиеся в архивах России и Украины, которые позволяют нам понять принципы управления русского командования в части снабжения Полтавской крепости пушками и боеприпасами. Методы проведенного исследования: принципы

историзма и объективности, анализ, синтез, системный подход. *Анализ*. В ходе исследования удалось определить основные действия командования русской армии и лично Петра I по повышению обороноспособности крепостей в Гетманщине и города-крепости Полтава, в частности. Анализ документов указывает на успешный сбор полтавским гарнизоном дополнительных ресурсов для артиллерийского парка крепости в максимально короткие сроки, что помогло укрепить и удержать Полтавскую крепость в период ее непосредственной осады (май – июнь 1709 г.). *Результаты*. В результате проведенного исследования в научный оборот был введен комплекс ценных документов, восстанавливающих пробелы, связанные с историей обороны Полтавской крепости в 1709 г., и установлен основной источник поставки артиллерийских орудий и боеприпасов для гарнизона Полтавы в период ее подготовки к обороне.

Ключевые слова: артиллерия, Петр Великий, Полтавская битва, Великая Северная война, Карл XII, Полтава.

Цитирование. Иванюк С. А. Усиление артиллерийского парка Полтавской крепости зимой 1708 – весной 1709 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 22–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.2>

Введение. Одним из ключевых событий, предшествовавших Полтавской баталии – главной битве Великой Северной войны (1700–1721 гг.), стала атака шведской армией Карла XII крепостных сооружений небольшого украинского городка Полтава в мае – июне 1709 года. Но несмотря на общее признание мировой историографией факта осады Полтавской крепости, данный эпизод по-прежнему вызывает споры и наполнен белыми пятнами в хронологии событий [1, с. 469–487; 15, с. 256–260; 33, с. 60–61; 34, с. 435–466; 37, с. 52–53; 39, с. 345; и др.].

В своих работах автор неоднократно обращался к темам, связанным с событиями весны – лета 1709 г., происходившими на административной территории Полтавского полка [9; 10; 11; и др.]. В данной статье особое внимание уделено составу артиллерийского парка гарнизона Полтавской крепости накануне и в дни атаки ее шведскими войсками. К этой теме исследователи обращались только вскользь, без особой глубокой проработки [12, с. 91; 17, с. 98; и др.].

Методы, материалы. Данное исследование ориентировано на сопоставление отдельных факторов и эпизодов формирования артиллерийского парка Полтавской крепости, поиску ответов на вопрос: как русская армия подготовилась к обороне города накануне решающего сражения Великой Северной войны? Основные наблюдения в данной работе базируются на документах Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также фонда 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова» из Рус-

ской секции Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. При сопоставлении с уже опубликованными письмами Петра I и его военачальников становится возможным реконструировать главные принципы и механизмы снабжения полтавского гарнизона артиллерийскими орудиями и боеприпасами. Также необходимо выделить ценные документальные материалы, обнаруженные в фонде 51 «Генеральная войсковая канцелярия» Центрального государственного исторического архива (г. Киев, Украина). При сопоставлении их с опубликованными источниками по истории малороссийского казачества была восстановлена хронология движения артиллерии на территории Полтавского полка в указанный период.

Анализ. Научно доказано, что с давних времен обороноспособность крепости напрямую зависела от количества имевшейся в ее распоряжении артиллерии и мощности пушечных стволов. Размещавшиеся на крепостных валах и бастионах орудия давали возможность оборонявшимся артиллерийским огнем оказывать давление на войска осаждавшего крепость противника [2, с. 168; 16, с. 132; 18, с. 1]. Не была исключением и Полтавская крепость, которой в истории Великой Северной войны суждено было стать одним из главных и знаковых мест на карте боевых действий этого военного конфликта.

Усиление гарнизона Полтавы войсками русской армии началось сразу же, как только в распоряжение Петра I и его военачальников стали поступать сведения от разведывательных отрядов о том, что враг собирается про-

двигаться в направлении этого населенного пункта, который на тот момент представлял собой важный тактический и стратегический пункт театра военных действий. В частности, 12 ноября 1708 г. генерал-лейтенант К.Э. Ренне сообщил князю А.Д. Меншикову, что ему стало известно о намерении шведов идти к Полтаве. В связи с этим он предлагал направить к этому городу войска [26, л. 1]. Получив тревожные сведения 27 ноября 1708 г., царь принял решение направить на усиление полтавского гарнизона бригадира А.Г. Волконского с одним из элитных подразделений русской армии – Ингерманландским пехотным полком [20, с. 325–326; 35, с. 30].

Прибыв в город 3 декабря 1708 г., бригадир А.Г. Волконский сразу же оценил обороноспособность Полтавской крепости и пересчитал количество находившихся в ней артиллерийских орудий¹, о чем сообщил в письме к А.Д. Меншикову: «Около города всего сам осмотрел. В нем медных (пушек. – С. И.) 6-ть, чугунных 2» [36, с. 43]. То есть в сложной боевой обстановке, когда противник в любой момент мог приблизиться и атаковать Полтаву, город был практически беззащитен в артиллерийском отношении. Мало того, что число полтавских пушек было мизерным, они еще и изготовлены были в прошлом, XVII в., имели нестандартные калибры, требовавшие специальных боеприпасов².

Понимая сложность сложившейся ситуации с артиллерией в Полтаве, русское командование предприняло ряд мер для решения этой проблемы путем усиления огневой мощи гарнизона. Так, например, проблема с отсутствием боеприпасов для полковых полтавских пушек решалась путем увеличения запасов картечии на складах, которую можно было использовать в орудиях любого калибра. Не случайно именно этой проблемой Б.П. Шереметев делился с «главным артиллеристом» русской армии генерал-лейтенантом Я.В. Брюсом, который в отсутствие (нахождение в пленау) генерал-фельдцейхмейстера царевича Александра Имеретинского ведал Приказом артиллерии [31, с. 76]. В частности, 13 января 1709 г. фельдмаршал писал, что основная масса артиллерийских орудий в малороссийских городках (в том числе и в Полтаве) «нерегулярные и ко оным ядер па калибру в артиле-

рии и в здешних гарнизонах прибрать невозможно и к таким учинить картечей з довольством, дабы к отпору неприятельскому в том скудости не имели» [23, с. 569].

В конце декабря 1708 г. сведения о том, что противник планирует свое движение в направлении Полтавы, подтвердились. Об этом удалось узнать разведчикам из летучего отряда царского адъютанта А.И. Ушакова, который действовал на линии соприкосновения с противником и захватил вражеских шпионов [22, с. 1024; 36, с. 61]. Примерно в это же время царь дал указание об направлении через укрепленную русскими войсками Ахтырку в Полтаву усиленного отряда русских войск (Тверской и Устюжский пехотные полки, а также солдатский полк Г. Репьева) под командованием полковника А.С. Келена, которые должны были составить гарнизон Полтавской крепости и заменить в этой роли Ингерманландский пехотный полк [10, с. 14].

Немаловажным фактором к укреплению гарнизонов малороссийских крепостей стала потеря русской армией в первых числах января 1709 г., в ходе штурмов, Веприкской крепости. Она находилась на линии соприкосновения с противником и из нее летучие отряды петровской кавалерии наносили точечные удары по квартирному расположению шведской армии [8]. Одной из причин капитуляции гарнизона Веприка стало недостаточное количество артиллерийских орудий, находившихся в его распоряжении, и полный расход немногочисленных боеприпасов.

Не случайно именно после потери Веприка было составлено письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева к генерал-лейтенанту Я.В. Брюсу, в котором он сообщал требование царя «дабы гарнизоны, которые обретаются от войска Его Величества пехотные полки к неприятельскому отпору всякими военными припасы удовольствовать. Того ради по получения сего указу изволит Ваше Благородие приказать из артилерийских офицеров послать меора или капитана в гарнизоны, а именно в Ромну, в Сорочинец, в Ахтырку, в Полтаву для переписки военной амуниции, сколько обретается пушек, и каковым калибром, и что пороху, и свинцу, и ядер» [36, с. 70]. Выполняя царское указание, для изучения состояния крепостных гарнизонов, в ключевые

из них были разосланы офицеры артиллерийской службы. Например, поручик фон дер Стам был направлен в Ахтырку, а штык-юнкер Н.Г. Невельской – в Полтаву. В частности, 14 января 1709 г. Я.В. Брюс выдал Н.Г. Невельскому предписание, чтобы он с двумя канонирами и тремя фузилерами отправился для изучения обороноспособности полтавского гарнизона [29, л. 300]. При этом командующий петровской артиллерией проинформировал об откомандировании в Полтаву штык-юнкера, находившегося в ней бригадира А.Г. Волконского, чтобы он оказал максимальную помощь в подготовке отчета [27, л. 299].

Осмотрев артиллерийский парк Полтавы и пересчитав боеприпасы, штык-юнкер Н.Г. Невельской составил специальную «Ведомость», где указывалось, что в крепости находятся: орудия медные – 3 пушки 2-фунтовых, 2 пушки 1½-фунтовые, 2 пушки 1-фунтовые; орудия чугунные – 3 пушки 3-фунтовые. При этом отмечалось, что «у тех пушек шухлы, банники, забойники есть». К пушкам прилагалось 47 ядер 2-фунтовых, 80 ядер 1-фунтовых и 60 ядер ½-фунтовых, а также «полпуда дроби железной». В крепости также имелся определенный запас пороха: «24 пуда пушечного, 12 пудов мушкетного, 90 пудов селитры, 2 пуда серы, 6 пудов свинцу» [36, с. 78].

Собранные Н.Г. Невельским сведения о полтавской артиллерии немедленно были отправлены в царскую ставку. Уже в 20-х числах января 1709 г. эта «роспись артиллерии и амуниции полтавской» находилась на руках у Петра I [21, с. 36–37]. При этом царь был озабочен слабой оснащенностью Полтавы артиллерией и боеприпасами, а также крайне возмущен молчанием по этому поводу бригадира А.Г. Волконского³. В связи с этим Петр I указал А.Д. Меншикову дать распоряжение полковнику Полтавского полка И.П. Левенцу, «чтоб оной из других сотен туды пушки и амуницию свез» [21, с. 37].

После строгих указаний царя началась интенсивная работа по доукомплектованию артиллерийского парка Полтавской крепости. Об этом говорит январская переписка А.Д. Меншикова с царем, который практически в каждом письме докладывал о проделанной работе по данному вопросу. Так, 22 января 1709 г. светлей-

ший князь сообщил Петру I: «Какова ведомость при помянутом вашем письме прислана полтавской амуниции, и такая у нас есть, и о том говорил я здесь полковнику полтавскому, чтоб в прибавок к той амуниции свезли они в Полтаву ис прочих полку Полтавского необоронительных городов, и по тому хотел он учинить, о чем и к брегадиру Волконскому я писал» [23, с. 605].

Выполняя эти предписания светлейшего князя, гарнизон Полтавы и полковая казацкая администрация подготовили и передали в город несколько артиллерийских орудий. Источники указывают на то, что в декабре 1708 г., январе и феврале 1709 г. «под час нашествия неприятелского шведского в Украину» на территории Полтавского полка происходил планомерный процесс сбора артиллерийских орудий из сотенных местечек. В частности, в перечневой описи артиллерии, которая была составлена в феврале 1723 г., сообщалось «з якого городка полку Полтавского пушок в року 1708м в ме[ся]це декембрь и в 1709 м году в ме[ся]цах генваре и феврале, по указу за г[оспо]дина брегадира князя Александра Ивановича Волконского до Полтави припроважено. И сколько в самой Полтаве оных взято, и отдано при иной аммуниции г[оспо]дину Алексею Стефановичу Келину: на коменданство тогда з полками пехотными прибывшому» [6, л. 4 об.].

Кроме привлечения артиллерийских ресурсов полковой казацкой артиллерии из сотенных местечек края в Полтаву были направлены пушки и боеприпасы главной русской армии. В частности, 24 января 1709 г. А.Д. Меншиков писал царю, что «артиллерии отправляем в Полтаву отсюды 3 пушки, да Шамбурху велели отпустить от себя полковые 3 пушки ж» [23, с. 618]. В это же время из «Головной» артиллерийской базы, находившейся в Белгороде, по приказу Я.В. Брюса в Полтаву был направлен дополнительный запас пороха и свинца [28, л. 301]. В итоге 28 января 1709 г. А.Д. Меншиков констатировал: «Пушек от нас в Полтаву послано 7, о которых имеем ведомость, что дошли в целости и ныне там обретаетца годных 19 пушек» [23, с. 634].

Хотелось бы отметить, что такие перемещения военных ресурсов производились еще и для того, чтобы обезопасить оружие и

боеприпасы. Ведь они переводились из слабо защищенных крепостей под охрану более сильных в фортификационном отношении укреплений («был указ премощный Великого Государя <...> абы <...> от надходящего неприятеля шведа с некрепких городов в крепчайшие уступали» [5, л. 23 об.]). Тем более что в условиях гражданской войны, развернувшейся на территории Левобережной Украины, после перехода гетмана И.С. Мазепы на сторону Карла XII, казацкая артиллерия могла в любой момент оказаться в руках сторонников союза со шведским королем. Например, как это было с пушками, находившимися в распоряжении поддержавших шведскую армию запорожцев [38, с. 284].

Стоит отметить, что 17 января 1709 г. в Полтаве произошла смена гарнизонных войск, и бригадир А.Г. Волконский передал полномочия коменданта города полковнику А.С. Келену [23, с. 603]. Последний, вступив в должность и находясь в Полтавской крепости, строго соблюдал положения специального царского указа или так называемого «приказа комендантом» крепостей на линии соприкосновения с противником, который был издан 12 января 1709 г., после потери одного из форпостов русской армии – крепости Веприк. В частности, в нем указывалось коменданту крепости «трудитца» «во укреплении города <...> и чтоб провианту было конечно на четыре месяца. Того же смотреть и в воин[с]кой амуниции (а что больше, то лучше)» [21, с. 20]. Именно на последнем требовании и сосредоточил свои усилия А.С. Келен.

Для артиллерии важно наличие пороха в достаточном количестве, без него ни одна пушка не может использоваться по своему прямому назначению. Чтобы максимально увеличить запасы пороха в Полтаве, ее комендант так же привлек дополнительные ресурсы с административной территории Полтавского полка. В первую очередь были взяты под контроль все боеприпасы, находившиеся в казацкой артиллерии, а именно: «Пороху пушечного двадцать четыри пуда. Пороху мушкетного двадцать пуд. Селетри девятьдесят пуд. А за другое сто каменей селетри Паней Кочубейной взято за якую з города Полтави заплачено, тисячу золотих. Сери два пуда. Ядор пушечных по калибру сорок сем,

два фунтовых. Ядор пушечных фунтовых осмдесят. Ядер пушечных полу фунтовых шестьдесят. Дробу железного сеченого полпуда вагою» [6, л. 4].

Такого количества боеприпасов было недостаточно, поэтому сразу после прибытия в Полтаву А.С. Келен собрал «зелейных» (пороховых) и «ямчужных» (селитренных) мастеров и приказал им заготовить порох и селитру в дополнение к тому, что находилось в полтавских пороховых погребах [19, с. 25–26]. Кроме этого, в период подготовки Полтавской крепости к осаде и повышения ее обороноспособности весной 1709 г., в полку прошел сбор денежных средств на закупку селитры. В результате в сотнях Полтавского полка было собрано следующее количество денежных средств: в Старосанжаровской – 100 золотых, в Новосанжаровской – 100 золотых, в Белицкой – 3 рубля 20 алтын, в Кобелякской – 160 золотых, в Сокольской – 50 золотых, в Кишенской – 70 золотых, в Переволочнянской – 50 золотых, в Келебердинской – 100 золотых, в Нехворощанской – 4 рубля, в Маячской – 24 золотых, в Царичанской – 120 золотых, в Китайгородской – 40 золотых и 40 телеров, в Орлянской – 20 телеров, в Великобудищянской – 140 золотых [3, с. 14–15].

Понимая важность опорного пункта, которым весной 1709 г. являлась Полтава, Петр I требовал от подчиненных уточнить боеспособность полтавского гарнизона, находившегося под угрозой осады его вражескими войсками. 5 мая 1709 г. в письме к А.Д. Меншикову Петр I спрашивал: «довольно ли во оной Полтавской крепости правианту и прочего, что ко осаде потребно» [21, с. 170]. Чтобы уточнить запрашиваемую царем информацию, светлейший князь обратился с таким же вопросом к коменданту Полтавы. Докладывая о положении дел в гарнизоне атакуемой «фортеции», А.С. Келен писал, что «нужды никакой нет» [23, с. 862]. Ведомость же 7 мая 1709 г. «о наличии в полтавской крепости пушек и других артиллерийских припасов» сообщает, что в распоряжении гарнизона находилось: «Пушек: фунтовых – 3, полуторафунтовых – 3, двухфунтовых бес чети – 1, двуфунтовых – 6, трехфунтовых – 2, да бес калиберов – 7. Итого медных – 22. Чюгунных: полуторафунтовая – 1, полутретьяфунтовых – 3, трехфунтовая –

1, да бес калибу – 1. Итого чугунных – 6. Всего медных и чугунных 28 пушек. Припасов: пороху пушечного 24 пуда, да 16 мешков без весу. Пороху мушкетного 21 пуд 5 фунтов. Ядр – 620, дроби железной, мешков без весу – 10 да пуд 20 фунтов, картечь – 100, фитилю – 10 пуд 15 фунтов, свинцу – 41 пуд 15 фунтов, серы – 20 пуд, селитры – 90 пудов» [23, с. 860–861].

Здесь хотелось бы отметить, что, несмотря на приближение шведских войск к Полтаве, говорить о полной блокаде крепости в конце апреля 1709 г. было еще рано. Так, в письме А.Н. Репнина из Красного Кута от 27 апреля 1709 г., адресованном Я.В. Брюсу, сообщается: «Еще вашей милости доношу, писал ко мне комендант из Полтавы, желает 20 п. свинцу и 15 ф. фитилю. Благоволи, Ваша Милость, приказать оной отпустить с вручителем сего письма с обозным тверского полку Иваном Васильевым» [24, л. 152]. То есть из письма видно, что из Тверского пехотного полка спокойно доставляли письма в расположение русских войск и готовились к перевозке телег с боеприпасами, не боясь быть атакованным шведскими отрядами.

Непосредственно в период обороны Полтавы (май – июнь 1709 г.) артиллерия гарнизона проявила стойкость и показала определенное мастерство. Приведем выдержки из дневниковых записей генерал-квартирмейстера шведской армии А. Гилленкрока, который руководил осадными работами у Полтавской крепости. В частности, он не раз отмечал в своих заметках, что артиллерийский огонь из крепости был регулярным и достаточно интенсивным. Например, в первых числах мая, когда шведы попытались провести разведку укреплений Полтавы, защитники крепости подняли тревогу и начали вести огонь по шведским позициям («После такой тревоги, неприятель начал неумолкно стрелять с вала, от чего все <...> должны были работать, разбежались» [4, с. 90–91]). После этого, как писал шведский генерал, «неприятельские выстрелы не умолкали», а кроме этого «неприятель постоянно бросал светящиеся ядра» [4, с. 92–93].

Несмотря на то что в период с 23 по 30 апреля 1709 г. в Полтаву были доставлены 20 пудов свинца и 15 пудов фитиля, после ме-

сяца осады крепость уже имела определенный дефицит боеприпасов [15, с. 253]. Факт дефицита боеприпасов в Полтаве подтверждается рядом документов. Так, 8 июня 1709 г. в зашифрованном письме А.С. Келена, направленном в ставку светлейшего князя, комендант сообщил, что осажденные испытывают «нужду в свинцу и в фитилю, в ядрах ручных» и просил «ежели возможно прислать и серы» [25, л. 1].

Петербургский писатель П.Н. Крекшин в своем сочинении «Дневник военных действий Полтавской битвы» упомянул факт того, что 4 июня 1709 г. комендант Полтавской крепости в письме, переброшенном с ядром из города в русский лагерь у реки Ворсклы, кроме прочего просил «чтоб к нему до 50 пуд пороха брошено было». Уже на следующий день, «в 10 часу в город Полтаву начали бросать порох в бомбах. Неприятель хотя и видел, что многое число в Полтаву бомбы бросают, и дознав, что во оных порох мечется, потому что ни одной взорвания не учинилось, но препятствия в том метании учинить не мог» [36, с. 269]. Сообщения из «Дневника» очень сомнительны, что неоднократно отмечалось историками. Сам факт переброски письма, по мнению П.А. Кротова, тоже лишен достоверности: каждому человеку, знакомому с военной наукой XVIII в., известно, что это практически невозможно, так как брошенный таким образом порох взрывался бы при падении бомбы [13; 14].

27 июня 1709 г. в генеральном сражении под Полтавой дальнейшая судьба гарнизона Полтавской крепости была решена. Победа русской армии над войсками Карла XII позволила снять блокаду с города и высвободить задействованные в обороне людские материальные ресурсы, в том числе и артиллерийский парк гарнизона.

Благодаря активным действиям русского командования, полтавского коменданта А.С. Келена и казацкой старшины, арсенал Полтавы был значительно увеличен к началу активных действий против нее шведских войск и непосредственной осады. Если говорить об артиллерийских орудиях, то к концу января к имеющимся в Полтавской крепости 10 пушкам было добавлено еще 7. В начале февраля число годных к использованию пушек в Пол-

таве было доведено до 19, а к маю – до 28 стволов [23, с. 860]. Но известные к этому времени источники дают лишь общие цифры наличия орудий полтавского гарнизона на определенных временных отрезках Полтавского периода Великой Северной войны. При этом без уточнения, откуда поступало пополнение артиллерийского парка. Заполнить эту лакуну помогают документы из Центрального государственного исторического архива Украины (г. Киев), которые указывают на то, что основная масса артиллерийских орудий поступила на укомплектование полтавского гарнизона из состава пушек, имеющихся на вооружении Полтавского полка.

Так, уже упоминаемое «Дело Полтавского полку сотников атаманов с послством», составленное 3 февраля 1723 г., содержит прошение на имя Петра I «о возвращении з полтавского гарнизона забратих полкових и сотенних пушек», к которому приложен перечень орудий, изъятых из сотен полка в гарнизон Полтавской крепости «во время нашествия неприятелского шведского». Согласно этого перечня всего было изъято 14 пушек: «3 Старого Санжарова (Старые Санжары. – С. И.) две армати. 3 Нового Санжарова (Новые Санжары. – С. И.) две армати. 3 Беликов едну армату. 3 Кобеляка едну армату. 3 Соколки едну армату. 3 Кишенки едну армату. 3 Переволочной едну армату. 3 Китай Города едну армату. 3 Маячки едну армату. 3 Нефороще (Нехворощи. – С. И.) едну армату. 3 Великих Будищ две армати» [6, л. 4].

Данные цифры, хоть и с небольшими погрешностями, подтверждаются еще одним документом. Это ведомость «артиллерии, в полку Полтавском найдуючайся, много в яком городе пушек на лице имеется и якие они сут, войсковые или гражданские», которая была составлена 21 февраля 1725 г. полковым есаулом и наказным полтавским полковником Савой Тарапухой [30, с. 364–369]. В ней указывалось наличие пушек в сотенных mestechках Полтавского полка. При этом кроме артиллерийского парка этих городков указывались еще и орудия, утерянные сотнями в силу тех или иных обстоятельств. Чаще всего основной причиной потери пушек являлось изъятие их в Полтаву в период «шведской руины» 1708–1709 годов.

В частности, сообщается, что в Старосанжарской сотне «пред шведскою руиною была една медная пушка <...> которую по руине взято в Полтаву». В Новосанжарской сотне «прежде нашествыя шведского было 2 армати медных <...> з которых едну пред шведскою баталиею взято в Полтаву, а другую по руине била една медная пушка <...> якую в баталию шведскую взято в Полтаву». В Кобеляцкой сотне «до шведской руины было 2 пушки медных <...> когда Е.И.В. з Переволочной до Полтави повернулись, идучи через Кобеляки, тие армати взяли и где оные подели, нехто не знает». В Сокольской сотне «пушка медная една <...> под час нашествыя шведов на Украину взята в Полтаву». В Кишенской сотне прежде шведской руины била една медная пушка <...> а под час шведской руини взята в Полтаву». В Переволочнянской сотне «была една медная пушка <...> якую пред руиною шведскою взято в Полтаву». В Келебердинской сотне «прежде нашествыя шведского было 2 пушек, а именно една медная <...> другая железная <...> з припаси, з которых пред шведскою баталыею едну медную пушку взято в Полтаву, а другую чагунную, идучи на разоренные казаков и сечи войска армейские в суда взяли и где оную оставили, некто не знает». В Китайгородской сотне «една пушка медная <...> пред шведскою руиною взята в Полтаву». В Царичанской сотне «прежде нашествыя шведского была една сотенная медная пушка, которую в руину Шведскую взято в полковой город Полтаву». В Маяцкой сотне «пред шведскою баталыею взято в Полтаву». В сотне Нехворощанской «пред шведскою руиною» одна медная пушка была вывезена в Полтаву. В Великобудищанской сотне «до шведской руины было две пушки, една медная, другая чагунная <...> и <...> взято обе в Полтаву». В Решетиловской сотне «пушка една медная была <...> а по баталыи шведской, як армейские Е.И.В. полки через mestechko Решетиловку ишли, генерал Репнин з реки Голтви <...> пушки поднятии велел <...> з собою взял и где оную оставлено, неведомо» [30, с. 365–367].

Результаты. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в Полтавский период Великой Северной войны из сотенных

городков Полтавского полка в распоряжение русской армии было изъято 16 медных и 2 чугунных пушки, из которых 13 медных орудий и 1 чугунная пушка были направлены в гарнизон Полтавской крепости, а 3 медных и 1 чугунная при различных обстоятельствах поступили в распоряжение основной части войск Петра I. То есть данный документ подтверждает общее количество 14 орудий – число казацких пушек, вывезенных в Полтаву в период подготовки ее к обороне.

К 8 пушкам, находившимся в декабре 1708 г. в Полтаве, 14 орудий были доставлены из сотенных местечек, 3 пушки передал А.Д. Меншиков, еще 3 пушки были направлены от генерал-майора О.Р. фон Шаумбурга. Суммирование всех этих цифр дает возможность получить число 28 – количество артиллерийских орудий, имевшихся в распоряжении гарнизона Полтавской крепости в мае 1709 г., на момент начала ее осады шведскими войсками.

Анализ опубликованных источников и использование новых документов из Центрального государственного исторического архива Украины (г. Киев) дало возможность определить общий численный состав артиллерийского парка Полтавской крепости в Полтавский период Великой Северной войны. Кроме этого, удалось установить последовательность и источники поступления артиллерийских орудий в Полтаву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По сведениям, собранным историком В.А. Дядиченко, известно, что в более ранний период (до 1709 г.) в распоряжении администрации Полтавского полка находилось 29 артиллерийских орудий, из которых 12 – непосредственно в Полтаве [7, с. 250].

² При описании в 1712 г. орудий, находившихся в полтавском гарнизоне, сообщалось, что из общего числа этих пушек 4 были пожалованы московскими царями за верность Полтавского полка во время событий 1668 г. в период так называемой «Руины» на Украине, еще 4 были отлиты в XVII в. за деньги казацкой старшины, 1 – за деньги полтавских мещан, а 1 «дворовая» – за деньги полтавского полковника Г.С. Герцика, «которую после его смерти выкупили полковые власти» [32, с. 145].

³ Гнев царя в отношении А.Г. Волконского в данной ситуации был весьма спорным, если

учитывать, что бригадир еще 3 декабря 1708 г. сообщал о состоянии полтавской артиллерии в письме к А.Д. Меншикову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов, В. А. «Полтавское сражение». К 300-летию Полтавской победы / В. А. Артамонов. – М. : МППА «БИМПА», 2009. – 704 с.
2. Вобан, С. Книга о атаке и обороне крепостей, изданная через господина де Вобана, Маршала Франции и Генерала Директора над фортификациями королевства французского, переведена через Ивана Ремезова Поручника Шляхетного Кадетского корпуса / С. Вобан ; пер. И. Ремезова. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1744. – 184 с.
3. Востоков, А. А. Полтавский полковник Иван Черняк / А. А. Востоков // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. – 1889. – Т. XXVII. – С. 1–17.
4. Гилленкрок, А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось / А. Гилленкрок ; пер. с нем., введение и примеч. Я. Турунова // Военный журнал. – 1844. – № 6. – С. 1–105.
5. Дело об отказе бывшему жителю г. Опощня Гадячского полка, купцу Якову Стефанову во взыскании с бывшего полтавского полковника Ивана Левенца стоимости товаров, которые пропали в г. Нехворощи, в связи с запретом Левенцом выпускать население из города во время российско-турецкой войны на Украине 19 января 1715 г. // Центральний державний історичний архів України (г. Київ). – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 1456.
6. Дело Полтавского полку сотников атаманов с посломством с прошением о возвращении из полтавского гарнизона забратих полковых и сотенных пушек во время нашествия неприятелского шведского 3 февраля 1723 г. // Центральний державний історичний архів України (г. Київ). – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 1162.
7. Дядиченко, В. А. Украинское казацкое войско в конце XVII – начале XVIII в. / В. А. Дядиченко // Полтава : сб. ст. к 250-летию Полтавского сражения. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 246–268.
8. Иванюк, С. А. Веприк – центр разведывательно-диверсионной деятельности русской армии в декабре 1708 года / С. А. Иванюк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 4 (28). – С. 6–13.
9. Иванюк, С. А. «Машина с крюком» защитников Полтавской крепости / С. А. Иванюк // Воен-

- но-исторический журнал. – 2011. – № 7. – С. 78–79.
10. Иванюк, С. А. Забытый 5-й батальон. К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 году / С. А. Иванюк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 1 (25). – С. 13–21.
11. Иванюк, С. А. Полтава – «Крепость ничтожная»: фортификационные сооружения Полтавской крепости периода Великой Северной войны (1700–1721 гг.) / С. А. Иванюк // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. I. – С. 258–286. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/05/05/ivanyuk> (дата обращения: 05.05.2012). – Загл. с экрана.
12. Колоссов, Е. Е. Артиллерия в Полтавском сражении / Е. Е. Колоссов // Полтава : сб. ст. к 250-летию Полтавского сражения. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 91–111.
13. Кротов, П. А. П.Н. Крекшин и созворение мифов о Полтавской битве / П. А. Кротов // Меншиковские чтения – 2006 : сб. науч. ст. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2006. – С. 67–83.
14. Кротов, П. А. «Прекрасных вымыслов плетя искусно нить...» / П. А. Кротов // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. – М. : Редакция «Российской газеты», 2009. – № 2. – С. 50–53.
15. Кротов, П. А. Битва под Полтавой. Начало Великой России / П. А. Кротов. – СПб. : Фонд «Спас», 2014. – 566 с.
16. Мегорский, Б. В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. / Б. В. Мегорский. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2017. – 544 с.
17. Мокляк, В. Полтавський полк. Науково-популярний нарис історії полку з часу його виникнення до кінця XVII століття / В. Мокляк. – Полтава : Дивосвіт, 2008. – 112 с.
18. О обязанностях артиллерии при обороне крепостей : [пер. из *Journal des armes spéciales*]. – Спб. : Воен. тип., 1837. – 67 с.
19. Олійник, Л. В. Героїчна оборона Полтави / Л. В. Олійник // 250 років Полтавської битви. 1709–1959. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1959. – С. 21–37.
20. Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – Т. VIII (июль – декабрь 1708). – Вып. 1. – 408 с.
21. Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / под ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Т. IX (январь – декабрь 1709 года). – Вып. 1. – 528 с.
22. Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / под ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – Т. VIII. – Вып. 2. – 1178 с.
23. Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / под ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. IX. – Вып. 2. – 1096 с.
24. Письмо А.Н. Репнина Я.В. Брюсу 27 апреля 1709 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 39.
25. Письмо А.С. Келена А.Д. Меншикову 08 июня 1709 г. // Русская секция Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 3105.
26. Письмо К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 12 ноября 1708 г. // Русская секция Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 2653.
27. Письмо Я.В. Брюса А.Г. Волконскому 14 ноября 1708 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 39.
28. Письмо Я.В. Брюса А.Г. Волконскому 24 января 1709 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 39.
29. Предписание Я.В. Брюса Н.Г. Невельскому 14 ноября 1708 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 39.
30. Слабченко, М. Е. Малорусский полк в административном отношении : (Историко-юридический очерк) / М. Е. Слабченко // Записки императорского Новороссийского университета историко-филологического факультета. – Одесса : Техник, 1909. – Вып. I. – 436 с.
31. Славнитский Н. Р. Гарнизонная артиллерия на северо-западе России в 1710-е гг.: особенности управления / Н. Р. Славнитский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 75–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.6>.
32. Сокирко, О. Гарматний парк Лівобережної Гетьманщини першої половини – середини XVIII ст. / О. Сокирко // Історія давньої зброй. Дослідження 2016. – Київ : Видавець Олег Філюк, 2017. – Т. II. – С. 134–148.
33. Сокирко, О. Полтавська битва 27 червня 1709 р.: Український рубікон / О. Сокирко. – Київ : Темпора, 2008. – Ч. I. – 77 с.
34. Тарле, Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Е. В. Тарле. – М. : АСТ, 2002. – 656 с.
35. Татарников, К. В. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия : сб. док. : в 2 т. / К. В. Татарников. – М. : Старая Басманская, 2015. – 2754 с.
36. Труды Императорского русского военно-исторического общества : в 7 т. Т. III. Документы Север-

ной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.). / под общ. рук. А. К. Байова ; ред. Н. Л. Юнаков. – СПб. : Тип. Гр. Скачкова, 1909. – 339 с.

37. Энглунд, П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / П. Энглунд. – М. : Новое книжное обозрение, 1995. – 288 с.

38. Яворницкий, Д. І. Історія запорізьких козаків / Д. І. Яворницкий. – Львів : Світ, 1992. – Т. 3. – 451 с.

39. Krokosz, P. Rosyjskie siły zbrojne zapanowania Piotra I / P. Krokosz. – Kraków: Arcana, 2010. – 427 s.

REFERENCES

1. Artamonov V.A. «*Poltavskoe srazhenie*». *K 300-letiyu Poltavskoy pobedy* [“Battle of Poltava”, to the 300th Anniversary of the Victory of Poltava]. Moscow, MPPA «BIMPA», 2009. 704 p.

2. Vauban S. *Kniga o atake i oborone krepostey, izdannaya chrez gospodina de Vobana, Marshala Frantsii i Generala Direktora nad fortifikatsiyami korolevstva frantsusskago, perevedena chrez Ivana Remezova Porutchika Shlyakhetnago Kadetskago korpusa* [Book About the Attack and Defense of Fortresses Published by Mr. de Vauban, Marshal of France and General Director of Fortifications of the Kingdom of France, Translated by Ivan Remezov, Lieutenant of the Noble Cadet Corps]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1744. 184 p.

3. Vostokov A.A. Poltavskiy polkovnik Ivan Chernyak [Poltava Colonel Ivan Chernyak]. *Kievskaya starina. Ezhemesyachnyy istoricheskiy zhurnal*, 1889, vol. XXVII, pp. 1-17.

4. Gillenkrok A. Skazanie o vystuplenii ego velichestva korоля Karla XII iz Saksonii i o tom, chto vo vremya pokhoda k Poltave, pri osade ee i posle sluchilos [Legend About the March of His Majesty King Charles XII from Saxony and the Events Happened During the March to Poltava, During Its Siege and After It]. *Voennyy zhurnal*, 1844, no. 6, pp. 1-105.

5. Delo ob otkaze byvshemu zhitelyu g. Oposhnya Gadyachskogo polka, kuptsu Yakovu Stefanovu vo vzyskanii s byvshego poltavskogo polkovnika Ivana Leventsia stoimosti tovarov, kotorye propali v g. Nekhvoroshchi, v svyazi s zapretom Leventsom vypuskat naselenie iz goroda vo vremya rossiysko-turetskoy voyny na Ukraine 19 yanvarya 1715 g. [Case on the Refuse to Former Resident of Oposhnya Town of the Hadiach Regiment Merchant Yakov Stefanov in Collecting from Former Poltava Colonel Ivan Levents Value of Goods that Disappeared in Nekhvorishchi Town in Connection with Levents’

Ban to Release the Population from the City During the Russian-Turkish War in Ukraine on January 19, 1715]. *Tsentralniy derzhavniy istorichniy arkhiv Ukrayini* (g. Kiev) [Central State Historical Archive of Ukraine, Kiev], F. 51, Op. 3, D. 1456.

6. Delo Poltavskogo polku сотников atamanov s pospolstvom s prosheniem o vozvrashchenii z poltavskogo garnizona zabratikh polkovikh i sotennikh pushek vo vremya nashestviya nepriyatelskogo shvedskogo 3 fevralya 1723 g. [Case of the Administration of the Poltava Regiment Asking for the Return of Guns Taken from the Poltava Garrison During the Swedish Invasion of February 3, 1723]. *Tsentralniy derzhavniy istorichniy arkhiv Ukrayini* (g. Kiev) [Central State Historical Archive of Ukraine, Kiev], F. 51, Op. 3, D. 1162.

7. Dyadichenko V.A. Ukrainskoe kazatskoe voysko v kontse XVII – nachale XVIII v. [Ukrainian Cossack Army in the Late 17th – Early 18th Centuries]. *Poltava: sb. st. k 250-letiyu Poltavskogo srazheniya* [Poltava. Collection of Articles to the 250th Anniversary of the Battle of Poltava]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 246-268.

8. Ivanyuk S.A. Veprik – tsentr razvedyvatelno-diversionnoy deyatelnosti russkoy armii v dekabre 1708 goda [Veprik – The Center of Intelligence and Sabotage Activities of the Russian Army in December 1708]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorya. Regionovedenie. Mezdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 4 (28), pp. 6-13.

9. Ivanyuk S.A. «Mashina s kryukom» zashchitnikov Poltavskoy kreposti [“Machine with a Hook” of the Poltava Fortress Defenders]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military Historical Journal], 2011, no. 7, pp. 78-79.

10. Ivanyuk S.A. Zabytyy 5-y batalyon. K voprosu o garnizone Poltavskoy kreposti v 1709 godu [The Forgotten 5th Battalion. To the Issue of the Garrison of the Poltava Fortress in 1709]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorya. Regionovedenie. Mezdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 1 (25), pp. 13-21.

11. Ivanyuk S.A. Poltava – «Krepost nichtozhnaya»: fortifikatsionnye sooruzheniya Poltavskoy kreposti perioda Velikoy Severnoy voyny (1700–1721 gg.) [Poltava – “Weak Fortress”: Fortifications of the Poltava Fortress of the Great Northern War Period (1700–1721)]. *Istoriya voennogo dela: istoriya i istochniki*, 2012, vol. I, pp. 258-286. URL: <http://www.milhist.info/2012/05/05/ivanyk> (accessed 5 May 2012).

12. Kolosov E.E. Artilleriya v Poltavskom srazhenii [Artillery in the Battle of Poltava]. *Poltava: sb. st. k 250-letiyu Poltavskogo srazheniya* [Poltava.

- Collection of Articles to the 250th Anniversary of the Battle of Poltava]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 91-111.
13. Krotov P.A. P.N. Krekshin i sotvopenie mifov o Poltavskoy bitve [P.N. Krekshin and the Creation of Myths About the Battle of Poltava]. *Menshikovskie chteniya – 2006: sb. nauch. st.* [Menshikovskie Readings – 2006. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2006, pp. 67-83.
14. Krotov P.A. «Prekpasnykh vymyslov pletya iskusno nit...» [“Weaving Thread of Fine Tales Artfully...”]. *Rodina*, 2009, no. 2, pp. 50-53.
15. Krotov P.A. *Bitva pod Poltavoy. Nachalo Velikoy Rossii* [Battle of Poltava. Beginning of the Great Russia]. Saint Petersburg, Fond «Spas», 2014. 566 p.
16. Megorskiy B.V. *Osady i shturmy Severnoy voyny 1700–1721 gg.* [Sieges and Assaults of the Great Northern War of 1700–1721]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2017. 544 p.
17. Moklyak V. *Poltavskiy polk. Naukovo-populyarniy naris istorii polku z chasu yogo viniknennya do kintsa XVII stolittya* [Poltava Regiment. Popular Essay on the History of the Regiment Since Its Inception Until the End of the 17th Century]. Poltava, Divosvit Publ., 2008. 112 p.
18. *O obyazannostyakh artillerii pri oborone krepostey: [per. iz Journal des armes speciales]* [On the Duties of Artillery in the Defense of Fortresses. Translation from Journal des Armes Speciales]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya, 1837. 67 p.
19. Oliynyk L.V. *Geroichna oborona Poltavi* [Heroic Defense of Poltava]. *250 rokiv Poltavskoy bitvi. 1709–1959* [250 Years of the Poltava Battle. 1709–1959]. Kiev, Vid-vo AN URSR, 1959, pp. 21-37.
20. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. In 13 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948, vol. VIII (June–December, 1708), iss. 1. 408 p.
21. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. In 13 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950, vol. IX (January–December, 1709), iss. 1. 528 p.
22. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. In 13 Vols.]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951, vol. VIII, iss. 2. 1178 p.
23. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. In 13 Vols.]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952, vol. IX, iss. 2. 1096 p.
24. Pismo A.N. Repnina Ya. V. Bryusu 27 aprelya 1709 g. [Letter of A.N. Repnin to Ya. V. Bruce on April 27, 1709]. *Arkhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], F. 2, Op. 1, D. 39.
25. Pismo A.S. Keleni A.D. Menshikovu 08 iyunya 1709 g. [Letter of A.S. Kelen to A.D. Menshikov on June 8, 1709]. *Russkaya sektsiya Arkhiva Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN* [Russian Section of the Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], F. 83, Op. 1, D. 3105.
26. Pismo K.E. Renne A.D. Menshikovu 12 noyabrya 1708 g. [Letter of K.E. Renne to A.D. Menshikov on November 12, 1708]. *Russkaya sektsiya Arkhiva Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN* [Russian Section of the Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], F. 83, Op. 1, D. 2653.
27. Pismo Ya.V. Bryusa A.G. Volkonskomu 14 noyabrya 1708 g. [Letter of Ya.V. Bruce to A.G. Volkonskiy on November 14, 1709]. *Arkhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], F. 2, Op. 1, D. 39.
28. Pismo Ya.V. Bryusa A.G. Volkonskomu 24 yanvarya 1709 g. [Letter of Ya.V. Bruce to A.G. Volkonskiy on January 24, 1709]. *Arkhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], F. 2, Op. 1, D. 39.
29. Predpisanie Ya.V. Bryusa N.G. Nevelskomu 14 noyabrya 1708 g. [Prescription of Ya.V. Bruce to N.G. Nevelskiy on November 14, 1708]. *Arkhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], F. 2, Op. 1, D. 39.
30. Slabchenko M.E. Malorusskiy polk v administrativnom otnoshenii: (Istoriko-yuridicheskiy ocherk) [Malorussky Regiment Administratively. (Historical and Legal Essay)]. *Zapiski imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta istoriko-filologicheskogo fakulteta* [Notes of the Imperial University of Novorossiysk, Faculty of History and Philology]. Odessa, Tekhnika Publ., 1909, iss. 1. 436 p.
31. Slavnitskiy N.R. Garnizonnaya artilleriya na severo-zapade Rossii v 1710-e gg.: osobennosti upravleniya [Garrison Artillery in Northwest Russia in the 1710s: Management Features]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 75-83. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.1.6.

32. Sokyrko O. Garmatniy park Livoberezhnoi Getmanshchini pershoi polovini – seredini XVIII st. [Artillery Park of Left-Bank Ukraine, First Half – Mid 18th Century]. *Istoriya davnoi zbroi. Doslidzhennya 2016* [History of Ancient Weapons. Study 2016]. Kiev, Vidavets Oleg Filyuk, 2017, vol. II, pp. 134–148.
33. Sokyrko O. *Poltavska bitva 27 chervnya 1709 r.: Ukrainskiy rubikon* [Poltava Battle of June 27, 1709: Ukrainian Rubicon]. Kiev, Tempora Publ., 2008, part I. 77 p.
34. Tarle E.V. *Severnaya voyna i shvedskoe nashestvie na Rossiyu* [The Northern War and the Swedish Invasion of Russia]. Moscow, AST Publ., 2002. 656 p.
35. Tatarnikov K.V. *Ofitserskie skazki pervoy chetverti XVIII veka. Polevaya armiya: sb. dok.: v 2 t.* [Officer Tales of the First Quarter of the 18th Century. Field Army. Collected Articles. In 7 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2015. 2754 p.
36. *Trudy Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva: v 7 t. T. III. Dokumenty Severnoy voyny. Poltavskiy period (noyabr 1708 g. – iyul 1709 g.)* [Works of the Imperial Russian Military Historical Society. In 7 Vols. Vol. III. Documents of the Northern War. Poltava Period (November 1708 – July 1709)]. Saint Petersburg, Tipografiya Gr. Skachkova, 1909. 339 p.
37. Englund P. *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoy armii* [Poltava. Story of the Death of One Army]. Moscow, Novoe knizhnoe obozrenie Publ., 1995. 288 p.
38. Yavornitskiy D.I. *Istoriya zaporizkikh kozakiv* [History of Zaporozhian Cossacks]. Lviv, Svit Publ., 1992, vol. 3. 451 p.
39. Krokosz P. *Rosyjskie sily zbrojne zapanowania Piotra I* [Russian Armed Forces of Peter I]. Krakow, Arcana Publ., 2010. 427 p.

Information About the Author

Sergey A. Ivanyuk, Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Museum and Educational Activities, State Historical-Memorial Museum-Reserve “The Battle of Stalingrad”, Marshala Chuykova St., 47, 400005 Volgograd, Russian Federation, mim-volgograd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

Информация об авторе

Сергей Александрович Иванюк, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-музейной и образовательной деятельности, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», ул. им. маршала Чуйкова, 47, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, mim-volgograd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>UDC 94(47)
LBC 63.3Submitted: 09.10.2019
Accepted: 17.12.2019**CANNON GUNNERY OF DESIGNER I.A. MAKHANOV:
DEVELOPMENT, IMPLEMENTATION, COMBAT USE IN THE 1930s – 1950s¹****Alexander L. Kleitman**Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation**Igor O. Tyumentsev**Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article provides an analysis of the scientific and technical activities of I.A. Makhanov – one of the leading domestic designers, head of the experimental design bureau of the Kirov (former Putilovskiy) plant, who developed several new types of artillery weapons in the 1930s. I.A. Makhanov was repressed in 1939, and therefore his contribution to strengthening the defense of the USSR on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War was forgotten. *Methods and materials.* Unpublished memoirs of I.A. Makhanov written in the 1950s – 1970s, which are currently being prepared for publication, were used as one of the main sources. *Analysis.* In the course of the study, it was found that under the guidance of I.A. Makhanov, in addition to experimental guns, which due to design flaws were never put into serial production (L-1, L-2), the universal gun L-3, the tank guns L-10 and L-11, and the casemate gun L-17 were developed, which in their characteristics were not inferior to other Soviet and foreign models. The fact that they were not accepted into service (L-3) or were quickly removed from service and replaced with the tools of other design bureaus (L-11 and L-17) can only be explained by the struggle of groups for the influence and power within the Soviet and party nomenclature in the 1930s. *Results.* Using I.A. Makhanov's achievements in the development of artillery guns, as well as the continued work of the artillery design bureau of the Kirov plant, would have had a positive effect on the course of the Great Patriotic War and on the development of the Soviet scientific and technical sphere in the war and post-war time.

Key words: I.A. Makhanov, Kirov plant, artillery weapons, universal cannon, scientific and technical thought, military-industrial complex.

Citation. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. Cannon Gunnery of Designer I.A. Makhanov: Development, Implementation, Combat Use in the 1930s – 1950s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 34–43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>

УДК 94(47)
ББК 63.3Дата поступления статьи: 09.10.2019
Дата принятия статьи: 17.12.2019**АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОРУДИЯ КОНСТРУКТОРА И.А. МАХАНОВА:
РАЗРАБОТКА, ВНЕДРЕНИЕ, БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В 1930–1950-х ГОДАХ¹****Александр Леонидович Клейтман**Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация**Игорь Олегович Тюменцев**Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье приведен анализ научно-технической деятельности И.А. Маханова – одного из ведущих отечественных конструкторов, начальника опытного конструкторского бюро Кировского (бывшего Путиловского) завода, в 1930-х гг. разработавшего несколько новых видов артиллерийских вооружений. И.А. Маханов в 1939 г. был репрессирован, в связи с чем его вклад в укрепление обороноспособности СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны оказался незаслуженно забыт. В качестве одного из основных источников использованы неопубликованные мемуары И.А. Маханова, написанные в 1950–1970-х гг., которые в настоящее время готовятся к изданию. В ходе исследования было установлено, что под руководством И.А. Маханова, помимо экспериментальных пушек, которые из-за конструктивных недостатков так и не были запущены в серийное производство (Л-1, Л-2), была разработана универсальная пушка Л-3, танковые пушки Л-10 и Л-11, казематное орудие Л-17, которые по своим характеристикам не уступали другим отечественным и зарубежным образцам, а тот факт, что они не были приняты на вооружение (Л-3) или достаточно быстро были сняты с вооружения и заменены орудиями других конструкторских бюро (Л-11 и Л-17), можно объяснить только борьбой группировок за влияние и власть внутри советской и партийной номенклатуры в 1930-х годах. Учет достижений И.А. Маханова в деле разработки артиллерийских орудий, а также продолжение работы артиллерийского конструкторского бюро Кировского завода положительно бы сказалось на ходе Великой Отечественной войны и на развитии отечественной научно-технической сферы в военное и послевоенное время. *Вклад авторов.* А.Л. Клейтманом изучена историография и опубликованные источники по теме исследования, проанализирована история внедрения в производство и принятия на вооружение орудий, разработанных конструкторским бюро И.А. Маханова. И.О. Тюменцевым, на основе мемуаров И.А. Маханова, уточнен ход и результаты деятельности артиллерийского конструкторского бюро Кировского завода по созданию новых видов артиллерийских вооружений в 1930-х годах.

Ключевые слова: И.А. Маханов, Кировский завод, артиллерийское вооружение, универсальная пушка, научно-техническая мысль, военно-промышленный комплекс.

Цитирование. Клейтман А. Л., Тюменцев И. О. Артиллерийские орудия конструктора И.А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 34–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>

Введение. В 1920–1930-х гг. в Советском Союзе велась активная работа по конструированию и внедрению в массовое производство новых видов артиллерийского вооружения. Как показал опыт использования данного вида оружия в Первой мировой войне, в вооруженных конфликтах требовались самые различные виды артиллерии – от легкой полевой до сверхтяжелой, способные поражать самые различные виды целей как на земле, так и в воздухе. Для создания новых, способных конкурировать с зарубежными, образцов артиллерийских вооружений в Советской России были организованы несколько научно-технических и опытно-конструкторских центров. Одним из крупнейших центров разработки и промышленного производства артиллерийских орудий был Путиловский завод, в Артиллерийском конструкторском бюро которого в 1930-х гг. были разработаны несколько оригинальных моделей пушек различного назначения.

Методы и материалы. В советской и российской историографии детально была изучена история работы конструкторского бюро В.Г. Грабина по созданию разных видов ар-

тиллерийских орудий, состоявших на вооружении Красной армии в годы Великой Отечественной войны. На основе документов конструкторских бюро, технической и хозяйственной документации оборонных предприятий, военных ведомств частично были проанализированы работы по созданию артиллерийских вооружений, которые велись в других научно-технических центрах. Мемуары главного конструкторского бюро Кировского завода под руководством И.А. Маханова, репрессированного в 1939 г., написанные им в послевоенные годы, которые в настоящее время готовятся к публикации, позволяют более полно и объективно осмыслить, в каких условиях велась разработка новых видов вооружения в Советском Союзе в 1930-х гг., каким образом новые артиллерийские орудия проходили испытания, как принимались решения о запуске их в массовое производство и о приеме на вооружение армии. Несмотря на то что воспоминания И.А. Маханова представляют собой сложный источник, зачастую отражающий субъективные, пристрастные взгляды автора по тем или иным вопросам, при критической

работе с содержащимися в нем сведениями, сопоставлении его данных с данными других источников появляется возможность дополнить и переосмыслить устоявшиеся представления о развитии военно-технической мысли и оборонной промышленности в СССР в 1930-х годах.

Анализ. Выпуск артиллерийских вооружений был начат на Путиловском заводе в дореволюционное время. После завершения Гражданской войны и вплоть до середины 1920-х гг. производство военной продукции на заводе фактически не велось. Пушечная мастерская была переоборудована для выпуска тракторов. В 1926 г. на заводе «Красный Путиловец» началось восстановление производства артиллерийских орудий. Было закуплено и монтировалось необходимое для этого оборудование. Началась ревизия и доработка выпущенных ранее и хранившихся на заводе пушек.

Для проведения инженерно-экономических расчетов, разработки технологических процессов и решения ряда других технических проблем, связанных с возобновлением выпуска артиллерийского вооружения, на заводе была создана Артиллерийская техническая контора. В 1928 г. ее начальником был назначен Иван Абрамович Маханов.

И.А. Маханов происходил из простой рабочей семьи, с юношеских лет принимал участие в революционном движении. В 1920 г. был призван в Красную армию и принимал участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. В 1922–1928 гг. обучался в Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского. Артиллерийская техническая контора завода «Красный Путиловец» стала первым местом работы И.А. Маханова после окончания академии.

Одним из первых заданий И.А. Маханова стала переработка конструкции 8-дюймового орудия системы «Е», выпуск которого был начат на заводе еще до революции. В результате доработки была увеличена дальность стрельбы, облегчен вес орудия [5, с. 363–364].

Одновременно с работой над 8-дюймовым орудием краснопутиловцы получили задание наладить серийное производство трехдюймовой полковой пушки образца 1927 года. Для резкого увеличения объемов выпускае-

мой продукции необходимо было перейти на работу по технологическим картам-процессам, а для этого, в свою очередь, требовалось перевести все чертежи на метрическую систему. Решением этой задачи занялась техническая контора И.А. Маханова, с этого времени переименованная в конструкторское бюро [5, с. 363–364].

В 1929 г. по заданию Комиссии обороны в артиллерийском КБ завода «Красный Путиловец» под руководством И.А. Маханова была начата работа над опытными образцами универсальной дивизионной пушки, которая могла бы работать как по наземным, так и по воздушным целям, вести круговой горизонтальный обстрел. Работа по созданию такого артиллерийского орудия в это же время велась и в других основных конструкторских бюро СССР, занимавшихся разработкой артиллерийских орудий. Долгое время данная задача не поддавалась решению.

Первая универсальная пушка, разработанная на заводе «Красный Путиловец» (Л-1), получилась очень тяжелой, ее вес превышал 3 тонны, при испытаниях также были выявлены неисправности в работе подъемного и поворотного механизмов.

Сконструированная вскоре после этого пушка меньшего веса (Л-2) имела слабые характеристики по дальности стрельбы. Этих пушек было изготовлено всего несколько опытных экземпляров, в серийное производство они не пошли.

В связи со сложностями в создании универсальной пушки была начата работа над так называемыми полууниверсальными дивизионными орудиями. Под руководством И.А. Маханова на базе конструкции 76-мм дивизионной пушки «Бофорс», купленной в Швеции, была сконструирована пушка Л-4. Ее вес был значительно ниже: 1 560 кг в боевом положении и 2 000 кг – в походном, но были существенно снижены углы наведения, то есть такая пушка в бою не представляла бы серьезной опасности для авиации противника.

В 1934–1935 гг. И.А. Махановым была создана универсальная пушка Л-3, которая имела целый ряд важных преимуществ: за счет применения дюралюминия и силумина она имела небольшой вес по сравнению с зарубежными и отечественными аналогами

(2 470 кг в боевом и 2 920 в походном положении), обладала наилучшим временем перехода из походного положения в боевое – 1–1,5 минуты. Эта пушка могла вести огонь как с колес (угол вертикального наведения – 45 градусов, горизонтального – 60), так и с поддона (углы наведения повышались до 85 и 360 градусов соответственно). Эта пушка успешно прошла полигонные испытания, и летом 1935 г. на Софринском полигоне близ Москвы была продемонстрирована правительственной комиссии – И.В. Сталину, В.М. Молотову, С. Орджоникидзе и К. Ворошилову. Как отмечает в своих воспоминаниях И.А. Маханов, эта пушка была хорошо оценена специалистами Главного артиллерийского управления Красной армии и Артиллерийского комитета, штаб РККА в лице начальника штаба маршала Б.М. Шапошникова и его помощников комкоров Мещерякова и Антонова рекомендовал принять ее на вооружение.

Несмотря на это, в 1935 г. вместо универсальной пушки Л-3 на вооружение были приняты полууниверсальные дивизионные пушки Ф-22 горьковского завода № 92. По мнению конструктора пушек Ф-22 В.Г. Грабина, детально изложенному в его воспоминаниях, это произошло в силу нескольких причин: начиная от того, что при полевых испытаниях, происходивших в июне 1935 г., где присутствовали высшие представители власти, пушка была покрашена в желтый цвет, чем привлекла всеобщее внимание, проблемами, возникшими при переводе станин махановской Л-3 из походного в боевое положение во время стрельб, и заканчивая общими разногласиями среди специалистов относительно экономической и военной целесообразности производства универсальных пушек для дивизионной артиллерии [3]. Как доказывал И.А. Маханов, главной причиной того, что его пушка Л-3 не была принята на вооружение, было необоснованное противодействие со стороны группы бывшей Первой конной армии в лице К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, Г.И. Кулика, С.К. Тимошенко, О.И. Городовикова.

19 июня 1935 г. СТО СССР было принято постановление «О реализации системы артиллерийского вооружения», в котором был окончательно зафиксирован отказ от создания универсальной дивизионной пушки и опреде-

лена необходимость иметь на вооружении дивизии две пушки: 76,2-мм наземную пушку с дальностью 14–15 км и 37–45-мм автоматическую зенитную пушку [9].

Таким образом, в Советском Союзе был поставлен крест на идее разработки универсальной пушки. И.А. Маханов считал это решение ошибочным. В своих воспоминаниях он отмечал: «Я не склонен преувеличивать значение универсальной дивизионной пушки для ПВО пехотных дивизий, но если бы такие пушки были в распоряжении командира дивизии, то пехотинцам в 1941 году в начальный период войны не пришлось бы с горечью говорить, когда их штурмовала немецкая авиация: “Где же наша авиация? Где же наша зенитная артиллерия?”».

По справедливому замечанию П.П. Минаева, середина 1930-х гг. стала переломным моментом, когда конструкторы Кировского завода приступили к разработке артиллерийских орудий нового поколения [6, с. 152]. Действительно, с 1935 и до 1939 г., когда И.А. Маханов был арестован по обвинению в заговоре М.Н. Тухачевского и работе на иностранные разведки, в Артиллерийском конструкторском бюро Кировского завода велась активная и плодотворная работа по созданию различных видов артиллерийского вооружения – пушек для танков, дивизионных и полковых артиллерийских орудий, зенитных установок, пушек для ДОТов и т. д. Работа в это время осложнялась начавшейся волной репрессий, которой были затронуты и многие работники военно-промышленного комплекса. Как показывают воспоминания И.А. Маханова, практически все время с 1937 и до 1939 г. он находился в ожидании ареста и был вынужден вести постоянную борьбу с руководством завода, с сотрудниками Артиллерийского управления, Наркомата вооружений и других ведомств, доказывая, что те объективные проблемы или сложности, которые возникали в работе, не были результатом его халатности или вредительской деятельности. И.А. Маханов был уверен, что он не был репрессирован только потому, что руководство страны и лично И.В. Сталин высоко ценили ту работу по созданию новых пушек, которую он вел, и понимали, что в случае его ареста эта работа не сможет быть завершена.

19 апреля 1935 г. наркому тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе было направлено письмо за подписями директора Кировского завода Отса и начальника СОКБ завода И.А. Маханова «о постройке стратосферной зенитной пушки». Копии письма были адресованы И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, М.Н. Тухачевскому и А.И. Егорову. И.А. Маханов в письме доказывал необходимость безотлагательно начать работу над зенитными орудиями, которые могли бы поражать самолеты противника, летящие в стратосфере. На тот момент стратосферный путь был совершенно безопасным, поскольку такие высоты были вне досягаемости существовавших зенитных пушек. За основу для этого орудия начальник СОКБ предлагал взять успешно прошедшую все испытания универсальную пушку Л-3. Новая стратосферная зенитная пушка, как отмечал в письме И.А. Маханов, могла бы решать задачи корпусной зенитной артиллерии, а также, при необходимости, использоваться и как противотанковое орудие, для поражения тяжелых танков [8].

Инициатива И.А. Маханова по созданию стратосферной пушки получила одобрение со стороны руководства страны и с 1935 г. была начата работа над этим орудием, получившим впоследствии заводской индекс Л-6. Опытный образец этой 100-мм зенитной пушки был изготовлен и передан на испытание на Научно-исследовательский артиллерийский полигон в 1937 году. Во время испытательных стрельб на пушке произошел отрыв щек казенника, при этом было ранено два человека. Случившийся инцидент рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 декабря 1938 года. Было решено создать комиссию для расследования происшествия, в которую, помимо И.А. Маханова, вошли т. Савченко (председатель), т. Каюков, т. Поннер и представитель НКВД т. Шляхтенко [10].

И.А. Маханов в своих воспоминаниях описал заседание Комиссии обороны под председательством В.М. Молотова, проходившее в начале января 1939 г., в присутствии И.В. Сталина, на котором принималось решение о целесообразности дальнейшей работы над пушкой Л-6. Начальник Артиллерийского Управления РККА Г.И. Кулик обвинял И.А. Маханова в том, что отрыв щек казен-

ника был актом вредительства инженера-конструктора. На сторону Г.И. Кулика встали представители Кировского завода, руководители И.А. Маханова – директор завода И.М. Зальцман и партторг ЦК Я.Ф. Капустин. Профессор Академии артиллерийских наук Н.Ф. Дроздов и металлург А.В. Беркашвили пытались доказать, что вины И.А. Маханова в этом происшествии не было, и привели объективное научное объяснение произошедшего инцидента. Академики И.П. Бардин и заместитель начальника ГАУ М.М. Каюков считали, что конструктор был виновен в том, что запланировал недостаточные запасы прочности пушки. Как вспоминал И.А. Маханов, после того, как все высказались, И.В. Сталин очень тихо дал указание В.М. Молотову, чтобы И.А. Маханову не мешали работать и дали довести Л-6 до принятия на вооружение.

В результате Артуправление письмом № 229294 от 2 февраля 1939 г. дало указание Кировскому заводу доработать Л-6, изготавливать опытную серию из четырех пушек к 1 августа 1939 г., а также отремонтировать поврежденный первый экземпляр Л-6.

Испытания доработанной пушки Л-6 проводились в 1940 г., уже после ареста И.А. Маханова, и также не увенчались успехом. На опытных образцах был выявлен ряд серьезных дефектов, в связи с которыми было решено отказаться от принятия данной пушки на вооружение [11].

Работа над созданием новых видов артиллерийских вооружений в СССР в 1937–1939 гг. велась в условиях жесткой конкуренции между несколькими конструкторскими бюро. Главным «конкурентом» И.А. Маханова был начальник конструкторского бюро Горьковского завода № 92 В.Г. Грабин. После отказа от принятия на вооружение универсальной пушки Кировского завода Л-3 и запуска в массовое производство грабинской пушки Ф-22 эта конкуренция не только не прекратилась, но и заметно усилилась. В связи со сложностями в производстве пушек Ф-22, выявленными, когда эти орудия пошли в массовое производство, конструкторскому бюро И.А. Маханова было поручено разработать полууниверсальную 76-мм дивизионную пушку, которая имела бы схожие баллистические характеристики. Первоначально данная пушка должна

была быть сконструирована к 1 апреля 1936 года. Впоследствии сроки готовности пушки несколько раз корректировались. Наконец, как описывает в своих воспоминаниях И.А. Маханов, летом 1938 г. во время смотра новых видов артиллерийских вооружений лично И.В. Сталиным ему было поручено в течение 1 года подготовить опытный образец пушки, аналогичной Ф-22, но более технологичной, более приспособленной для внедрения в массовое производство.

27 июня 1939 г. были проведены войсковые испытания двух доработанных образцов Л-12. Как отмечал И.А. Маханов, практически все присутствовавшие на стрельбах специалисты однозначно были убеждены, что Л-12 была более совершенным по сравнению с пушками В.Г. Грабина орудием с инженерно-конструкторской точки зрения. Высокие оценки Л-12 дают и многие современные исследователи [2]. Тем не менее, как позже узнал И.А. Маханов, в результате закулисной борьбы уже за неделю до этого В.М. Молотов и И.В. Сталин приняли решение о том, что в серийное производство пойдет доработанная версия пушки Ф-22 (УСВ), и фактически дали НКВД добро на его арест. В середине 1939 г. на Кировском заводе было получено распоряжение о прекращении подготовки к производству этой дивизионной пушки, техническая и технологическая производственная база для которой была практически полностью готова.

Во второй половине 1930-х гг. конструкторским бюро И.А. Маханова велась разработка пушек, которые должны были устанавливаться на танки Т-28, Т-35 и Т-34.

Работы по созданию танковых пушек велись в советской промышленности с конца 1920-х годов. Первой пушкой, разработанной отечественными конструкторами, стала пушка ПС-3, сконструированная под руководством П.Н. Сячентова на Ленинградском заводе «Большевик». При испытаниях пушки были выявлены многочисленные недостатки, которые было поручено устранить конструкторскому бюро И.А. Маханова. Параллельно с этим на Кировском заводе велись и самостоятельные разработки танковых орудий. Первым танковым орудием, сконструированным под руководством И.А. Маханова, стала пуш-

ка, получившая заводской индекс Л-7. Фактически она представляла собой доработанный вариант 76,2-мм зенитной пушки образца 1914/1915 гг. (системы Лендера). В 1936 г. в Артиллерийском КБ Кировского завода также была начата работа по созданию 76-мм танковой пушки (Л-10). В ноябре 1937 г. после проведения заводских испытаний на полигонные испытания были переданы сразу три пушки – доработанный вариант ПС-3 (образец № 43), Л-7 и Л-10, установленные на танках Т-28 и на самоходных артиллерийских установках САУ АТ-1 [4].

По результатам полигонных испытаний пушки ПС-3 и Л-7 получили отрицательные заключения. Л-7 имела слишком большие габариты внутри башни, которые создавали большие препятствия для нормального размещения экипажа внутри танка. Неудовлетворительной была признана работа полуавтоматики этих пушек. Пушка Л-10, несмотря на то что получила также отрицательное заключение, была признана наиболее перспективной, и в КБ И.А. Маханова была продолжена ее доработка [1].

Выявленные недостатки были устранены и по результатам полигонных испытаний, проходивших весной 1938 г., пушка в июне этого же года была запущена в серийное производство на Кировском заводе. Всего было выпущено около 300 экземпляров пушки Л-10, которые в основном были установлены на танки Т-28, а также на несколько бронекатеров и бронепоездов.

В 1938 г., во время проведения войсковых испытаний пушек Л-10, установленных на танках Т-28, были выявлены некоторые недостатки, устранение которых требовало внесения достаточно серьезных конструктивных изменений разработчиками орудия. Наиболее серьезными из них были требования удлинить ствол орудия до 30 калибров (у Л-10 длина ствола составляла 26 калибров), а также предусмотреть возможность применения 76-мм снарядов образца 1902/1930 гг. [7]. В результате внесения данных изменений была создана пушка Л-11. Пушка Л-10 перестала выпускаться в середине 1939 года.

Работы по созданию пушки Л-11 активно велись в 1939 году. В апреле 1939 г. начальник Главного артиллерийского управления

комдив Г. Савченко направил официальное письмо директору Кировского завода К.М. Зальцману, в котором требовал предоставить объяснения, по какой причине затягивались работы по изготовлению опытного образца Л-11, а также почему предъявленный представителям артиллерийского управления образец был изготовлен не в соответствии с предъявляемыми требованиями. Претензии вызывали подъемный и спусковой механизмы этого орудия, а также допущенные заводом отступления от технических условий по применяемым материалам и по их термообработке. Специально по этому поводу 10 июня 1939 г. состоялся пленум Артиллерийского комитета Артиллерийского управления, на котором присутствовал К.М. Зальцман, где обсуждались перспективы производства пушек Л-11 и Ф-22 [6, с. 161–162]. Вероятно, по результатам этого обсуждения руководством страны было принято решение о возможности ареста И.А. Маханова и о целесообразности внедрения в производство орудий, разрабатываемых В.Г. Грабиным. Тем не менее пушки Л-11 выпускалась в 1939–1940 гг., всего было выпущено более 700 орудий. Они устанавливались на танках КВ-1, выпускавшихся Кировским заводом, и Т-34 – Харьковским заводом № 183. С пушкой Л-11 было выпущено около 450 танков Т-34. С 1941 г. на знаменитых «тридцатьчетверках» стали устанавливаться пушки Ф-34, разработанные под руководством В.Г. Грабина.

Пушка Л-11 использовалась также при производстве казематных установок, получивших заводской индекс Л-17. Несмотря на то что конструкция казематных установок в основном была разработана И.А. Махановым, заводские испытания этого орудия проводились осенью 1939 г., когда он уже был арестован. В 1940 г. казематная пушка Л-17 была принята на вооружение. Всего было выпущено около 600 таких орудий. Первые установки Л-17 были смонтированы в июне 1940 г. в Каменец-Подольском укрепрайоне.

В своих воспоминаниях В.Г. Грабин детально описал, как в 1939 г. он провел доработку казематной пушки Л-17, устранив дефекты в работе автоматики и противооткатных механизмов [3, с. 320–325]. По аргументированному мнению А.Б. Широкорада, изме-

нения, внесенные В.Г. Грабиным в разработанную И.А. Махановым конструкцию, были минимальны и скорее свидетельствовали о желании В.Г. Грабина утвердить свое положение, чем об устранении серьезных недостатков, которые могли бы значительно осложнить боевое применение казематных пушек [12, с. 151–158]. Как показывают воспоминания И.А. Маханова, уже находясь в заключении, пережив зверские истязания со стороны следователей НКВД, в конце 1939 – начале 1940 г. он сам работал над устранением дефектов в противооткатном устройстве пушек Л-10 и Л-11, которые были выявлены на полигонно-сдаточных испытаниях контрольных партий серийного производства этих орудий. Материалы для работы через сотрудников НКВД были переданы И.А. Маханову начальником ГАУ генерал-майором Г.К. Савченко.

И.А. Маханов 27 июня 1939 г. был арестован и 6 июня 1941 г. осужден по обвинению об участии в заговоре М.Н. Тухачевского по 58 статье к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. В 1941–1945 гг. он отбывал срок в различных лагерях, безуспешно писал прошения об отправке на фронт и о пересмотре своего дела. В 1942–1945 гг. на базе ремонтно-механического завода в Караганде организовал выпуск артиллерийских снарядов.

В 1945–1951 гг. после перевода в Ленинград И.А. Маханов смог вернуться к инженерно-конструкторской работе в Особом конструкторском бюро (ОКБ) – 172, находившемся в ведении МВД. В это время он занимался техническим решением, как в зенитных установках увеличить скорость снаряда свыше 1 000 м/с. Результатом работы в данном направлении стал подготовленный им проект легкого снаряда «Кольцо». Сведений о том, использовались ли в дальнейшем данные разработки И.А. Маханова, пока найти не удалось.

Точное время освобождения И.А. Маханова из лагеря установить не удалось. Известно, что последние годы он отбывал наказание в Минлаге (г. Инта, Коми АССР). 12 ноября 1955 г. И.А. Маханов был реабилитирован и уволен в запас в звании инженер-полковника с правом ношения формы и пенсии. 12 июля 1956 г. восстановлен в КПСС. Буду-

чи на пенсии, он писал мемуары и проводил большую общественную работу в Ждановском районе Ленинграда в качестве члена партбюро райкома ДОСАФ (1957–1962), заместителя председателя районного комитета партгосконтроля и народного контроля и внештатного инструктора РК КПСС, внештатного лектора Музея им. С.М. Кирова и члена общества «Знание». Умер И.А. Маханов в 1980 году.

Результаты. Конструкторское бюро И.А. Маханова при заводе «Красный Путевец» (с 1935 г. – Кировский завод) было одним из важных научно-технических центров Советского Союза, в котором велась разработка оригинальных систем артиллерийского вооружения, которые по своим характеристикам не уступали лучшим мировым образцам своего времени. И.А. Маханов на протяжении 1930-х гг. посещал, знакомился с работой ведущих военно-промышленных центров Европы, что позволяло ему быть в курсе новейших научных достижений в сфере производства артиллерийских орудий и активно использовать полученные знания в своей работе. Несмотря на то что он был репрессирован, В.Г. Грабин, который в послевоенное время официально был признан как главный разработчик «оружия победы», в своих мемуарах неоднократно и только положительно отзывался об И.А. Маханове и даже признавал его своим учителем. Как убедительно свидетельствуют сведения, содержащиеся в мемуарах И.А. Маханова, сопоставленные с данными других источников, тот факт, что орудия, сконструированные в КБ Кировского завода, в 1935–1941 гг. выпускались в значительно меньших объемах, чем орудия, разработанные в других конструкторских бюро, а в годы Великой Отечественной войны их выпуск фактически был прекращен, что было связано не с низкими тактико-техническими характеристиками или конструктивными недостатками, а с целенаправленной политикой военного руководства, направленной на унификацию артиллерийского вооружения, а также с закулисными играми, борьбой за влияние и власть, проходившими среди партийного и советского руководства в 1930-х годах. Учет достижений И.А. Маханова в деле разработки универсальных пушек, зенитных орудий, танковых пушек, принятие их на вооружение армии, а

также создание такой системы разработки новых видов вооружений, при которых конструкторское бюро Кировского завода могло продолжать свою работу и конкурировать с другими научно-техническими центрами, положительно бы сказалось и на ходе Великой Отечественной войны, и на развитии отечественной научно-технической сферы в военное и послевоенное время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

The reported work was carried out in the framework of the RFBR grant “Formation and Development of Scientific and Technical Thought and Military Industry in the USSR in the 1920s and 1950s (According to the Memoirs of I.A. Makhanov)” (project no. 19-49-340008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выписки из отчета № 1 Н/01344с о полигонных испытаниях 76,2-мм танковой пушки Л-10 на НИАПе в танках Т-28 и БТ-7, производившихся в феврале – мае 1938 года большим числом выстрелов, и сопроводительная записка к нему // Музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34». Документально-исторический сборник. № 2. – [Электрон. изд]. – М., 2012. – С. 35–47.
2. Ганин, С. М. Универсальные и полууниверсальные пушки Кировского завода / С. М. Ганин // Бастион. Военно-технический сборник. – 2015. – № 1. – С. 15–21.
3. Грабин, В. Г. Оружие победы / В. Г. Грабин. – М. : Политиздат, 1989. – 544 с.
4. Желтов, И. Основное оружие первых «тридцатьчетверок» (от пушки Л-10 к пушке Ф-34) (ч. 1) / И. Желтов, А. Макаров // Музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34». Документально-исторический сборник. № 2. – [Электрон. изд]. – М., 2012. – С. 17–33.
5. Костюченко, С. История Кировского завода. 1917–1945 / С. Костюченко, И. Хренов, Ю. Федоров. – М. : Мысль, 1966. – 702 с.
6. Минаев, П. П. Реализация промышленностью Петрограда-Ленинграда военно-технической политики в области развития важнейших видов вооружения, военной техники и боеприпасов для су-

хопутных войск Красной армии (20–30-е гг. XX века) : дис. ... д-ра ист. наук / Минаев Петр Петрович. – СПб., 2006. – 382 с.

7. Отчет по войсковым испытаниям 76,2-мм танковой пушки Л-10 // Музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34». Документально-исторический сборник. № 2. – [Электрон. изд]. – М., 2012. – С. 48–54.

8. Письмо руководства Кировского машиностроительного и metallurgicheskogo завода наркому тяжелой промышленности СССР С. Орджоникидзе о постройке стратосферной зенитной пушки // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937) : сб. док. Т. 3. Ч. 2 (1933–1937) / под ред. А. А. Кольюкова ; сост. Т. В. Сорокина [и др.]. – М. : ТЕРРА, 2011. – С. 385–386.

9. Постановление СТО СССР № С-70сс «О реализации системы артиллерийского вооружения» // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937) : сб. док. Т. 3. Ч. 2 (1933–1937) / под ред. А. А. Кольюкова ; сост. Т. В. Сорокина [и др.]. – М. : ТЕРРА, 2011. – С. 397–398.

10. Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). 1938 г. // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937) : сб. док. Т. 4 / под ред. А. К. Соколова ; сост. Т. В. Сорокина [и др.]. – М. : ТЕРРА, 2015. – С. 951–958.

11. Широкорад, А. Отечественные полуавтоматические зенитные пушки / А. Широкорад // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра... Научно-популярный журнал. – 1998. – № 8. – С. 1–17.

12. Широкорад, А. Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина / А. Б. Широкорад. – М. : ACT, 2003. – 429 с.

REFERENCES

1. Vypiski iz otcheta No 1N/01344s o poligonnykh ispytaniyakh 76,2-mm tankovoy pushki L-10 na NIAPe v tankakh T-28 i BT-7, proizvodivshikhsya v fevrale – mae 1938 goda bolshim chislom vystrelsov, i soprovoditelnaya zapiska k nemu [Extracts from Report no. 1H/01344c on Field Tests of the 76.2 mm L-10 Tank Gun at the Scientific-Research Artillery Practice Ground in T-28 and BT-7 Tanks Carried Out in February–May 1938 by a Large Number of Shots and an Accompanying Note to It]. *Muzeyno-memorialnyy kompleks «Istoriya tanka T-34». Dokumentalno-istoricheskiy sbornik. № 2. (Elektronnoe izdanie)* [Museum and Memorial Complex “History of the T-34 Tank”. Documentary Historical Collection. No. 2. (Electronic Edition)]. Moscow, 2012, pp. 35–47.

2. Ganin S.M. Universalnye i poluuniversalnye pushki Kirovskogo завода [Universal and Semi-

Universal Guns of the Kirov Factory]. *Bastion. Voenno-tehnicheskiy sbornik*, 2015, no. 1, pp. 15–21.

3. Grabin V.G. *Oruzhie pobedy* [Weapon of the Victory]. Moscow, Politizdat, 1989. 544 p.

4. Zheltov I., Makarov A. *Osnovnoe oruzhie pervykh «tridtsatchetverok» (ot pushki L-10 k pushke F-34) (ch. 1)* [The Main Weapon of the First “Thirty-Fours” (from the L-10 Cannon to the F-34 Cannon) (Part 1)]. *Muzeyno-memorialnyy kompleks «Istoriya tanka T34». Dokumentalno-istoricheskiy sbornik. № 2. (Elektronnoe izdanie)* [Museum and Memorial Complex “History of the T 34 Tank”. Documentary Historical Collection. No. 2. (Electronic Edition)]. Moscow, 2012, pp. 17–33.

5. Kostyuchenko S., Khrenov I., Fedorov Yu. *Istoriya Kirovskogo завода. 1917–1945* [History of the Kirov Plant. 1917–1945]. Moscow, Mysl Publ., 1966. 702 p.

6. Minaev P.P. *Realizatsiya promyshlennostyu Petrograda–Leningrada voenno-tehnicheskoy politiki v oblasti razvitiya vazhneyshikh vidov vooruzheniya, voennoy tekhniki i boepripasov dlya sukhoputnykh voysk Krasnoy armii (20–30-e gg. XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [Implementation by the Industry of Petrograd – Leningrad of a Military-Technical Policy in the Field of the Development of the Most Important Types of Weapons, Military Equipment and Ammunition for the Ground Forces of the Red Army (20s – 30s of the 20th Century)]. Dr. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2006. 382 p.

7. Otchet po voyskovym ispytaniyam 76,2-mm tankovoy pushki L-10 [Report on Military Tests of the 76.2 mm L-10 Tank Gun]. *Muzeyno-memorialnyy kompleks «Istoriya tanka T34». Dokumentalno-istoricheskiy sbornik. № 2. (Elektronnoe izdanie)* [Museum and Memorial Complex “History of the T 34 Tank”. Documentary Historical Collection. No. 2. (Electronic Edition)]. Moscow, 2012, pp. 48–54.

8. Pismo rukovodstva Kirovskogo mashinostroitevnogo i metallurgicheskogo завода narkomu tyazheloy promyshlennosti SSSR S. Ordzhonikidze o postroyke stratosfernoy zenitnoy pushki [Letter from the Leadership of the Kirov Machine-Building and Metallurgical Plant to People’s Commissar of Heavy Industry of the USSR S. Ordzhonikidze on the Construction of a Stratospheric Anti-Aircraft Gun]. Koltyukov A.A., ed. *Stanovlenie oboronnno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937): sb. dok. T. 3. Ch. 2 (1933–1937)* [Formation of the Military-Industrial Complex of the USSR (1927–1937). Collection of Documents. Vol. 3. Part 2 (1933–1937)]. Moscow, TERRA Publ., 2011, pp. 385–386.

9. Postanovlenie STO SSSR № S-70ss «O realizatsii sistemy artilleriyskogo vooruzheniya» [Resolution of the Council of Labor and Defense of

the USSR no. C-70cc “On the Implementation of the Artillery Weapons System”]. Koltyukov A.A., ed. *Stanovlenie oborono-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937): sb. dok. T. 3. Ch. 2 (1933–1937)* [Formation of the Military-Industrial Complex of the USSR (1927–1937). Collection of Documents. Vol. 3. Part 2 (1933–1937)]. Moscow, TERRA Publ., 2011, pp. 397–398.

10. Protokoly zasedaniy Politbyuro TsK VKP(b). 1938 г. [Minutes of Meetings of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1938]. Sokolov A.K., ed. *Stanovlenie oborono-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–*

1937): sb. dok. T. 4 [Formation of the Military-Industrial Complex of the USSR (1927–1937). Collection of Documents. Vol. 4]. Moscow, TERRA Publ., 2015, pp. 951–958.

11. Shirokorad A. Otechestvennye poluavtomaticheskie zenitnye pushki [Domestic Semi-Automatic Anti-Aircraft Guns]. *Tekhnika i vooruzhenie vchera, segodnya, zavtra... Nauchno-populyarnyy zhurnal*, 1998, no. 8, pp. 1–17.

12. Shirokorad A.B. *Geniy sovetskoy artillerii. Triumf i tragediya V. Grabina* [Genius of Soviet Artillery. Triumph and Tragedy of V. Grabin]. Moscow, OOO «Izdatelstvo AST», 2003. 429 p.

Information About the Authors

Alexander L. Kleitman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of State Management and Political Studies, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Russian and General History, Archaeology, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторах

Александр Леонидович Клейтман, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

UDC 94(47)046
LBC 63.3(2)4

Submitted: 12.05.2019
Accepted: 21.11.2019

“HIS WIFE HAS MARRIED...”: TO THE PROBLEM OF THE FATE OF SOLDIERS’ WIVES IN THE 17th CENTURY

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with one important problem in the history of the 17th-century peasant family: the relationship between a woman and her family, as well as the family of her husband, in cases when this peasant was taken to military service for a long time. *Methods and materials.* The article is based on unpublished materials of the description of the Shenkurskaya and Podvinskaya chetverts of Vazhskiy uyezd in 1665. The author explores different situations of taking peasants in soldiers and further interaction of the volost with the families of these soldiers. The fates of soldiers’ wives are a subject of special attention. *Analysis and results.* The paper considers various cases that are recorded in the census book: the case of soldier’s wife living in the same yard with relatives of her husband or with her own relatives, the case of soldier’s wife death, the case of “begging inside the parish”. One of these variants was a new marriage of the soldier’s wife. The cases when it took place after the death of the first husband were always recorded. We assume that numerous cases of women’s marriage without remarks of her first husband’s death reflect the practice of a cohabitation among the peasants, which was not consecrated by the church, but was actually recognized by the government and by volost residents.

Key words: Vazhskiy uyezd, taking in soldiers, census book, soldier’s wife, volost, peasant family.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. “His Wife Has Married...”: To the Problem of the Fate of Soldiers’ Wives in the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 44–58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

УДК 94(47)046
ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 12.05.2019
Дата принятия статьи: 21.11.2019

«ЖЕНА ЕГО ВЫШЛА ЗАМУЖ...»: К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ СОЛДАТСКИХ ЖЕН В XVII ВЕКЕ

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Вовина-Лебедева В.Г., 2020

Аннотация. В статье рассматривается одна из важных проблем истории крестьянской семьи XVII в.: отношения к женщине, оставшейся без мужа, со стороны его родни. На неопубликованном материале описания Шенкурской и Подвинской четвертей Важского уезда в 1665 г. проанализированы случаи семейных отношений у крестьян при солдатских наборах, рассмотрены модели дальнейшего взаимодействия волости с семьями солдат. Особое внимание уделяется судьбам солдатских жен. Рассмотрены различные варианты,

которые зафиксированы в переписной книге: проживание у родственников мужа, у собственных родственников, смерть, «скитание в мире». Одним из таких вариантов являлось замужество солдатской жены. Поскольку случаи, когда оно имело место после смерти первого мужа, всегда фиксировались, остается предположить, что многочисленные записи о случаях иного рода отражают практику особой формы невенчанного сожительства, которую приходится считать довольно широко распространенной.

Ключевые слова: Важский уезд, солдатский набор, переписная книга, солдатская жена, волость, крестьянская семья.

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. «Жена его вышла замуж...»: к вопросу о судьбах солдатских жен в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 44–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

Введение. Когда речь идет о солдатской службе в XVII в., можно утверждать, что мы многое знаем о том, как формировались выборные полки нового строя, состоящие из служилых людей [6; 7]. Но солдатская служба крестьян, в том числе дворцовых, еще мало изучена. Недостаточно известно, как осуществлялись наборы крестьян в солдаты, например, на Русском Севере, каково было отношение волости к солдатским семьям, что происходило с солдатскими женами. Между тем существуют материалы, позволяющие предложить варианты ответов на эти и некоторые другие вопросы. Так, копии государственных описаний Важского уезда находятся в архиве СПБИИ РАН. В частности, там хранится «тягольно-солдатская» (по определению Ю.С. Васильева [2]) книга Важского уезда 1665 г. [9] (далее – ТСК). Это рукопись из колл. 115, д. 309 (далее при цитировании приводим только листы рукописи в круглых скобках). Она попала сюда из Рукописного отделения БАН, куда, в свою очередь, очевидно, поступила из Архангельска вместе с собранием деловых бумаг Архангельской губернской канцелярии [1]. ТСК в целом никогда не была объектом специального анализа. Нами была ранее исследована часть ее, а именно, описание Кургоминской волости, которой уже были посвящены статьи и публикации [3; 4; 5]. В настоящей статье используется полный текст ТСК и сведения по всем волостям и деревням, в ней упомянутым.

Методы и материалы. Для написания статьи привлечен, таким образом, неопубликованный материал самого раннего из дошедших государственных описаний Важского у., хранящийся в Архиве СПБИИ РАН, ранее не исследованный. Текст данной книги использован полностью, выводы сделаны на основе анализа данных по всем включенным в нее

местностям. Было произведено научное описание рукописи, подробно расписано ее содержание и определено, как была построена работа писцов и какие сведения заносились в книгу, материалы по каким волостям в нее включены. При обследовании содержания выявлено несколько вариантов складывания жизни солдатских жен после взятия мужа на службу. Был произведен сплошной подсчет количественных показателей, касающихся положения женщин-солдаток и частотности реализации тех или иных выделенных моделей. Полученные данные подвергнуты анализу исходя из принципа историзма и комплексного исследования данных источника.

Анализ. Книга сохранилась в копии XVIII в., без переплета (переплет изготовлен при реставрации), рукопись F, 22 × 35, на 500 л. (по изначальной арабской нумерации чернилами, одновременной с текстом, сохранившимся начиная с л. 9) или 466 л. (согласно карандашной нумерации более позднего времени, далее при цитировании приводим только листы рукописи в круглых скобках). Полустав разных почерков. Внизу скрепа: «С подлинною переписною книгою читал канцелярист Петр Богатырев». Правые и левые поля отчеркнуты чернилами, пером. На левом поле скрепы: «Секретарь Тимофей Климов, секретарь Петр Соколов». Часть листов утрачена: после л. 184 следует л. 201, л. 226–226 об. пустой. Книга содержит описание 67 крестьянских волостей. Начало отсутствует, текст начинается с середины описания Раченской (Реченской) вол. Далее идут описания следующих волостей (номером л. обозначаем начало описания, используем следующие сокращения: волость – вол., деревня – дер., приход – пр.): л. 14 Великоникольский пр. (Великониколаевская вол.), л. 15 Литвиногорская

вол., л. 19 Заюмзенская вол., л. 19 об.–20. Рабальская вол., л. 26 об. Тарнянская (Тарненская) вол. Воскресенский пр., л. 32 об. Федорогорская вол., Никольский пр., л. 36 об. вол. Поча, л. 38 Марецкая вол., Преображенский пр., л. 47 об. Вахрушевская вол., Богоявленский пр., л. 49 об. Нижнеедемская вол., л. 52 Шелашская (Шолешская) вол., л. 57 об. Раченская вол. («того ж приходу»), л. 58 вол. Ярупье, л. 60 Усть-Паденская вол., Воскресенский пр., л. 72 Верхопаденская вол., Пречистенский пр., л. 88 Шеренская (Ширенская) вол., Никольский пр., л. 95 об. Ровдинская вол., Борисоглебский пр., л. 104 Суланская вол., Троицкий пр., л. 118 об., Пуйская (Пужская) вол., Георгиевский пр., л. 133 Предтеченский пр., л. 152 Шеговарская вол., Предтеченский пр., л. 155 Сметанинская вол., Предтеченский пр., л. 161 Ямскогорская вол., Покровский пр., л. 177 вол. Золотилова гора, л. 178 Усть-Тарская вол., л. 179 об. вол. Коташка, л. 182 Шеговарская вол., Преображенский пр., л. 209 вол. Верхолецкая слободка, Никольский пр., Усть-Важская вол., Успенский пр., л. 249 вол. Верхняя Тойма, Никольский пр., л. 282 вол. Чащевица, л. 285 речка Уденица, л. 289 об. вол. Другая Верхняя Тойма, л. 305 Нижнетоемская вол., л. 318 вол. Керга, л. 321 об. вол. Заблудня Нижняя, л. 325 вол. Заблудня Верхняя, л. 344 вол. Усть-Емище, л. 347 об. Еминская вол., Нижнетоемский пр., л. 351 об. вол. Качемса, Нижнетоемский пр., л. 353 об. Пучуюжская вол., Петровский пр., л. 382 об. Селецкая вол., Ильинский пр., л. 389 Заостровская вол., Архангельский пр., л. 403 Троицкая вол., л. 413 Топеская вол., л. 430 об. Тулгасская вол., пр. Климентовский, л. 436 Кургоминская вол., пр. Воздвиженский, л. 445 Конецгорская вол., пр. Георгиевский, л. 463 об. Ростовская вол., Введенский пр., л. 473 Рабальская вол., Ильинский пр., л. 476 Шиленская и Прилуцкая вол., л. 479 Осиновская вол., Введенский пр., л. 483 об. Слобоцкая вол., Пянская сотня, л. 487 Пяндская вол., Троицкий пр., л. 490 об. Усть-Ваенская вол., л. 493 об. вол. Паница, л. 494 Березницкая вол., л. 496 об. Чаростровская вол.

Это первое из сохранившихся описаний данных местностей. Более ранних переписных книг по Ваге не известно. Степень сохранности книг, подобных ТСК, по другим уездам

сейчас нами выясняется. Следует учитывать, что во время составления изучаемого описания шла русско-польская война 1654–1667 гг., поэтому активно велись наборы даточных людей, особенно в дворцовых волостях. В данной книге они называются «солдатами», понятие «даточные люди» не употребляется. В некоторых случаях подчеркнуто, что человек стал «выборным солдатом». Почему именно в 1665 г. возникла необходимость проводить подобную перепись, это вопрос, который еще нуждается в отдельном рассмотрении. Сейчас отметим лишь, что подавляющее большинство крестьян, записанных в ТСК как набранные в солдатскую службу, были взяты в 1654–1655 гг., то есть в самом начале войны, за десять лет до составления книги.

Главный интерес представляет специфика данного описания, которое фиксировало среди других повинностей: подлежал ли двор набору в солдатскую службу, или же нет. В силу этого по какой-то причине писцам было дано задание в случае, если в службу был взят женатый человек, писать о судьбе его жены и детей (имена детей называются, если это мальчики, имена жен не названы). Таким образом, в ТСК отразились некоторые важные черты семейной жизни крестьян гораздо лучше, чем в обычных переписных книгах, где, как известно, отмечались только крестьяне мужского пола (за исключением вдов-дворовладелиц, которые отмечены и в ТСК). Впервые переписывать всех женщин, включая девочек (с обозначением имен и возраста), стали только во время переписи 1710 года. Поэтому анализ ТСК дает ценный материал по истории семьи в России – научного направления, ставшего актуальным благодаря гендерным исследованиям Н.Л. Пушкаревой (из которых сошлемся на последнюю книгу [8]). ТСК также пригодна для сравнения с тем, что известно о положении солдатских жен в XVIII веке [10; 11]. Но в отличие от последующего столетия в исследуемое время положение жен солдат и их детей не регулировалось правовыми актами. В Соборном уложении 1649 г. мельком говорится о службе даточных из частновладельческих крестьян или посадских, а солдаты из дворцовых или черносошных крестьян даже не упоминаются. Отсутствуют другие материалы наподобие

тех, которые позволяют узнать подробности судеб рекрутских жен в более позднее время [11]. В случае Важского у. середины XVII в. мы можем опираться главным образом на данные, извлекаемые из государственных описаний.

Здесь и далее при разборе содержания ТСК будем приводить примеры типичных записей (курсивом нами выделены наиболее важные в каждом случае места). Так, на л. 16 в Раченской вол., дер. Лисицынская описана «*вдова Василистка Савина дочь*, тягла под ней треть обжи на жеребью, с нею три сына: Наумко десяти лет, Ивашко осми лет да Ивашко ж пяти лет Вахрамеевы дети. Да с того же тяглово жеребья во 162-м году взят в салдаты пасынок ея Васка Вахрамеев неженатой». Как видим, во время переписи все дворы описывались исходя из двух параметров: размера тяглы на жеребей (крестьянский надел) и наличия или отсутствия солдатской службы с двора. Кроме того, отмечались увечья, болезни или старость крестьян. Так, на л. 410 об. в Кургоминской вол., дер. Синцовской был описан «*Овдейко Емельянов стар и крив. Тягла под ним пол полтреши и малая четъ обжи на жеребью*. С ним сын Ивашко женатой, салдацкие службы с него нет».

Долгота службы была различной, но она не всегда отмечалась писцами. Зачастую делалась лишь помета о том, что человек «*в службе был*» (означавшая, что он к 1665 г. со службы уже вернулся). В противном случае записывалось, что крестьянин «*сшел за себя*», то есть не нанял «наемщика», что тоже было возможно и довольно широко практиковалось. Заметка «*сшел за себя*» означала, что человек пошел служить сам и все еще служит. Но иногда делалась специальная приписка «*и ныне в службе*» или писалось, сколько лет было отслужено.

Например, на л. 406 в Кургоминской вол. в дер. Анкудиновской описан «*Назарко Григорьев. Тягла под ним полчети обжи на жеребью. С ним сын Левка женат. И во 163-м году он, Левка, описан в салдаты и в службе был*. А отец ево стар и дряхл». Как видим, если женатый крестьянин к моменту описания уже возвратился со службы, судьба его жены не указывалась, и мы лишены возможности понять, где она обитала во время его

отсутствия. Обычно не ясно даже, сколько лет его не было дома. Так, на л. 411. Кургоминская вол., дер. Синцовская читаем: «*Андрюшка Самойлов. Тягла под ним полтреши и пол полчети обжи. И во 163-м году он, Андрюшка, описан в салдаты от отца и в службе был год, а ныне одинок и отец ево умер*». Фразу «*а ныне одинок*» можно трактовать двояко: и как то, что Андрюшка лишился отца, и как то, что Андрюшка был женат, а теперь нет.

Длительность службы была различной. На л. 406 об. в Кургоминской вол., в описании дер. Гавриловской читаем: «*Ивашко Семенов. Тягла под ним пол полтреши и пол малые трети обжи. Одинок. И во 163-м году он, Ивашко, описан в салдаты от брата от Оферка и в ево место был на государеве службе брат ево родной он, Оферко, два годы и пришед домой*». Крестьянин мог отсутствовать и гораздо дольше: на л. 227. В Усть-Важской вол. описана дер. Котоцкая. Там двором владел Петрушко Деонисьев «стар». Его сын Тимошка в 7162-м г. был описан в солдаты «*и в службе был 8 лет*». В большинстве же случаев, когда речь шла о взятых в службу в 1654 или 1655 гг. лицах без всякой иной пометы, это означало, что крестьяне до сих пор (то есть к моменту описания) находились в службе, то есть служили 10 лет и более.

В обязательном порядке указывалось семейное состояние крестьян, как живущих во дворе, так и взятых с этого двора в солдаты. Если дворовладелец был неженат, это отмечалось понятием «одинок», поэтому отсутствие такой пометы означало, что владелец двора женат. Если двором владела женщина, она обозначалась как «*вдова*». Так, на л. 404 в Кургоминской вол., в дер. Ефремовской значился «*Ивашко Иванов, тягла под ним пол трети обжи и пол полчети и шестая доля белки, одинок*. Да от него ж Ивашка, во 163-м году с того же тяглово жеребья взят в салдаты брат ево родной Федка, неженатой, *сшел за себя*. А тяглово салдацкого жеребья Ивашко в мир не поступаетца, пашет и подати платит собою». На л. 213 об. описана Усть-Важская вол., дер. Балавинская. Там проживал Оска Якимов «*слеп*», в 7163-м году в солдаты был взят его сын Мелешка «*женатой, был в службе, а ныне дома*». Семейное состояние взятого на службу обозначалось всегда.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

См. л. 402 об. Кургоменская вол., дер. Калининская: «И во 163-м году муж ея, Маринкин, Ермолка Титов описан в салдаты, и в ево место сшел на государеву службу в салдаты брат ево родной Игнашка, *неженатой*. А Ермолка дома умре». Перед нами часто встречающееся явление: вместо одного члена семьи на службу шел другой (обычно брат, сын или отец).

Перейдем теперь непосредственно к судьбам жен-солдаток. Судя по ТСК, существовало ограниченное число возможностей для женщины устроить свою жизнь, если мужа забирали в солдатскую службу. Гибель мужа на службе никак не влияла на судьбу его жены и не ввлекла за собой никакой компенсации. Тем не менее смерть в службе всегда отмечалась, и мы можем понять, что такие случаи не были единичными. Если речь шла о гибели во время боевых действий, это записывалось особо. Так, солдаты гибли под Смоленском. Пример типичной записи: в Конецгорской вол., в дер. Тереховской (л. 451) описан взятый в 7162-м году в солдаты подворник Михайко Савин, который «сшел за себя и под Смоленским убит». Как увидим далее, уход крестьянина (в случае, если он был женат) на 10 лет и более в солдаты без гарантии того, что он вообще возвратится, ставил его жену и детей на грань выживания. Поскольку никакой государственной поддержки семьям солдат не существовало, солдаткам приходилось рассчитывать на родственников или на помочь волости (мира).

Нами были выделены различные варианты судеб солдаток и проведены подсчеты частотности проявления того или иного варианта в пределах волостей, охваченных описанием ТСК. О судьбе жены солдата ничего не сказано лишь в пяти случаях (см. л. 72 об., л. 90, л. 249 об., л. 251 об., л. 404 об.) При этом тут могли иметь место просто ошибки при прочтении и последующем копировании, в результате которых вместо «неженатый» переписчик мог прочесть (и машинально написать) «женатый». Приведем пример: на л. 72 об. при описании Верхопаденской вол. в дер. Галиева Гора обозначен Тимошко Васильев, у которого в 7162 г. взят в солдаты брат его «женатый» с простой пометой, что он «сшел за себя». Поскольку обычно при описи в солдаты женатого крестьянина говорилось о судь-

бе жены и детей, то данное место мы должны считать ошибкой, и брат Тимошки Васильева, видимо, был «неженатый».

Теперь отметим крайне редкие случаи, когда солдатские жены после ухода мужа в службу отделялись от его родных и жили своим двором. В ТСК мы обнаружили это четыре раза (см. л. 29, л. 96 об., л. 139, л. 293 об.). На л. 29 читаем, что в Рабальской вол., в дер. Ивановской в 7162 г. со двора Стенки Иванова был взят в солдатскую службу его брат Никитка. После этого Никиткина жена Ксеньица «да дети Першка женатой, Игнашка тринатцати лет во 170-м году от Стенки *отделились и живут собно своим двором*». Причиной такой самостоятельности Ксеньици, видимо, нужно считать наличие у нее взрослого сына. Вероятно, именно женитьба сына сделала возможным отделение спустя 8 лет после ухода мужа в солдаты. На л. 96 об. в Ровдинской вол., в дер. Стрековской находим Петрушку Михеева, у которого вместо сына Давыдка пошел в солдаты его брат Матюшко, после чего «жена ево Матюшкина Овдотьица Архипова дочь от него Петрушки *отделилась и живет своим двором*». Тут причина отделения солдатки явно иная, так как, судя по описанию, у нее вообще не было детей (во всяком случае, сыновей). Скорее всего, отделение Овдотьицы было своего рода компенсацией за то, что ее муж пошел в службу вместо брата. На л. 139 в Предтеченском пр., в дер. Кобылинской дворовладелицей значилась Маврица Трофимова. Ее муж Дружинко Иванов в 7163 был взят в солдаты от братьев Анашки и Онички Ивановых, «и после ево Дружинки, жена ево и дети от Анашки *отделились*». Возраст детей, как видим, не указан, скорее всего, они были малолетними и, вероятно, это были девочки, поскольку они не названы по имени. Фразу «после ево Дружинки» можно понимать и как указание на уход в службу, и как указание на смерть Дружинки. Наконец, в вол. Другая Верхняя Тойма, в дер. Голубовская (см. л. 293 об.) жил Панкратко Никифоров, у которого в 7162 со двора в солдаты был взят брат Пашко, а жена и 12-летний сын последнего *живут своим двором, отделясь*.

Итак, во всех четырех случаях перед нами разная ситуация семейного раздела: от-

деляется жена со взрослым сыном; бездетная солдатка; крестьянка с малолетними (возраст не определен) детьми; жена-солдатка и сын-подросток.

Следующим вариантом женской судьбы, который выявляется при анализе ТСК, была смерть жены солдата, пока муж был в службе. Жены умерли в 47 случаях. Записи об этом предельно лаконичны. Так, в Предтеченском пр., в дер. Кулагинская (л. 142) у Гришки Кузмина был взят в солдаты женатый сын Ивашка, и далее сказано, что его «жена умре». И в той же дер. у Якунки Алексеева в 7162 г. забрали женатого брата Стенку, а его «жена умре».

Солдатский жеребей был продан женою после ухода мужа в службу в пяти случаях (л. 17, л. 28 об., л. 33–33 об., л. 89 об., л. 171 об.). Так, в Литвиногорской вол., в описании дер. Оладинская (л. 17) читаем: «Тое же деревни с тяглово жеребья сшел на государеву службу в наемных салдатех Коземко Пахомов вместо описанного салдата Усть-Тарненские же волости Архипка Игнатьева сына Лодыгина же. Тягла под ним Коземко было пол обжи, и после Коземки жена ево Федосыцица том тяглой жеребей для своей бедности продала Федке Яковлеву да сын ея Федосыцицын Данко Козмин во 170 году нанялся в салдаты вместо описанного салдата Сенки Харламова с Переизу и ныне в службе». В данном случае взятый в службу крестьянин был дворовладельцем, но в службу пошел добровольно, очевидно, в силу бедности, продавшись как «наемный солдат» вместо крестьянина, который должен был пойти в солдаты («описной солдат») из другой волости. Это не помогло семье, и жена Коземки все же продала оставшийся после мужа жеребей, также в силу бедности. Этого оказалось недостаточно, и через 8 лет ее сын вынужден был наняться в солдаты, как и отец, пойдя в службу за другого. Он служил к моменту переписи уже три года (с 1662 по 1665 г.). Воображение рисует эту незадачливую семью. Можно лишь гадать, в чем была причина такого несчастья. Для писцов важной задачей было показать, куда ушел надел и кто им теперь владеет, что и было тщательно зафиксировано. На л. 28 об. в дер. Фоминской, Куликова и Саревская тоже находим Ивашку Силуянова «стара», у которого в солдаты был взят женатый

сын Захарко. Но за него пошел наемщик Терешко Арефьев «и ныне в службе, а жена ево, Терешкина, после ево той жеребей в 166-м году продала и скитаются ныне в мире». Отсюда следует, что писцов интересовала судьба всех жен-солдаток, включая и жен «наемщиков». То, что результатом продажи надела для солдатки чаще всего было «скитание в мире», в целом очевидно. О «скитающихся в мире» солдатках см. ниже.

Только в некоторых случаях мы можем узнать, где затем обитали продавшие надел женщины. Так, в Ширенской вол., в дер. Трофимовской (см. л. 89 об.) жил Анфилофейко Филипов, у которого в службу был взят женатый брат Ивашко, после чего «жена ево Ивашкова да сын Первушка десяти лет от нево Анфилофейка отделились и тяглой салдаткой жеребей продали ему же Анфилофейку и живут в Усть-Паденской волости на подворье у дядьев своих». Тут на помощь солдатке с сыном пришли ее родственники (не родственники мужа). Что же касается брата мужа, то он получил выгоду из этой ситуации, прикупив жеребей брата. Еще один вариант описан на л. 33–33 об. В вол. Федорогорской Никольского пр. зафиксирован Ивашко Матвеев, который в 7163 г. был описан в солдаты от отца, но вместо него в службу пошел наемщик, крестьянин той же волости, дер. Жемчужинские, Сенка Иванов, который «и ныне в службе» (то есть уже 10 лет), а тем временем «наемщики тяглой жеребей жена ево продала и вышла замуж». К случаям выхода замуж солдатских жен мы вернемся ниже. Остается лишь гадать, куда ушли деньги, вырученные за продажу мужнина надела. Если они ушли в семью второго мужа, то любопытно было бы узнать, какова была тут позиция родственников первого. Наконец, писцы могли просто зафиксировать факт продажи надела, не выясняя судьбу продавшей его жены (или, возможно, им это не удавалось выяснить). В Предтеченском пр., в дер. Летушинской (см. л. 171 об.) у Левки Тимофеева «стара» в 7162 г. в солдаты были взяты сыновья Васка и Ивашка. Вместо Васки пошел наемщик Усть-Тарненские волости Патрикейко Агафонов Коробицын, оставив жену, о которой просто сказано, что «тяглой ево жеребей жена ево продала».

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Наделы, однако, могли продавать не только жены. В той же волости в дер. с говорящим названием Ивановская и Мудаковская (см. л. 24) жил неженатый Васка Яковлев, который был описан в солдаты, «сшел за себя», был записан от отца и отец без него умре, а тяглой ево жеребей... без него Васки *сестра ево продала* тое ж деревни вдове Улите Савостьянове дочери». Итак, тут перед нами следы операции купли-продажи земли, которую в отсутствие мужчин (один ушел в солдаты, другой умер) осуществили женщины.

Редко жена солдата становилась владелицей тяглого жеребья. Иногда перед этим она отделялась от родственников. В ТСК мы встречаем эту ситуацию только трижды. Любопытно, что везде речь идет о «наемщиках», пошедших в службу вместо описанного в солдаты крестьянина. Так, у крестьянина Ровдинской вол., дер. Сидорова Горка (см. л. 105) Сенки Анисимова был описан в службу сын, вместо которого пошел наемщик из той же волости из дер. Ильинской Андрюшка Гаврилов, после чего «*тяглым ево наемщиком жеребьем владеет жена ево*». В Пуйской вол. в дер. Палинская (л. 119 об.) за крестьянина Федотку Тиханова пошел в службу наемщик, а «*тяглым ево наемщиком жеребьем владеет жена ево да дети*». И в той же деревне отмечен случай ухода в солдаты наемщика Тимошки Яковleva, о котором сказано (л. 121 об.), что *на жеребье у него остались жена и дети*. Итак, у нас три случая владения солдатками тяглым жеребьем: одинокой женщиной (или не имеющей сыновей) и матерями вместе с детьми, возраст которых не обозначен.

И однажды писцами было помечено, что жена солдата Тимошки Васильева, который был описан в службу от своего брата Мартинки Васильева из дер. Никольской Ровдинской вол. (л. 114), живет вместе с сыном «*в Шенкурске на посаде*». При этом нет никаких помет о том, что в Шенкурске у них имелась родня. Очевидно, были какие-то другие причины, заставившие жену Тимошки Васильева покинуть родную деревню и устроиться жить в городе. При наличии родственников, прежде всего со стороны мужа, женам и детям естественно было ожидать помощи с их стороны, особенно в случае, когда муж

описывался в солдаты со двора от отца или старшего брата.

У родни мужа жило всего 115 солдаток. Из них наиболее часто они принимались (с детьми или без) деверем (братьем мужа): 64 случая. Так, в дер. Фалковской Заомзенской вол. (л. 19 об.) жил Ивашко Наумов, у которого «*во 162-м году с того же тяглово жеребья взят в солдаты брат ево родной Васка женатой и ... в службу сшел за себя*», после чего Васкина жена жила у Ивашки. Ее семейный статус (наличие или отсутствие детей) не был отмечен. На л. 63. в Усть-Паденской вол., в дер. Лукинской описан Якушко Тарасов, у которого в солдаты был взят брат, после чего бездетная (что специально отмечено) жена его живет у Якушки. А в Шелашской вол., в дер. Лукинской (л. 63) жил Якушко Тарасов, у которого в службе находился брат, а его «*жена бездетна живет у Якушки*». Возможно, помета «*бездетна*» означает, что у солдатки в самом деле не было детей, а если по этому поводу не делалось никакой пометы, это могло значить лишь, что отсутствуют дети мужского пола, но могли быть дочери, которые просто не записывались в ТСК.

В некоторых случаях хозяин двора содержал большую семью родственников по линии своих братьев: не только жену ушедшего в солдаты брата, но и племянников. Так, на л. 408 об. в Кургоминской вол., в дер. под названием Что был починок Сеньки Григорьева, отмечен Агафонко Филипов. С ним во дворе описаны два племянника: «*Сидорко Савин десяти лет, Ивашко Федоров осми лет*». С этого же жеребья были взяты в солдаты три родных брата Агафонка: «*Савка да Федорко женатые, Лучка неженатой*». Федка был взят в 7162 г., а Савка и Лучка – в 7163 году. Все трое «*сошли за себя*». Из двух солдатских жен Савкина жена вышла замуж, а Федкина жена продолжала жить во дворе Агафонки, как и ее сын. Любопытно, что и сын Савки 10 лет продолжал жить у дяди, несмотря на то что его мать уже ушла со двора. И это случай не единичный, встречаются и другие. Так, в дер. Седельниковская и Старухинская Рабальской вол. (л. 23–23 об.) во дворе Никифорки Максимова жил «*с ним брат родной Андрюшка двадцати лет, да от него ж Никифорка... с того ж тяглово жеребья взят в*

солдаты брат ево родной Федка женатой, сшел за себя, жена ево вышла замуж, а *дети его*, Федкины, Ивашко десяти лет и Коземко осми лет *живут у него же*, *Никифорка...*». Как видим, сыновья ушедшего в службу брата хозяина двора всегда описывались с указанием возраста. Так и в вол. Ширенской, дер. Онтипинской (л. 88 об.) двором владел Васка Артемьев, описан в службу от него был брат Семейка, жена которого и сын Ферапонтко 10 лет жили у Васки.

Вторым по частотности упоминания в ТСК был вариант, когда солдатская жена оставалась жить у свекра: 37 случаев. Так, на л. 404 об. в Кургоменской вол., в дер. Прокопьевской отмечен «Епифанко Иванов. Тягла под ним четъ и полчети обжи на жеребью. С ним внук Осташко Иванов десяти лет. Да от него, Епифанка, во 163-м году с того тяглого жеребья взят в солдаты сын ево Ивашко женатой, сшел за себя. Жена ево живет у него, Епифанка». Из записи не явствует прямо, что жена Ивашки и есть мать внука Осташки, но это резонно предположить. Иногда на одном дворе жили жены нескольких солдат. Так, на л. 135 в Предтеченском пр. в дер. Гришинской и Манастырек жил Гашко Шатров, у которого сначала в солдаты был взят сын Ивашко, «а ныне в выборных солдатех, жена ево живет у него Гашка», затем в солдаты взяли зятя Ивашко, жена которого также жила после этого у Гашки.

Четыре раза встречаются записи о том, что солдатские жены оставались жить у вдовы свекрови. Так, в Рабальской вол. в дер. Харловской (л. 77 об.) жила вдова Иринка Осипова, женатый сын которой был взят в солдаты, после чего его жена жила с Иринкой. Она не записана бездетной, но и не обозначены сыновья. Значит, после ухода в службу единственного мужчины в семье во дворе остались жить женщины: вдовая Иринка Осипова, ее невестка и дочери последней. Такой же случай видим в Ровдинской вол.: на л. 111 об. в дер. Захаровская и Шевелевская записана вдова Фотиньица Анисимова, у которой в службу взят сын, а жена сына живет у Фотиньицы. А на л. 154 в Шеговарской вол., в дер. Игнатьевской означена вдова Матица Софонова. В 7162 г. в солдаты были взяты два ее сына: «Левка да Тимошка». Судьбы

их жен сложились по-разному: про Левку сказано, что он «ныне в службе в выборных солдатех», и Левкина жена живет у Матицы. А вот Тимошкина жена вышла замуж. Наконец, в Сметанинской вол. (л. 155 об.) в дер. Тихоновской у вдовы Дарьи Синичихи был в 7163 г. взят в службу сын Ивашко, «и был в службе, а ныне слеп, живет на Москве, просит хлеба, жена ево живет у нее, Дарьи». Таким образом, жена и, видимо, дочери пострадавшего на службе и (видимо, поэтому) не вернувшегося в деревню сына продолжали опекаться его матерью (и, разумеется, работать) на ее дворе.

Нередко во дворах своих родственников по линии мужа оставались жить жены зятьев, дядей или племянников хозяина двора: 10 случаев. Так, например, в Сметанинской вол. в дер. Зеленинской (л. 173) жил Семейка Агафонов, у которого в службу в 7163 г. был взят *племянник* Исачко Герасимов, и теперь «жена ево живет с ним Семейкой и печалует». В Пущинской вол. в дер. Яковлевской (л. 371) описан Стенка Якимов, у которого в 7162-м г. был взят *племянник* Ивашко Никифоров, и жена последнего теперь живет у Стенки. На л. 31 в Рабальской вол. в дер. Рыбина Горка находим Сидорку Куприянова, у которого был взят в службу зять, и жена последнего с тех пор живет у Сидорки. В Ровдинской вол., в дер. Стрыковская (л. 97 об.) читаем об Ивашке Васильеве, сын которого Кирилка подлежал взятию в солдаты, но вместо него пошел его дядя Никифорко Васильев, жена которого теперь живет у Ивашки. В Нижнетоемской вол. в дер., которая в описании названа Что, была пустошь Другое Фоминское (л. 313), со двора Исачки Савинова в 7162 г. был взят его дядя, жена которого теперь живет у Исачки. А на л. 314–314 об. читаем про Терешку Федорова, у которого в 7163 г. также был взят дядя, и жена дяди живет у Терешки.

Впрочем, отношения между дядьками и племянниками могли быть довольно сложными. Так, на л. 12 об. в Раченской вол. в дер. Киприяновской значится Агапко Минин, вместе с которым жил «*племянник* Ивашко Сергиев женатой». История семьи заключалась в том, что в 7163 г. «*два племянника* ево два Ивашка Сергиевы дети женатые отписаны в салдаты» и «*болшеи* Ивашко в службу сшел

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

за себя, а вместо другова Ивашка сшел дядя ево Гришка Минин женатой». Таким образом, сейчас во дворе Агапки остался лишь один, младший племянник хозяина, а также жена другого племянника, ушедшего в службу. Но жена Гришки Минина, который пошел служить за младшего племянника, «скитаетца в мире», и Агапко по какой-то причине не взял на себя заботу о ней.

Мы рассмотрели примеры дворов, хозяева которых собирали вокруг себя многочисленную родню, в том числе оставшихся без кормильца жен и детей солдат, взятых в службу с этого двора. Однако это происходило далеко не всегда. Отметим сначала записи, согласно которым солдатские жены жили не у родни мужа, а у своей родни. У своих братьев они проживали в двух случаях. На л. 161 читаем, что в Ямторогской вол., в Покровском пр., в дер. Соболевской жил Давыдко Ерофеев Губин. В 7163 г. был взят в солдаты его брат Мишка, жена которого теперь «живет у братьи своей родных». В Троицкой вол. в дер. Тимохинской (л. 410) записан крестьянин по имени «Федка Иванов Синцов, тягла под ним треть обжи на жеребью, с ним сын Пашка женатой да от него ж Федки во 7163-м году взяты в салдаты два сына ево Флорко женатой, Стенка неженатой, сошли за себя. Флоркова жена живет у братьи своей родных...». Третий похожий случай был указан выше, когда речь шла о продаже женами солдатских жеребьев: в вол. Ширенской (л. 89 об.) солдатская жена продала солдатский жеребей брату своего мужа, после чего жила в другой волости «на подворье у дядьев своих».

У своего отца после ухода мужа в службу солдатские жены проживали в двух случаях. Так, в Литвиногорской вол. в дер. Пасыновской (л. 73) жил Федотко Заморов, у которого был взят в солдаты его женатый сын, а теперь «жена ево бездетна живет у отца свою». А в Пучюжской вол. в дер. Лухановской (л. 360) у Васки Яковleva в 7163 г. взяли брата Ивашку, и его жена также живет у своего отца.

У собственных матерей солдатские жены жили также только в двух случаях. На л. 360 об. значится Костка Яковлев, у которого в 7163 г. был взят в службу брат Аничка, жена которого после этого жила «у матери

своей». И аналогично этому в дер. Евдокимовской Пучюжской вол. (л. 380) у Харки Андреева был взят в 7163 г. сын Якушко, а его жена «живет у матери своей».

Всего по материалам нашей переписной книги жила у родственников (мужниных и своих) 121 солдатка.

Трижды мы видим записи о том, что женщины не жили у родни (ни у мужниной, ни у своей), но кормились с помощью родни. Так, в Усть-Важской вол., Успенском пр., в дер. Моисеевской (л. 233) значится Маковейко Дмитриев. Его сын Амброско в 7162 г. да брат Ивашко в 7163 г. были взяты в службу, после чего «Амброскова жена вышла замуж, а Ивашкове жене он, Маковейко, *дает посыпной хлеб*». В Нижнетоемской вол. в дер. Третья Борисовская (л. 306) записан Чюдинко Иванов, у которого в 7162 г. взят брат Мишка женатый, и «жене ево Мишкине он Чюдинко *дает посыпной хлеб*». Наконец, на л. 306 об. находим Терешку Клементьева «одинока». В 7162 г. у него был взят в службу брат родной Фомка, и жене последнего Терешка *дает посыпной хлеб*.

Итак, с учетом этих трех случаев, 124 солдатские жены получили помощь от родни после ухода мужа в службу.

Иногда во дворах оставались жить жены наемников, пошедших в службу вместе кого-то из жильцов данного двора. Приведем пример. В Ровдинской вол. в дер. Кабаловская Горка (л. 106) жил Федка Никитин, у которого был описан в службу сначала один сын, который пошел за себя, его жена и сын живут у Федки. Затем описали и другого сына Дмитренка, вместо которого выставили «наемника», и жена этого наемника теперь «живет у Минки», то есть у того, вместо кого пошел в службу ее муж. Думается, что в подобной ситуации можно предполагать предварительный договор наемника и того, кто его нанимал в службу, относительно судьбы наемниковой жены.

Однако гораздо чаще жена солдата оказывалась вообще без всякой помощи родственников и была вынуждена нищенствовать, надеясь на помощь волости – идти по миру, или, как значится в ТСК, «скитаться в мире». Всего, по нашим подсчетам по ТСК, в 1665 г. скивались в мире 79 солдатских жен. При этом

иногда отмечается, что жены скитаются «бездетны». Мы насчитали 11 таких случаев. Так, в Ровдинской вол. в дер. Чикаловской (л. 102) у Половки Никифорова в 7162 г. был взят в службу родной брат, и теперь его «жена бездетна скитаются в мире». Также и на л. 102 об. в той же вол. в дер. Уласовской у Матюшки Анаибина взяли брата Ивашку, жена которого «бездетна скитаются в мире». Иногда в одной семье это становилось правилом. Так, в Рабальской вол. в дер. Можаевская и Тупиковская (л. 25) в службу были взяты Лучка Тимофеев и Андрюшка Александров женатые, «жены их скитаются в мире, бездетны».

Если у солдатской жены были сыновья, которые также пошли по миру, это всегда отмечалось: мы насчитали 10 случаев. Так, в Заостровской вол. в дер. Михайловской (л. 392) у Агафонки Якимова в 7163 г. был взят в службу брат Софонко, жена и 9-летний сын которого теперь скитаются в мире. А в Раченской вол. в дер. Жерноковской (л. 14 об.) записан Ивашко Томилов сын Рачков, у которого «брать ево родной Ивашко же женатой сшел за себя, а жена ево Ивашкова да два сына Фирко пятинацати лет и Шилко десяти лет скитаются в мире». Попадаются сведения о еще более многочисленных группах родственников, обреченных на нищенство. Так, в дер. Водокушка Предтеченского пр. (л. 141) Харка Агафонов из Ямскогорской вол. был описан в солдаты в 7163 г., но в его место в службу пошел брат. Харко продал жеребей в Ямскогорской вол. и купил землю на Водокушке у старцев Кодемской пустыни, «что положил к ним вкладом тое же деревни Олферко Слобожанин, а с того жеребья ево Олферковы три сына Матюшка женатой, Игнашка да Оска неженатые взяты в солдаты во 163-м году, сошли за себя, а отец их умре», после чего «Матюшина мать и жена и сын Савка девяты лет да брат родной Якушко пятинацати лет скитаются в мире».

Есть случаи более сложные. На л. 404 об. в Троицкой вол. в дер. Сергиевской находим двор, которым владел «Ивашка Корнилов сын Спицын одинок. Тягла под ним пол обжи без полполчети обжи, да ево же подворник Тришко Михайлов сын Бушарин взят в солдаты во 7163-м году, сшел за себя, жена ево Тришко-

ва да сын Васка девяти лет скитаются в мире, а живут на подворье у него же Ивашка». Таким образом, одинокий крестьянин предоставил кров жене и сыну своего подворника, но, видимо, этим и ограничился, и их не кормил, поскольку они считались «скитающимися в мире».

Чаще всего жены обозначены «скитающимися в мире» без обозначения бездетности, но и без записи сыновей. Таких случаев 57. Можно предположить (как уже было отмечено выше), что эти неустроенные солдатские жены имели не сыновей, а дочерей. Так, в Рабальской вол. в дер. Парчинской (л. 25) значился жеребий Федки Кузмина Узлового, «что лежит в пусте». Сначала с него были взяты в солдаты брат Федки Митрошко и сын Ивашка, оба женатые, оба «сошли за себя и ныне в службе». Потом и сам Федка «сшел на государеву же службу вместо описного солдата Химаневские волости деревни Коскары (?) Мишки Агафонова прозвищем Докучки по найму, и ныне в службе, жены их скитаются в мире». Тут перед нами кратко записана история разрушенной солдатскими наборами семьи. Не удивительно также, что «скиталась в мире» после ухода в солдаты жена «беспашенного бобыля Мирошки» из дер. Шитиновской Рабальской вол. (л. 26).

Но в большинстве случаев жены солдат пускались по миру при живых и находившихся в своих дворах родственниках. Так, приведем пример характерной записи на л. 42 об.: в Марецкой вол. в дер. Утятинской жил Стенка Михайлов, брат которого Симка был взят в службу, а жена его скитаются в мире. Причины такого поведения родственников по отношению к солдатским женам определить трудно. В ряде случаев это, возможно, объяснялось перенаселенностью дворов. Но иногда подобная ситуация складывалась даже во дворах, владельцы которых значатся как «одинокие». Так, в Литвиногорской вол. в дер. Якимовской (л. 18 об.) записан «Гришка Андреев... да во 7163-м году описан в солдаты брат ево родной Митка женатой, и Митка в службу сшел за себя, жена ево скитаются в мире, а Гришка ныне одинок». Чаще всего солдатская жена скиталась в мире, когда ее муж был взят со двора своего брата, которому достался «солдатский жеребей», но который не стал

содержать невестку. Однако не менее равнодушными к судьбе снохи оказывались порой в таких случаях и свекры. Так, в Шеговарской вол. в дер. Игнатьевской (л. 152 об.) записан Анкидинко Борисов, сын которого по имени Девятко взят в службу, а жена его «скитаются в мире».

Теперь мы переходим к самому неожиданному варианту судеб солдатских жен. Речь идет о случаях, когда солдатские жены вновь выходили замуж. Это наиболее часто встречающийся вариант их устройства. Но сложность заключается в том, что лишь в немногих случаях в ТСК указано, что муж солдатки, вышедшей замуж, умер. Таких случаев мы насчитали 21.

Приведем типичные примеры подобных записей. В вол. Верхняя Тойма в дер. Киверевской (л. 250 об.) со двора Сенки Калинина в 7162 г. был взят брат, который «сшел за себя и под Смоленским убит, а жена ево вышла замуж». В Корбалльской вол., пр. Ильинский, в дер. Остоловской (л. 473) у вдовы Ириныцы Стакиевой был взят в 7162 г. деверь Левка Тимофеев «и под Быховым убит, жена вышла замуж». В той же вол., в дер. Ивановской на церковном дворе (л. 474 об.) записан третник Сенка Алимпиев, сын которого Лаврушка был взят в службу в 7162 г. «и в службе умре, жена вышла замуж». В Кургоминской вол., в дер. Селивановской, у «жильца Терешки Карпова взяты в салдаты два сына: Андрюшка да Кирюшка женатые. И в службе умерли. Андрюшкина жена скитаецца в мире, а Кирюшкина жена вышла замуж». А записаны были от отца и отец их умре. А тяглым их жеребьем владеет Ивашко Семенов по купчей» (л. 406 об.–407). Та солдатка, которая вышла замуж, видимо, считалась пристроенной, та, которой это не удалось, «скитаецца в мире».

Строго говоря, из приведенных записей непонятно, произошло вторичное замужество уже после смерти первого мужа или же нет. Здравый смысл толкает к первому варианту интерпретации, и тут не возникло бы даже сомнений, если бы не было выявлено неожиданно большое количество записей о замужестве солдатских жен, в которых о смерти первого мужа ничего не сказано: 140 случаев.

Например, в Кургоминской вол., в дер. Селивановской жил «Васка Семенов... С ним сын Ивашко осми лет. Да ево ж подворник племянник Сенка Евтихеев женатой взят в салдаты во 162-м году, сшел за себя. А у Васки взял подмог. Жена ево Сенкина вышла замуж» (л. 405). Обращает на себя внимание деталь: племянник живет в подворниках у дяди, именно поэтому, видимо, тот и дал ему по-родственному «подмог». Другой случай в той же деревне: «Гаврилко Васильев... И во 163-м году он, Гаврилко, описан в салдаты от отца. И в ево место сшел на государеву службу наемщик ево Заостровские волости Лучка Клементьев Корноухов. А от отца он, Гашко, отделился тому шесть годов. Да с того ж тягово жеребья во 163-м году взят в салдаты брат ево родной Нестерко Ермолин женатой, сшел за себя, жена ево вышла замуж» (л. 405).

Поскольку мы знаем, что смерть солдат в службе тщательно фиксировалась писцами, нельзя отвергать единственное оставшееся объяснение: оставшиеся без мужа солдатские жены, видимо, в основном те, которые не могли найти поддержку у своей родни или родни мужа, снова выходили замуж, не дожидаясь возвращения мужа из службы. Если это так, то речь, разумеется, должна идти о невенчанном браке, признающемуся, однако, общиной, поскольку о нем сообщалось писцам.

Поскольку данное предположение кажется на первый взгляд слишком смелым, мы постарались найти места, относительно которых можно с уверенностью утверждать, что тут на момент второго замужества своей жены, ее первый муж-солдат был еще жив. Таких фрагментов оказалось три.

На л. 14 в Великоникольском пр. в дер. Чюпраковской находим большую запись о семье крестьянина Илюшки Самсонова. Кроме него во дворе были записаны «ево ж Илюшкины два сына Васка да Мишка на Москве в стрелцах», а также Федка Артемьев Поромов. Они владели тяглым жеребьем прежнего жильца «Мишкы Артемьева прозвищем Семого», у которого в 7163-м г. были взяты в солдаты два сына его «Васка да Гришка женатые, да Гришкин сын Ивашко неженатой. И Васка и Ивашко в службе сошли за себя, а Гришка в службе был же и пришел из служ-

бы, дома умре». Пока необычного в данной записи было лишь то, что там не сказано о судьбе Васкиной жены (о Гришкиной жене не говорится потому, что он уже вернулся со службы). Но далее идет ценная для нас фраза: «Да ево ж Мишкин брат родной Васка женатой сшел в наемные салдаты вместо описного салдата Вахрушевские волости Коземки Поромова *и ныне в службе*, а Мишка после тех салдат умре, *а жены их солдацкие вышли замуж*». Итак, мы находим сообщение о судьбе Васкиной жены: она вышла замуж. Но приходится признать, что вышла замуж также и жена Коземки Поромова, иначе «жены» не употреблялись бы во множественном числе. А ведь Коземка Поромов находился на службе в 1665 г., о чем сообщается недвусмысленно: «и ныне в службе», значит, он был жив. Не менее определенное указание на вторичное замужество солдатской жены при живом первом муже мы получаем при анализе ситуации, описанной на л. 33–33 об. (на которую мы уже указывали выше, когда речь шла о продаже женами солдатских жеребьев). В Федорогорской вол. Никольского пр. Ивашко Матвеев в 7163 г. был описан от отца в солдаты. Вместо него пошел наемщик, той же волости дер. Жемчужинские Сенка Иванов, о котором сказано, что он «и ныне в службе», «а наемщиков тяглой жеребей жена ево продала и вышла замуж». И, наконец, в вол. Верхняя Тойма (л. 249 об.–250) указан взятый в солдатскую службу «бобыль Порошка Карпов женатой, жена ево вышла замуж, а он сшел за себя, и ныне в службе».

Обнаружение данных записей наводит на мысль, что и во всех других 140 случаях (которые мы выше уже заподозрили в том, что это записи о невенчанных браках жен-солдаток) наши подозрения имеют под собой почву. Собственно говоря, наиболее шокирующим обстоятельством тут является (с современной точки зрения) не сам факт сожительства жен-солдаток во время службы мужей, а то, что это было занесено в переписную книгу, то есть, по сути, признано государственной властью. Можно думать, что солдатки выходили замуж за местных крестьян. Поскольку нами были обнаружены в 1665 г. многочисленные одинокие крестьяне-дворовладельцы,

осторожно предположим, что молодых женщин, возможно, в некоторых волостях не хватало, в особенности бездетных. Вспомним, что среди «скитающихся в мире» солдатских жен бездетных нами обнаружено всего 11.

В двух случаях, как можно предположить, мы видим ситуацию с другой стороны: со стороны того, кто женился на солдатской жене. Оба раза новые мужья оказались пришлыми во двор своей жены. В Тарненской вол., в дер. Ильинской (л. 27) описан «Бориска Никифоров родом варзужанин, тягла под ним салдацкого полчети и пол-полтреши обжи, а в той двор *женат он, Бориска, в животы на солдацкой жене* на Феодорке во 166-м году, а муж ея первой Никифорко Савкин взят с тово жеребья в салдаты во 166-м году, сшел за себя, у нея ж Феодорки на жеребье с ней деверь ея Митрошка Карпов двенадцати лет, а записан был муж ея от отца, и отец ево умре». Итак, сразу после отбытия мужа (о смерти которого ничего не сказано, поэтому, скорее всего, он был жив) на службу, в том же 7166 (1558) г. Феодорка взяла к себе в мужья варзужанина Бориску Никифорова. С ними остался жить брат первого мужа (возможно, двоюродный, поскольку имел другое отчество) Митрошка. Через 7 лет в 1665 г. Бориска Никифоров хотя и числится главой семьи, но жеребей все же был записан за Феодоркой («...на жеребье с ней...»).

Другую отчасти сходную историю (хотя и менее поддающуюся однозначной трактовке) мы видим в дер. Жерлыгинской Заостровской вол. (л. 394 об.). Там жил Бориско Осипов, у которого был взят в 7162 г. в солдаты брат Карпушка, жена которого скиталась в мире. Интерес представляет продолжение, раскрывающее предысторию появления Бориски в этом дворе: «а как салдацкая опись была и они, Бориско и Карпушка в то время жили бобылями, а Бориско в тот двор *женат в животы*, а ис того двора прежнего жилца Якимка Терентьева взят в салдаты сын Антонко и в службе умре, а Якимко дома умре». Итак, перед нами ситуация вроде той, что сложилась с Бориской Никифоровым. Но тут появляется много сложностей, не позволяющих предложить единственную трактовку этой записи. Прежде всего, не совсем понятно, о какой именно «солдатской описи», во врем-

мя которой пошел в службу сын прежнего владельца двора, идет речь. Год ее не обозначен. Мы можем предположить, что это была та же опись 7162 г., указанная в первой части записи (когда в службу пошел брат нового владельца), но это лишь предположение, основанное на том, что в ТСК всегда отмечался год солдатской описи. Не названа по имени и жена Бориски, очевидно потому, что в отличие от предыдущего указанного нами случая в Тарненской вол., она не являлась владелицей двора и тяглого жеребья. Им был Якимко, умерший позднее, но также неясно, когда именно. Непонятно и то, чьей женой была эта будущая жена Бориски: Якимки Терентьева или его сына Антонки, взятого в солдаты. Если она была женой Якимки и вышла за бобыля Бориску после смерти мужа, тогда это не является тем вариантом замужества солдатских жен, который мы исследуем. При иной трактовке получается, что во время солдатской описи в 7162 (1654) г. были взяты в службу женатый сын Якимки Терентьева Антонка, а также бобыль Карпушка Осипов. Сразу же после этого жена Антонки вышла замуж за брата Карпушки бобыля Бориску Осипова, который (после того как умер отец Антонки Якимка) был записан в этот двор.

Итак, перед нами раскрываются некоторые обстоятельства, при которых солдатки принимали нового мужа к себе во двор. Но во всех остальных случаях, исследованных нами, замуж выходили жены сыновей или младших братьев дворовладельцев. Значит, в основном именно женщина уходила в другой двор и в другую семью. Резонно думать, что это были бездетные солдатки. Вариант семейного устройства, при котором солдатская жена вышла замуж, а дети скитались или жили у родни, встречается всего три раза. В Литвиногорской вол. в дер. Седельниковская и Старухинская (л. 23–23 об.) двором владел Никифорко Максимов, «с ним брат родной Андрюшка двадцати лет, да от него ж Никифорка... с того ж тяглово жеребья взят в солдаты брат его родной Федка женатой, сшел за себя, жена его вышла замуж, а дети его, Федкины, Ивашко десяти лет и Коземко осми лет живут у него ж, Никифорка», то есть у деверя солдатки. В двух случаях солдатские дети скитались в мире, при том что солдатка

вышла замуж. На л. 47 об. находим в Вахрушевской вол. в дер. Гусевской наемщика Федку Емельянова, жена которого вышла замуж, «а сын Гераско семи лет скитаецца в мире». А на л. 355 в Пучюжской вол. в Петровском пр., в дер. Павловской жил «Худячко Зиновьев одинок», у которого в 7162 г. забрали в службу брата Ивашку, жена которого вышла замуж, а «сын Карпушка девяти лет скитаецца в мире». Как видим, новые мужья солдаток не стремились брать в дом пасынков.

Результаты. Мы обследовали материал 67 волостей, описанных в ТСК. Количество деревень в каждой из них было различным. Оно колебалось от 7 (в небольших волостях типа Березницкой или Пянской) до 20 с лишним (в средних типа Кургоменской или Троецкой) и даже доходило до 150 (в крупных волостях вроде Топсы). По числу дворов волости также были различны: для крупной волости это в среднем около 150 дворов, для средней и мелкой – примерно 50–70 дворов. Из этих 67 волостей ушли служить солдатскую службу, судя по ТСК, 430 женатых крестьян. На этом фоне 145 случаев (к 140 случаям, когда в ТСК не сказано о смерти первого мужа, прибавим 3 случая с определенным указанием того, что муж-солдат жив, и 2 случая, когда записана женитьба крестьянина на солдатке) выхода замуж солдатских жен могут считаться массовым явлением.

В 1665 г. в волостях, описанных в ТСК, из 430 жен-солдаток, мужья которых были в начале русско-польской войны (в 1654–1655 гг.) взяты в солдаты, женщины жили после этого у родственников в 121 случае, вышли вторично замуж в 166 случаях (причем только в 21 случае мы можем предполагать выход замуж после смерти первого мужа), скитались в мире 79, умерло 47 солдаток. Оставшиеся 17 случаев распределяются между немногочисленными в каждой группе вариантами, когда солдатки либо отделялись от родни мужа и жили своим двором, либо продавали мужчин жеребей, либо жили на дворе крестьян, за которых наемщиком пошел служить муж. Очевидно, что стандартной можно считать ситуацию, когда женщине, которая не находила помощи у родственников, приходилось выбирать между замужеством и нищен-

ством в миру. Можно предполагать, что и община была заинтересована в выдаче замуж солдаток как можно быстрее после ухода первого мужа в службу, и государство устраивал такой вариант. Во всяком случае, такое сожительство (или невенчанный брак) фиксировалось в ТСК и таким образом получало своего рода признание.

К сожалению, пока не удалось обнаружить хотя бы один случай, когда крестьянин, жена которого вышла замуж, значился бы в последующих государственных описаниях живым и вернувшимся. Мы не можем также определить судьбу вышедших замуж жен в случае возвращения прежнего мужа-солдата, так как при последующих описаниях, в частности при описании 1677/78 г., женщины не указывались. Тем не менее сравнительное исследование этого описания и описания 1665 г. по одним и тем же волостям является важной задачей, и нельзя пока исключать того, что в итоге такая работа может дать для нашей темы новый материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, А. И. Заметки к истории Русского Севера / А. И. Андреев // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. – Л. : Изд-во АН СССР, 1929. – Вып. 35. – С. 169–176.
2. Васильев, Ю. С. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII века: каталог / Ю. С. Васильев // Важский край: источникование, история, культура : материалы и исследования. – Вып. 3. – Вельск : Вельский краеведческий музей, 2006. – С. 135–156.
3. Вовина-Лебедева, В. Г. Государственные описания XVII – начала XVIII в. как источник для реконструкции жизни дворцовой волости (по материалам Кургомени) / В. Г. Вовина-Лебедева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 27–28.
4. Вовина-Лебедева, В. Г. Дворцовая волость Русского Севера в 1700-х годах / подгот. текста к печати, комментарии, вводная статья В. Г. Вовина-Лебедева // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сб. ст. к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. Тр. СПБИ РАН. Вып. 4 (20). – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 166–247.
5. Вовина-Лебедева, В. Г. Кургоменская волость в конце XVII – начале XVIII в. / В. Г. Вовина-Лебедева // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв. : материалы XIV Каргопольской науч. конф. – Каргополь : Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, 2018. – С. 82–88.
6. Малов, А. В. Первая служба Государева выборного полка Аггея Шепелева: Литовский поход 1658–1660 гг. / А. В. Малов // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 160–173.
7. Малов, А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории / А. В. Малов. – М. : Древлехранилище, 2006. – 624 с.
8. Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. / Н. Л. Пушкарева. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. – 448 с.
9. Тягольно-солдатская книга Важского уезда 1665 г. // Архив Санкт-Петербургского института РАН. – Кол. 115. – Д. 309. – 500 л.
10. Щербинин, П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. / П. П. Щербинин. – Тамбов : Юлис, 2004. – 508 с.
11. Щербинин, П. П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений / П. П. Щербинин // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies: Military and Security Structures in/and the Regions & Women in/and the Military. – 2004. – Iss. 4/5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pipss.org/documents493.html>.

REFERENCES

1. Andreev A.I. Zametki k istorii Russkogo Severa [Notes to the History of the Russian North]. *Letopis zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1927–1928 gody* [Annals of Studies of the Archaeographic Commission for 1927–1928]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1929, iss. 35, pp. 169-176.
2. Vasilyev Yu.S. Materialy pistsovogo deloproizvodstva po Vazhskomu uezdu XVI – pervoy poloviny XVII veka: catalog [Materials of Clerical Records in Vazhskiy Uyezd of the 16th – First Half of the 17th Century. Catalog]. *Vazhskiy kray: istochnikovedenie, istoriya, kultura: materialy i issledovaniya* [Vazhskiy Krai: Source Study, History, Culture. Materials and Research]. Velsk, Velskiy kraevedcheskiy muzey, 2006, iss. 3, pp. 135-156.
3. Vovina-Lebedeva V.G. Gosudarstvennye opisaniya XVII – nachala XVIII v. kak istochnik dlya rekonstruktsii zhizni dvortsovoy volosti (po materialam Kurgomeni) [State Descriptions of the 17th – Early 18th Century as a Source for the Reconstruction of the

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Life of the Palace Volost (Based on the Materials of Kurgomen)]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2017, no. 3 (69), pp. 27-28.

4. Vovina-Lebedeva V.G. Dvortsovaya volost Russkogo Severa v 1700-kh godakh [Palace Volost of the Russian North in the 1700s]. *Novgorodskaya zemlya. Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII–XVIII vv.: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Pavlovicha Shaskolskogo. Tr. SPbI RAN. Vyp. 4 (20)* [Novgorod Land, Saint Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries. Collection of Articles for the 100th Anniversary of Igor Pavlovich Shaskolsky. Works of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Iss. 4 (20)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 166-247.

5. Vovina-Lebedeva V.G. Kurgomenskaya volost v kontse XVII – nachale XVIII v. [Kurgomen Volost in the Late 17th – Early 18th Century]. *Kargopol i Russkiy Sever v istorii i kulture Rossii X–XXI vv.: materialy XIV Kargopolskoy nauch. konf.* [Kargopol and the Russian North in the History and Culture of Russia of the 10th – 21st Centuries. Proceedings of the 14th Kargopol Scientific Conference]. Kargopol, Kargopolskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzei, 2018, pp. 82-88.

6. Malov A.V. Pervaya sluzhba Gosudareva vybornogo polka Aggeya Shepeleva: Litovskiy pokhod 1658–1660 gg. [The First Service of the Sovereign's Elective Regiment of Aggey Shepelev: Lithuanian Campaign of 1658–1660]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 33, pp. 160-173.

7. Malov A.V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoey istorii* [Moscow Elected Regiments of the Soldier System in the Initial Period of Its History]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006. 624 p.

8. Pushkareva N.L. *Zhenshchiny Drevney Rusi i Moskovskogo tsarstva X–XVII vv.* [Women of Old Russia and the Moscow Tsardom of the 10th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko, 2017. 448 p.

9. Tyagolno-soldatskaya kniga Vazhskogo uezda 1665 g. [Book on Taxes and Soldiers of 1665 in Vazhsky Uyezd]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences], Col. 115, D. 309. 5001.

10. Shcherbinin P.P. *Voennyy faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in the 18th – Early 20th Centuries]. Tambov, Yulis Publ., 2004. 508 p.

11. Sherbinin P.P. Soldatskie zheny v XVIII – nachale XX v.: opyt rekonstruktsii sotsialnogo statusa, pravovogo polozeniya, sotsiokulturnogo oblika, povedeniya i nastroeniy [Soldiers' Wives in the 18th – Early 20th Century: Experience of Reconstructing Social Status, Legal Status, Socio-Cultural Appearance, Behavior and Sentiments]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies: Military and Security Structures in/and the Regions & Women in/and the Military*, 2004, iss. 4/5. URL: <http://www.pipss.org/documents493.html>.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St., 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ул. Петров заводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.5>UDC 94/470.316«1941/1945»-053.2
LBC 63.3(2)622-284.1Submitted: 06.11.2018
Accepted: 15.04.2019

SITUATION OF LENINGRAD CHILDREN EVACUATED FROM THE BESIEGED CITY IN YAROSLAVL REGION (1941–1945)

Elena Yu. Volkova

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The siege of Leningrad is one of the most tragic pages in the history of the Great Patriotic War. The whole country took part in helping residents of the besieged city. Yaroslavl Region was one of the leading places where tens of thousands of children were evacuated. *Methods and materials.* The author seeks to implement the principles of scientific objectivity and reliability. The article is based on the memories of eyewitnesses of those years and archival materials. The author had an invaluable help in understanding the atmosphere in which children lived through confidential conversations with survivors of the blockade. Their stories are shocking in their naked truth. The author uses the comparative historical method in disclosing new, qualitative aspects of the problem under study. The hermeneutic method is used in the analysis of various sources: archival materials, memories, letters, first of all, based on time and reasons for the appearance of a particular source. The anthropological approach to the problem makes it possible to create a socio-psychological portrait of children, who by fate turned out to be far from their home, to recreate a picture of their life and everyday life. *Analysis.* It includes the problems associated with the children evacuation in July–August 1941 and especially in winter–spring 1942, raises the issue of child mortality and the perpetuation of their memory. *Results.* A major role in the organization of children's life was played by the party and the Soviet leadership. The article notes that ordinary workers and collective farms took the successful solution of domestic problems of orphans. They provided children with everything they needed: home, food, clothes, shoes, dishes, etc. In addition, citizens took children on patronage and adoption. The methods of educational work with them had changed, where one of the main directions was the inculcation of labour skills: children worked in their farms, helped collective farms, cleaned their homes, were engaged in needlework, worked in workshops, etc. The desire to live and create was instilled in Leningrad by attracting citizens to participate in art performances. Big problems are connected with statistical data, in particular, different sources give different numbers of children living on the territory of Yaroslavl region: from 90 to 150 thousand. It is almost impossible to count the number of dead children, so the established monuments to small Leningraders, as a rule, are nameless. After the lifting of the blockade some children returned to Leningrad, and some linked their destinies with Yaroslavl land.

Key words: Leningrad, blockade, children, Yaroslavl region, orphans, party and Soviet leadership.

Citation. Volkova E.Yu. Situation of Leningrad Children Evacuated from the Besieged City in Yaroslavl Region (1941–1945). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 59–69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.5>

УДК 94/470.316«1941/1945»-053.2

Дата поступления статьи: 06.11.2018

ББК 63.3(2)622-284.1

Дата принятия статьи: 15.04.2019

ПОЛОЖЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ БЛОКАДНОГО ГОРОДА, В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1945 гг.)

Елена Юрьевна Волкова

Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация

одно из ведущих мест, куда были эвакуированы десятки тысяч детей. Статья основывается на воспоминаниях очевидцев тех лет и архивных материалах. В ней прослеживаются проблемы, связанные с эвакуацией детей в июле – августе 1941 г. и особенно зимой – весной 1942 г., поднимается вопрос о смертности детей и увековечивания их памяти. Большую роль в организации жизни детей сыграло партийное и советское руководство на местах. В статье отмечается, что успешное решение бытовых проблем детдомовцев взяли на себя простые труженики, а также колхозы, которые предоставили детям все необходимое: помещение, пищу, одежду, обувь, посуду и др. Кроме того, ярославцы брали детей на патронирование или усыновление. Изменились методы воспитательной работы с ними, где одним из главных направлений стало привитие трудовых навыков: дети трудились в своих подсобных хозяйствах, помогали колхозам, убирали свои жилые помещения, занимались рукоделием, работали в мастерских и т. д. Желание жить и творить прививалось ленинградцам путем привлечения их к участию в художественной самодеятельности. Большие проблемы связаны со статистическими данными, в частности, в разных источниках дается разное число проживавших на территории Ярославской области детей – от 90 до 150 тысяч. Практически невозможно сосчитать количество умерших детей, поэтому установленные памятники маленьким ленинградцам, как правило, безымянные. После снятия блокады часть детей вернулись в Ленинград, а часть связали свою судьбу именно с Ярославской землей.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, дети, Ярославская область, детдома, партийное и советское руководство.

Цитирование. Волкова Е. Ю. Положение ленинградских детей, эвакуированных из блокадного города, в Ярославской области (1941–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 59–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.5>

Введение. Тема эвакуации населения в тыловые регионы страны привлекала внимание ученых уже в период Великой Отечественной войны. Однако до сих пор остается много белых пятен, начиная с терминологии и заканчивая реэвакуацией. Причины тому есть объективные (до сих пор много документов остаются засекреченными, возникают большие проблемы со статистикой и др.) и субъективные (ученые обращают больше внимания на другие аспекты). Радует, что архивы, в том числе Ярославской области, стали публиковать в Интернете некоторые документы по данной теме, однако пока их крайне мало для создания объективной картины происходившего [20; 21]. К практически не изученным относится и тема эвакуации из Ленинграда детей в Ярославскую область, их устройство на новом непривычном месте, жизнь и реэвакуация. Кроме того, до недавнего времени не поднимался вопрос о численности умерших детей в эвакуации и причинах их смертности. В связи с этим автор, основываясь прежде всего на архивных материалах, поднимает вопрос об эвакуации детей в Ярославскую область, рассматривает проблемы, с которыми дети столкнулись в тылу, а также какую роль сыграло местное руководство и население в жизни маленьких ленинградцев.

Методы. Автор стремится в максимально возможной мере реализовывать принципы научной объективности и достоверности. Научная объективность требует всестороннего и глубокого анализа источников, проверки и сопоставления мнений разных авторов исторических работ. Неоценимую помощь в понимании атмосферы, в которой находились дети, оказали доверительные беседы автора с людьми, пережившими блокаду. Их рассказы потрясают своей неприкрытой правдой. Только стремление к научной объективности позволяет в таких случаях сохранять требуемую беспристрастность и руководствоваться гуманистическими, общечеловеческими ценностями, правовыми и нравственными оценками явлений того времени.

В работе используются общенаучные методы исследования (исторический и метод классификации), а также специальные и междисциплинарные. Сравнительно-исторический метод автор применяет при раскрытии новых качественных сторон изучаемой проблемы. Герменевтический метод используется при анализе различных источников: архивных материалов, воспоминаний, писем, отталкиваясь в первую очередь от времени и причины появления конкретного источника. При этом главная задача заключается в том, чтобы дать им необходимую оценку в контексте изучае-

мой эпохи в целях максимальной объективности их интерпретации. Ситуационный подход дает возможность избежать искусственной модернизации в оценках изучаемой проблемы. Автор уделяет внимание показу событий, восприятию их современниками в контексте конкретно-исторической ситуации войны. В то же время слишком пристальное внимание к историко-ситуационному подходу ведет к односторонности и архаизации оценок. Поэтому, столь же необходим взгляд с исторической дистанции, когда уже проявились долговременные результаты прошедших событий. Важное методологическое значение имеет системный подход. Он является основой для аналитических обобщений и научной иерархизации собранного исторического материала. С опорой на него были выявлены связи наиболее значимых факторов, повлиявших на положение детей. Антропологический подход к проблеме позволил создать социально-психологический портрет детей, волей судьбы оказавшихся далеко от родного дома, воссоздать картину их жизни и повседневного быта.

Анализ. Блокада Ленинграда – одна из самых героических и трагических страниц периода Великой Отечественной войны. Вся страна приняла участие в помощи жителям блокадного города. Особой заботой стала эвакуация и размещение детей в тылу. Одним из основных регионов, куда направлялись дети, стала Ярославская область¹. В соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 29 июня 1941 г. «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области» предполагалось вывезти около 400 тыс. человек. Однако быстрое наступление врага привело к тому, что эвакуация в районы Ленинградской области была прекращена. В соответствии с решением Ярославского облисполкома от 14 июля 1941 г. организация всей работы с детьми возлагалась на облно и его местные органы, с детьми ясельного возраста – на облздравотдел, уполномоченные от Ленинградского горено стали заместителями заведующих районных и областного отделов народного образования.

Уже в июле 1941 г. в Ярославскую область привезли 47 465 ленинградских детей [19, л. 161]. В итоге число детдомов вы-

росло в 17 раз: с 25 в июне до 425 в августе. Под них были отданы все свободные здания: дома отдыха, санатории, 190 школ, 1 100 домов, принадлежавших колхозам и колхозникам [7, с. 9]. Но расселение детей являлось только первым шагом. Многие детдома прибывали без постельных принадлежностей, белья, посуды, а некоторые приехали с пустыми руками. И все это им нужно было предоставить. Но местные власти по объективным, а порой и субъективным причинам не смогли обеспечить детей всем необходимым. Руководство области старалось быстро реагировать. 7 июля 1941 г. в письме председателям райисполкомов первый секретарь обкома партии Н.С. Патоличев и председатель облисполкома А.А. Гогосов отмечали: «Наблюдаются случаи плохой организации обслуживания детей, эвакуированных из Ленинграда, в результате чего отдельные ребята бегут на фронт, купаются в неподложенных местах, что приводит к несчастным случаям. Обязываем вас систематически наблюдать через органы народного образования за состоянием ухода и организацией воспитательной работы в эвакуированных учреждениях. Работников, нерадиво относящихся к своим обязанностям, нарушающих трудовую дисциплину, не организующих наблюдение за детьми и воспитательной работы, немедленно снимайте с работы и направляйте обратно в Ленинград, заменяя их местными работниками. Организуйте использование всех ребят старше 11-летнего возраста на сельхозработах в колхозах и совхозах, на лесных работах – охрана, расчистка и других посильных для ребят работах. Предупреждаем о Вашей личной ответственности за состояние и воспитание эвакуированных детей, размещенных по Вашему району» [17, л. 4].

Но и дети не все оказывались подготовленными к жизни вдали от родителей в сельской местности. В письмах они жаловались на плохие условия, неорганизованный быт и просто просили их забрать и увезти домой. В итоге за ними стали приезжать родители. Для улучшения положения детей в конце июля 1941 г. вопрос о работе среди них был поставлен на бюро обкома ВКП(б), которое предлагало размещать эвакуированных девочек и мальчиков по селам, освободить школьные

здания, чтобы дети могли учиться, в воспитательной работе обратить «особое внимание на привитие детям трудовых навыков», организовать пионерскую работу. Особо было отмечено «считать ненормальным участившиеся случаи обратного увоза детей в г. Ленинград под предлогом плохих условий жизни детей в Ярославской области... проверять на месте причины увоза детей и рассеивать провокационные слухи о голоде, эпидемиях и “издевательстве” над детьми». Обком просил Ленинградский горком партии дать указания не отпускать матерей за детьми [13, л. 7–8].

Подобные вопросы поднимались в каждом районе области. Например, Даниловский райком партии 16–17 июля отмечал, что дети местами расположены скученно, в силу чего возможны эпидемиологические заболевания, в ряде мест питание поставлено неудовлетворительно, среди обслуживающего персонала встречается нарушение дисциплины [10, л. 77]. 15 июля вопрос о воспитательной работе с детьми поставил Любимский РК ВКП(б). Райком подчеркнул, что работа поставлена плохо, комсомол не включился в работу с детьми, ленинградцы слабо привлекаются к трудовым работам. Отсюда происходило нарушение дисциплины: самовольный уход в кино, отказ от работы, побеги, кражи, хулиганство.

После всесторонней проверки работы детучреждений 16 августа районное бюро вновь подняло этот вопрос, где было отмечено улучшение воспитательной работы. Теперь в ней сделаны акценты на привитие трудовых навыков, оздоровительные мероприятия, военно-физкультурную работу, экскурсионно-туристическую, политко-воспитательную. В разделе общественно-полезной работы особое место уделили участию ребят в полевых работах. За ними были закреплены колхозы. 12–15-летних разбили на звенья или бригады, которые трудились по 6–8 часов. Например, 65 ребят ленинградской школы № 153 ежедневно вытребляли по 5 га льна, учащиеся школы № 157 ударно трудились на заготовке веточного корма. Бюро также констатировало, что все детсады находились в хороших жилищно-бытовых условиях. Детей регулярно мыли, постригли наголо девочек и мальчиков до 10 лет, провели дезинфекцию одежды.

Но еще не везде закончили ремонт, не хватало кухонного инвентаря, а также одежды и обуви [11, л. 80–81, 118].

В конце августа представители Ярославского обкома союза работников дошкольных учреждений и детдомов вместе с уполномоченным Ленинградского исполнкома обследовали пять районов, где сосредоточилось наибольшее число детсадов, эвакуированных из Ленинграда: Борисоглебский – 541 человек, Буйский – 2 744, Даниловский – 1 049, Некоузский – 3 332, Тутаевский – 1 837. Комиссия сделала вывод, что дети неплохо размещены, но при переходе на зимний период будут затруднения: дети жили в школах, которые нужно было освобождать, а ленинградцев расселять по домам колхозников. Половина детей спали еще без кроватей. Были случаи, когда дети в изоляторе спали по двое на скамейках. Отмечался большой недостаток кухонной посуды. Питание было налажено, но испытывали дефицит в овощах и молоке. «Местное население очень внимательно и заботливо... воспитатели много внимания уделяют беседам о военных действиях, но много прогулов и совершенно отсутствуют трудовые занятия и пение» [2, л. 17].

В Козловском сельсовете Ростовского района были размещены 575 детей. Все дети были вымыты и расселены по колхозным домам. На первых порах в детдомах не было весов, продукты отпускались «на глазок». Бывали случаи, когда дети вместе с руководителями просили хлеба у колхозников, так как неделю им не выделяли продукты. Также не хватало кроватей, постельных принадлежностей. В колхозе «Комбинат» размещено 258 детей, из них 60 % обеспечены койками и постельными принадлежностями, а остальные спят на матрацах на полу. Но к концу июля стало все налаживаться [12, л. 501].

В итоге четкие действия местных властей спасли от смерти многих ленинградских детей. И, тем не менее, в августе 1941 г. 20 211 детей уехали обратно в Ленинград [3, л. 112]. Судьба их в блокированном городе остается неизвестной.

Следующий вынужденный этап эвакуации ленинградских детей уже из Ярославской области далее в тыл наступил в октябре 1941 г., когда для области возникла угроза ок-

купации. В соответствии с решением Совета по эвакуации при СНК СССР от 23 октября «Об эвакуации детей Ленинграда из Ярославской области» 28 октября облисполком решил эвакуировать 14 324 детей водным транспортом в Молотовскую область, 12 612 – железнодорожным в Челябинскую и 11 174 – в Омскую. Каждый ребенок получил продукты на 10 дней: 300 г сливочного масла, по 500 г сыра и колбасных изделий, банку сгущенного молока и 30 рублей [3, л. 100]. В итоге в октябре 1941 г. было вывезено вглубь страны 39 922 ленинградца [9, л. 141]. На 1 января 1942 г. в области оставалось 7 543 ребенка из Ленинграда [19, л. 161].

Для оставшихся в области детей продолжилась работа по подготовке к зиме, организации их питания. По решению облисполкома от 13 сентября 1941 г. для ленинградских детей выделили 460 тыс. руб. на ремонт помещений и 1 040 тыс. на одежду [18, л. 80]. 29 ноября облисполком уточнил нормы продуктов на каждого ребенка в день: 500 г хлеба ржаного, по 50 г белой муки, круп, рыбы или мяса, по 30 г масла сливочного или растительного и моркови, по 20 г сахара, сыра, колбасы, свеклы и лука, 350 г молока, 500 г картофеля, 300 г капусты, 1 г чая и 200 г мыла на месяц [18, л. 105]. Однако утвержденная норма в 5 руб. в день фактически не превышала 3 руб. 15 коп. Дети недополучали молочных продуктов, овощей, кондитерских изделий. Например, в Антроповском районе в декабре 1941 г. израсходовали на каждого из 1 461 детдомовца молока 67 г в день при норме 500 г, муки соответственно – 32 и 40, манной крупы – 5 и 30, конфет – 10 и 40, мяса – 3 и 25, картофеля 200 и 500, масла – 1,5 и 200 г. В Палкинском районе ассигнования на питание детей должны были составлять 4 руб. в день, а получалось лишь 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 80 коп. В итоге состояние детей, вывезенных из Ленинграда в основном здоровыми, ухудшилось. Шесть человек заболели туберкулезом, 21 – малокровием [9, л. 2, 140].

Однако самое тяжелое было впереди. С конца января 1942 г. в область стали поступать дети, пережившие блокаду. Для их размещения и трудоустройства была создана областная комиссия во главе с заместителем председателя облисполкома А.Н. Никитиной.

Секретарь обкома ВЛКСМ А.П. Пелевин наставлял: «На Ярославской земле ленинградские дети не должны чувствовать себя сиротами; надо сделать все возможное и невозможное, чтобы дети скорее поправились, радовались жизни» [7, с. 72].

В 1942 г. с конца января до середины мая в область прибыло 5 800 ребятишек в составе детучреждений и 14 991 – с родителями и просто снятых с эшелонов. На 15 мая всего в области находились 35 087 детей [24, с. 275]. На 25 сентября в 30 из 39 районов области насчитывалось 214 детдомов. Им предоставили 439 зданий, из них 26 детдомов, 97 школ, 32 помещения политпросветучреждений (клубы, избы-читальни, дома отдыха), две бывшие церкви, 53 дома колхозников. Из-за нехватки площадей некоторые располагались в нескольких зданиях [9, л. 141]. 270 врачей день и ночь боролись за маленькие жизни. Дети поправлялись очень медленно. Труднее было вылечить их не от дистрофии, а от нервного потрясения. Ольга Акимовна Царапкина, директор детдома № 7 в Ярославле, вспоминала: «Сначала детский дом был больше похож на лазарет. Дети просто лежали, очень часто уединялись и сидели в глубокой задумчивости. Они боялись любого шума или стука. Многие не расставались с вещами погибших родителей» [5].

Следующим шагом стало налаживание всех сторон жизни детей. Бюро обкома ВКП(б) в апреле 1942 г., рассматривая вопрос «О состоянии детских домов в области», постановило организовать при каждом детдоме мастерские по труду и подсобные хозяйства, популяризировать создание интернатов в колхозах, оказывать шефскую помощь [15, л. 10–12].

Возникло много проблем в обеспечении детей всем необходимым. Большую работу по налаживанию быта проделали районные партийные и советские организации. Все, что смогли, выделили из фондов области, что-то изготовили на предприятиях местной промышленности. Тем не менее этого было недостаточно. Особенно плохо было с кожаной обувью и валенками: требовалось 15 тыс. ботинок, а было в наличии 867 шт., валенок соответственно – 20 тыс. и 1 тыс. шт. В октябре – ноябре 1942 г. по распоряжению СНК РСФСР для ле-

нинградских детей было выдано 9 тыс. пар валенок, на 500 тыс. руб. кожаной и резиновой обуви, на 250 тыс. – хлопчатобумажной ткани, 2,5 млн руб. деньгами на пошив одежды и обуви. По распоряжению заместителя председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина дополнительно выдано 10 тыс. пар валенок, 15 т ваты и 15 тыс. м ткани [3, л. 113, 141]. Несмотря на принятые меры, не хватало продуктов. В третьем квартале 1942 г. по области полагалось детдомам 79,2 т мяса, но дали 45, рыбы – 15,6 и 10 соответственно, сухарей и кондитерских изделий – 38,2 и 13, жиров – 53,9 и 33, макаронных изделий – 48,8 и 15 [9, л. 98].

Жители области с большой любовью и теплотой отнеслись к детям. По инициативе комсомольцев в области развернулось движение за сбор средств в помощь детям, оставшимся без родителей. Деньги получали от проведенных воскресников, дополнительных киносеансов, вечеров самодеятельности, добровольных взносов, отчислений из зарплаты. Но этого было мало. В марте 1942 г. труженики колхоза «Красная звезда» Ярославского района во главе с председателем В.И. Шакуриным приняли решение открыть при колхозе интернат для ленинградских детей, потерявших своих родителей. Колхозники писали: «В неограниченном количестве для наших воспитанников дадим мяса, молока, масла и других продуктов, оденем и обуем их с ног до головы. Для общего руководства и воспитательной работы в интернате выделена лучшая общественница комсомолка М. Смородинова». Обком партии поддержал инициативу колхозников и предложил остальным использовать их опыт, но предупредил, чтобы в этом «всесторонне учитывать возможности колхозов, предприятий, организаций и семей... не допускать поспешного и непродуманного отношения к этому важнейшему делу» [14, л. 22–23, 48–49]. Сначала 12 семилетних девочек разместили по домам колхозников в д. Окишино, а затем на берегу реки построили просторный дом. Дети были крайне ослаблены. Но уже в течение первого месяца прибавили от 1,5 до 1,8 кг. Всего за счет средств общественности области был создан 31 интернат, где воспитывалось свыше тысячи детей. В селе Глебово Рыбинского района для детей со слабым здоровьем был открыт спе-

циальный детдом на 300 коек. В Некоузском районе организован межколхозный санаторий для детей больных туберкулезом, где лечились и ленинградцы, в Ярославском в наиболее сильных колхозах стали действовать пять интернатов на 25–30 человек [3, л. 13].

При обкоме союза работников дошкольных учреждений был создан институт уполномоченных, который занимался устройством детей, оставшихся без родителей. Ярославский отдел народного образования выпустил листовку «Возьмем на воспитание и усыновление детей, оставшихся без родителей», где говорилось: «Забота о пострадавших детях – святое, благородное, подлинно патриотическое дело. Чем больше осиротевших детей найдут сейчас семью, ласку и любовь, тем быстрее будут устранены тяжелые последствия войны». В ней в сжатой форме описывалась процедура усыновления, например, были разделы: «Кто и как может взять ребенка на воспитание», «Как усыновить ребенка» [3, л. 103]. К 1944 г. в области было усыновлено, находилось на патронировании и опеке около 3 200 детей. Всего за войну трудящиеся области взяли в свои семьи на воспитание 2 626 детей и усыновили 463 ребенка [7, с. 12].

Поскольку основное количество детдомов располагалось в сельской местности, большая роль в оказании им шефской помощи отводилась колхозам. На первом этапе она выражалась в снабжении детей продуктами, обеспечении дровами, затем стали ремонтировать помещения, готовить их к зиме, изготавливать или приобретать мебель, постельное и нательное белье, обувь и одежду. Весной 1942 г. колхозники начали засевать сверхплановые гектары. Обком партии не только поддержал, но и 21 сентября 1942 г. принял специальное решение об организации всеобщего охвата детдомов шефской помощью. Все районы подключились к его выполнению. Как это происходило, можно проследить на примере Некрасовского района. В докладной записке в обком было сказано, что в районе действует восемь детдомов, где живут 1 047 детей из Ленинграда. Райком «развернул во всех колхозах и предприятиях массовую работу, в результате чего к середине ноября над каждым детдомом принято шефство колхозами... Все дома были обеспечены кол-

хозами и предприятиями в полной потребности кроватками, посудой, одеялами, простынями, наволочками и др., частично приобретена обувь и одежда». На период весеннего сева 1942 г. всем домам выделены от 4 до 25 га земли, лошади, семена. В результате к осени каждый детдом имел своих запасов овощей и картофеля на восемь месяцев, а также по 7–10 поросят, от 30 до 100 штук разной птицы, некоторые по 5–10 овец, 2–5 коров. Кроме того в овощехранилищах колхозов были заложены специальные фонды овощей и картофеля для детдомов до следующего урожая [9, л. 19]. Итогом проделанной большой работы стало то, что к концу 1943 г. 500 колхозов области оказывали шефскую помощь детдомам.

Однако для полноценного снабжения продуктами детдомов шефской помощи было недостаточно. С начала войны создавались собственные подсобные хозяйства. Но в 1941 г. их земельная площадь составила лишь 353,25 га. Несмотря на решение облисполкома от 27 марта 1942 г. «О развитии подсобных хозяйств при детдомах» в 1942 г. площадь довели до 533,45 га, что тоже было мало [3, л. 21]. В феврале 1943 г. уже областной комитет партии в более жесткой форме постановил создать при каждом детучреждении подсобное хозяйство, обязал выделить им 7 411 га, в том числе 1 474 га – под овощи и картофель, 480 – под зерно и 5 557 – под сенокосы. При этом обеспечить семенами, крупным рогатым скотом, хозпостройками, изготовить сельхозинвентарь [16, л. 32–33]. После этого движение пошло более быстрыми темпами. В 1943 г. детдомовцы засеяли овощами и зерновыми 1 742 га, приобрели 122 лошади, 420 коров, 698 овец, 320 свиней [7, с. 54].

Учитывая изменившиеся условия жизни детей, их психологическое состояние, пришлось перестраивать с ними воспитательную работу. Большую роль в желании жить и творить стало участие детей в созданных кружках художественной самодеятельности. Они выступали не только перед своими ребятами, но и перед местным населением. В ноябре 1943 г. в ярославском Дворце пионеров состоялся концерт воспитанников детских домов, переживших блокаду.

Одним из важнейших элементов воспитательной работы стало привитие трудовых

навыков. Дети сами убирали помещения, носили воду, заготавливали и кололи дрова, делали полочки и табуретки, шили белье. При активном участии шефствовавших колхозов и промпредприятий при детдомах в 1943 г. были созданы 38, а к середине 1944 г. – 85 швейных, трикотажных, слесарных, столярных, сапожных и других мастерских, в которых занималось более тысячи детей. В них они изготавливали вещи не только для себя, но и на заказ. В обязанности детдомовцев входила помочь колхозам. В 1943 г. по всей области дети и воспитатели выработали 140 тыс. трудодней [3, л. 146]. Например, ленинградские дети, воспитывавшиеся в детдоме № 35 Нейского района, заработали большой авторитет среди сельских жителей. Колхозники одного из хозяйств, располагавшегося за 8 км от детдома, специально пришли к детям и попросили их помочь в уборке урожая: «Покажите колхозникам, как надо работать». Дети вышли рано утром и до обеда 120 человек вытеребили 4 га льна [9, л. 67]. Кроме того, детдома организовывали ясли для детей колхозников на период весенне-осенних работ, помогали проводить в избах-читальнях политическую работу, для колхозников делали доклады, читали газеты.

Пройдя через все испытания, ленинградские дети более ответственно подходили к учебе. Повзрослевших детдомовцев направляли на учебу в профтехучилища, техникумы, институты, рекомендовали в военные училища, устраивали на работу. Многие из них, получив квалификацию, становились прекрасными производственниками.

Постепенно дети восстановили свои физические и душевые силы. К лету 1943 г. в целом по области насчитывалось 224 ленинградских детских учреждений с контингентом в 22 229 человек, с которыми работали 1 779 воспитателей. Работники детдомов, собравшиеся в 1943 г. на областное совещание, писали ленинградцам: «Теперь мы можем сказать, что дети восстановили и укрепили свое здоровье, стали бодрыми и жизнерадостными, снова зазвучали детские песни и смех. Им возвращено детство» [7, с. 14, 54, 56]. В целом невозможно сосчитать количество детей, находившихся в Ярославской области. В разных источниках цифра колеблется от 90 до 150 тысяч [22, с. 73; 23, с. 123].

С окончанием блокады дети стали возвращаться домой в Ленинград. Но и здесь возникли трудности. О.А. Царапкина говорила: «Когда пришло время расставаться, плачали и дети и взрослые. Дети отвыкли от своих родных. Мне пришлось не только провожать их домой, но и больше месяца жить в Ленинграде в семьях родителей малышей, пока дети не привыкли к своим настоящим папам и мамам». Но вернулись не все. Комуто некуда было возвращаться: квартира была занята другими людьми. Для кого-то слишком сильны были воспоминания, чтобы вернуться, а кто-то просто уже на ярославской земле нашел вторую родину. Но, где бы ни находились воспитанники, они никогда не забывали тех, кто спас их от смерти.

Не все маленькие ленинградцы смогли выжить в эвакуации. Некоторые из них умерли уже по дороге в тыл, у кого-то организм не справился с последствиями блокады, несмотря на всестороннюю помощь. Сколько их похоронено на территории Ярославской и Костромской областей, сосчитать крайне сложно, если вообще возможно. В Государственном архиве Ярославской области хранится рукопись, где приведены списки захороненных ленинградцев на ярославской земле. По ней можно сосчитать, что последствия блокады унесли жизни 3 170 детей в возрасте до 17 лет [1, с. 509]. При грантовой поддержке Костромской областной администрации в 2014–2016 гг. был реализован проект «Дети Ленинграда, умершие на территории города Костромы и Костромской области в период Великой Отечественной войны». По данным исследования найдены имена умерших 1 044 детей, в том числе 104 – в Костроме. Причем, больше их смертность была зимой 1941/42 г., то есть вывезенных еще до блокады, так как это был период создания «с нуля» детдомов, налаживания системы снабжения и медицинской помощи. Например, в детдоме в с. Контеево Буйского района дети умирали в большинстве своем в возрасте от нескольких месяцев до 2–3 лет из-за скученности, плохого санитарного состояния, простудных заболеваний [6].

Местные жители, похоронив детей в братских могилах, устанавливали памятники. Но в основном они безымянные. Причины тому разные. При эвакуированных, особенно

детях, ехавших с родителями или в составе детского дома или сада, не было документов. Кроме того, трупы детей, как и взрослых, снимали на полустанках или просто выбрасывали на ходу поезда. Так же это может быть связано с подпиской о неразглашении похоронных бригад – боялись паники. Халатность, невнимание на местах. Когда снимали с поездов много умерших, то даже не успевали их хоронить и тем более выяснять, кто они такие. В ряде случаев известны точные захоронения, а документы на тех, кто в них захоронен, по непонятным причинам пропали.

Инициаторами установления памятников являются разные люди, прежде всего сами блокадники. Например, в Костроме на Лазаревском кладбище 27 января 2011 г. открыт памятник детям блокадного Ленинграда по инициативе Елены Александровны Семенниковой. Когда началась блокада, ей исполнилось 14 лет. Спасло ее от смерти сначала то, что мама еще летом 1941 г. заставляла дочь ездить на окраину города и собирать свекольные листья, которые они засолили в бочке. Но бочка проходилась, рассол вытек, по квартире разносился нестерпимый запах гниения. Лена не выбросила бочку, а во время блокады к краю хлеба добавляла ложечку этих листьев. Затем ее определили в ремесленное училище, а оттуда забрали в воинскую часть, где снабжение было лучше. Тем не менее у Лены развилась цинга, опухали ноги. В 1944 г. ее пришлось эвакуировать в тыл. После войны неравнодушная женщина с большим трудом сумела добиться разрешения поставить памятник детям блокады [4].

Идея создания памятника зарождается у неравнодушных людей, которые даже не жили во время войны. Единственный памятник ленинградским детям в Ярославле на Тверицком кладбище установлен благодаря учителю Вере Викторовне Кузнецовой. Она родилась в 1947 г. в Ярославле. Побывав в Ленинграде на Пискаревском кладбище еще в школьные годы, а затем, работая уже в школе, создавая музей истории школы, она в плотную познакомилась с людьми и документами о детях, эвакуированных в область. Вера Викторовна выступила с идеей возведения памятника, который установили в 1998 г. на пожертвования ярославцев [8].

Результаты. Таким образом, трудно назвать постоянное число детей из Ленинграда, воспитывавшихся в Ярославской области, поскольку непрерывно наблюдался следующий процесс: ослабленных ребят принимали, помогали восстановить здоровье, затем часть направляли в другие области, кто-то из них уезжал к родителям, а на их место из блокадного города прибывали новые. Труженики Ярославской области в результате умелого руководства партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов провели огромную работу по спасению ленинградцев, зачастую ухудшая свое и так бедственное положение. Они предоставили эвакуированным все необходимое для восстановления и укрепления физического состояния, создали условия для учебы, а в дальнейшем работы. Но самое главное – простые горожане и колхозники своим теплом, заботой, любовью помогли сохранить высокие морально-нравственные и духовные качества ленинградских детей.

С каждым годом ленинградцев, кто даже в детские годы пережил блокаду, становится все меньше. Но память о них не умрет. Она сохранится в памятниках им, в их воспоминаниях, а это крайне важно для новых поколений России.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ярославская область была выделена из Ивановской промышленной области 11 марта 1936 г., куда вошла значительная часть Костромской губернии. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. была образована Костромская область. В ее состав вошли 26 районов: 15 – из Ярославской области, 3 – из Ивановской, 6 – из Горьковской и 2 – из Вологодской. В связи с этим автор приводит примеры, статистические данные, в том числе и по районам современной Костромской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вечной памяти достойны... Книга-список эвакуированных ленинградцев, захороненных в Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. В 2 т. Т. 2 [Машинописный текст]. – Ярославль, 1996. – 511 с. – (Фонд Государственного архива Ярославской области).

2. Директивные указания и переписка обкома Союза работников дошкольных учреждений и детдомов // Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 1054. – Оп. 1. – Д. 65. – 257 л.

3. Документы о состоянии детских учреждений, эвакуированных в Ярославскую область из Ленинграда // Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 2224. – Оп. 1. – Д. 81. – 154 л.

4. Из записи бесед с Е.А. Семенниковой // Личный архив Е.Ю. Волковой.

5. Из записи бесед с О.А. Царапкиной // Личный архив Е.Ю. Волковой.

6. Костромская область – территория милосердия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://deti-leningr-koventr.1gb.ru/childrenlist.aspx> (дата обращения: 15.04.2018). – Загл. с экрана.

7. Ленинградцы на волжских берегах: сб. док. и материалов. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. – 120 с.

8. Невинные ангелы. Как ярославцы спасали детей блокадного Ленинграда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.yar.aif.ru/society/persona/nevinnye_angely_kak_yaroslavcy_spasali_detey_blokadnogo_leningrada (дата обращения: 15.04.2018). – Загл. с экрана.

9. О состоянии детдомов в Ярославской области на конец 1942 г. // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 667. – 356 л.

10. Протокол заседания бюро Даниловского райкома ВКП(б) // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 244. – Оп. 39. – Д. 19. – 235 л.

11. Протокол заседания бюро Любимского райкома ВКП(б) // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 248. – Оп. 1. – Д. 642. – 138 л.

12. Протокол заседания бюро Ростовского райкома ВКП(б) // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 1. – Д. 1168. – 510 л.

13. Протокол заседания бюро Ярославского обкома ВКП(б) 25–29 июля 1941 г. // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 77. – 101 л.

14. Протокол заседания бюро Ярославского обкома ВКП(б) 21–24 марта 1942 г. // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 405. – 63 л.

15. Протокол заседания бюро Ярославского обкома ВКП(б) 21–24 апреля 1942 г. // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 412. – 72 л.

16. Протокол заседания бюро Ярославского обкома ВКП(б) 17–26 февраля 1942 г. // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 781. – 67 л.

17. Протоколы по военным вопросам // Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 251. – 153 л.

18. Решения Ярославского облисполкома за 1941 г. // Государственный архив Костромского района (ГАКО). – Ф. 1538. – Оп. 22. – Д. 206. – 310 л.

19. Справки о количестве и трудоустройстве эвакуированного населения из Ленинграда // ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 224. – Д. 203. – 205 л.

20. Страницы мужества: помощь Ярославской области блокадному Ленинграду. 1941–1944 гг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.yararchive.ru/exhibitions/exhibition-vov70/> (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

21. Ярославская земля и блокадный Ленинград. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://old-yar.ru/story/98/> (дата обращения: 12.05.2019). – Загл. с экрана.

22. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны. – Ярославль : ИПК «Индиго», 2010. – 233 с.

23. Ярославская область за 50 лет. 1936–1986: очерки, документы и материалы. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1986. – 326 с.

24. Ярославцы в годы Великой Отечественной войны : сб. док. – Ярославль : Яр. кн. изд-во, 1960. – 445 с.

REFERENCES

1. *Vechnoy pamyati dostoyny... Kniga-spisok evakuirovannykh leningradtsev, zakhoronennykh v Yaroslavskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. V 2 t. T. 2 [Mashinopisnyy tekst]* [Worthy of Eternal Memory... Book – List of the Evacuated Leningrad Citizens Buried in Yaroslavl Region During the Great Patriotic War. In 2 Vols. Vol. 2 [Typescript]]. Yaroslavl, 1996. 511 p. (Fond Gosudarstvennogo arkhiva Yaroslavskoy oblasti [Fund of the State Archive of Yaroslavl Region]).

2. Direktivnye ukazaniya i perepiska obkoma Soyuza rabotnikov doshkolnykh uchrezhdeniy i detdomov [Policy Directives and Correspondence of the Regional Committee of the Union of Workers of Preschool Institutions and Orphanages]. *Tsentral'nyy dokumentatsii noveyshey istorii Gosudarstvennogo arkhiva Yaroslavskoy oblasti (TsDNI GAYaO)* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 1054, Op. 1, D. 65. 257 l.

3. Dokumenty o sostoyanii detskikh uchrezhdeniy, evakuirovannykh v Yaroslavskuyu oblast iz Leningrada [Documents on the State of Children's Institutions Evacuated to Yaroslavl Region from Leningrad]. *Gosudarstvennyy arkhiv Yaroslavskoy oblasti (GAYaO)* [State Archive of Yaroslavl Region], F. 2224, Op. 1, D. 81. 154 l.

4. Iz zapisi besed s E.A. Semennikovoy [From the transcripts of interviews with E.A. Semennikova]. *Lichnyy arkhiv E.Yu. Volkovoy* [Personal archive of E.Yu. Volkova].

5. Iz zapisi besed s O.A. Tsarapkinoy [From the Transcripts of Interviews with O.A. Tsarapkina]. *Lichnyy arkhiv E.Yu. Volkovoy* [Personal Archive of E.Yu. Volkova].

6. *Kostromskaya oblast – territoriya miloserdiya* [Kostroma Region, the Territory of Mercy]. URL: <http://deti-leningr-koventr.1gb.ru/childrenlist.aspx> (accessed 15 April 2018).

7. *Leningradtsy na volzhskikh beregakh: sb. dok. i materialov* [Leningrad Citizens on the Banks of the Volga. Collection of Documents and Materials]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 120 p.

8. *Nevinnye angely. Kak yaroslavtsy spasali detey blokadnogo Leningrada* [Innocent Angels. How Yaroslavl Citizens Saved Children of Besieged Leningrad]. URL: http://www.yar.aif.ru/society/personal/nevinnye_angely_kak_yaroslavcy_spasali_detey_blokadnogo_leningrada (accessed 15 April 2018).

9. O sostoyanii detdomov v Yaroslavskoy oblasti na konets 1942 g. [On the State of Orphanages in Yaroslavl Region at the End of 1942]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 667. 3561.

10. Protokol zasedaniya byuro Danilovskogo raykoma VKP(b) [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Danilovskiy District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 244, Op. 39, D. 19. 235 l.

11. Protokol zasedaniya byuro Lyubimskogo raykoma VKP(b) [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Lyubimskiy District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 248, Op. 1, D. 642. 1381.

12. Protokol zasedaniya byuro Rostovskogo raykoma VKP(b) [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Rostov District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 265, Op. 1, D. 1168. 5101.

13. Protokol zasedaniya byuro Yaroslavskogo obkoma VKP(b) 25–29 iyulya 1941 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Yaroslavl Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of July 25–29, 1941]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 77. 101 l.

14. Protokol zasedaniya byuro Yaroslavskogo obkoma VKP(b) 21–24 marta 1942 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Yaroslavl Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of March 21–24, 1942]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 405. 63 l.

15. Protokol zasedaniya byuro Yaroslavskogo obkoma VKP(b) 21–24 aprelya 1942 g. [Minutes of the

Meeting of the Bureau of the Yaroslavl Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 21–24, 1942]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 412. 72 l.

16. Protokol zasedaniya byuro Yaroslavskogo obkoma VKP(b) 17–26 fevralya 1942 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Yaroslavl Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of February 17–26, 1942]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 781. 67 l.

17. Protokoly po voennym voprosam [Minutes on Military Issues]. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Kostromskoy oblasti (GANIKO)* [State Archive of Modern History of Kostroma Region], F. 27, Op. 1, D. 251. 1531.

18. Resheniya Yaroslavskogo obispolkoma za 1941 g. [Decisions of the Yaroslavl Regional Executive Committee for 1941]. *Gosudarstvennyy arkhiv Kostromskogo oblasti (GAKO)* [State Archive of Kostroma Region], F. 1538, Op. 22, D. 206. 310 l.

19. Spravki o kolichestve i trudoustroystve evakuirovannogo naseleniya iz Leningrada

[Documents on Quantity and Employment of Evacuees from Leningrad]. *TsDNI GAYaO* [Documentation Centre of Modern History of the State Archive of Yaroslavl Region], F. 272, Op. 224, D. 203. 205 l.

20. *Stranitsy muzhestva: pomoshch Yaroslavskoy oblasti blokadnomu Leningradu. 1941–1944 gg.* [Page of Courage: Aid of Yaroslavl Region to Besieged Leningrad. 1941–1944]. URL: <https://www.yararchive.ru/exhibitions/exhibition-vov70/> (accessed 12 May 2019).

21. *Yaroslavskaya zemlya i blokadnyy Leningrad* [Yaroslavl Land and Besieged Leningrad]. URL: <http://old-yar.ru/story/98/> (accessed 12 May 2019).

22. *Yaroslavskaya oblast v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Yaroslavl Region During the Great Patriotic War]. Yaroslavl, IPK «Indigo», 2010. 233 p.

23. *Yaroslavskaya oblast za 50 let. 1936–1986: ocherki, dokumenty i materialy* [Yaroslavl Region During 50 Years. 1936–1986: Essays, Documents and Materials]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1986. 326 p.

24. *Yaroslavtsy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. dok.* [Yaroslavl Citizens During the Great Patriotic War. Collection of Documents]. Yaroslavl, Yaroslavskoe knizhnoe izd-vo, 1960. 445 p.

Information About the Author

Elena Yu. Volkova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History, Kostroma State University, Dzerzhinskogo St., 17, 156005 Kostroma, Russian Federation, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Волкова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, 17, 156005 г. Кострома, Российская Федерация, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.6>UDC 94(430)
LBC 63.3(2)622-4я43Submitted: 20.09.2019
Accepted: 12.12.2019

EVACUATION OF THE GERMAN POPULATION FROM TRANSNISTRIA IN MARCH–JULY 1944

Vladimir L. MartynenkoM.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Abstract. *Introduction.* During autumn 1943 – spring 1944 the systematic phased evacuation of the German population was carried out from the occupied Soviet regions. Its final phase was the operation of relocating more than 130 000 ethnic Germans from the Transnistria Governorate controlled by Romanian authorities to the territory of Warthegau. *Materials and methods.* The presented research is based on the historicism and objectivity principles. In the course of the work, the author uses special methods such as historical-systematic, chronological, historical-descriptive, and historical-genetic. The Source base of the research consists of documents of archival funds of Germany, memoirs and partly materials from the German press. *Analysis.* The decision of the SS leadership to execute the evacuation of ethnic Germans from Transnistria was due to the further advance of Soviet troops in the southern direction. However, even at the planning stage, the German side was faced with serious problems that could disrupt the entire operation. Due to the fact that control over many transport communications was lost, evacuation routes could only run through the territory of Romania, Bulgaria, occupied Serbia and Hungary. Therefore, the German leadership had to initiate urgent negotiations with the authorities of some of these states. Especially difficult was the negotiation process with the Romanian side which did not want to provide any assistance in the evacuation of the Germans from Transnistria. The High Command of the Wehrmacht was also in no hurry to provide assistance (for example, in transport support). *Results.* Despite the above-mentioned problems, the SS leadership was still able to carry out this resettlement action for several months. Most Germans decided to leave their homes not under the administrative pressure from the occupying authorities, but voluntarily, guided exclusively by the instinct of their survival.

Key words: ethnic Germans, evacuation, Germany, Transnistria, Romania, Ethnic German Liaison Office, Sonderkommando “R”, Oberkommando der Wehrmacht.

Citation. Martynenko V.L. Evacuation of the German Population from Transnistria in March–July 1944. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 70–83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.6>

УДК 94(430)
ББК 63.3(2)622-4я43Дата поступления статьи: 20.09.2019
Дата принятия статьи: 12.12.2019

ЭВАКУАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ТРАНСНИСТРИИ В МАРТЕ – ИЮЛЕ 1944 ГОДА

Владимир Леонидович МартыненкоИнститут украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского
Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

Аннотация. На протяжении осени 1943 – весны 1944 г. из оккупированных советских регионов осуществлялась планомерная эвакуация немецкого населения. Ее финальной фазой стала операция по переселению более чем 130 000 этнических немцев из находившегося под управлением румынских властей губернаторства Транснистрия на территорию округа Вартегау. Решение руководства СС о проведении данной акции было обусловлено дальнейшим наступлением советских войск на южном направлении. Однако еще на ст-

дии планирования германская сторона столкнулась с серьезными проблемами, которые могли сорвать всю операцию. В силу того, что контроль над многими транспортными коммуникациями был утрачен, эвакуационные маршруты могли пролегать по территории Румынии, Болгарии, оккупированной Сербии и Венгрии. Поэтому руководству Германии пришлось инициировать срочные переговоры с властями некоторых из этих государств. Особенно сложно протекал переговорный процесс с румынской стороной, которая не желала оказывать какую-либо помощь в эвакуации немцев из Транснистрии. Не спешило оказывать содействие (например, в транспортном обеспечении) и Верховное командование вермахта. Однако, несмотря на эти проблемы, руководство СС все же смогло в течение нескольких месяцев осуществить данную переселенческую акцию. В рамках данной статьи на основе привлечения германских архивных документов и ряда нарративных источников рассмотрены организация и ход эвакуации этнических немцев из Транснистрии на территорию рейха в 1944 году. Отдельное внимание удалено дипломатическим аспектам темы.

Ключевые слова: этнические немцы, эвакуация, Германия, Транснистрия, Румыния, Управление по делам этнических немцев, зондеркоманда «Р», Верховное командование вермахта.

Цитирование. Мартыненко В. Л. Эвакуация немецкого населения из Транснистрии в марте – июле 1944 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.6>

Введение. К концу 1943 – началу 1944 г. для военно-политического руководства Германии стало уже практически очевидно, что натиск Красной армии будет лишь усиливаться. Поэтому в сложившейся ситуации ничего не оставалось, как продолжить акции по добровольно-принудительному перемещению трудоспособного гражданского населения, которое еще проживало на оккупированных советских территориях. Теперь основное внимание германских властей в значительной мере было сосредоточено на южном регионе Украины.

Особенно активный вывоз местного населения из оккупированных районов Николаевской и Одесской областей происходил с января по март 1944 года. Армейское командование, несшее основную ответственность за эвакуацию, старалось пресекать с помощью карательно-репрессивных мер любые попытки саботажа или сопротивления [4, с. 74]. По данным российского исследователя П. Поляна, за 1-й квартал 1944 г. в рейх в общей сложности было отправлено 496 244 человека [1, с. 211]. Значительный процент из них составляли те советские граждане, которые по ряду причин эвакуировались добровольно. Одним из таких примеров стала акция по переселению в рейх более 130 000 этнических немцев из губернаторства Транснистрия, продолжавшаяся с февраля по июль 1944 года. Данная эвакуация привлекает внимание не только своей массовостью, но и другими отличительными чертами, например организацией и идеино-политической составляющей.

Критерием актуальности темы выступает ее малоизученность не только в привязке к истории немецкого этноса, но и в общем контексте миграционных процессов гражданского населения оккупированных областей СССР в годы Второй мировой войны.

Методы и материалы. Проблема переселения этнических немцев из Транснистрии в рейх в начале 1944 г. еще не получила подробного рассмотрения ни в западной, ни в отечественной историографии. Основной материал по данной теме представлен лишь двумя работами немецких авторов. В первую очередь необходимо отметить небольшую статью Р. Хоффмана и ставшую уже фундаментальной монографию И. Флейшхауз [12; 17]. Однако в этих работах показана лишь общая и довольно скомкнутая картина проводимой германскими властями эвакуации немецкого населения оккупированного юго-западного региона Украины. Поэтому в них не отражены многие моменты, связанные с организацией и осуществлением данной акции.

Источниковую базу исследования прежде всего составляют документы Федерального архива в Берлине и Архива Института современной истории в Мюнхене. В этот комплекс входят различные директивы, отчеты и сводки Управления по делам этнических немцев (Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi); далее – ФоМи) и командных структур Вооруженных сил Германии. Немаловажное значение имеют и воспоминания непосредственных участников тех событий, позволяющие детализировать и уточнить ряд аспектов темы. Некото-

рые сведения были извлечены из материалов германской прессы, в частности таких печатных органов НСДАП, как «Litzmannstädter Zeitung» и «Ostdeutscher Beobachter».

В основе представленного исследования лежат принципы историзма и объективности. В ходе работы активно применялся историко-системный метод, позволивший раскрыть планирование, механизм и ход эвакуации немецкого населения из оккупированных районов Одесской и Николаевской областей УССР. Параллельно с этим были задействованы такие специальные методы, как хронологический, историко-описательный и историко-генетический. При изучении источников нарративного характера использовался метод контент-анализа.

Анализ. По результатам регистрации 1943 г., на территории губернаторства Транснистрия (оккупированный советский регион между Днестром и Южным Бугом), которое с 1941 по 1944 г. находилось под управлением румынской администрации, проживало 130 866 этнических немцев. Большинство из них было сосредоточено в сельской местности. Исторически немецкие поселения образовывали четыре крупных анклава: к северу от Тирасполя располагались глюкстальские колонии; между Южным Бугом и Тилигулом – березанские колонии; в районе Одессы – кучурганские и крослибентальские колонии. Необходимо отметить, что во время оккупации данного региона этнические немцы обладали особым статусом и на них не распространялась юрисдикция румынских властей. Начиная с августа 1941 г. политico-административный контроль над колонистами осуществляла зондеркоманда «Р»¹ (структурное подразделение ФоМи) под руководством оберфюрера СС (с 1943 г. бригадефюрера) Х. Хоффмайера [28, S. 88–90].

В начале января 1944 г. в связи с неблагоприятным для войск Германии развитием событий на Восточном фронте штаб зондеркоманды «Р», который располагался в колонии Ландау (в то время оккупированная территория Одесской области), впервые задумался о проведении массовой эвакуации немецкого населения из Транснистрии. Однако для ее осуществления предстояло решить ряд важных организационных вопросов. Времени

на это было не так много. Проведение будущей акции зависело от переговоров с властями Румынии, так как использовать для перемещения десятков тысяч немецких беженцев многие транспортные магистрали рейхскомиссариата «Украина» уже не представлялось возможным. Поэтому оставался лишь один путь – через Бессарабию. В то же время между Бухарестом и руководством зондеркоманды «Р» сложились довольно натянутые отношения в вопросах прав и обязанностей этнических немцев на территории Транснистрии. Так, румынское правительство давно настаивало на том, чтобы немецкие колонисты занимались не только сдачей сельхозпродукции гражданской администрации, но и участвовали в снабжении армейских частей королевства, расквартированных в регионе [22, Bl. 4].

План эвакуации этнических немцев, разработку которого курировал командир зондеркоманды «Р» бригадефюрер СС Х. Хоффмайер, предполагал несколько вариантов развития событий. Так, в первую очередь следовало начать переселение немецких женщин и детей из 20-километровой полосы вдоль Южного Буга в западную часть Транснистрии. Трудоспособные мужчины должны были оставаться выполнять весенние сельскохозяйственные работы. Если бы советские войска продолжили свой наступление, то уже все немецкое население подлежало бы эвакуации в западную часть Транснистрии. В случае приближения Красной армии к Днестру следовало начинать организованный отход на территорию Бессарабии. Местом дислокации самой зондеркоманды «Р» стала бы Вена [23, Bl. 8].

В первой половине февраля 1944 г. Х. Хоффмайер провел безуспешные переговоры об эвакуации 135 000 этнических немцев из Транснистрии с вице-премьером Румынии М. Антонеску и главой Генерального штаба генералом И. Штефлей. Военно-политическое руководство отказалось от какого-либо содействия в проведении этой акции. Однако штаб зондеркоманды «Р» продолжил разработку эвакуационного плана. Основная ответственность за это была возложена на оберштурмфюрера СС фон Зеefельда. Эвакуацию немецкого населения предполагалось осуществить железнодорожным и водным транспортом.

В связи с этим зондеркоманда «Р» инициировала переговоры с администрациями Немецких имперских железных дорог и Дунайского пароходства. Разработчики плана исходили из того, что до июня уровень воды в Дунае будет достаточным для перевозки беженцев до Вены. Ключевое значение при проведении будущей операции имел Галац – важный портовый город, в котором следовало вновь, как и в 1940 г., организовать транзитный лагерь. Однако с этим возникли определенные сложности, вызванные отказом румынских властей предоставлять какую-либо помошь. Округ Вартегау еще до согласования с его администрацией уже рассматривался как регион окончательного расселения немцев из Транснистрии [24].

На территории самой Транснистрии в это время происходила ускоренная подготовка к эвакуации. Сотрудники зондеркоманды «Р» начали оповещать и инструктировать жителей колоний. На учителей и других представителей сельской интеллигенции была возложена задача по сбору статистических сведений, касающихся, например, домовладений, хозяйственного инвентаря, домашнего скота и земельных наделов. Самы жители колоний активно занимались подготовкой гужевого транспорта. Так, за короткий промежуток времени следовало успеть не только подковать всех лошадей, но и соорудить на каждой повозке из брезента или же фанерных листов фургон. Параллельно с этим осуществлялась заготовка провизии. В первую очередь многие колонисты стремились взять с собой консервированное мясо и запасы муки. Во избежание переутомления лошадей при длительном переходе германские власти рекомендовали грузить на подводы максимум 500 килограммов имущества. Основным организационным звеном в эвакуационном потоке являлась колонистская община, которая, в свою очередь, состояла из нескольких групп (по 22–24 человека в каждой). В состав групп входили родственники и члены семей. Такой принцип организации должен был укрепить сплоченность и взаимовыручку во время эвакуации [7, S. 43–44].

В начале марта 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинского фронтов возобновили наступательные операции на юго-западном направлении. Поэтому 12 марта Х. Хоффмейер по со-

гласованию с командованием групп армий «Юг» и «А» был вынужден отдать приказ о начале срочной эвакуации всего немецкого населения Транснистрии. На следующий же день штаб зондеркоманды «Р» поставил об этом в известность М. Антонеску. Столь стремительное развитие событий внесло существенные корректизы в упомянутый выше план, подразумевавший поэтапное перемещение немцев к дунайским портам. В частности, возникли серьезные сложности, связанные с техническими аспектами эвакуации. Так, ОКХ издало приказ о переоборудовании всех крупных транспортных кораблей на Дунае в госпитальные судна [25, Bl. 16]. Решение военного командования поставило штаб зондеркоманды «Р» в тупиковое положение, потому что осуществить эвакуацию этнических немцев с помощью железнодорожного транспорта было практически невозможно. Вермахт в ходе переговоров со штабом зондеркоманды «Р» согласился выделить лишь 6 транспортных судов, что, естественно, не способствовало своевременному проведению операции [15, Bl. 9284–9285].

Под давлением сложившейся ситуации на фронте правительство Румынии было вынуждено дать согласие на то, чтобы эвакуационный маршрут пролегал по территории Бессарабии. В то же время оно решительно отказалось предоставлять разрешение на размещение беженцев в немецких колониях в румынской части Баната и Трансильвании, поскольку в обоих регионах планировалось расселить полумиллионный контингент румынских беженцев из Бессарабии и Транснистрии. Кроме этого, правительство Румынии запретило использовать речной порт Галац, который имел важное военно-стратегическое значение. Таким образом, разработанный немецкой стороной план по эвакуации нуждался в серьезной корректировке. 17 марта 1944 г. состоялись очередные переговоры между руководством зондеркоманды «Р» и румынским Генеральным штабом, в ходе которых были определены пункты переправы через Днестр: Дубоссары, Тирасполь, Тигина (Бендери) и, как возможный дополнительный вариант, Овидиополь. Румынская сторона также позволила использовать для отправки беженцев речным транспортом порты Измаил

и Килия. Однако, как вскоре выяснилось, последний был временно непригоден. В этой ситуации Х. Хоффмайер безуспешно пытался добиться разрешения на использование порта Рени [25, Bl. 15–16].

В середине марта Х. Хоффмайер и его шеф обергруппенфюрер СС В. Лоренц обратились напрямую в полевой штаб рейхсфюрера СС с просьбой помочь как можно скорее убедить ОКВ отказаться от изъятия всех речных судов. Согласно мнению Х. Хоффмайера, вермахт должен был использовать иные пути для транспортировки своих раненых, поскольку наиболее оптимальный эвакуационный маршрут пролегал только по Дунаю. Основной аргумент заключался в том, что румынская сторона решительно отказалась снабжать немецких беженцев продовольствием и кормом для лошадей и остального скота. Впрочем, Х. Хоффмайер попросил полевой штаб рейхсфюрера СС попробовать решить также и эту проблему в кратчайшие сроки с помощью МИДа Германии [15, Bl. 9285]. В аппарате СС отреагировали достаточно быстро, поручив бригадефюреру СС Г. Фегелейну, который являлся представителем СС при А. Гитлере, связаться с высшими армейскими инстанциями и МИДом. Предполагалось, что переговоры с Бухарестом должен был инициировать известный в то время дипломат В. Хевель [15, Bl. 9281].

Основная ответственность за распространение приказа об эвакуации была возложена на филиал ФоМи в Одессе [9, S. 182]. В свою очередь, непосредственное оповещение немецкого населения обеспечивали сотрудники районных команд, которые пытались предотвратить нарастание панических настроений и в то же время могли предупреждать о негативных последствиях возвращения советской власти [20, S. 168].

В соответствии с распоряжением штаба зондеркоманды «Р» жителям березанских и глюкстальских колоний следовало перейти на другой берег Днестра в Тирасполе и Дубоссарах. Овидиополь же должен был стать пунктом переправы для беженцев из кучурганских и грослибентальских колоний [9, S. 182].

К середине марта зондеркоманда «Р» еще не успела проинструктировать все немец-

кое население Транснистрии о предстоящей эвакуации, поэтому жители некоторых колоний начали к ней активно готовиться лишь после объявления официального приказа [20, S. 168]. Первая фаза эвакуации должна была производиться преимущественно гужевым транспортом. Однако не все немецкие семьи имели возможность подготовить крытую повозку для длительного перехода. Например, с такими сложностями иногда сталкивались люди, относившиеся по роду своей профессиональной деятельности к сельской интеллигенции [2, с. 136; 26]. В более серьезной ситуации оказались многие жители колонии Ландау. Они попали в число тех, у кого за несколько дней до объявления об эвакуации представители вермахта реквизировали лошадей и повозки для своих транспортных нужд, поэтому лишь некоторая часть колонистов смогла отправиться в путь на подводах. Для других германских власти смогли пригнать с соседней станции три эшелона, в которые в первую очередь погрузили людей пожилого возраста, больных и женщин с маленькими детьми. Тем не менее этого оказалось недостаточно, и оставшихся беженцев пришлось через некоторое время вывозить самолетами в направлении Одессы [10, S. 49–50]. Согласно воспоминаниям колонистов, в тот же день еще некоторое количество немецких семей покинули Ландау на грузовиках вместе с сотрудниками штаба зондеркоманды «Р» [27, S. 14]. По схожему сценарию происходила и эвакуация жителей колонии Хоффнунгсталль. Лица пожилого возраста и женщины с детьми были доставлены на станцию Веселый Кут и затем погружены в поезд. Медико-санитарным обслуживанием данного контингента занимался персонал из находившегося поблизости санитарного лагеря Немецкого Красного Креста [26]. В общей сложности до конца марта в Лицманштадт (Лодзь) тремя эшелонами было доставлено 4 097 человек. Различные способы транспортировки применялись и при эвакуации немцев, которые проживали в городах. Например, для доставки беженцев из Одессы в Аккерман (Белгород-Днестровский) использовались грузовики и самолеты [25, Bl. 16].

Продвижение беженцев, эвакуировавшихся на подводах, нередко осложнялось ве-

сенней распутицей. Так, один из участников перехода написал в своем дневнике, что вода и грязь превратились в труднопроходимую жижу, в которой глубоко увязали колеса телег. Передвижение по холмистой местности в таких условиях было особенно сложным. Для более или менее успешного перехода через холмы следовало иметь в упряжке 4–6 лошадей, поэтому довольно часто беженцы были вынуждены разгружать со своих повозок часть провизии и имущества [18, р. 11]. Также стоит отметить, что продолжительные дожди в первой половине марта помешали жителям некоторых березанских колоний вовремя начать эвакуацию, как того требовал приказ [27, S. 15]. Кроме погодных условий на продвижение беженцев оказывали влияние и другие факторы. Например, в начале двадцатых чисел марта мост через Днестр в Тирасполе был запружен отступавшими немецкими частями, поэтому двигавшиеся к этой переправе отдельные группы беженцев получили приказ свернуть к Овидиополю. Однако два дня спустя они были вынуждены вновь изменить свой маршрут в направлении Тирасполя. В конечном итоге им удалось переправиться на другой берег Днестра в Дубоссарах [27, S. 16]. Переход колонистов через реку в Тирасполе вскоре был облегчен благодаря тому, что немецкие военные возвели понтонный мост [19, S. 170].

Сильное стрессогенное воздействие на многих эвакуировавшихся немцев оказывал постоянный страх перед приближающейся линией фронта. Некоторые их обозы были все же настигнуты частями Красной армии. Определенная угроза исходила и от партизанских отрядов, проводивших свои рейды в немецко-румынском тылу. Так, в конце марта советские партизаны внезапно появились возле села Маяки, где в тот момент жители колонии Зельц уже заканчивали свою переправу через Днестр. Бойцы отряда тут же открыли огонь по отплывавшему парому и успели захватить оставшуюся многочисленную группу немецких беженцев [27, S. 24]. После этого, согласно некоторым данным, партизаны в качестве меры устрашения отобрали и расстреляли на берегу реки девятерых мужчин [3, с. 193; 8]. Жители Зельца, не успевшие пересечь Днестр, в итоге были вынуждены вер-

нуться в свою колонию [27, S. 24]. Кроме партизан серьезную опасность для беженцев представляла и советская авиация, под бомбовые удары которой они время от времени попадали.

Первая фаза операции по эвакуации немцев из Транснистрии в общей сложности длилась до 9 апреля 1944 года. Наиболее продолжительной из-за плохих погодных условий оказалась переправа беженцев через Днестровский лиман. Временное расквартирование эвакуированного контингента происходило преимущественно в южных районах Бессарабии. В первой половине апреля около 22 000 человек (преимущественно немощные старики, больные и женщины с детьми) были отправлены поездами в Лицманштадт. Некоторые группы перевозились в открытых вагонах [6].

26 марта 1944 г. Х. Хоффмайер, чей штаб к тому времени был перенесен в Галац, провел в Бухаресте телефонный разговор с заместителем главы Генштаба армии Румынии генералом С. Мардари, в ходе которого обсуждались некоторые технические детали дальнейшей эвакуации немцев из Транснистрии. В первую очередь С. Мардари упомянул о результатах недавней встречи маршала И. Антонеску с А. Гитлером. Как выяснилось, кондуктор был намерен своим распоряжением полностью прекратить любые перемещения гражданского населения через территорию Румынии. Х. Хоффмайер решительно заявил, что данное распоряжение не должно распространяться на немецких беженцев из Транснистрии. В свою очередь генерал С. Мардари сообщил о согласии румынского Генштаба на переход беженцев через территорию Бессарабии. Далее он отметил, что за отведение зон для временного размещения контингента и портов / пристаней на Дунае будет отвечать командование группой армий «А». Кроме этого, в случае дальнейшего наступления войск Красной армии запрещалась дальнейшая переправа беженцев через Прут. Сам Х. Хоффмайер должен был позаботиться о том, чтобы эвакуация немцев по территории Бессарабии прошла как можно быстрее и исключительно по Дунаю. Румынская сторона отказалась принимать какое-либо участие в транспортном обеспечении этой акции. После разговора с представителем

Генштаба Х. Хоффмайер телеграфировал Г. Гиммлеру о своем намерении встретиться в ближайшее время с вице-премьером М. Антонеску для подтверждения полученной информации и выяснения других возможных деталей [13, Bl. 9276–9278].

Переговоры руководства СС с вермахтом о предоставлении речных кораблей для эвакуации немецкого населения Транснистрии продолжались до конца марта 1944 года. В оперативном штабе вооруженных сил все же выразили готовность пойти на определенный компромисс. Так, 24 марта генерал В. Варлимонт заявил о согласии ОКВ представить как железнодорожный, так и речной транспорт (в последнем случае речь шла о судах из состава речной флотилии вермахта). При этом он подчеркнул, что практически все гражданские суда на Дунае будут использованы для транспортировки раненых. В качестве исключения ОКВ могло также выделить через некоторое время около 20 венгерских пассажирских пароходов [15, Bl. 9280]. Однако уполномоченный рейха в Будапеште Э. Веезенмайер, который оказывал содействие в разрешении сложившейся ситуации, вскоре сообщил более точные данные не только о количестве, но и о состоянии этих судов. Как выяснилось, в распоряжении военных в действительности имелось 16 пароходов, из которых 5 планировалось использовать как санитарный транспорт. Среди оставшихся 11 судов лишь некоторые оказались пригодными для осуществления эвакуации немцев Транснистрии. Э. Веезенмайер пообещал попытаться договориться о предоставлении этих пароходов в распоряжение ФоМи. Однако он подчеркнул, что изъятие речных судов может негативно отразиться на снабжении самого Будапешта, который ранее серьезно пострадал от налетов советской авиации. Глава ФоМиobergruppenfюрер СС В. Лоренц со своей стороны решил обратиться к ОКВ с просьбой выделить в ближайшее время 5 вышеупомянутых пароходов, поскольку от этого зависел исход всей эвакуации. Активное дипломатическое содействие продолжал оказывать и МИД Германии, поручивший своему послу в Бухаресте М. фон Киллингеру инициировать очередные переговоры о временном размещении беженцев в немецких колониях на тер-

ритории румынской части Баната и Трансильвании [15, Bl. 9290–9292].

31 марта 1944 г. Г. Гиммлер сообщил главе ФоМи В. Лоренцу о том, что все эвакуированные из Транснистрии немцы будут окончательно расселены в округе Вартегау. Как выяснилось, данный план рейхсфюрер СС вынашивал уже давно и даже успел заранее уведомить о нем гауляйтера А. Грейзера, одобравшего эту идею. В тот же день Г. Гиммлер отправил в Позен (Познань) еще одну телеграмму, в которой выразил главе округа признательность за его согласие принять и разместить около 130 000 немцев из Транснистрии. Он также пообещал, что данный контингент останется в Вартегау и после завершения войны. В конце телеграммы Г. Гиммлер как рейхскомиссар по укреплению немецкой народности поручил А. Грейзеру организовать расселение беженцев на территории округа [11, Bl. 9268–9269].

К началу апреля координация между СС и командными инстанциями вермахта в вопросе организации эвакуации этнических немцев вышла на новый уровень. Так, 13 апреля 1944 г. был выпущен циркуляр генерал-квартирмейстера Генерального штаба ОКХ, который уже более конкретно определял роль и полномочия ФоМи и армейских структур. Основное руководство операцией по-прежнему осуществлял штаб зондеркоманды «Р». Также, в соответствии с распоряжением ОКВ от 2 апреля 1944 г., на немецкого генерала при Главном командовании румынских королевских вооруженных сил Э. Ханзена возлагалась ответственность за отправку беженцев в случае обострения ситуации на фронте. В частности, он был уполномочен ускорить дальнейшую эвакуацию большинства этнических немцев из северной части Румынии на подводах. Для отправки других групп немецких беженцев следовало подготовить железнодорожный и речной транспорт. Генерал должен был оказывать посильную помощь бригадефюреру СС Х. Хоффмайеру, имевшему в своем распоряжении весьма ограниченные ресурсные возможности, в снабжении переселенческого контингента продовольствием. В данном циркуляре ОКВ также допускало использование дунайских пароходов, переоборудованных в плавучие госпитали, но в зависимости от боев

вой обстановки [16, Bl. 9258–9259]. Кроме этого, на ограниченной территории предполагалось задействовать дополнительный армейский автотранспорт. В соответствии с разработанным планом, колонны беженцев на подводах должны были начать движение по шоссейным дорогам вдоль обоих берегов Дуная. Примечательно, что к моменту выхода циркуляра ОКВ Генштаб Румынии еще не предоставил германской стороне свое официальное разрешение на транзит. Решение данного вопроса было поручено генералу Э. Ханзену. Переговоры о разрешении перехода по территории Болгарии планировалось вести по линии МИДа Германии (через его дипломатическую миссию в Софии) и ОКВ (через немецкого генерала при Главном командовании Королевской армией). Дальнейший путь беженцев должен был пролегать через сербскую часть Баната, где они могли на некоторое время остановиться на отдых. Вопрос об их размещении следовало предварительно согласовывать с командованием группой армий «Ф». Отправку немецкого контингента с территории сербского Баната планировалось производить уже железнодорожными составами. Организационную ответственность за эту фазу операции несло руководство ФоМи [16, Bl. 9258–9259].

Однако вскоре стало очевидно, что вышеописанный план нуждается в серьезном пересмотре. Эвакуировать такое большое количество этнических немцев через Южную Румынию, особенно в кратчайшие сроки, было просто невозможно как из-за наплыва румынских беженцев из северной части страны, так и из-за весьма ограниченных транспортных возможностей.

В связи с этим при проведении следующей фазы эвакуации власти Германии планировали сформировать два больших потока немецких беженцев – северный и южный. Первый, который состоял преимущественно из жителей березанских и глюкстальских колоний, должен был продолжать свой отход через территорию Венгрии. Южный поток объединял уроженцев кучурганских и грослибентальских колоний, а также Одессы. Эвакуационный маршрут этого контингента пролегал по территории Болгарии, Сербии, Венгрии, протектората Богемии и Моравии и Генерал-губернаторства. Каждым из двух потоков руково-

водил представитель ФоМи в звании гауптштурмфюрера СС, который, в частности, отвечал за организацию временного размещения и питания беженцев [9, S. 182; 27, S. 9–10].

Первым 16 апреля 1944 г. по распоряжению генерал-квартирмейстера ОКХ через Бырлад и венгерскую Северную Трансильванию начал движение из Бессарабии северный поток беженцев [14, Bl. 9243–9244]. Он состоял из 70 125 человек, 38 444 лошадей, 12 729 повозок и 6 458 голов крупного рогатого скота [12, S. 223]. Переход через Прут происходил по мосту возле деревни Фэлчу. Из-за постоянных налетов советской авиации и движения немецких частей маршрут обоза нередко корректировался [27, S. 9].

ОКВ поначалу сомневалось в том, что Северная Трансильвания, имевшая весьма ограниченные ресурсные возможности, способна принять даже на короткий промежуток времени такой многочисленный контингент беженцев [14, Bl. 9246]. Исходя из этого, штаб зондеркоманды «Р» и генерал Э. Ханцен должны были находиться в тесной координации с командующим германскими войсками в Восточной Венгрии. Последний, в частности, имел право принять в зоне своей ответственности ограниченное количество этнических немцев. Согласно предписанию ОКВ, переход беженцев по венгерской территории должен был продолжаться до линии Клаузенбург (Клуж-Напока) – Деж – Бетлен – Быстрица – Боргопрудн – Пояна-Стампей. Кроме того, им запрещалось совершать остановки длительностью более 24 часов. Практически всю ответственность за управление перемещением, сопровождение, организацию питания и медицинского обслуживания немецких беженцев нес штаб зондеркоманды «Р». Дальнейшую отправку контингента эшелонами за пределы Венгрии следовало заранее согласовать с транспортными службами вермахта [14, Bl. 9241–9242].

Движение обоза по территории Северной Трансильвании проходило в сопровождении венгерских солдат, которые обеспечивали не только защиту, но и занимались поставкой продовольствия [27, S. 9, 17]. Наиболее сложная фаза маршрута была связана с переходом через Восточные Карпаты. К концу апреля первые группы северного потока смогли вый-

ти к вышеупомянутой рубежной линии. Перед погрузкой в эшелоны в городе Деж беженцы получали продуктовый паек на десять дней. Их лошади подлежали сдаче специальной комиссии вермахта, которая взамен выдавала квитанции [27, S. 17].

Отправка поездов с беженцами из Венгрии в рейх продолжалась почти целый месяц – с 4 по 29 мая [6]. Маршрут многих эшелонов пролегал через Будапешт. После прибытия в Вартегау весь контингент проходил санитарную обработку (душ и дезинсекцию). Первоначально германские власти предполагали направлять этнических немцев из Транснистрии в лагерь Пабьянице. Однако, как вскоре выяснилось, его пропускной способности оказалось явно недостаточно для обслуживания такого большого количества людей. В связи с этим было принято решение выделить еще два пересыльных лагеря – в Лицманштадте и Гёрнау [5].

Наиболее сложной, особенно в организационном плане, оказалась эвакуация этнических немцев по южному маршруту. Так, 14 апреля 1944 г. состоялась встреча генерала Э. Ханзена с маршалом И. Антонеску, в ходе которой обсуждались технические аспекты отправки около 60 000 беженцев к болгарской границе. Наиболее решительное возражение со стороны премьер-министра вызвала идея эвакуировать часть этого контингента пароходами, поскольку некоторые участки дунайского фарватера были заминированы. К слову, один из шести вышеупомянутых пароходов к тому времени уже вышел из строя, подорвавшись на мине. Отправка немцев железнодорожным транспортом также была временно невозможна. Таким образом, эвакуация на подводах вдоль берегов Дуная оставалась единственным возможным вариантом [14, Bl. 9249–9250]. В тот же день последовали известия от представителя ОКВ генерала В. Варлимонта, который сообщил, что пропускные возможности шоссейных дорог Южной Румынии весьма ограничены из-за наплыва беженцев из северной части страны [14, Bl. 9254]. Особенно серьезные опасения данная ситуация вызывала со стороны командования группы армий «Южная Украина», вынуждая его принимать некоторые превентивные меры. Так, 14 апреля начальник армейс-

кого штаба генерал В. Венк поставил руководство зондеркоманды «Р» в известность о разрешении на перемещение вдоль Дуная лишь 40 000 этнических немцев из Транснистрии, в противном случае более многочисленный контингент мог бы парализовать дорожное движение. Принимая во внимание требование армейского командования, Х. Хоффмейер подписал приказ об эвакуации 40 000 человек. Остальная же часть контингента должна была ожидать своей очереди. Временное размещение беженцев планировалось организовывать в районе Панчево (территория сербского Баната) [14, Bl. 9256–9257].

Однако вскоре со своей инициативой выступило ОКВ, решившее направить южный поток беженцев за пределы Румынии по кратчайшему маршруту. Основной замысел заключался в следующем: движение людей должно было происходить по правому берегу Дуная, то есть по болгарской территории. Переход беженцев в Болгарию следовало осуществить через Добруджу, северная часть которой относилась к зоне боевых действий. Провести переговоры по данному вопросу с маршалом И. Антонеску ОКВ поручило генералу Э. Ханзену и посольству Германии в Бухаресте. Представители германской стороны должны были также попытаться уговорить кондуктора разрешить использовать для ускорения эвакуации немецких беженцев из Румынии дополнительный транспортный маршрут – фарватер Дуная от Галаца до Силистрии. Еще один аргумент со стороны ОКВ заключался в том, что подобный способ транспортировки помог бы избежать «неблагоприятного (деморализующего. – В. М.) воздействия на румынское население» [14, Bl. 9246–9247]. Вопрос о краткосрочном использовании дунайского фарватера требовалось также согласовать с командованием группы армий «Южная Украина» и соответствующими транспортными инстанциями. Кроме этого, ОКВ предписало использовать для эвакуации этнических немцев с территории Румынии любой доступный транспорт – как речной, так и железнодорожный. Генерал Э. Ханцен получил от ОКВ довольно широкие административные полномочия, например право отдавать распоряжения региональным представителям германского командования (немецкому гене-

ралу при Главном командовании Королевской армией Болгарии, главнокомандующему немецкими войсками Юго-Востока и атташе вермахта в Венгрии) относительно проведения операции на той или иной территории. Однако при этом он должен был действовать в тесной координации с ФоМи [14, Bl. 9247–9248].

Движение южного потока, в состав которого входило 40 000 человек, 8 000 повозок, 19 000 лошадей и 5 000 голов крупного рогатого скота, началось 23 апреля 1944 г. [6]. Переход через Прут состоялся по понтонному мосту возле города Рени. Дальнейший маршрут обоза по румынской территории пролегал через Галац, Браилу, Исакчу, Тулчу и Чернаводэ. В начале мая колонны беженцев достигли румынско-болгарской границы. Первым транзитным пунктом на территории Болгарии, как и планировалось, стала Силистра [27, S. 10].

Переход этнических немцев через территорию Болгарии оказался, пожалуй, наиболее благоприятной фазой в эвакуации. Так, в мемуарных свидетельствах беженцев содержится немало упоминаний о доброжелательном отношении к ним со стороны местного населения: «в Силистре, приграничном городе, нас приняли очень хорошо. Люди подходили к нам с хлебом, выпечкой, фруктами и всем остальным, что у них было» [26]; «болгары были хорошо настроены и сочувствовали нам. Жизнь там выглядела довольно мирной. Мы завидовали болгарам» [27, S. 21]; «до сих пор мы не ощущали такой помощи и открытости» [18, p. 19–20].

27 апреля командующий полицией безопасности и СД в Сербии штурмбанфюрер СС Э. Вейман обсудил с двумя представителями ФоМи ряд важных вопросов, касающихся эвакуационного маршрута этнических немцев. В частности, он предупредил, что после перехода через болгарско-сербскую границу в районе Видина дальнейший путь беженцев будет пролегать по территории, которую в значительной мере контролируют отряды партизанской армии И. Тито. Многочисленные обозы, состоявшие из 8 000 повозок, 20 000 лошадей и 10 000 голов крупного рогатого скота, без усиленного вооруженного сопровождения обязательно подверглись бы нападению. В связи с этим Э. Вейман внес предложение

изменить маршрут беженцев: их колонны следовало перенаправить из района Видина на румынскую территорию, где они продолжили бы дальний путь по левому берегу Дуная до румынско-сербской границы. О деталях разговора в тот же день сообщили генералу Э. Ханзену, который принял во внимание серьезность партизанской угрозы. Он пообещал как можно скорее согласовать изменение эвакуационного маршрута с правительством Румынии. При этом, учитывая непростой характер румынско-германских отношений, Э. Ханзен попросил ОКВ поддержать его позицию в очередных переговорах [21, Bl. 906]. В итоге спустя некоторое время разрешение на переход беженцев по левому берегу Дуная было получено.

В конце мая 1944 г. первые обозы немцев из Транснистрии достигли Видина. Переправа на противоположный берег, где находился румынский город Калафат, осуществлялась с помощью большого железнодорожного парома, который за один раз мог вместить около 100 повозок, включая лошадей [19, S. 173–174], благодаря чему удалось сократить сроки форсирования беженцев через Дунай.

Переход по территории Румынии прошел почти без серьезных эксцессов, за исключением лишь одного случая, когда обоз беженцев попал под удар англо-американской авиации. Впрочем, этот налет не привел к значительным человеческим жертвам [6].

Первые группы немецких беженцев из Транснистрии вступили на территорию сербского Баната 9 июня 1944 года. По решению германских властей данный контингент должен был сразу же направляться к деревне Ясенево (район Бела-Црква), находившейся в 11 км от сербско-румынской границы. После кратковременного отдыха и медицинского осмотра все беженцы подлежали отправке (примерно по 1 400 человек в день) железнодорожным транспортом в Германию. Первый эшелон отбыл из Ясенево уже 10 июня [21, Bl. 909].

Организацией размещения и опекой беженцев из Транснистрии занимались представитель ФоМи и главный фюрер немецкого населения Баната Й. Янко. Медицинское обслуживание осуществлялось персоналом Немецкого Красного Креста и старшим санитарным

офицером при главнокомандующем немецкими войсками Юго-Востока. К этой работе, по распоряжению Й. Янко, также вскоре подключился «Женский союз» (*Frauenschaft*). Интендантская служба несла ответственность за обеспечение беженцев питанием на протяжении трех дней [21, Bl. 904–905].

Перед отправкой из Ясенево все этнические немцы в обязательном порядке проходили санобработку (мытье и дезинсекцию) [21, Bl. 909]. Большая часть лошадей и крупного рогатого скота подлежала сдаче. Взамен выдавались квитанции, по которым, как предполагалось, немцы могли бы получить компенсацию в Вартегау [27, S. 22]. Значительный интерес в реквизиции лошадей проявлял вермахт. Также было принято решение о передаче около 3 000 лошадей Сербскому и Черногорскому добровольческим корпусам [21, Bl. 910]. Помимо реквизиции, представители вермахта занимались вербовкой мужчин в Вооруженные силы Германии [7, S. 47].

Отправка эшелонов из Ясенево продолжалась до 2 июля 1944 г. [6]. Дальнейшая транспортировка беженцев в Лицманштадт проходила по территории Венгрии, протектората Богемии и Моравии и Генерал-губернаторства. 27 июля главный фюрер СС и полиции Вартегау Х. Райнефарт доложил Г. Гиммлеру об окончании последней акции по переселению этнических немцев из СССР в рейх [12, S. 224]. Вскоре после этого печатный орган НСДАП «*Ostdeutscher Beobachter*» патетически заявил о том, что отныне переселенцы из Транснистрии будут трудиться и сражаться в единстве с немецким народом, способствуя тем самым дальнейшему превращению территории округа в «цитадель германизма» [6].

После завершения эвакуации этнических немцев из Транснистрии фактически прекратила свое существование и зондеркоманда «Р». Судьба некоторых ее сотрудников имела трагический финал. Как известно, произошедший 23 августа 1944 г. в Бухаресте государственный переворот привел к радикальному изменению внешнеполитического курса страны. Введенные вскоре после этого в столицу Румынии части германской армии с целью подавить начавшееся там восстание были вынуждены капитулировать 31 августа.

В румынский плен также попало около 20 сотрудников ФоМи, включая самого бригадefютера СС Х. Хоффмейера. На протяжении двух – трех недель эта группа офицеров СС временно содержалась в бараках города Крайова и фактически находилась в положении интернированных. Согласно некоторым данным, Х. Хоффмейер, стремясь избежать попадания в советский плен, пытался путем подкупа договориться с румынскими офицерами о своем освобождении. Однако данный план, предполагавший переход линии фронта в румынской военной форме, так и не был реализован. В итоге Х. Хоффмейер и его заместитель оберштурмфюрер СС Мюллер покончили с собой. Остальных офицеров зондеркоманды «Р» вскоре этапировали в советский лагерь для военнопленных. Некоторые из них впоследствии были расстреляны по обвинению в преступлениях, совершенных на оккупированных территориях [29, Bl. 250–251]².

Результаты. Начавшаяся в марте 1944 г. на территории Транснистрии эвакуация подвела черту в почти полуторавековой истории многочисленных немецких колоний, которые вносили заметное своеобразие в этнокультурный ландшафт Юга Украины. Можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство немцев решили оставить свои дома не под административным давлением со стороны оккупационных властей, а добровольно, руководствуясь исключительно инстинктом собственного выживания. Данный мотив достаточно четко прослеживается во многих мемуарных источниках. Впрочем, гитлеровская Германия, несмотря на весь пропагандистский пафос о спасении своих соплеменников, не смогла стать для переселенцев второй родиной. В переполненных лагерях на территории Вартегау немцев из Транснистрии ожидала комплексная проверка, в ходе которой весь контингент подвергался селекции, в том числе и по расово-антропологическому признаку. Лица, которые успешно прошли фильтрацию, как правило, получали гражданство рейха, но не равные права: одна часть переселенцев была необходима для дальнейшего укрепления германского влияния на аннексированных польских землях, в то время как другая подлежала трудовому использованию в экономике «старого рейха»³. Кроме того, на заверша-

ющем этапе войны тысячи мужчин добровольно или же в результате мобилизации оказались в рядах Вооруженных сил Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зондеркоманда «Россия» (Sonderkommando Russland; в документах часто фигурирует как Sonderkommando «R») – структурное подразделение ФоМи, являвшееся основным куратором в вопросах регистрации и опеки этнических немцев на оккупированных советских территориях.

² Документ любезно предоставлен доктором А. Ангриком (Гамбург).

³ «Старый рейх» (нем. Altreich) – условное название всех территорий, входивших в состав Германии до 1938 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине / П. М. Полян. – М. : РОССПЭН, 2002. – 896 с.

2. Романько, О. В. Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941–1944 гг. (по материалам газеты «Голос Крыма») / О. В. Романько // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 130–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.11>.

3. Романько, О. В. Как короли стали пешками (Рец. на кн.: Cloutier, P. Three Kings: Axis Royal Armies on the Russian Front 1941 [Text] / P. Cloutier. – Charleston, SC : Createspace Independing Publishing Platform, 2015. – 160 p.) / О. В. Романько // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 190–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.18>.

4. Чернявський, В. В. Примусова праця цивільного населення Миколаївської області в Третьому рейху та Румунії 1941–1943 рр.: вербування, експлуатація, особливості повоєнної репатріації / В. В. Чернявський // Книга Памяти Украины : Николаевская область. – Николаев : Илион, 2014. – Т. 15. – С. 45–133.

5. Austen, H. Auch die Deutschen aus Transnistrien kehren heim / H. Austen // Litzmannstädter Zeitung. – 1944. – 15. Juli (№ 197).

6. Bamm, P. Der große Kriegstreck 1944 / P. Bamm // Ostdeutscher Beobachter. – 1944. – 23. Juli (№ 201).

7. Bauer, J. Umsiedlung der Deutschen aus der Gemeinde Aleksanderhilf, Kreis Odessa nach dem

Warthebau 1944 / J. Bauer // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart : LMDR e. V., 1966. – S. 43–48.

8. Bosch, A. Das Drama der Selzer am Dnister / A. Bosch. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.russianroots.ca/images/rrstory6.pdf> (date of access: 11.06.2019). – Title from screen.

9. Bosch, A. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel von 1808 bis 1944 / A. Bosch, J. Lingor. – Stuttgart : Landsmannschaft der Dt. aus Russland, 1990. – 573 S.

10. Braun, G. Auszug eines Briefes, geschrieben im April 1944 aus Turnu-Severin/Rumänien, der letzten Verpflegungsstation des Südtrecks aus Transnistrien / G. Braun // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart : LMDR e. V., 1966. – S. 49–51.

11. Fernschreiben, Greiser, Himmler, Greifelt, Lorenz, 30. März-02. April 1944: Stand der Transnistriens-Umsiedlung, Zusicherung RFSS für Greiser, dass Russlanddeutsche endgültig im Wartheland verbleiben; Unterstellung der Ansiedlungsstäbe unter die Landräte // Archiv des Instituts für Zeitgeschichte – München (IfZ-Archiv). – MA 303/1. – Bl. 9264–9274.

12. Fleischhauer, I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion / I. Fleischhauer. – Stuttgart : Deutsche Verlags – Anstalt, 1983. – 257 S.

13. Geheimes Fernschreiben Hoffmeyer, RFSS, 26. März 1944; Besprechung Hoffmeyer mit General Madare, stellvertretender Chef des rumänischen Generalstab betr. Rückführung der Deutschen aus Transnistrien // IfZ-Archiv. – MA 303/1. – Bl. 9275–9279.

14. Geheimes Fernschreiben Lorenz, Hildebrandt, Warlimont, Hoffmeyer an RFSS, 19. Januar-22. Mai 1944: Durchmarsch des Nord- und Südtrecks aus Transnistrien durch Bulgarien, Rumänien und Ungarn; anfängliche Einwände Marschall Antonescu gegen Durchmarsch durch Dobrudscha // IfZ-Archiv. – MA 303/1. – Bl. 9232–9257.

15. Geheime Fernschreiben Warlimont, Lorenz, Hoffmeyer u.a., 12. März-12. April 1944: Abmarschbefehl für deutsche Volksgruppe Transnistriens infolge militärischer Lage am 12. März 1944; Auffangräume, Grenzübergänge, Transportlage, Donauschiffe und Eisenbahnzüge der Wehrmacht; Versorgungsschwierigkeiten // IfZ-Archiv. – MA 303/1. – Bl. 9280–9292.

16. Geheimes Rundschreiben Generalstab des Heeres, 13. April 1944: Kompetenzen, Transport- und Verpflegungsfragen bei Abschub Volksdeutscher aus Nordrumäni / IfZ-Archiv. – MA 303/1. – Bl. 9258–9260.

17. Hoffmann, R. Das Ende der volksdeutschen Siedlungen in “Transnistrien” im Jahre 1944 / R. Hoffmann // Aus der Arbeit des Bundesarchivs. – Boppard a. Rh. : [s. n.], 1977. – S. 447–453.

18. Hornbacher, W. Removal from the Homeland: A Surviving Eyewitness Documentary Report on the Evacuation of Ethnic Germans from the Black Sea Region of Ukraine to Germany in Early 1944 (Part I) / W. Hornbacher ; transl. and ed. by Eric J. Schmaltz // *Heritage Review*. – 2008. – Vol. 38, № 1 (March). – P. 8–38.
19. Kuck, G. Der Große Treck 1944 / G. Kuck // *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. – Stuttgart : LMDR e. V., 2003. – S. 169–174.
20. Malsam, M. Unser Weg vom Schwarzen Meer über den Warthegau an die Petschora / M. Malsam // *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. – Stuttgart : LMDR e. V., 1992–1994. – S. 165–175.
21. Militärbefehlshaber Südost/Oberquartier: KTB vom 01. Januar 1944–30. Juni 1944; Eintragungen über Ausrüstung des Serbischen Freiwilligenkorps, der serbischen Staatswache, der sogenannten “Vertrags-Cetniks” und die deutschen Truppen mit Waffen und Munition, Versorgung deutscher Flüchtlingstransporte aus Transnistrien // IfZ-Archiv. – MA 690. – Bl. 888–910.
22. Monatsbericht, Volksdeutsche, Mittelstelle, Amt VII, Dezember 1943 // *Bundesarchiv Berlin (BAB)*. – R 59/68. – Bl. 2–4.
23. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, Januar 1944 // *BAB*. – R 59/68. – Bl. 5–8.
24. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, Februar 1944 // *BAB*. – R 59/68. – Bl. 11–12.
25. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, März 1944 // *BAB*. – R 59/68. – Bl. 13–17.
26. Peterreins, G. Unsere Rückkehr nach Deutschland/G. Peterreins. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.blackseagr.org/pdfs/gertrudes_diary-german.pdf(date of access: 08.06.2019). – Title from screen.
27. Schwindt, W. Der siebte Treck / W. Schwindt, V. Schäfer, E. Stephan // *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. – Stuttgart : LMDR e. V., 2004. – S. 6–28.
28. Völk, E. Transnistrien und Odessa (1941–1944) / E. Völk. – Regensburg : [s. n.], 1996. – 124 S.
29. Zeugenvernehmung von Walter Paul Vahldieck, Hamburg, den 27. Mai 1963 // *Bundesarchiv-Außenstelle, Ludwigsburg*. – B 162/2302. – Bl. 229–251.
- REFERENCES**
1. Polyan P.M. *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn, trud, unizheniya i smert sovetskikh voennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships: Life, Work, Humiliation and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbayters in a Foreign Country and at Home]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 896 p.
 2. Romanko O.V. Voennyy kollaboratsionizm i natsistskaya pechatnaya propaganda na territorii Kryma v 1941–1944 gg. (po materialam gazety «Golos Kryma») [Military Collaboration and Nazi Printed Propaganda on the Territory of Crimea in 1941–1944 (Based on the Materials of Newspaper Golos Kryma)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 130–139. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.11>.
 3. Romanko O.V. Kak koroli stali peshkami (Rets. na kn.: Cloutier, P. Three Kings: Axis Royal Armies on the Russian Front 1941 [Text] / P. Cloutier. – Charleston, SC: Createspace Independing Publishing Platform, 2015. – 160 p.) [How Kings Became Pawns (Book Review: Cloutier, P. Three Kings: Axis Royal Armies on the Russian Front 1941 [Text] / P. Cloutier. – Charleston, SC: Createspace Independing Publishing Platform, 2015. – 160 p.)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 190–194. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.18>.
 4. Chernyavskiy V. V. Primusova pratsya tsivilnogo naselennya Mikolaivskoi oblasti v Tretomu reyku ta Rumunii 1941–1943 rr.: verbuvannya, ekspluatatsiya, osoblivosti povoennoi repatriatsii [Forced Labor of Civilians of Mykolaiv Region in the Third Reich and Romania 1941–1943: Recruitment, Exploitation, Features of Post-War Repatriation]. *Kniga Pamyati Ukrayiny: Nikolaevskaya oblast* [Book of Memory of Ukraine: Mykolaiv Region]. Nikolaev, Ilion, 2014, vol. 15, pp. 45–133.
 5. Austen H. Auch die Deutschen aus Transnistrien kehren heim. *Litzmannstädter Zeitung*, 15. Juli 1944, no. 197.
 6. Bamm P. Der große Kriegstreck 1944. *Ostdeutscher Beobachter*, 23. Juli 1944, no. 201.
 7. Bauer J. Umsiedlung der Deutschen aus der Gemeinde Aleksanderhilf, Kreis Odessa nach dem Warthegau 1944. *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, LMDR e. V., 1966, S. 43–48.
 8. Bosch A. *Das Drama der Selzer am Dnijester*. URL: <http://www.russianroots.ca/images/rrstory6.pdf> (accessed 11 June 2019).
 9. Bosch A., Lingor J. *Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel von 1808 bis 1944*. Stuttgart, Landsmannschaft der Dt. aus Russland, 1990. 573 S.
 10. Braun G. Auszug eines Briefes, geschrieben im April 1944 aus Turnu-Severin/Rumänien, der letzten Verpflegungsstation des Südtrecks aus Transnistrien. *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, LMDR e. V., 1966, S. 49–51.

11. Fernschreiben Greiser, Himmler, Greifelt, Lorenz, 30. März-02. April 1944: Stand der Transnistrien-Umsiedlung, Zusicherung RFSS für Greiser, dass Russlanddeutsche endgültig im Wartheland verbleiben; Unterstellung der Ansiedlungsstäbe unter die Landräte. *Archiv des Instituts für Zeitgeschichte – München (IfZ-Archiv)*, MA 303/1, Bl. 9264-9274.
12. Fleischhauer I. *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. 257 S.
13. Geheimes Fernschreiben Hoffmeyer, RFSS, 26. März 1944; Besprechung Hoffmeyer mit General Madare, stellvertretender Chef des rumänischen Generalstab betr. Rückführung der Deutschen aus Transnistrien. *IfZ-Archiv*, MA 303/1, Bl. 9275-9279.
14. Geheimes Fernschreiben Lorenz, Hildebrandt, Warlimont, Hoffmeyer an RFSS, 19. Januar – 22. Mai 1944: Durchmarsch des Nord- und Südtrecks aus Transnistrien durch Bulgarien, Rumänien und Ungarn; anfängliche Einwände Marschall Antonescu gegen Durchmarsch durch Dobrudscha. *IfZ-Archiv*, MA 303/1, Bl. 9232-9257.
15. Geheime Fernschreiben Warlimont, Lorenz, Hoffmeyer u.a., 12. März-12. April 1944: Abmarschbefehl für deutsche Volksgruppe Transnistrien infolge militärischer Lage am 12. März 1944; Auffangräume, Grenzübergänge, Transportlage, Donauschiffe und Eisenbahnzüge der Wehrmacht; Versorgungsschwierigkeiten. *IfZ-Archiv*, MA 303/1, Bl. 9280-9292.
16. Geheimes Rundschreiben Generalstab des Heeres, 13. April 1944: Kompetenzen, Transport- und Verpflegungsfragen bei Abschub Volksdeutscher aus Nordrumänen. *IfZ-Archiv*, MA 303/1, Bl. 9258-9260.
17. Hoffmann R. Das Ende der volksdeutschen Siedlungen in "Traristrien" im Jahre 1944. *Aus der Arbeit des Bundesarchivs*. Boppard a. Rh., 1977, S. 447-453.
18. Hornbacher W. Removal from the Homeland: A Surviving Eyewitness Documentary Report on the Evacuation of Ethnic Germans from the Black Sea Region of Ukraine to Germany in Early 1944 (Part I). *Heritage Review*, 2008, vol. 38, no. 1 (March), pp. 8-38.
19. Kuck G. Der Große Treck 1944. *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, LMDR e. V., 2003, S. 169-174.
20. Malsam M. Unser Weg vom Schwarzen Meer über den Warthegau an die Petschora. *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, LMDR e. V., 1992-1994, S. 165-175.
21. Militärbefehlshaber Südost/Oberquartier: KTB vom 01. Januar 1944 – 30. Juni 1944; Eintragungen über Ausrüstung des Serbischen Freiwilligenkorps, der serbischen Staatswache, der sogenannten "Vertrags-Cetniks" und die deutschen Truppen mit Waffen und Munition, Versorgung deutscher Flüchtlingstransporte aus Transnistrien. *IfZ-Archiv*, MA 690, Bl. 888-910.
22. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, Dezember 1943. *Bundesarchiv Berlin*, R 59/68, Bl. 2-4.
23. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, Januar 1944. *Bundesarchiv Berlin*, R 59/68, Bl. 5-8.
24. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, Februar 1944. *Bundesarchiv Berlin*, R 59/68, Bl. 11-12.
25. Monatsbericht, Volksdeutsche Mittelstelle, Amt VII, März 1944. *Bundesarchiv Berlin*, R 59/68, Bl. 13-17.
26. Peterreins G. *Unsere Rückkehr nach Deutschland*. URL: http://www.blackseagr.org/pdfs/gertrudes_diary-german.pdf (accessed 8 June 2019).
27. Schwindt W., Schäfer V., Stephan E. Der siebte Treck. *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, LMDR e. V., 2004, S. 6-28.
28. Völkl E. *Transnistrien und Odessa (1941–1944)*. Regensburg, 1996. 124 S.
29. Zeugenvernehmung von Walter Paul Vahldieck, Hamburg, den 27. Mai 1963. *Bundesarchiv Außenstelle, Ludwigsburg*, B 162/2302, Bl. 229-251.

Information About the Author

Vladimir L. Martynenko, Candidate of Sciences (History), Doctoral Student, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Trekhsvyatitelskaya St., 4, 02000 Kiev, Ukraine, traum1983@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4563-6347>

Информация об авторе

Владимир Леонидович Мартыненко, кандидат исторических наук, докторант, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины, ул. Трехсвятительская, 4, 02000 г. Киев, Украина, traum1983@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4563-6347>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.7>

UDK 94(574)“1939/1945”:327
LBC 63.3(5Каз)62-6

Submitted: 11.10.2019
Accepted: 16.12.2019

POLISH DELEGATIONS IN KAZAKHSTAN DURING THE SECOND WORLD WAR: ALMA-ATA AND SEMIPALATINSK¹

Mara Sh. Gubaidullina

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Laura T. Issova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Almagul T. Kulbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article investigates the versatile activities of Polish diplomats on the example of the representative offices of the embassy of Poland (delegations) in Alma-Ata (Almaty) and Semipalatinsk (Semey). Documents in the Kazakhstani archives indicate the presence of nine delegations created during the war in Kazakhstan to facilitate the formation of the Polish army (Anders Army). Polish “delegates” – diplomats, military, civilian employees – helped to rescue the Poles from places of detention and settlements, to draw up their documents for further sending to the army. *Materials.* Documents of the “especially valuable” fund of the Semipalatinsk Archive (currently the Documentation Center of Modern History of the East Kazakhstan Region, Semey), which are put into scientific circulation for the first time, testify to the versatile activities of Polish delegations in a large space in the east of the country. *Analysis and Results.* Polish delegates organized not only military-political and consular issues, but also economic, social, humanitarian activities. Polish employees worked in contact with Soviet institutions. They provided social support to both the military and displaced, evacuated, orphans, and disabled people. The organization of orphanages and shelters for Polish children was carried out, including by the efforts of Polish diplomats. The Poles who returned after the war to their homeland organized societies of the so-called “sybyraki”. Today they act as a kind of bridge in relations between Kazakhstan and Poland.

Key words: archival affairs, diplomacy, delegation (representatives of the Polish Embassy), Anders Army, deported and displaced.

Citation. Gubaidullina M.Sh., Issova L.T., Kulbayeva A.T. Polish Delegations in Kazakhstan During the Second World War: Alma-Ata and Semipalatinsk. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 84-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.7>

УДК 94(574)“1939/1945”:327
ББК 63.3(5Каз)62-6

Дата поступления статьи: 11.10.2019
Дата принятия статьи: 16.12.2019

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛЕГАТУРЫ В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: АЛМА-АТА И СЕМИПАЛАТИНСК¹

Мара Шаукатовна Губайдуллина

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Лаура Танирбергеновна Исова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Алмагуль Тлеуовна Кульбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Введение. В статье на примере представительств посольства Польши (делегатур) в г. Алма-Ате (в наст. вр. г. Алматы) и г. Семипалатинске (в наст. вр. г. Семей) исследуется разносторонняя деятельность польских дипломатов. Документы в казахстанских архивах свидетельствуют о наличии девяти делегатур, созданных в годы войны на территории Казахстана с целью содействия формированию польской армии (Армии Андерса). Польские «делегаты» – дипломаты, военные, гражданские сотрудники помогали вызволению поляков из мест заключения и поселений, оформлению их документов для дальнейшей отправки в армию. Материалы. Документы «особо ценного» фонда Семипалатинского архива (в настоящее время – Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, г. Семей), которые вводятся в научный оборот впервые, свидетельствуют о разносторонней деятельности польской делегатуры на большом пространстве на востоке страны. Анализ и результаты. Польские «делегаты» занимались организацией не только военно-политических и консульских вопросов, но также хозяйственной, социальной, гуманитарной деятельностью. Польские сотрудники работали в контакте с советскими учреждениями. Они оказывали социальную поддержку как военным, так и перемещенным, эвакуированным, детям-сиротам, инвалидам. Организация детских домов и приютов для польских детей осуществлялась в том числе усилиями польских дипломатов. Вернувшись после войны на родину поляки организовали общества так называемых «сыбираков». Сегодня они выступают своеобразным мостом в отношениях между Казахстаном и Польшей. Вклад авторов в подготовку статьи: работа в архивах – все авторы; выборка и систематизация для последующего анализа – все авторы; структурирование статьи, вопрос об уровнях связей посольства Польши с центром (правительством в Лондоне) и представителями делегатуры на местах, выявление проблем в отношениях с представителями местной власти (администрацией и парторганами Казахстана), сверка текстовых частей и подготовка статьи к публикации – М.Ш. Губайдуллина; введение, примечания, о дипломатической деятельности польской делегатуры в Алма-Ате, выводы – А.Т. Кульбаева; таблицы, статистика, анализ реестров польской делегатуры, выводы – Л.Т. Исова.

Ключевые слова: архивные дела, дипломатия, делегатура (представительство польского посольства), Армия Андерса, депортированные и перемещенные.

Цитирование. Губайдуллина М. Ш., Исова Л. Т., Кульбаева А. Т. Польские делегатуры в Казахстане в годы Второй мировой войны: Алма-Ата и Семипалатинск // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 84–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.7>

Введение. Актуальность темы во многом обусловлена малоизученностью вопроса о деятельности польской дипломатии в Казахстане в годы войны. Также практически не исследована тема о международной роли Казахстана в контексте «польского вопроса». Поиск документов, касающихся «польских дипломатах», – так условно обозначена цель данной статьи, охватывает изучение широкого круга вопросов, куда включена деятельность польских делегатур, состав сотрудников, их взаимоотношения с местными, республиканскими органами власти в Казахстане, и непосредственно выявление судеб не только дипломатов, но многих значимых лиц того периода, задействованных в «польском вопросе».

Методы и материалы. Изучение особой миссии польских дипломатических и военных представительств (делегатур) на территории Казахстана в годы Второй мировой

войны стало возможным лишь в последние годы в связи с открывшимися фондами и делами, которые ранее были недоступны для историков. В течение десятилетий многие документы хранились в «особых папках» с пометкой «совершенно секретно» и «ОЦ» (особо ценные). Большая часть из них еще не была предметом специального изучения. Ряд документов, например, протоколы допросов, пока недоступны для научного изучения. Тем не менее, используя разные источники, включая косвенные, продолжаются ранее начатые поиски. Первоначально они касались изучения географии разброса документов по данной тематике в республиканских и областных архивах. Перед нами стояла задача обследовать прежде всего архивы города Алматы и области. На основе найденных первых уникальных документов началась аналитическая и продолжена поисковая работа, результаты

которой были представлены на научных конференциях и частично опубликованы [3; 4; 11]. В настоящее время набран значительный массив документального материала в архивах г. Алматы и г. Семей (быв. Семипалатинск), выявлены новые и необычайно любопытные факты, позволяющие шире и в ином, международно-политическом ракурсе рассматривать территорию Казахстана периода войны.

Сравнительно-исторический подход и метод критического анализа стали приоритетными в исследовании данной темы. Их применение позволяет систематизировать обширный архивный материал разных фондов, выявляя документы, относящиеся к созданию польских делегатур в Казахстане, выделяя сферы их деятельности, списки сотрудников, представителей польской армии, детей и т. д., биографии отдельных лиц, прежде всего дипломатов. Следует признать, что необходим комплексный подход и введение междисциплинарных методов применительно к архивным документам о дипломатической деятельности польских делегатур в Казахстане. Одновременно найденный массив архивных документов требует расшифровки, критического анализа, их оцифровки и перевода в формат Word.

Анализ. Учитывая, что советско-польские отношения являлись неотъемлемой частью глубоких противоречий в международной политике первой половины XX в., «польский вопрос» вновь стоял на повестке дня в переговорах союзников по антигитлеровской коалиции в 1941 году. Как известно, каждый из союзников имел собственную позицию по польскому вопросу, что приводило к разногласиям. Казахстан, явившийся частью Советского Союза, но находившийся на периферии Второй мировой войны, своеобразным образом оказался втянутым в международное разрешение противоречий по «польскому вопросу». Несмотря на географическую удаленность в четыре тысячи километров от театра военных действий и вдали от переговорного процесса, именно на территории Казахстана сконцентрировалась большая часть поляков. Более четырехсот тысяч человек из числа поляков насчитывалось в формирующихся польских соединениях. По этой причине именно в Казахстане создавались представительства польского посольства. Приоткрывается

еще одна страница сложного и неоднозначного решения «польского вопроса», существенно влиявшего на международный и политический климат.

В соответствии с Соглашением между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР от 30 июля 1941 г. (Соглашение «Майского-Сикорского», или, как в Польше его называют, «Сикорского-Майского») были возобновлены связи между Советским Союзом и Польшей. «Правительство СССР выразило согласие на создание на территории СССР польской армии» [8, с. 202–204]. Создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, составлявшей «часть вооруженных сил суверенной Польской Республики», и ее участие в войне являлись основной задачей Военного соглашения от 14.VIII 1941 года.

Соглашение имело далеко идущие результаты: очень скоро в Москве к своей деятельности приступило посольство Польши (*амбасада*), позже было эвакуировано в Куйбышев. Сотрудники посольства и делегатур содействовали освобождению из ссылки и мест заключения более 400 тыс. польских граждан, большая часть которых была призвана в формирующуюся польскую армию. Армия получила название «Армия Андерса» по имени ее командующего, известного польского генерала Владислава Андерса².

Началось сравнительно недолгое, но активное взаимодействие Польши и Советского Союза. Польская военная миссия была размещена в Средней Азии и Казахстане, а советская военная миссия создавалась при верховном главнокомандующем Польши в Лондоне. Вместе с этим были открыты польские делегатуры (представительства посольства Польши) на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии. Регион, расположенный вдали от военных действий, оказался втянутым в международные события Второй мировой войны, так как решение «польского вопроса» в 1941–1943 гг. связывалось с территориальными перемещениями поляков по Средней Азии. Больше всего польских делегатов работало в Казахстане, где, по нашим данным, функционировало девять делегатур и их отделений. Польские дип-

ломаты были направлены сюда для поддержки польских граждан и военных (солдат и офицеров, попавших в заключение и в ссылки), которых планировалось организовать в польскую армию и отправить на Восточный фронт для совместного освобождения Польши от гитлеровской оккупации.

Разносторонняя деятельность польских делегатов осуществлялась в таких сферах, как дипломатическая, политическая, военная, социальная, гуманитарная и др. Деятельность польских дипломатов завершилась двояким образом вскоре после ухода Армии Андерса, но не на Восточный фронт, а на воссоединение с силами западных союзников через Иран. Оставшихся в СССР дипломатов ожидала трагическая участь: делегатуры были расформированы в конце 1943 г., их сотрудники были арестованы, некоторые расстреляны как «иностранные шпионы».

Найденные документы позволяют приступить к обобщающему анализу уникальной в истории дипломатии ситуации, когда в условиях военного времени эмигрантское правительство Польши открыло свое посольство в воюющей стране и поддерживало его всестороннюю деятельность. Архивы Алматы³ и Семипалатинска⁴, где проводились наши изыскания, свидетельствуют о существовании огромного запаса редких документов и неизученных дел, требующих тщательного анализа, ждущих своего изучения, новых открытий, оценок. Понемногу проясняется состав делегатур и специфика их деятельности в далеком Казахстане, их взаимоотношения с местными органами власти и центром.

Более того, приоткрывается новая страница в процессе интернационализации казахстанского общества того периода. Итак, сложный и полный трагизма период для судеб поляков в Казахстане может быть понят и переосмыслен за счет привлечения ранее не публиковавшихся документов, что, в свою очередь, существенно обогатит историческую картину польской тематики в Казахстане.

Деятельность представительств польского посольства на территории Казахстана приходится на первый, наиболее трудный период войны 1941–1943 годов. По завершении формирования Армии Андерса и ее ухода из СССР все документы были надолго скрыты

в «особых» папках, недоступных для исследователей. Однако документы, касавшиеся проблемы депортации в Казахстан и опубликованные в девяностые годы, являются для нашего исследования косвенным источником знания о происходивших в предвоенные и военные годы событиях на территории Казахстана. Из них становится понятно, почему появляется много депортированных народов, практически в каждой области Казахстана, причем среди них особенно много поляков. Согласно советским источникам, количество поляков, оказавшихся тогда в Казахстане, составляло 61 032 человека (в документах НКВД они чисились административно высланными) [16, с. 126–127].

Наряду с депортированными народами в Казахстан в самом начале войны прибывают эвакуированные. Многостраничные и объемные регистрационные списки первого года войны о гражданах, в которых фиксируется прибытие в Алма-Ату с оккупированных территорий Западной Украины, Беларуси, Прибалтики, содержатся, в частности, в фонде 1125 ЦГА РК [6; 19; 20]. Это данные об эвакуированных, депортированных, перемещенных и иных категориях гражданских лиц. Списки составлялись, скорее всего, работниками официальных органов по типовой табличной форме. Они были тщательно заполнены данными о каждом эвакуированном, не оставлены пустые графы. Именно регистрационные списки дают серьезный материал, на основании которого можно выделить критерии определения польской принадлежности.

По спискам определены критерии выявления польской принадлежности, включая статус (эвакуированный, депортированный, перемещенный и др.), место отбытия в Советский Союз, социальное и семейное положение, место, куда направляется, где размещается и где трудоустраивается гражданин (как правило, граждане одной страны или города концентрировались в одном месте) и т. д. На польское гражданство нередко указывают польские имена, фамилии, названия местностей. Так, следующие записи стали определяющими: «гражданин Польши», «уроженец Польши», «приехал из польского города», «родился в польском городе», «родственники в Польше» и т. п. Кроме них – пункты выезда:

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

г. Пинчув Келецкой обл., г. Львов, г. Лодзь, г. Надворная, г. Люблин, г. Варшава и др.

Списки достаточно полно дополняют любую биографическую анкету. Анкетные данные в личных листках (форма № 0131 учетных сведений), документы регистрации заполнялись, скорее всего, со слов иностранцев, не владевших русским языком, поэтому очень много грамматических ошибок и данные перемежаются польскими словами. Более всего это касается написания имен, географических названий, местностей (коверкались слова, ибо писали так, как слышали). Реже в анкетах находим партийную принадлежность («польская компартия», «польская рабочая партия») или «беспартийный». Не часто указано правильное название профессии, социальный статус [17, л. 5, 5об., 6]. В целом по имеющимся спискам и анкетным данным фонда 1125 выявлено незначительное число поляков.

Следует обратить внимание на внешнее состояние многих документов. Нередко они написаны от руки карандашом, либо на пишущих машинках с многократно используемой лентой, иногда на черновиках, клочках оберточной бумаги, надорванных листах, и читаются с трудом. При этом все документы вызывают трепетное ощущение причастности к эпохе, трудному военному времени, человеческим судьбам. Архивные документы вызывают неподдельный интерес, но требуют дополнительного критического и комплексного анализа. Среди них «Список иностранно-подданных, проживающих и прибывших в Алма-Атинский табачный совхоз из Павлодарской области и Краснодарского края»; «Список эвакуированных евреев, немцев, русских и украинцев из г. Станислава, Варшавы, Львова, Вильнюса, Симферополя», а также «Список личного состава сотрудников Аксуского райсовета и его отделов (есть эвакуированные еврейской и немецкой национальности)». Кроме этого, имеются Списки эвакуированных евреев в колхозы «Елтай», «18 партъезда», «Бастаушы», «Энбекши», «Жана тоган», «Жана жыл» Аксуского района Алма-Атинской области, прибывших из Бессарабии, Украины, Литвы, Латвии.

Естественно, документов о дипломатах в изученных фондах мы не находим. Известно одно, что судьба сотрудников польских

дипломатур и их семей оказалась такой же трагичной, как и других народов, которым предстояло выдержать суровые испытания тоталитарного сталинского режима в годы войны. Об этом рассказывал один из «сыбираков» – Януш Куцински, сын польского дипломата Здислава Михайловича Куцинского, возглавлявшего Семипалатинскую делегатуру в 1941–1943 годах⁵. Возможно, доступ в архивы бывшего НКВД позволит выявить исключительные данные и привести к более полному исследованию.

Архивные и опубликованные материалы позволяют составить общую картину о деятельности и составе делегатур польского посольства на территории Казахстана. Всего действовало девять делегатур. Они располагались в городах: Алма-Ата (Алматы), Акмолинск (Астана), Актюбинск (Актобе), Чимкент (Шымкент), Джамбул (Тараз), Кустанай (Костанай), Павлодар, Петропавловск (Петропавл), Семипалатинск (Семей).

Имеются сведения о первых шагах дипломатов и сферах их действий: «28 октября (1941 г. – М. Г.) приехали в Алма-Ату из Ташкента уполномоченный польского посольства Венцек со своим помощником Сапегой. Венцек информировал о том, что прибыл в Алма-Ату как делегат (в документе уполномоченный. – М. Г.) польского посольства для юридического оформления документов польских граждан, оказания им помощи и отбора их в армию». В его функции входил «контроль над деятельностью тех польских представителей, которые уже работали в Казахской Республике. Все вопросы, связанные с пребыванием польских граждан в Казахской Республике, будут проходить через него, он же будет и разрешать их в организационном порядке через ту или иную правительственную организацию республики. Иными словами, он должен быть на правах дипломатического агента (уполномоченного, делегата – сути не меняет. – М. Г.) польского посольства».

Данное письмо направлялось секретарю ЦК КП(б) Казахстана т. Скворцову с указанием «1. Подтвердить полномочия, данные Венцеку польским посольством. 2. Указать характер и размер этих полномочий. 3. Определить линию поведения в деловых сношениях с уполномоченным представителем

польского посольства. 4. Через какое ведомство уполномоченный польского посольства должен разрешать все вопросы, связанные с пребыванием граждан в Казахской республике (НКВД, НКО, Управление Наркоминдела)» [18, л. 167–170].

В Положении о круге компетенции представителей посольства Польской Республики, принятом 25 декабря 1941 г. в Куйбышеве, указано, что представители посольства Польской Республики являются органами посольства для выполнения в тесном сотрудничестве с советскими властями тех задач в отношении польских граждан в республиках и областях, где наблюдается значительное скопление польских граждан. Соответственно, был утвержден следующий круг обязанностей представителей посольства: «1) информирование посольства о нуждах польских граждан и их положении; 2) информирование польских граждан и воздействие на них в духе польско-советского соглашения от 30 июля 1941 г.; 3) регистрация польских граждан в данном округе, а также учет их передвижения с принятием во внимание их годности к военной службе, труду, а также их профессии; отыскание потерянных членов семей и близких; 4) содействие местным советским органам в деле направления польских граждан на соответствующую работу в соответствии с действующим в СССР трудовым законодательством... 6) Организация культурной помощи для взрослых и помощи в просвещении для молодежи» [13, л. 17].

В шифротелеграмме Наркомата Иностранных дел СССР от уполномоченного НКИД при правительстве КазССР Г. Смирнова, направленной 28 октября 1941 г. секретарю ЦК КП(б)К Казахстана, председателю облисполкома говорится о том, что советское правительство дало согласие польскому посольству на организацию временного представительства посольства в Алма-Ате, районами деятельности которого является Казахская ССР и Алма-Атинская область. Представителем был назначен Казимир Венцек [18, л. 167–170].

В списке сотрудников польской делегатуры в г. Алма-Ате, кроме Венцека, указаны фамилии и ответственные участки их работы: Вольский Ян Юльянович – заведующий общим отделом, Сильвестр Антонович Барт-

кевич – заведующий паспортным отделом, Турек Виктор Викторович – секретарь, Ягодзинская Зофия Людиковна – помощница секретаря, Домбровский Андрей Владиславич – заведующий отделом доверенных, Пилят Янина Зигмутовна – заведующая отделом просвещения и культуры, Килиян Анна – помощница заведующей отделом просвещения и культуры, Сапега Эустах Янович – заведующий отделом учета и розыска родных, Казимир Янович Лисевич – бухгалтер, Меллер Фебус Абрамович – интендант, кассир и заведующий складом и Полляк Ян Мойжешович – врач [8, с. 11].

Деятельность дипломатов и сотрудников делегатур заключалась «главным образом в том, чтобы помогать нашим (польским. – М. Г.) согражданам добаться в армию, оказывать гуманитарную помощь и т. д.» [21, с. 13]. Это были те «польские граждане, которые содержались в заключении на советской территории в качестве или военнопленных или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических сношений», и которым предоставили амнистию в соответствии с протоколом к советско-польскому соглашению «Майского-Сикорского» и Указом Президиума Верховного Совета СССР об амнистии «всех польских граждан» от 12 августа 1941 года [8, с. 25, 208, 218]. Решение советского правительства и правительства Великобритании и США о перемещении польских дивизий в Среднюю Азию и Казахстан для создания польской армии совпало по времени с пиком эвакуации населения из западных частей СССР на юг.

В рассекреченной *Особой папке* «Постановления бюро Центрального Комитета КП(б) Казахстана» из фонда № 708 Архива Президента РК в Алматы, хранящейся под грифом «строго секретно», совсем недавно нами найден массив новых документов, указывающий на наличие сравнительно большого количества искомых документов. Так, в деле, начатом 03.01.1942 и оконченном 26.06.1942, на 297 листах собраны редкие документы. Среди них имеется официальный документ, подтверждающий факт размещения польских воинских соединений на территории Казахстана. В частности, в нем говорится о том, что «в соответствии с решением Госу-

дарственного Комитета Обороны от 25 декабря 1941 г.» Совет народных комиссаров и Центральный Комитет КП(б) Казахстана постановили разместить польские воинские соединения а) на станции Отар, Туркестанско-Сибирской железнодорожной дороги в помещении школы № 29; в интернате для учащихся; складе-пакгаузе малой скорости; б) на ст. Луговая Туркестанско-Сибирской железнодорожной дороги в областной колхозной школе; в общежитии колхозной школы; в железнодорожной школе № 33; в интернате железнодорожной школы, на базе райпотребсоюза; магазине райпотребсоюза [15, л. 51].

Вопрос о польском военном контингенте и о деятельности делегатур в отношении формирующейся польской армии еще не полностью изучен, требует дальнейшего исследования. В архивных источниках Центра документации новейшей истории ВКО летом 2018 г. нами впервые обнаружены новые, ранее не вводившиеся в научный оборот важные документы. Они помечены оригинальной печатью делегатуры польской армии в СССР, действовавшей на территории Семипалатинской области. Соответствующие документы находятся в папке с надписью «рассекречены» и собраны в деле под названием «О призывае в польскую армию, эстонскую, латвийскую и латышскую армию» Семипалатинского областного военного комиссариата за 1942 год [12].

Документы подписывал делегат штаба польской армии по фамилии В.В. Регини. Причем обложка ошибочно указывает на одну и ту же национальную принадлежность – «латвийская» и «латышская» армии. Остается догадываться, почему такая надпись появилась: то ли по некомпетентности, то ли второпях или по иной причине. Здесь находятся довольно длинные поименные списки польских граждан, призванных в польскую армию, с указанием места призыва, адресами, описанием некоторых деталей, позволяющих идентифицировать практически любого поляка, оказавшегося в пределах действия польской делегатуры в Семипалатинске.

Итак, нами впервые обнаружена документальная переписка делегатуры Семипалатинской области с официальными органами о гражданах, добровольно желающих вступить в польскую армию. Имеются данные также

о балтийских народах. Предполагалось, что наряду с польской армией будут сформированы отдельно эстонская, латвийская и литовская армии. Как отмечалось, наиболее важные документы подтверждены печатью польского посольства в СССР. Более того, по архивным данным нами определено месторасположение здания польской делегатуры в Семипалатинске по адресу: улица Горького, 26 (ныне Момышулы, 26, г. Семей) [12, л. 135–163]. В данной статье представлены к опубликованию найденные недавно архивные документы.

Задача по поиску месторасположения польской делегатуры в Алма-Ате оказалась достаточно сложной из-за отсутствия доступа к требуемым архивным фондам. Лишь спустя несколько лет были случайно обнаружены именно те сведения, которые подтвердили конкретные адреса и места, где действовали делегатуры в Семипалатинске и Алма-Ате.

Отметим, что для поиска нужных имён, адресов, исторических и культурных памятников был подключен косвенный материал, а именно, литературные воспоминания польского поэта-футуриста и диссидента Александра Вата, волею судьбы оказавшегося в те далекие времена в Казахстане. Опубликованные им стихи об ивовых деревьях Алма-Аты, напоминавшие ему ивы в Варшаве, и более поздние дневниковые записи, сделанные им в Париже в 60-х гг. прошлого века, помогли «открытию» адреса и самого здания, где размещалась польская делегатура [5; 7, л. 12]. История его такова. Александр Ват приехал в Алма-Ату в поисках своей супруги Оли, надеясь на помочь сотрудникам польской делегатуры. Там он обязан был зарегистрироваться как вновь прибывший, получить соответствующие документы; там ему должны были определить место жительства. Для нас наиболее ценным доказательством стало подробное описание делегатуры, располагавшейся в гостинице на пересечении улиц Мира и Кирова (сейчас улицы Желтоксан и Богенбай батыра).

«Вхожу в вестибюль – огромный, как в европейских парижского класса отелях, вокруг много народа. В основном это приехавшие в отпуск по ранению офицеры и прекрасно одетые молодые женщины. Звезды большие и малые. Тут же стоят и поляки.

Пришли в свое представительство. Оно расположено на втором этаже – это гостиница. Они выстроились на лестнице, ждут, когда откроются двери» [3].

Казахстанские архивы хранят документы о разносторонней деятельности польского посольства и делегатур, а также польских делегатов. Прежде всего они оказывали помощь советским органам в освобождении репрессированных польских граждан. «Освобожденные польские граждане регистрируются в польском посольстве СССР (лично и письменно), и после получения польских паспортов обязаны получить в органах милиции в установленном порядке виды на жительство для иностранцев». Для этого Народный Комиссариат иностранных дел (НКИД) договорился «с польским правительством о порядке оказания за счет Польского правительства материальной помощи нуждающимся освобожденным польским гражданам и их семьям» [2, л. 238–240].

Председатель Алма-Атинского облисполкома С. Шарипов в информационном письме, направленном Председателю СНК КазССР т. Ундасынову от 31 декабря 1941 г., писал о работе с польскими гражданами: «1. Взято на учет по 10 районам 383 польских граждан, которые размещены в следующих районах: Илийском, Энбекши-Казахском, Сарканском, Аnderеевском, Капальском, Октябрьском, Алма-Атинском сельском. В Джаркентском, Алакульском и Балхашском районах польских граждан нет. 2. Доведено до сведения польских граждан о прекращении самовольного, бесцельно-

го передвижения без санкции польского представителя и советских организаций. 3. Трудоспособные польские граждане этих районов работой обеспечены, также обеспечены жилплощадью. В нашей области имеется польский представитель, который, по сообщению Илийского райсовета, находится в Илийском районе и проводит работу по уточнению количества польских граждан» [10, л. 147–148].

В конце документа, подписанного руководителем делегатуры К. Венцеком, дано любопытное примечание о том, что «в районах 1, 2, 3, 5 и 6 регистрация польских граждан закончена. В остальных районах регистрация продолжается. Будет закончена около 10 марта с.г. Среди нетрудоспособных находятся старики, инвалиды и дети» [10, л. 149].

Польское представительство вело статистику о численности польских граждан, проживающих на территории Алма-Атинской области (не позднее 10 марта 1942 года).

В реестре польских граждан, проживающих в Алма-Атинской области, была выявлена следующая численность поляков по районам с указанием числа нетрудоспособных (см. таблицу).

О дальнейшей работе польских представителей на местах свидетельствует ходатайство на имя первого секретаря Илийского райкома партии т. Юртаева от 3 февраля 1942 г. представителя польского посольства К.И. Венцека о выделении помощи инвалидам. Так, Венцек писал: «В Илийском районе живет свыше ста польских граждан, совершенно неспособных к труду, по большей части не могу-

Данные польской делегатуры, размещавшейся в Алма-Ате

Data of the Polish delegation located in Alma-Ata

№ п/п	Район	Человек	[Из них] трудоспособных
1	Илийский	700	450
2	Алма-Атинский	300	190
3	Каскеленский	150	120
4	Джамбулский	150	110
5	Энбекши-Казахский	60	50
6	Караталский	400	280
7	Талды-Курганский	150	120
8	Бурлы-Тобинский	50	30
9	Аксуский	50	30
10	Кугалинский	50	28
11	Чиликский	150	102
<i>Итого</i>		2 210	1 510

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

ших работать инвалидов. Для тех последних, которым невозможно найти места в инвалидных домах, я предлагаю устроить на наш счет убежища, где они могли найти кров и содержание. В связи с этим горячо Вас прошу не отказать отвести в наше распоряжение помещения в Талгаре или ближайших его окрестностях на 30–40 человек, а равно обеспечить им возможность покупать по государственным ценам продовольственные продукты, необходимые для существования» [14, л. 2].

Советские органы не допускали публичного признания деятельности иностранного представительства в глубине Советского Союза. Следует строгое предупреждение – циркулярное письмо НКИД СССР от 25 апреля 1942 г., направленное председателю Алма-Атинского облисполкома за подписью заместителя НКИД А. Вышинского о «превышении полномочий польскими представителями». «Некоторые представительства пытаются незаконно расширять круг своих полномочий, беря на себя фактически функции посольства или консульства... Выставления польских гербов или вывешивания национальных флагов допускать не следует. Многие представительства выдают советским гражданам, уроженцам территории Западной Украины и Западной Белоруссии, взамен советских паспортов польские паспорта и различные справки о польском гражданстве, вплоть до справок об освобождении этих лиц от призыва в Красную армию. Эта незаконная практика должна быть решительным образом ликвидирована. Во всех подобных случаях нарушения представителями или доверенными лицами посольства... немедленно принимайте меры к их пресечению, ставя одновременно об этом в известность НКИД» [10, л. 149].

Вместе с тем дипломатическая деятельность представительств польского посольства в КазССР заключалась в координации попечительских мероприятий над польскими гражданами, проживающими в Казахстане. В КазССР работали свыше 200 различных попечительских организаций. Польским гражданам оказывалась медицинская помощь, действовали 21 амбулатория и 35 медпунктов, в которых работал медицинский персонал свыше 100 человек.

В информационном документе Алма-Атинского облисполкома об организации ра-

боты по удовлетворению польских граждан от 25 февраля 1942 г. говорится о том, что «после ознакомления с “Положением” руководителей областных отделов был вызван польский представитель, находящийся в г. Алма-Ате, и заслушана его информация о нуждах польских граждан, проживающих в районах нашей области... Наша область приняла и разместила 63 729 человек эвакуированных и немцев-переселенцев, плюс в районах области мы имеем, по неполным данным, около 3 тысяч польских граждан. Больше принять польских граждан мы не можем, так как в районах очень напряженное положение с жилплощадью...». Важно, что здесь же речь идет о детских домах. «Что касается открытия детских домов и домов инвалидов, указанных в плане польского представителя, в Илийском, Джамбулском, Карагандинском и Алма-Атинском районах, мы разрешить этот вопрос затрудняемся, ибо у нас в этих районах совершенно нет подходящих помещений... Отделом народного образования дано указание о выдаче книг польским гражданам на общих основаниях» [10, л. 124–125].

Итак, основное направление в деятельности польских представительств было сконцентрировано на военно-политической сфере – формировании Армии Андерса и на поддержке польских граждан в социальной и гуманистической сферах. Сотрудники делегатуры занимались контролем за деятельностью хозяйственных организаций в отношении своих подопечных, защитой интересов бывших польских граждан и оказанием им материальной и социальной помощи.

Выводы. За последнее десятилетие архивная сфера Казахстана претерпевает значительные изменения. Создается законодательная база, разработаны методические рекомендации, направленные на упорядочение состава Национального архивного фонда. В соответствии с Законом Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах» семь республиканских архивов, имеющих особый статус, а также 207 региональных архивов составляют единую сеть государственных архивов республики. 16 ноября 2015 г. был принят Закон «О доступе к информации», который закрепил нормы по размещению общедоступной информации. В сеть го-

сударственных архивов включены Библиотека первого президента и специальные государственные архивы. По словам директора департамента архивного дела и документации Министерства культуры и спорта А. Мустафиной, только за два года было утверждено более 20 правовых актов, регулирующих вопросы архивного дела [1].

В 2017 г. министерство разработало законопроект об изменениях и дополнениях в некоторые законодательные акты по вопросам архивного дела, через год этот закон был принят парламентом РК. Целью закона является совершенствование законодательства в области архивного дела в связи с активной интеграцией новых информационных форм документационного обеспечения во все сферы жизни и полным переходом на электронный документооборот. Президентом Н. Назарбаевым 16 мая 2018 г. были внесены поправки в законодательство об архивном деле в связи с переходом РК на электронный документооборот [9]. В частности, уточняются такие понятия, как «архивный документ» и «архивное дело». Вводятся в оборот понятия «государственный учет документов национального архивного фонда», «документ национального архивного фонда», «документационное обеспечение управления», «особо ценный документ» и другие.

Архивные документы становятся предметом более тщательного изучения, вводятся в научный оборот. Постепенно в стране внедряются информационные технологии, упрощен доступ в республиканские и специальные архивы, открываются новые фонды, долгое время находившиеся под грифом «секретно». Кроме того, они активно используются в связи с подготовкой к знаменательным датам. Архивисты участвуют в издательских проектах, проводят выставки на основе документальных материалов. Читальные залы государственных архивов открыты для посещения как граждан Казахстана, так и иностранцев. Тем самым казахстанские архивы способствуют развитию международного сотрудничества. Архивисты Казахстана отмечены своим участием в Евроазиатском региональном отделении Международного совета архивистов (Евразика).

Сравнительно недавно в рамках государственной программы «Цифровой Казахстан»

архивы Казахстана приступили к осуществлению государственного проекта «Е-архив» и реализации сервисного программного продукта «Хранилище электронных документов» в системе электронного Правительства. Итак, Национальный архивный фонд превращается в современную информационную систему путем постепенной автоматизации процессов сбора, обработки, хранения, поиска и передачи информации и электронных документов из систем электронного документооборота в ведомственный архив организации.

Вместе с тем отмечаются проблемы в архивной отрасли, такие как нехватка площадей под архивохранилища, нехватка стеллажного оборудования, недостаточность мощных серверов для хранения оцифрованных документов и эффективного программного обеспечения. Исследователи также сталкиваются с рядом организационных трудностей при работе с архивными документами. Так, историки, изучающие советское прошлое, все еще видят препятствия к открытому доступу к архивным документам, которые относятся к периоду репрессий, затруднена процедура оформления документов для работы в архивах с грифом «ОЦ», ограничен доступ к материалам под грифом «совершенно секретно».

В рамках данного исследования вне доступа остаются пока фонды ЦГА РК, архива МВД и Комитета национальной безопасности, в которых предположительно могут быть дела допросов по отдельным сотрудникам и дипломатам польской делегатуры. Данное замечание важно, ибо исследование польской делегатуры в Казахстане в годы войны и в целом европейских диаспор охватывает не только историю появления представителей разных народов в Казахстане, но и международные, правовые, гуманитарные и другие аспекты диаспорального фактора во взаимоотношениях между разными странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках научного проекта № АР05135403 Министерства науки и образования Республики Казахстан «Диаспоральный фактор внешней политики и дипломатии Казахстана во взаимоотношениях с европейскими странами».

The reported article was carried out in the framework of scientific project no. AP05135403 of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan “Diaspora Factor of Kazakhstan’s Foreign Policy and Diplomacy in Relations with European States”.

² Владислав Андерс (Anders), (1892–1970), польский генерал. В 1941–1942 гг. командовал польской армией, сформированной на советской территории по соглашению между СССР и польским правительством в изгнании с целью отправки на Восточный фронт. Андерс изменил решение и в августе 1943 г. его армия была выведена через Иран на Ближний Восток. Польские солдаты и офицеры, оставшиеся в СССР, составили костяк польской дивизии им. Костюшко. В 1944–1945 гг. генерал Андерс командовал польскими частями в составе союзнических войск на Западном фронте.

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК); Архив Президента Республики Казахстан (АП РК); Государственный архив Алма-Атинской области (ГАО).

⁴ Центр документации новейшей истории ВКО (Восточно-Казахстанской области), бывший Семипалатинский областной архив.

⁵ «Письма из тюрьмы, 1943», – так называла проф. М.Ш. Губайдуллина письма на открытках из семейного архива Януша Куцински (г. Краков), частично переданные ей во время международной научной конференции «Европа в Азии. Судьба польских граждан в Казахстане во время Второй мировой войны» в г. Кракове, 6–7 июня 2016 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивное дело в Казахстане: состояние и перспективы // Казахстанская правда. – 2019. – 15 марта.

2. Выписка из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР» // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. Р-1137. – Оп. 1. – Д. 9.

3. Губайдуллина, М. Ш. Политико-дипломатические аспекты «польского вопроса» на территории Казахстана в годы войны / М. Ш. Губайдуллина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/862/> (дата обращения: 11.10.2019). – Загл. с экрана.

4. Губайдуллина, М. Ш. Польское присутствие в Алматы в годы Второй мировой войны (1941–1943): анализ отдельных документов архивов Алматы / М. Ш. Губайдуллина, А. Т. Кульбаева // Польские дипломаты в Казахстане. 1941–

1943 годы : сб. ст. и док. – Астана : КопиАрт, 2015. – С. 59–76.

5. Губайдуллина, М. Ш. Старая гостиница Алматы – сакральное место для поляков / М. Ш. Губайдуллина // Караван. – 2018. – 8 апр.

6. Директивные указания ЦК МОПР ССР, докладные записки, списки и переписка по вопросам эвакуации политэмигрантов в Казахстан // ЦГА РК. – Ф. 1125. – Оп. 2. – Д. 122.

7. Докладная записка о положении эвакуированных политэмигрантов в г. Алма-Ату // ЦГА РК. – Ф. 1125. – Оп. 2. – Д. 122.

8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М. : Наука, 1973. – Т. VII. – 510 с.

9. Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам архивного дела». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://abctv.kz/ru/last/parlament-rk-prinyal-popravki-v-zakonodatelstvo-ob-arhivnom/> (дата обращения: 26.09.2019). – Загл. с экрана.

10. Информация представителей польского посольства о численности польских граждан, проживающих в Алма-Атинской области // Государственный архив Алма-Атинской области (ГАО). – Ф. 685. – Оп. 6с. – Д. 62.

11. Исова, Л. Т. Дипломатическая деятельность поляков в Казахстане в годы Второй мировой войны / Л. Т. Исова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/836/> (дата обращения: 11.10.2019). – Загл. с экрана.

12. О призывае в польскую армию, эстонскую, латвийскую и латышскую армии // ЦДНИ ВКО. – Ф. 35с/Р611. – Оп. 1. – Д. 51.

13. Положение о круге компетенций представителей посольства Польской Республики // Государственный архив Южно-Казахстанской области. – Ф. 121. – Оп. 6. – Д. 22.

14. Постановление бюро ЦК КП(б) Казахстана // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). – Ф. 12. – Оп. 5. – Д. 642.

15. Постановление СНК КазССР и ЦК КП(б) К // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 1. – Д. 4.

16. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях реабилитации жертв политических репрессий. – М. : Республика, 1993. – 222 с.

17. Сведения по учету политэмигрантов и политзаключенных // ЦГА РК. – Ф. 1125. – Оп. 2. – Д. 122.

18. Секретная переписка с ЦК КП(б) и наркоматами СССР по политическим вопросам // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 5/2. – Д. 19.

19. Списки политэмигрантов, проживающих в Акмолинской области // ЦГА РК. – Ф. 1125. – Оп. 2. – Д. 215.

20. Списки политэмигрантов, проживающих в Алма-Атинской области // ЦГА РК. – Ф. 1125. – Оп. 2. – Д. 216.

21. Худзио, Х. Из Сибири в свободный мир через польские представительства в Казахстане / Х. Худзио // Польские дипломаты в Казахстане. 1941–1943 годы : сб. ст. и док. – Астана : КопиАрт, 2015.– С. 11–17.

REFERENCES

1. Arkhivnoe delo v Kazakhstane: sostoyanie i perspektivy [Archival Business in Kazakhstan: State and Prospects]. *Kazahstanskaya Pravda*, 2019, March 15.
2. Vypiska iz postanovleniya SNK SSSR i TsK VKP(b) «O poryadke osvobozhdeniya i napravleniya polskikh grazhdan, amnistiuemykh soglasno Ukazu Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR» [Extract from Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Procedure for Releasing and Sending Polish Citizens Amnestied Under the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR"]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. R-1137, Op. 1, D. 9.
3. Gubaidullina M.Sh. *Politiko-diplomaticeskie aspekty «pol'skogo voprosa» na territorii Kazakhstana v gody voyny* [Political and Diplomatic Aspects of the "Polish Question" in Kazakhstan During the War]. URL: <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/862/> (accessed 11 October 2019).
4. Gubaidullina M.Sh., Kulbaeva A.T. *Polskoe prisutstvie v Almaty v gody vtoroy mirovoy voyny (1941–1943): analiz otdelnykh dokumentov arkhivov Almaty* [Polish Presence in Almaty During the Second World War (1941–1943). Analysis of Individual Documents of the Archive of Almaty]. *Polskie diplomaty v Kazakhstane. 1941–1943 gody: sb. st. i dok.* [Polish Diplomats in Kazakhstan in 1941–1943. Collection of Articles and Documents]. Astana, KopiArt Publ., 2015, pp. 59–76.
5. Gubaidullina M.Sh. *Staraya gostinitsa Almaty – sakralnoe mesto dlya polyakov* [Old Almaty Hotel Is a Sacred Place for the Poles]. *Karavan*, 2018, April 8.
6. Direktivnye ukazaniya TsK MOPR SSR, dokladnye zapiski, spiski i perepiska po voprosam evakuatsii politemigrantov v Kazakhstan [Directives of the Central Committee of the International Red Aid of the USSR, Memos, Lists and Correspondence on the Evacuation of Political Emigrants to Kazakhstan]. *TsGA RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 1125, Op. 2, D. 122.
7. Dokladnaya zapiska o polozhenii evakuirovannykh politemigrantov v g. Alma-Atu [Report on the Situation of Evacuated Political Emigrants in Alma-Ata]. *TsGA RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 1125, Op. 2, D. 122.
8. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-polskikh otnosheniy [Documents and Materials on the History of Soviet-Polish Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. VII. 510 p.
9. *Zakon «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatelnye akty po voprosam arkhivnogo dela»* [Law "On Amendments and Additions to Some Legislative Acts on Archival Matters"]. URL: <https://abctv.kz/ru/last/parlament-rk-prinjal-popravki-v-zakonodatelstvo-ob-arhivnom> (accessed 26 September 2019).
10. Informatsiya predstaviteley polskogo posolstva o chislenosti polskikh grazhdan, prozhivayushchikh v Alma-Atinskoy oblasti [Information of Representatives of the Polish Embassy on the Number of Polish Citizens Living in Almaty Region]. *Gosudarstvennyy arkhiv Alma-Atinskoy oblasti (GAAO)* [State Archive of Almaty Region], F. 685, Op. 6c, D. 62.
11. Isova L.T. *Diplomaticeskaya deyatel'nost polyakov v Kazakhstane v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic Activity of the Poles in Kazakhstan During the Second World War]. URL: <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/836/> (accessed 11 October 2019).
12. O prizyve v polskuyu armiyu, estonskuyu, latviyskuyu i latyshskuyu armii [On Conscription into the Polish Army, Estonian, Latvian and Latvian Armies]. *TsDNI VKO* [Documentation Center of Modern History of the East Kazakhstan Region], F. 35c/P611, Op. 1, D. 51.
13. Polozhenie o kruge kompetentsiy predstaviteley Posolstva Polskoy Respubliki [Regulations on the Circle of Competence of Representatives of the Embassy of the Polish Republic]. *Gosudarstvennyy arkhiv Yuzhno-Kazakhstanskoy oblasti* [State Archive of the South Kazakhstan Region], F. 121, Op. 6, D. 22.
14. Postanovlenie byuro TsK KP(b) Kazakhstana [Resolution of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan]. *Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK)* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 12, Op. 5, D. 642.
15. Postanovlenie SNK KazSSR i TsK KP(b) K [Resolution of the Council of People's Commissars of the Kazakh SSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 1, D. 4.
16. *Sbornik zakonodatelnykh i normativnykh aktov o repressiyakh reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy* [Collection of Laws and Regulations on Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 222 p.

17. Svedeniya po uchetu politemigrantov i politzaklyuchennykh [Information on Registration of Political Emigrants and Political Prisoners]. *TsGAR RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 1125, Op. 2, D. 122.
18. Sekretnaya perepiska s TsK KP(b) i narkomatami SSSR po politicheskim voprosam [Secret Correspondence with the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) and the People's Commissariats of the USSR on Political Issues]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 5/2, D. 19.
19. Spiski politemigrantov, prozhivayushchikh v Akmolinskoy oblasti [Lists of Political Emigrants Living in Akmola Region]. *TsGAR RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 1125, Op. 2, D. 215.
20. Spiski politemigrantov, prozhivayushchikh v Alma-Atinskoy oblasti [Lists of Political Emigrants Living in Alma-Ata Region]. *TsGAR RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 1125, Op. 2, D. 216.
21. Khudzio Kh. Iz Sibiri v svobodnyy mir cherez polskie predstavitelstva v Kazakhstane [From Siberia to the Free World Through Polish Representations in Kazakhstan]. *Polskie diplomaty v Kazakhstane 1941–1943 gody: sb. st. i dok.* [Polish Diplomats in Kazakhstan 1941–1943. Collection of Articles and Documents]. Astana, KopyArt Publ., 2015, pp. 11-17.

Information About the Authors

Mara Sh. Gubaidullina, Doctor of Sciences (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, maragu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-2917>

Laura T. Issova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, tanirbergen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4265-0143>

Almagul T. Kulbayeva, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, appleflower35@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3711>

Информация об авторах

Мара Шаукатовна Губайдуллина, доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, maragu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-2917>

Лаура Танирбергеновна Исова, кандидат исторических наук, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, tanirbergen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4265-0143>

Алмагуль Тлеуовна Кульбаева, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, appleflower35@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3711>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.8>

UDC 94(470)“1941/1945”(574-25)
LBC 63/3(2)622-2(2Каз-2Алм)

Submitted: 20.06.2019
Accepted: 20.11.2019

MILITARY ROUTINE IN REAR CITY IN 1941–1945 (CASE OF ALMA-ATA)¹

Roza S. Zharkynbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Nadezhda V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniya V. Anufrieva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this article is to highlight the features of daily life in cities of rearguard during World War II (as exemplified by Alma-Ata), the strategy of survival of people in the extremely difficult war years (1941–1945). *Methods and materials.* The study of features of daily city life in the extreme wartime from the point of view of the systematic approach is a basis for analytical generalizations and scientific hierarchization of the collected historical material. The system method is inextricably linked with the macro-and micro-approach, the combination of which allows to reveal the general and the particular in the studied processes, both from the point of view of the state-institutional view – “from above” and from the point of view of their ordinary participants and witnesses – “from below”. The micro-level of the research allows to study the problem in different projections: economic, political, socio-cultural one, helps to show the humanitarian dimension of the city daily life in wartime. Using the multifaceted approach to the formation of the research source base, introducing new declassified archival documents into scientific circulation allows to restore the daily life of Alma-Ata during the Great Patriotic War, to approach its objective and multidimensional understanding. As the main group of sources the authors use documents extracted from the archives of the Republic of Kazakhstan, in particular, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty) (CSA RK), the National archive of Kazakhstan (Astana) (NA RK). *Analysis and Results.* The result of the research is a demonstration of the daily life of ordinary citizens who bravely endured all the hardships of war both at work and at home, in the family, helping fellow citizens who were evacuated to the city during the war.

Key words: Great Patriotic War, daily life, military daily life, rearguard, citizens, evacuation.

Citation. Zharkynbayeva R.S., Dulina N.V., Anufrieva E.V. Military Routine in Rear City in 1941–1945 (Case of Alma-Ata). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 97–108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.8>

УДК 94(470)“1941/1945”(574-25)
ББК 63/3(2)622-2(2Каз-2Алм)

Дата поступления статьи: 20.06.2019
Дата принятия статьи: 20.11.2019

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ГОРОДАХ ТЫЛА В 1941–1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ г. АЛМА-АТЫ)¹

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Надежда Васильевна Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгения Владимировна Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Цель данной статьи – осветить особенности военной повседневной жизни тылового города (на примере г. Алма-Аты), стратегии выживания людей в чрезвычайно сложные военные годы (1941–1945 гг.). Изучение особенностей повседневной жизни города в экстремальное военное время с точки зрения системного подхода является основой для аналитических обобщений и научной иерархизации собранного исторического материала. Системный метод находится в неразрывной связи с макро- и микроподходом, сочетание которых позволило выявить общее и частное в изучаемых процессах как с точки зрения государственно-институционального взгляда – «сверху», так и с точки зрения их рядовых участников и очевидцев – «снизу». Микроуровень исследования позволяет изучить проблему в различных проекциях: экономической, политической, социокультурной, помогает показать гуманитарное измерение повседневной жизни города в военное время. Применение комплексного подхода к формированию источников базы исследования, введение в научный оборот новых рассекреченных архивных документов позволяет восстановить повседневную жизнь г. Алма-Аты в годы Великой Отечественной войны, приблизиться к объективному и многомерному его пониманию. В качестве основной группы источников представлены документы, извлеченные из архивов Республики Казахстан, в частности, Архива Президента Республики Казахстан (г. Алматы) (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы) (ЦГА РК), Национального архива РК (г. Астана) (НА РК). В результате проделанной работы с документами показана повседневная жизнь простых горожан, которые мужественно переносили все тяготы военного времени как на работе, так и в быту, в семье, помогая при этом эвакуированным в город на время войны согражданам. Представленный материал является результатом совместной работы авторов: под руководством Р.С. Жаркынбаевой выстроена общая концепция работы, обобщены полученные данные, проведена работа в архивах Республики Казахстан, Н.В. Дулиной систематизированы литературные данные и подготовлен основной текст рукописи; Е.В. Ануфриевой проведен анализ большинства документов и обобщены результаты, оформлен общий текст.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневность, военная повседневность, тыл, горожане, эвакуация.

Цитирование. Жаркынбаева Р. С., Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 97–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.8>

Введение. Великая Отечественная война остается одним из тех событий, память о которых соединяет суверенные государства сегодня, а в то время одну страну, которая выстояла благодаря людям, защищавшим ее на фронте, людям, отдававшим в тылу все силы для Победы. Сегодня у исследователей из стран постсоветского пространства, в данном случае из Казахстана и России, есть возможность открыть новые страницы в истории Великой Отечественной войны, во многом благодаря работе с новыми архивными материалами, по новому увидеть то, как люди в военное время оставались человечными. Примерами подобных исследований являются работы Т.П. Хлыниной [26], Р.С. Жаркынбаевой [6] и др.

Методы и материалы. В центре внимания данной работы оказалась военная повседневность городов тыла на примере города Алма-Аты. Наибольшую важность для ис-

следования представляют документы Архива Президента Республики Казахстан (г. Алматы), бывшего партийного архива (АП РК), в частности документы, хранящиеся в фондах № 708 (Центральный комитет КП(б) Казахстана) и № 725 (Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) Уполномоченного по Казахской ССР) Архива Президента РК.

Существуют разные подходы к изучению проблемы повседневной жизни во время Великой Отечественной войны. Некоторые подразумевают под «поседневностью» главным образом сферу частной жизни, охватывающей вопросы семьи, дома, быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения. Другие в первую очередь рассматривают жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Например, Ш. Фицпатрик предлагает первостепенное внимание уделять обиходной практике, то есть тем формам поведения и

стратегиям выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях [25, с. 7].

Н. Лебина предлагает использовать в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности дилемму «норма/аномалия», которая не только существует в сфере обыденной жизни, но и применяется как метод построения разнообразных научных конструктов [10, с. 7].

Город Алма-Ата стал одним из приемных пунктов СССР по размещению эвакуированных заводов, фабрик, научных и культурно-просветительских учреждений, эвакуированных госпиталей и эвакуированного населения.

В нашей работе полученная в архивах информация разделена на несколько блоков, каждый из которых открывает страницы истории военной повседневности алмаатинцев: первый касается изменения жизни города в связи с началом войны, а именно, с переходом производства на военные рельсы. Второй связан с освещением вопросов о направлении, размещении и обеспечении жизни эвакуированного в город населения, решением всего комплекса жилищных, продовольственных, бытовых и других проблем. Третий касается эвакуированных госпиталей, медицинского персонала и инвалидов войны, оказавшихся в эвакуации, четвертый – о трудовом энтузиазме алмаатинцев. Архивные документы позволили дополнить уже широко известные факты трудового и простого человеческого участия горожан в судьбе страны в тяжелое время, открыв то, что жизнь и люди, живущие ею, остаются сами собой даже в войну.

Анализ. Страшное слово «война» тысячи алмаатинцев услышали 22 июня 1941 г., когда отправились в горы на строительство Комсомольского озера. 22 июня 1941 г. в парке культуры и отдыха им. М. Горького состоялся городской митинг. В первый же день войны горожане проявили свой патриотизм, в горвоенкоматы поступили многочисленные заявления с просьбой отправить на фронт, были созданы 4 призывных пункта [17, л. 1].

На основании решения ЦК КП(б) К от 29 июня 1941 г. в г. Алма-Ате создан дом обороны, который должен был стать основ-

ным центром по развертыванию оборонно-массовой работы трудящихся города Алма-Аты [3, л. 71].

С началом войны мирный облик г. Алма-Аты стремительно менялся. В окрестностях строились полигоны для обучения стрельбе и искусству современного боя. Появилась сеть кружков и курсов по подготовке медсестер, было создано 11 школ и 26 краткосрочных медицинских курсов, организовано 37 санпостов. Были созданы группы по подготовке снайперов, радиостанций, телеграфистов, шоферов и бойцов других специальностей. В военное время широко развернулось в городе строительство предприятий. В 1941 г. в строй вступили швейная фабрика № 2 и меховая фабрика, в 1942 г. – колбасный завод, хлебозавод № 1, трамвайная линия между станцией Алма-Ата-1 и Алма-Ата-2, в 1943 г. – чаеразвесочная фабрика и ряд предприятий промкооперации [17, л. 1–2].

Началась перестройка работы промышленных предприятий на военный лад, был осуществлен переход к производству оборонной продукции. Швейные, меховые фабрики, артели и промкомбинаты начали шить шинели, гимнастерки, брюки, белье, пилотки. Кожевенные предприятия приступили к выделке овчин для изготовления полуշубков и обуви. Обувные фабрики и мастерские артелей стали производить армейские сапоги, ботинки и валенки [17, л. 1].

Только за 1941–1943 гг. здесь было размещено оборудование 34 заводов, фабрик и цехов отдельных предприятий, в том числе завод тяжелого машиностроения, электротехнический завод, механический завод № 3, вагоноремонтный завод, Московская суконная фабрика, хлопкопрядильная фабрика, трикотажная, кондитерская фабрики [17, л. 1].

Распределение прибывших эшелонов производилось Эвакуационным отделом при СНК КазСР и уже по областям и районам велся эвакуационными пунктами, которые на октябрь 1941 г. были в каждом областном центре, в том числе и в г. Алма-Ате [5, л. 44].

Приток эвакуированного населения в тыловые районы, в том числе и в Алма-Ату, был осложнен также и критическим недостатком кадров и материальных средств для удовлетворения базовых потребностей эвакуиро-

ванного населения. В работе эвакуационных пунктов имелись серьезные недостатки, остро стояла проблема нехватки кадров работников. По данным на 1 марта 1943 г. по Алма-Атинскому эвакуационному пункту были предусмотрены 34 штатные единицы, фактически работали 11 человек [22, л. 14].

Инфраструктура станций и вокзалов города не была рассчитана на обслуживание больших людских потоков. Серьезной проблемой стала организация питания, отсутствие кипятка, горячей пищи. Большие очереди, в несколько сот человек, были довольно распространенным явлением.

Один из тяжелых случаев нашел отражение в «Справке о состоянии прибывшего оборудования и людей на станцию Алма-Ата, Отрожского вагоноремонтного завода им. Тельмана». Вечером 5 декабря 1941 г. прибыли на станцию Алма-Ата – 124 вагона с людьми в количестве 879 человек, в том числе 60 человек рабочих и 4 вагона с материалами и оборудованием, которые стали разгружать. Прибывшие люди оставались жить в вагонах. Как отмечалось в документе, при осмотре ряда вагонов было установлено, что люди жили в большинстве вагонов тесно, имелись случаи заболеваний, особенно детей – дизентерией и другими невыясненными болезнями. Например, в одном из вагонов находились 45 человек, в нем 5-й день лежал больной мальчик 15 лет с температурой, заболела девочка 1 года 7 месяцев дизентерией, но врача не было, и девочка умерла. На 26 декабря в вагонах имелось 23 человека больных, большинство из них дети, которые болели дизентерией [21, л. 116, 118]. Эвакуированные с 5 декабря жили на станции Алма-Ата, в бане не были, кроме 300 грамм хлеба на человека ничего не получали, кипятку (который они получили во время прихода поездов) им не давали. Как следует из документов, должна медицинская помощь им не оказывалась, было 4 случая смертности (из них трое детей, которые умерли от дизентерии, воспаления легких) [21, л. 119].

Данная ситуация возникла из-за путаницы и неразберихи в связи с несогласованностью действий Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), Отрожского завода и ст. Алма-Ата-1. В частности, начальником

Отрожского завода с 5 по 26 декабря были направлены 2 телеграммы, в которых было дано указание разгрузку не производить до особого распоряжения [21, л. 119–120]. После результатов проверки органами партийного контроля были привлечены к ответственности ответственные лица, и помочь эвакуированным была оказана.

В то же время Алма-Ата стал одним из наиболее привлекательных для эвакуации советского населения городов. На 29 августа 1941 г. в г. Алма-Ату прибыли 1 379 эвакуированных, мужчин – 463, женщин – 916. Из них мужчин от 16 до 59 лет – 221, женщин от 16 до 54 лет – 674, детей до 7 лет – 281, детей от 7 до 15 лет – 196. Из Московской области – 647, Ленинградской – 69, прифронтовой полосы – 663 [19, л. 70]. Как видно из документа, всего лишь за два месяца с начала войны в городе осело почти 1 400 эвакуированных.

Женщины г. Алма-Аты на митинге выступили с призывом «Ко всем женщинам Казахстана, колхозницам, работницам, учителям, медработникам, ко всем членам профессиональных союзов, матерям и старшим сестрам школьников Казахстана, ко всем патриоткам Советской Родины!» помочь эвакуированным детям. Было предложено провести следующие мероприятия:

- а) создать «Советы женского актива помощи детям»;
- б) взять к себе в семью на содержание эвакуированного ребенка;
- в) в праздничные и выходные дни приглашать в гости к себе ребят, заботиться об их娛樂, посещать с ними кино, концерты, детские спектакли и т. д., делать ребятам посильные подарки;
- г) отчислить однодневный заработок и закупать необходимое, организовать сбор одежды и белья для эвакуированных детей [18, л. 21].

Учитывая то, что в условиях военного времени, когда практически все ресурсы направлялись на нужды фронта, и местное население само недоедало, это было проявлением истинной человечности.

В целом по городу Алма-Ате в сводке о количестве прибывшего эвакуированного населения в Казахскую ССР по состоянию на 1 марта 1943 г. значилось 26 304 человека, но при этом отмечалось, что эти сведения «не

полные, ввиду отсутствия точного учета как количества прибывшего населения, так и его трудоустройства» [20, л. 2]. Таким образом, очевидно, что прибывших было куда больше.

Размещение и трудоустройство эвакуированного населения в г. Алма-Ате велось согласно Постановления ЦК КП(б) и СНК КазССР от 1 декабря 1941 г. «О трудовом использовании и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Казахской ССР» и Постановления СНК КазССР от 31 декабря 1941 г. № 948 «О строительстве упрощенных жилищных, коммунальных и бытовых помещений для эвакуированного населения».

Самой главной задачей в ряду мер по приему и обустройству эвакуированного населения, для республиканских органов власти, была задача по обеспечению жильем. Этот вопрос стоял наиболее остро, поскольку в целом для всех советских республик положение с жильем в довоенное время было катастрофическим. Как известно, большая часть населения городов в СССР жила в коммуналках, и проблема нехватки жилищного фонда стояла остро. В тыловых районах СССР для расселения эвакуированных продолжалась практика «уплотнения» жилищного фонда, то есть эвакуированных подселяли в жилища местных жителей.

Проводилась политика выселения из городов в сельскую местность семей, не связанных со стратегическими производственными задачами, некоторых социальных групп, или так называемых «неблагонадежных».

В рассекреченных архивных документах по размещению эвакуированного населения в г. Алма-Ате отмечалось: «В целях быстрейшего очищения города от социально-вредных элементов, подпадающих под действие Постановления СНК № 1667 от 16/IX-1940 г., выселять из города не в 10-дневный срок, как это было предусмотрено вышеуказанным постановлением, а в 3-дневный срок» [1, л. 19].

Выражали свою поддержку и вносили свои предложения по ужесточению политики и некоторые представители общественности города. В частности, журналист И.М. Санovich в заявлении от 1 августа 1942 г., адресованном Уполномоченному комиссии Партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР, копия: Наркому внутренних дел СССР Л.П. Бе-

рия, изложил «крупные недостатки в деле охраны революционного порядка в столице КазССР г. Алма-Ате». «В городе имеет распространение антисоветская агитация, пропаганда вражды между отдельными народами <...> несмотря на то, что Алма-Ата является режимным городом, в столице проживает большое число ссыльно-переселенцев, семей арестованных, раскулаченных и тому подобных...». Для выхода из сложившейся ситуации он вносил следующие предложения:

«1. О выселении в отдаленные районы Казахстана раскулаченных, ссыльно-переселенцев и прочих лиц, проживающие которых в городе Алма-Ате недопустимо / прошу вспомнить мудрую меру Союзного правительства летом прошлого года о выселении целой категории лиц из бывшей республики Нижнего Поволжья.

2. Об организации судебного преследования с откликом через печать, хотя бы некоторых изобличенных в антисоветской и антисемитской пропаганде лиц...» [8, л. 176–176 об.]

Таким образом, И.М. Санович предлагал еще более ужесточить тоталитарную политику, а трагедию целого народа – немцев, которые были несправедливо обвинены как «неблагонадежный народ» и насильственно переселены, считал «мудрой мерой».

Несмотря на то что г. Алма-Ата являлся режимным городом, что затрудняло прописку эвакуированных, желающих в нем поселиться было очень много. Из записей бесед с эвакуированными и просмотром заявлений о прописке можно увидеть большую привлекательность города для них. Так, гражданка Симакова выехала в порядке эвакуации из г. Воронежа и следовала санитарным поездом до г. Семипалатинска, климатические условия города «ей не понравились» и по ее просьбе семипалатинский эвакопункт 28 октября 1941 г. выдал ей направление в г. Алма-Ату, где она и просила ее прописать. Жена военнослужащего гр. Шварцапель с ребенком и матерью была эвакуирована из Днепропетровска в Пятигорск. Из Пятигорска, согласно пропуска коменданта, она въехала в г. Омск, а из г. Омска приехала в г. Алма-Ату и просила прописать ее в квартире брата, проживающего в г. Алма-Ате. Гр. Е.И. Табак с сани-

тарным поездом сопровождала раненого мужа до Новосибирска, из Новосибирска приехала в г. Алма-Ату и также просила ее прописать [14, л. 87].

Эвакуированный из г. Таллина М.Б. Аронштам писал: «Прошу помочь мне получить прописку в г. Алма-Ате, и тем самым дать возможность своими знаниями и опытом быть полезным общему делу» [9, л. 71]. Или, как писала эвакуированная из г. Кишинев П.Н. Коган: «...после долгих мытарств, нашла своих родных в г. Алма-Ате, которые здесь прописаны и работают». Далее она просит: «Я твердо надеюсь, что теперь советская власть окажет мне справедливость и разрешит мне прописку в г. Алма-Ате, где я будучи квалифицированной работницей обеспечена работой и где я не буду разлучена с моими родными, иначе мне суждено погибнуть» [9, л. 77].

Обычно документы на право эвакуации выдавались эвакуационными пунктами, но местные советы также их выдавали, причем в этих документах часто не указывался определенный пункт, а писалось «вглубь страны». В этой связи в докладной записке уполномоченного КПК ВКП(б) выражалось недовольство тем, что некоторые эвакуированные «разъезжают по многим городам, разыскивая своих эвакуированных родственников, или проживающих в данной местности и нередко бесплатно, за счет государства гастролируют из одного города в другой в поисках более лучших условий жизни». При этом «...создавая встречные потоки из области в область, вплоть до тех мест, откуда происходит эвакуация, перегружают железнодорожные станции, особенно при крупных городах...» [14, л. 85–86].

Проливает свет на повседневную жизнь эвакуированных женщин заявление М.С. Тациенко от 16.04.1943 г. заместителю Народного комиссара социального обеспечения: «Убедительно Вас прошу рассмотреть мое заявление и все-таки удовлетворить мою просьбу. Я Вас прошу учесть мое плохое материальное положение. Представьте себе, что я эвакуированная и у меня ничего нет с одеждой и обувью. Если Вас просила помочь мне приобрести обувь в зимнее время, когда ходила босая, Вы мне отказали. Теперь я попрошу Вас уволить меня с работы, за лето я сумею при-

обрести ее, работая в другом месте, так как мне нечего надеяться на кого-то, нужно думать самой о себе, а от моей просьбы ничего не получила, кроме обострения отношений Ваших ко мне. С питанием дело обстоит тоже не лучше: столовой никакой не пользуюсь, дома продуктов тоже нет. Одним словом, живу только на хлебную карточку. Мне очень трудно жить и работать в таких условиях. Я решила, пока не поздно, пойти в совхоз и там работать» [7, л. 42].

По всей видимости, М.С. Тациенко, будучи сотрудницей Комисариата социального обеспечения КазССР, получала маленькую зарплату, и уход на другую работу мог бы способствовать улучшению ее материального положения. На заявлении стоит резолюция Губанова «В приказ. Уволить с 18.04.1943 г.» [7, л. 42].

В г. Алма-Ате нашли пристанище как простые советские граждане, так и представители номенклатуры, представители творческой интеллигенции и ученые. В город прибыло 127 сотрудников Академии наук СССР, в том числе 6 академиков, 4 члена-корреспондента, 15 докторов и 35 кандидатов наук [28]. Эвакуировались 10 научно-исследовательских институтов, высших и среднетехнических заведений [17, л. 1]. Среди эвакуированных в Алма-Ату были известные актеры, лауреаты Сталинской премии Михаил Жаров, Николай Черкасов, Николай Крючков, Марина Ладынина, Любовь Орлова, Борис Чирков, поэты Самуил Маршак и Сергей Михалков, режиссеры Иван Пырьев, Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, Григорий Александров, Сергей Герасимов, Тамара Макарова, писатель Михаил Зощенко, художник Порфирий Крылов (Кукрыники) и другие. Работники и члены семей «Мосфильма» в количестве 118 человек были размещены в доме отдыха «15 лет Октября» (Медео) [28].

Большинство из представителей творческой интеллигенции особо отмечали необыкновенную красоту города. Михаил Ромм, начальник Управления по производству художественных фильмов СССР, в одном из своих выступлений задавался вопросом «Почему, эвакуируясь, мы выбрали Алма-Ату? Да потому что здесь 365 солнечных дней в году. Столица Казахстана предоставила нам все, что могла: только что построенный и един-

ственный в городе Дворец культуры, где начал работать Театр оперы и балета (зрительный зал его киношники тут же превратили в большой съемочный павильон), самую крупную гостиницу, новый жилой дом, около тысячи ордеров на уплотнение, кинотеатр “Алатау” и территорию для натурных съемок. И это все в тот трудный час, когда Алма-Ата должна была разместить промышленность, десятки учреждений и организаций, тысячи эвакуированных, а потом и раненых. Следовательно, мы предъявили этому маленькому городу огромный и тяжелый счет» [2, с. 58]

Большой приток эвакуированного населения в г. Алма-Ату привел к ухудшению жилищных условий населения, к проблемам в удовлетворении насущных потребностей в пище и одежде, к повышению цен на рынках.

Кинорежиссер Георгий Натансон вспоминал: «В ноябре 1941 г. ВГИК был эвакуирован в Алма-Ату. Город Алма-Ата, раскинувшийся на фоне заснеженных гор Алатау, покорил мое сердце своею красотой. Жили трудно. На базаре было все, но стоило безумно дорого. Нам, студентам, выдавали хлеб по рабочим карточкам. Хорошо жили только студенты-художники. Они рисовали поддельные хлебные карточки, да рисовали так, что за все время эвакуации никто из них не попался. Буханки хлеба они продавали на рынке и могли позволить себе покупать мясо, и рис, и знаменитые алмаатинские яблоки. Все студенты жили в помещении кинотехникума, где и проходили занятия. Кинотехникум располагался в предгорье Алатау. По двум сторонам улицы текли арыки с чистой горной водой. В столовой общежития можно было поесть “затируху” (галушки, наполовину сделанные из отрубей). Мама и сестра жили в съемной хибарке у реки Алма-Атинка» [13, с. 12–13].

В своем письме к сыну К. Паустовский 16 февраля 1942 г. писал: «Алма-Ата – необыкновенно красивый город, весь в садах, у подножья Тянь-Шаня, но все здешние красоты не радуют. Все живем только надеждой и ожиданием. Здесь все киноорганизации (Мосфильм, Ленфильм и др.). Здесь из писателей Зощенко (очень угрюмый), Шкловский, Ильин, Шторм, Панферов, Коля Харджиев (ты его, должно быть, помнишь), Любимова, Каплер и несколько др. Киношники все здесь – во гла-

ве с Эйзенштейном. Живем мы в квартире у казахского писателя, здешнего классика Ауэзова, в крошечной комнате» [2, с. 66].

Таким образом, тыловой город Алма-Ата стал на время пристанищем для десятков тысяч человек, многие из которых старались быть полезными городу и его жителям, которые, за редким исключением, отдавали буквально последнее, чтобы оказавшиеся вдали от дома, или даже оставшиеся без него, чувствовали себя как дома.

Эвакуированные госпитали. В соответствии с Постановлением ГКО СССР от 22 сентября 1941 г. с 1 октября 1941 г. при Наркомздраве КазССР было организовано Управление эвакогоспиталей со штатом 10 человек, начальником был назначен зам. Наркомздрава КазССР В.Т. Ермолаев. С 1 октября 1941 г. в 12 областях и в г. Алма-Ате были организованы отделы эвакогоспиталей [16, л. 1]. По документам ЦГА РК в Алма-Ате были размещены восемь эвакуированных госпиталей на 4 200 коек [17, л. 1]. Согласно данным Архива Президента РК в г. Алма-Ате были размещены 9 эвакогоспиталей: № 1279, № 1280, № 1797, № 3582, № 3990, № 3991; эвакогоспитали ВЦСПС № 4091, № 4113, № 3219 [16, л. 9]. Руководителями были: И.А. Орлов – № 1279, В.А. Михайлюк – № 1280, Л.М. Прутес – № 1797, И.М. Кучерявый – № 3582, А.И. Зюзин – № 3990, А.Г. Мусатова – № 3991; эвакогоспитали ВЦСПС возглавляли Э.К. Боровик – № 4091, Е.П. Скуратова – № 4113, П.Ч. Вакхевич – № 3219 [23, л. 201]. Трое из девяти начальников эвакогоспиталей были женщины.

Наряду с оказанием медицинской помощи в госпиталях большое внимание уделялось политico-пропагандистской работе. Проводились лекции, доклады, беседы как работниками госпиталя, так и комсомольцами и «беспартийным активом», лекторским составом Дома партийного просвещения и райкома партии. В госпитале № 1280 в апреле – мае 1942 г. отличились девушки-комсомолки училища связи, которые провели 14 лекций, 6 докладов на военно-политические темы. Показывались кинокартинны, концерты, устраивались литературные вечера силами Облкино, драмтеатра (кинокартин – 8, концертов – 9, литературных вечеров – 8). Раненые регулярно

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

снабжались газетами и журналами. В каждом отделении имелись чтецы и агитаторы [11, л. 27]. Помимо политической составляющей, в Алма-Атинском Гарнизонном госпитале № 1279 были прочитаны 4 общие лекции по вопросам медицины, 8 лекций по вопросам истории Казахской Республики [4, л. 35].

В повседневной жизни госпиталей имели место и отдельные нарушения дисциплины со стороны раненых и больных. Наиболее характерные – самовольный выход в город и употребление спиртного. Примечательно, что за «10-часовую самовольную отлучку в город» на раненых было наложено взыскание, тогда как за употребление спиртного не было взыскания [11, л. 27].

Большую помощь госпиталям оказывали жены командиров, эвакуированные в Казахстан, так называемые «общественницы». Хотя встречались некоторые случаи, которые могут вызвать как улыбку, так и сожаление. В частности, «...жена командира тов. Остапенко 8/XI-41 г. в 3 ч. ночи во время дежурства приголубила бойца, больного тов. Никитенко, дело дошло до поцелуев. Кроме того, тов. Остапенко набрала денег у бойцов, санитарок, обещала купить кому папирос, кому галоши, и, конечно обманула всех – деньги не вернула» [4, л. 38].

Трудовая дисциплина была соответствующей военному времени. Так, санитарке Ушаковой был объявлен выговор за халатное отношение к работе, медсестра Машкова – была уволена за сон во время дежурства, санитарка Котельникова – уволена «за принос водки и за появление на работе в пьяном виде...» и т. д. [11, л. 27 об.]. На это ужесточение дисциплины обращает внимание в своей работе Ш. Фицпатрик [25, с. 15]. В госпиталях отдельно учитывались раненые и больные, находившиеся в плену и в окружении. В материалах по эвакогоспиталю № 1280 упоминается случай с раненым по фамилии Лев, «...который афишировал себя “Герой Советского Союза”, капитаном летчиком-истребителем. В результате проверки выяснилось, Лев А.А. являлся рядовым красноармейцем, беспартийным, в Красной армии никогда не служил, мобилизован в июле месяце. Во время бомбежки г. Котовска был контужен, находился на излечении в нескольких госпиталях. В нашем госпи-

тале был разоблачен. Комиссией признан негодным к военной службе с переосвидетельством через 6 мес.» [11, л. 27].

После нахождения определенного срока в госпиталях, раненые и больные, по их излечении, выписывались, при этом некоторые из них, в связи с получением инвалидности, или недостаточно окрепшие, не направлялись в Красную армию. У некоторых выпавшихся возникали проблемы с адаптацией в городе. В справке зам. наркома внутренних дел КазССР по милиции Белanova от 20 мая 1942 г. отмечается: «Указанный контингент лиц, выписывающихся из госпиталей, не имея в г. Алма-Ате и в пределах КазССР родственников и в своей части не получая со стороны военведа должного содействия в части их трудоустройства и снабжения, сращивается с преступной средой и деклассируется, совершая в ряде случаев уголовные преступления. Наиболее распространенными видами уголовных преступлений являются: спекуляция промышленными и сельскохозяйственными товарами и продуктами, имущественные преступления – кражи, грабежи, а также хулиганство» [24, л. 1–2].

Необходимо отметить то, что ситуация с положением инвалидов войны находилась под особым контролем. Руководство республики, во главе с первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Н.А. Скворцовым, придавало большое значение проблемам бытового обслуживания, обучения, трудоустройства и выдвижения инвалидов на руководящую работу. Этот вопрос стоял настолько остро, что являлся одной из причин освобождения от должности наркома социального обеспечения С.Р. Иктисамовой (июль 1938 – апрель 1943 г.). В небольшом по объему документе т. Алексееву с грифом ЛС (к протоколу заседания бюро ЦК КП(б) К от 17 марта 1943 г.) значится: «Скворцов: Помоему, есть необходимость освободить от работы тов. Иктисамову. Сейчас этот участок работ тяжелый и беспокойный. У т. Иктисамовой не получается твердого руководства, она не может взять в руки аппарат. По заявлению в Наркомате дела решают рядовые люди и за спиной т. Иктисамовой решаются большие и малые дела. А она фактически руководителем наркомата не является, особенно сейчас. Тов. Иктисамовой надо дать участок поменьше» [15, л. 94].

На основе анализа текста данного документа можно отметить наличие гендерных стереотипов, связанных со слабостью и мягкостью женщин, и циркуляцию слухов во властных кругах, что следует из «по заявлению в Наркомате». На самом деле из четырех наркомов женщин, возглавлявших народный комиссариат социального обеспечения, наиболее длительный период работы был у С.Р. Иктисамовой, которая на протяжении пяти сложнейших лет, с 1938 по 1943 г., возглавляла ведомство. В целом, со дня образования народного комиссариата социального обеспечения в октябре 1920 г. до 13 марта 1946 г., когда он был преобразован в Министерство социального обеспечения КазССР, им руководили 12 народных комиссаров. Примечательно, что в столь трудные для становления системы социального обеспечения годы 4 наркома были женщины. Это: Е.С. Хлыновская (сентябрь 1928 – март 1931 г.), А.Н. Ворожеева (июнь 1931 – июль 1932 г.), Н.И. Арыкова (июнь 1937 – июль 1938 г.), С.Р. Иктисамова (июль 1938 – апрель 1943 г.) [12, с. 22–23].

Трудовой энтузиазм. С первых дней войны алматинцы создали Фонд обороны, за период войны горожане внесли в оборонный фонд из личных сбережений 8,5 млн рублей [17, л. 2]. Не остались в стороне и дети, алма-атинские школьники в своем письме на фронт в 1942 г. писали: «Летний отдых мы радостно провели на хлебных полях, в уборке нашего обильного урожая, помогали в сборе овощей, фруктов. Свои трудодни мы отдали в фонд обороны. Вернувшись в город, мы собирали металлом, а затем теплые вещи для наших родных бойцов» [29, л. 9].

В Алма-Ате, как и в целом по всей республике, наблюдался небывалый подъем, соревнования разворачивались под лозунгом «Все для фронта – все для Победы!». Среди перевыполнивших за 10 месяцев 1941 г. план выпуска продукции предприятий Наркомата легкой промышленности КазССР были: Алма-Атинская обувная мастерская – 102,2 %; Алма-Атинская швейная мастерская индюшина – 127,6 %; Алма-Атинская меховая фабрика – 104,0 %.

Для увеличения выпуска продукции в военное время помимо введения обязательных сверхурочных от 1 до 3 часов работы в день, по решению комсомольских организа-

ций и общественности, были также отработаны воскресные дни в фонд обороны страны.

Лучшими предприятиями, успешно выполнявшими задачи правительства по увеличению выпуска продукции, являлись Алма-Атинский шорно-сыромятный завод и Алма-Атинская швейная фабрика № 1. Алмаатинцы проявляли в военное время самоотверженность и трудовой энтузиазм. Необходимо отметить стахановцев Алма-Атинского шорно-сыромятного завода Т.Н. Мокеева, выполнившего норму на 347 %, А.Н. Васюкова – на 237 %. Стахановцами Алма-Атинской швейной фабрики № 1 были Н. Новикова, превысив норму выработки на 250 %; М. Шук – 220 %; А. Шук – 300 %; Евтифеева – 200–210 %; Мурзабекова – 130–140 %; Найдина – до 140 % [27, л. 233–234].

Результаты. Война нарушила привычный образ жизни всех советских людей. Уровень жизни катастрофически снижался. Появились большие проблемы в удовлетворении насущных потребностей в жилье, пище, одежде. Обыденные вопросы, такие как чем накормить себя и свою семью, во что одеть, чем постирать, где взять дров и прочие, в условиях тотального дефицита и дороговизны стали просто не разрешимой задачей военной повседневности для большинства горожан.

Прибытие в Алма-Ату большого количества эвакуированных не только резко ухудшило жилищные условия населения, но и до предела обострило их предвоенное состояние. Для большинства советских граждан в довоенное время были характерны достаточно аскетические условия быта. Центральное отопление, водопровод, канализация, электрическое освещение, наличие отдельной кухни были показателем повышенного комфорта. Жилищные условия зачастую не соответствовали санитарным нормам. Простым горожанам пришлось мужественно переносить все тяготы военного времени как на работе, так и в быту, в семье.

В 1943 г. началась реэвакуация, в связи с чем количество эвакуированных в республике и в г. Алма-Ате начало сокращаться. Часть эвакуированного населения остались в республике, став частью полигэтничного Казахстана.

Таким образом, в условиях ограниченности материальных и людских ресурсов, го-

сударственным, партийным, местным органам власти Казахстана в военное время потребовалось одновременно решать задачи мобилизации людских и транспортных ресурсов, оборонного строительства, приема и обустройства значительного количества эвакуированных граждан, предприятий и учреждений, с чем они, как и жители других городов тыла, справились, дав кров и пищу, одежду и жилье тем, кто был эвакуирован в Алма-Ату.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) № АР 05133556.

The reported article is carried out in the framework of the research project on the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK) no. AP 05133556.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В целях быстрейшего очищения города от социально-вредных элементов // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 196. – Л. 19.
2. Григорьев, И. А. Эвакуация в Алма-Ату / И. А. Григорьев // История. Память. Люди : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 19 сент. 2014 г. г. Алматы. – Алматы, 2015. – 532 с.
3. Докладная записка // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 5/1. – Д. 1121. – Л. 71.
4. Докладная о работе Алма-Атинского Гарнизонного госпиталя № 1279 // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 199. – Л. 35–38 об.
5. Докладная записка // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 202. – Л. 44–49.
6. Жаркынбаева, Р. С. Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) / Р. С. Жаркынбаева // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 1 (82). – С. 103–116.
7. Заявление // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 90. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 42.
8. Заявление // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 227. – Л. 176–176 об.
9. Заявление // ЦГА РК. – Ф. Р 1137. – Оп. 9. – Д. 150. – Л. 71–77.
10. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к боль-

шому стилю / Наталия Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

11. Материал по эвакогоспиталю 1280 // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 361. – Л. 27–27 об.
12. Наркомы Казахстана 1920–1946 гг. Биографический справочник / сост. М. Ж. Жакыпов, А. С. Зулкашева, А. Н. Ипмагамбетова, Е. В. Чиликова. – Алматы : Арыс, 2007. – 400 с.
13. Натансон, Г. Г. 320 страниц про любовь и кино. Мемуары последнего из могикан / Г. Г. Натансон. – М. : Астрель, 2013. – С. 12–13. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/georgiy_natanson/320_stranic_pro_lyubov_i_kino_memuari_poslednego_iz_mogikan/read_1/ (дата обращения: 10.01.2019). – Загл. с экрана.
14. О недостатках в работе эвакопунктов в деле передвижения эвакуированных // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 85–91.
15. О состоянии политico-воспитательной работы, бытовому обслуживанию, трудобучению, трудоустройстве и выдвижении инвалидов Отечественной войны на руководящие работы // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 7/1. – Д. 965. – Л. 94.
16. Об организации Управления эвакогоспиталей при Наркомздраве КазССР // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 5/2. – Д. 193. – Л. 1–9.
17. Предисловие // Национальный архив РК (НА РК). – Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 1–2.
18. Призыв женщин-общественниц г. Алма-Ата // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 6/1. – Д. 483. – Л. 21.
19. Сведения о прибытии в г. Алма-Ата эвакуированных граждан на 29.08.1941 г. // ЦГА РК. – Ф. Р-1137. – Оп. 9. – Д. 141. – Л. 70.
20. Сводка о количестве прибывшего эвакуированного населения в Казахскую ССР и его трудоустройству по состоянию на 1 марта 1943 г. // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 7/1. – Д. 748. – Л. 2.
21. Справка о состоянии прибывшего оборудования и людей на станцию Алма-Ата Отражского вагоноремонтного завода им. Тельмана // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 194. – Л. 116–121.
22. Справка о штатном и фактическом наличии работников в эвакопунктах КазССР на 01.03.1943 г. // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 7/1. – Д. 748. – Л. 14.
23. Список госпиталей, расположенных в гор. Алма-Ата // АП РК. – Ф. 708. – Оп. 5/2. – Д. 188. – Л. 201.
24. Уполномоченному КПК по КазССР тов. Кузнецовой Справка // АП РК. – Ф. 725. – Оп. 4. – Д. 361. – Л. 1–2.
25. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М. : РОССПЭН, 2008. – 336 с.
26. Хлынина, Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект / Т. П. Хлынина // Былые годы.

Российский исторический журнал. – 2012. – № 3 (25). – С. 98–105.

27. ЦК КП(б) Казахстана. Отдел общей промышленности// АП РК. – Ф. 708. – Оп. 5/1. – Д. 738. – Л. 233–234.

28. Шепель, В. Алмаатинцы в годы войны: расекреченная правда / В. Шепель // Вечерний Алматы. – 2009. – 8 окт.

29. Юные патриоты// АП РК. – Ф. 708. – Оп. 6/1. – Д. 483. – Л. 9.

REFERENCES

1. V tselyakh bystreshego ochishcheniya goroda ot sotsialno-vrednykh elementov [In Order to Quickly Cleanse the City of Socially Harmful Elements]. *Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK)* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 196, L. 19.
2. Grigoryev I.A. Evakuatsiya v Alma-Atu [Evacuation to Alma-Ata]. *Istoriya. Pamyat. Lyudi: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 19 sent. 2014 g., g. Almaty* [History. Memory. People. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference, September 19, 2014, Almaty]. Almaty, 2015. 532 p.
3. Dokladnaya zapiska [Memo]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 5/1, D. 1121, L. 71.
4. Dokladnaya o rabote Alma-Atinskogo Garnizonnogo gospitalya № 1279 [Report on the Work of the Alma-Ata Garrison Hospital no. 1279]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 199, L. 35–38 ob.
5. Dokladnaya zapiska [Memo]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 202, L. 44–49.
6. Zharkynbayeva R.S. Velikaya Otechestvennaya voyna: sotsiokulturnaya pamyat i kommemorativnye praktiki v postsovetskom Kazakhstane (gendernyy aspekt) [The Great Patriotic War: Sociocultural Memory and Commemorative Practices in Post-Soviet Kazakhstan (Gender Aspect)]. *Zhenschchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2017, no. 1 (82), pp. 103–116.
7. Zayavlenie [Statement]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 90, Op. 1, D. 11, L. 42.
8. Zayavlenie [Statement]. *AP RK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 227, L. 176–176 ob.
9. Zayavlenie [Statement]. *TsGARK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. R 1137, Op. 9, D. 150, L. 71–77.
10. Lebina N. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Great Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 488 p.
11. Material po evakogospitalyu 1280 [Material for Evacuation Hospital 1280]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 361, L. 27–27 ob.
12. Zhakupov M.Zh., Zulkasheva A.S., Ipmagambetova A.N., Chilikova E.V., eds. *Narkomy Kazakhstana 1920–1946 gg. Biograficheskiy spravochnik* [People's Commissars of Kazakhstan 1920–1946. Biographical Reference]. Almaty, Arys Publ., 2007. 400 p.
13. Natanson G.G. *320 stranits pro lyubov i kino. Memuary poslednego iz mogikan* [320 Pages About Love and Movies. Memoirs of the Last of the Mohicans]. Moscow, Astrel Publ., 2013, pp. 12–13. URL: http://modernlib.ru/books/georgiy_natanson/320_stranic_pro_lyubov_i_kino_memuari_poslednego_iz_mogikan/read_1/ (accessed 10 January 2019).
14. O nedostatkakh v rabote evakopunktov v dele peredvizheniya evakuirovannykh [On the Shortcomings in the Work of Evacuation Centers in the Movement of the Evacuated]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 194, L. 85–91.
15. O sostoyanii politiko-vospitatelnoy raboty, bytovomu obsluzhivaniyu, trudobucheniyu, trudoustroystvye i vydvizhenii invalidov Otechestvennoy voyny na rukovodiyashchие raboty [On the State of Political and Educational Work, Consumer Services, Labor Training, Employment and the Promotion of Invalids of World War II for Leadership Positions]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 7/1, D. 965, L. 94.
16. Ob organizatsii Upravleniya evakogospitalej pri Narkomzdrave KazSSR [On the Organization of the Office of Evacuation Hospitals Under the People's Commissariat of Health of the Kazakh SSR]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 5/2, D. 193, L. 1–9.
17. Predislovie [Foreword]. *Natsionalnyy arkiv RK (NA RK)* [National Archive of the Republic of Kazakhstan], F. 79, Op. 1, D. 44, L. 1–2.
18. Prizyv zhenschin-obshchestvennits g. Alma-Ata [Call of Women Social Activists in Alma-Ata]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 6/1, D. 483, L. 21.
19. Svedeniya o pribytii v g. Alma-Ata evakuirovannykh grazhdan na 29.08.1941 g. [Information on the Arrival of Evacuated Citizens in Alma-Ata on August 29, 1941]. *TsGARK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], F. R-1137, Op. 9, D. 141, L. 70.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

20. Svodka o kolichestve pribyvshego evakuirovannogo naseleniya v Kazakhskuyu SSR i ego trudoustroystvu po sostoyaniyu na 1 marta 1943 g. [Summary of the Number of the Arrived Evacuated Population in the Kazakh SSR and Its Employment as of March 1, 1943]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 7/1, D. 748, L. 2.
21. Spravka o sostoyanii pribyvshego oborudovaniya i lyudey na stantsiyu Alma-Ata Otrozhskogo vagonoremontnogo zavoda im. Telmana [Information on the Condition of the Equipment and People Who Arrived at the Alma-Ata Station of the Otrozhsky Car Repair Plant Named After Telman]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 194, L. 116-121.
22. Spravka o shtatnom i fakticheskem nalichii rabotnikov v evakopunktakh KazSSR na 01.03.1943g. [Certificate of Staffing and Actual Availability of Workers in the Evacuation Centers of the Kazakh SSR as of March 1, 1943]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 7/1, D. 748, L. 14.
23. Spisok gospitalej, raspolozhennykh v gor. Alma-Ata [List of Hospitals Located in the City of Alma-Ata]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 5/2, D. 188, L. 201.
24. Upolnomochennomu KPK po KazSSR tov. Kuznetsov. Spravka [To the Authorized Representative of the Commission of Party Control in KazSSR Comrade Kuznetsov. Reference]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 725, Op. 4, D. 361, L. 1-2.
25. Fitspatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 30s: City]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p.
26. Khlynina T.P. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni kak issledovatel'skiy proekt [Private Life of Soviet People in Wartime as a Research Project]. *Bylye Gody*, 2012, vol. 25, no. 3, pp. 98-105.
27. TSK KP/b/Kazakhstan. Otdel obshchey promyshlennosti [Central Committee of the Communist Party(Bolsheviks) of Kazakhstan. Department of General Industry]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 5/1, D. 738, L. 233-234.
28. Shepel V. Almaatintsy v gody voyny: rassekrechennaya pravda [Almaty Residents During the War: Declassified Truth]. *Vecherniy Almaty*, 2009, October 8.
29. Yunye patrioty [Young Patriots]. *APRK* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], F. 708, Op. 6/1, D. 483, L. 9.

Information About the Authors

Roza S. Zharkynbayeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Historiography and Source Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Prospekt Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, r_seidali@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nv-dulina@yandex.ru, nv-dulina@volstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Evgeniya V. Anufrieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Prospekt im. V.I. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>

Информация об авторах

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, r_seidali@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>

Надежда Васильевна Дулина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nv-dulina@yandex.ru, nv-dulina@volstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Евгения Владимировна Ануфриева, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ

СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.9>

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3.(0).6

Submitted: 11.10.2018
Accepted: 11.04.2019

CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS IN THE REFLECTION OF THE MOUNTAINOUS BOURGEOISE-DEMOCRATIC PRINT (ON THE MATERIALS OF “VOLNYY GORETS” NEWSPAPER)

Timur H. Matiev

Ingush State University, Magas, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article attempts to analyze the attitude of the Mountainous government in exile and the Union of Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan in a broader sense to the events of the Civil War in the North Caucasus in 1919–1920 based on local printing. *Methods and materials.* The main emphasis is placed on the analysis of materials of “Volny Gorets” newspaper of the Mountainous government. The authors use the problem-chronological, historical-systemic method and the system-functional analysis method. *Analysis.* The article analyzes the attitude of the mountainous democrats, expressed on the pages of the newspaper, to such aspects of the Civil War as the union of mountain peoples with the Bolsheviks, the assessment of the white and red plans for the mountain regions, the real policy of the warring parties in 1917–1920, the prospects for a confederative structure of the Caucasus. The split of mountain unity by the Bolsheviks is considered by their prosecutors the main reason why the North Caucasus was not able to resist the Denikin invasion. *Results.* “Volny Gorets” publication is an important and extremely informative source on the events in the North Caucasus during the Civil War of 1919–1920. The newspaper’s publications are both purely informational and analytical. The analysis given by the newspaper’s authors is deep and sober. The events of the civil war in the North Caucasus attracted the closest attention of the editors and, on the whole, remained the priority topic of publications in each issue of “Volny Gorets” during 1919–1920. The analysis of the publication is relatively free from ideological press and bias that distinguishes both purely “white” and “red” publications of that time.

Key words: Mountainous government, “Volnyy Gorets”, Tiflis, North Caucasus, Denkinians, Bolsheviks, Mountaineers.

Citation. Matiev T.H. Civil War in the North Caucasus in the Reflection of the Mountainous Bourgeoise-Democratic Print (On the Materials of “Volnyy Gorets” Newspaper). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 109–119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.9>

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3.(0).6

Дата поступления статьи: 11.10.2018
Дата принятия статьи: 11.04.2019

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ОТРАЖЕНИИ ГОРСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ»)

Тимур Хусенович Матиев

Ингушский государственный университет, г. Магас, Российская Федерация

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа в более широком смысле отношения Горского правительства в изгнании и Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана к событиям гражданской войны на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. по материалам местной печати. В работе использованы проблемно-хронологический, историко-системный методы, а также метод системно-функционального анализа. Основной упор сделан на изучение материалов газеты Горского правительства «Вольный горец». Проанализировано отношение горских демократов, выраженное на страницах газеты, к таким аспектам гражданской войны, как союз горских народов с большевиками, оценка планов белых и красных относительно горских областей, реальная политика враждующих сторон в 1917–1920 гг., перспективы конфедеративного устройства Кавказа. Выявлено, что раскол горского единства большевиками прокуроры Горской республики считают главной причиной того, что Северный Кавказ не смог противостоять деникинскому нашествию. Отмечено, что издание «Вольный горец» является важным и чрезвычайно информативным источником о событиях на Северном Кавказе в период гражданской войны 1919–1920 годов.

Ключевые слова: Горское правительство, «Вольный горец», Тифлис, Северный Кавказ, деникинцы, большевики, горцы.

Цитирование. Матиев Т. Х. Гражданская война на Северном Кавказе в отражении горской буржуазно-демократической печати (на материалах газеты «Вольный горец») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 109–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.9>

Введение. Проблема изучения истории гражданской войны в России, в частности, на Северном Кавказе, долгое время разрабатывалась в русле предельно идеологизированной советской исторической традиции, которая основывалась в большинстве случаев на угодных режиму источниках и обращавшихся к альтернативным каналам получения исторических сведений лишь в случае их полного или значительного совпадения с официальной точкой зрения. В связи с этим подходом на протяжении долгих десятилетий оставался почти неразработанным и неосвоенным в исторической науке целый пласт источников, связанных с представителями эмиграции, – мемуарные работы и периодика.

Несомненно, ключом к такому отношению была предвзятость к самому термину «эмigrantский»: при его упоминании как бы автоматически напрашивалась трансформация в вариант «белоэмigrantский». При этом отнюдь не все деятели эмиграции и их письменное наследие принадлежали к идеологическому контенту, который можно обозначить как «белогвардейский».

Методы и материалы. Труды представителей белой эмиграции отмечены вниманием исследователей и частично введены в научный оборот в последние десятилетия после крушения тоталитарной системы. Несколько хуже обстоят дела с населением тех политических сил, которые не стали ассоциировать себя ни с белыми, ни с красными, вернее, рав-

но критично отнеслись к обоим полюсам гражданского противостояния в России.

В этом смысле повышенный интерес как исторический источник о событиях революции и особенно гражданской войны на Кавказе и в целом на Юге России вызывает орган Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (далее – СОГСКД) – газета «Вольный горец».

СОГСКД, возникший в 1917 г., стал одной из самых активных и влиятельных общественно-политических сил в регионе в период революционных событий 1917 г. и первого этапа Гражданской войны 1917–1920 годов. Рассматриваемое издание служило выражителем идейных взглядов, программных установок и оценочных подходов горского национального движения на позднем этапе его деятельности.

Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть в хронологической последовательности процессы образования, становления газеты Горского правительства и отображения посредством ее публикаций событий гражданской войны в регионе. Историко-системный метод позволил систематизировать и оценить накопленные фактические данные о деятельности «Вольного горца», комплексно изучить конкретно-исторические события, происходившие в регионе, через призму видения авторов газеты, проследить их причинно-следственные связи. Метод системно-функционального анализа дал возможность

охарактеризовать роль издания в структуре общекавказских и общероссийских общественно-политических процессов указанного периода.

Анализ. На протяжении 1917–1918 гг. СОГСКД оказывал весьма ощутимое влияние на развитие общественно-политической ситуации в регионе. Хорошее знание местных реалий, большой авторитет деятелей Союза в национальной среде, умение ориентироваться одновременно в кавказских, общероссийских и международных делах, эрудиция, профессиональные знания активистов СОГСКД способствовали росту их влияния в среде горских народов в данный судьбоносный для региона и всей страны отрезок истории.

Ядром Союза стала горская интеллигенция. Основателями организации были люди, составившие цвет национально-интеллектуальной элиты горских народов того времени: Вассан-Гирей Джабагиев – в Ингушетии, Тата Чермоев – в Чечне, Ахмед Цаликов – в Осетии, Гейдар Баммат – в Дагестане, Басият Шаханов – в Балкарии, Пшемахо Коцев – в Кабарде. Основная масса участников Союза принадлежала к выходцам из семей среднего и высокого достатка, чьи родители в свое время смогли дать отпрыскам прекрасное по тем временам классическое образование, в том числе и высшее.

В этот период различные политические силы и в центре, и в провинции стремились как можно скорее воспользоваться представившейся столь внезапно свободой. Учредительные съезды, собрания, конгрессы легализующихся партий и движений, стремящихся поскорее выйти на политическую сцену, проходили по всей огромной стране чуть ли не ежедневно.

Организационное оформление СОГСКД состоялось 1 мая 1917 г. во Владикавказе на съезде, проходившем в здании кинотеатра «Гигант» [8, с. 416].

Деятели Союза, еще в ноябре 1917 г. провозгласившие создание Горской республики, поставили на международном уровне вопрос о ее признании в апреле 1918 года. «Тогда же представитель германского правительства генерал фон Лоссов, специально командированный на Кавказ, поставил перед Союзом вопрос об образовании Горской республики для

последующего признания ее участниками намечаемой в мае Батумской международной конференции». После этого «11 мая 1918 г. ...на конференции была провозглашена Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики)» [10, с. 30]. 15 мая 1918 г. германский дипломатический представитель имперский посланник граф Мирбах передал НКИД Советской республики радиограмму с заявлением правительства Северного Кавказа о том, что оно объявило о создании самостоятельного государства, простирающегося от Черного до Каспийского моря [17, с. 124]. Кульминацией деятельности СОГСКД стало именно создание Горского правительства и провозглашение Декларации независимости Северного Кавказа 11 мая 1918 года.

Однако довольно скоро выявились и недостатки политического курса лидеров СОГСКД. Прекраснодушные надежды на разрешение всех острых проблем кавказской жизни путем переговоров, сочетанием передовых европейских политических достижений и кавказских традиций, носителями которых в равной степени считали себя горские националисты, не оправдывались.

Начавшаяся гражданская война сильно подорвала позиции умеренных, выведя на авансцену приверженцев крайних взглядов с обеих сторон. В этих условиях с вторжением на Северный Кавказ войск Добровольческой армии А.И Деникина Горское правительство вынуждено было бежать сначала в Темир-Хан-Шуру, а затем в Тифлис. Там оно вплоть до окончания гражданской войны и находилось под покровительством дружественного социал-демократического правительства меньшевистской Грузии.

В мемуарах видных деятелей белого дела можно встретить утверждения о том, что грузинские власти «близорукой политикой» способствовали на своей территории «деятельности политических партий, враждебных Добровольческой армии» [11, с. 104]. Однако после поражения красных под Владикавказом и отступления части из них в Грузию последняя присвоила почти все их вооружение и снаряжение [13, с. 210]. Более того, опасаясь окончательно вывести из себя находившихся тогда в зените своего военно-политического

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

успеха и могущества деникинцев, грузинские власти 8 апреля 1919 г. выдали белым 31 советского работника, которые бежали в Грузию [3, с. 283]. Но даже советские историки не отрицают, что «Комитету (партии. – Т. М.) удалось перебросить на Северный Кавказ значительное количество оружия и боеприпасов, а также направить из Закавказья многих бывших бойцов и командиров Красной армии, партийных советских работников» [4, с. 32].

К лету 1919 г. правительство Горской республики потеряло социальную опору в народных массах. Под его контролем находились Темир-Хан-Шура, Дербент и ряд селений. В речи на съезде делегатов из округов и участков Дагестанской области 25 июля 1919 г. генерал Халилов стремился оправдать свой проденикинский переворот в Дагестане тем, что из Чечни и Ингушетии, которые из выступления Халилова можно расценить как основную опору Горского правительства, «стали прибывать в состав Горского правительства видные лидеры большевизма, от Чечни – Ахмад-Хан Мутушев и от Ингушетии – братья Джабагиевые, нашедшие в среде правительства благодатную почву для своей агитационной работы» [19]. (Здесь достойно особого внимания причисление фактически выдавленных большевиками из Ингушетии Джабагиевых к «видным деятелям большевизма».)

При этом горские демократы не теряли связи с недалекой родиной. Издававшаяся в Тифлисе в 1919–1920 гг. газета «Вольный горец» – орган революционной демократии горских народов, как сама она себя позиционировала, изобилует материалами, посвященными событиям на Северном Кавказе в этот драматический период, поэтому ее значение как исторического источника, на наш взгляд, остается во многом недооцененным.

«Вольный горец» начал издаваться в сентябре 1919 года. В конце 1919 г. газета выходит два раза в неделю. Ее редактором объявлена «редакционная коллегия», издателем – союзный меджлис горцев Кавказа. В дальнейшем редактором газеты являлся Ахмед Цаликов – один из наиболее видных представителей российской мусульманской интеллигенции начала века и активный участник горского национального движения периода революции и гражданской войны.

Издателем «Вольного горца» стал Совет обороны республики горцев Кавказа, в какой-то мере унаследовавший функции Горского правительства. Несмотря на то, что газета просуществовала относительно недолго, ее выпуски являются ценнейшим источником не только по истории Горского правительства, Союза горцев и националистического движения на Северном Кавказе, но и по общественному развитию региона в указанный период в целом.

Экономика, сводки с фронтов гражданской войны, общественно-политическая жизнь, историко-культурные зарисовки – все это исследователь может найти на страницах данного издания. При этом равноудаленность газеты как от красных, так и от белых превращает ее материалы в уникальный по своей относительной беспристрастности источник по истории столь драматичного периода, каковым являются годы гражданской войны.

«Вольный горец» отдает предпочтение большим аналитическим материалам. Спектр его тем различен. Конечно, в центре внимания – вопросы продолжающейся гражданской войны и борьбы горских народов за свое будущее [9; 16]. Однако пристальное внимание обращается на международную жизнь (прежде всего в увязке с судьбами мусульманских народов колоний и зависимых стран) [1; 7; 15].

Первый номер «Вольного горца» вышел, как отмечалось ранее, в сентябре 1919 года. К тому времени Горское правительство уже пребывало в изгнании в Тифлисе. Характерно, что подобное печатное издание увидело свет именно в данный период, а не в те годы, когда горские деятели находились на родине и оказывали заметное влияние на развитие политической ситуации. В условиях, которые сложились на момент выхода первого номера «Вольного горца», деятели Горского правительства были в лучшем случае комментаторами происходивших событий. Соответственно, орган Союза горцев стал средством анализа и прогноза происходящих на Кавказе событий, а не местом для отчета о текущей деятельности. Поэтому применительно к деятельности СОГСКД газета важна прежде всего своими материалами касательно первого периода горского движения – 1917 – начала 1919 г., тогда как в качестве источника

освещения событий в регионе ее ценность сохраняется и после эмиграции авторов и издателей в Тифлис.

При этом «Вольный горец» не ограничивался изложением мнений, оценок и аналитических выкладок своих постоянных авторов – деятелей горской эмиграции. Он постоянно держал связь с самим Северным Кавказом через своих неназываемых по понятным причинам корреспондентов в регионе. Учитывая, что последние работали на газету нелегально (горские националисты в тот период были уже равно враждебно воспринимаемы как белыми, так и большевиками), а также недоступность для них оперативных каналов передачи информации, понятным становится тот факт, что большая часть поступающих в редакцию и публикуемых материалов запаздывала по времени на несколько недель, а то и месяцев. В свете этого издание трудно назвать оперативно отражающим события в регионе. Более того, порой довольно сложно (с учетом анонимности большинства корреспондентов с Северного Кавказа) отделить достоверную информацию от слухов.

Тем не менее «Вольный горец» со всей очевидностью в короткий период своего существования следовал некоторым стандартам в деятельности. Редакция стремилась придерживаться подчеркнуто беспристрастного (насколько вообще позволяет это ее политическая ориентация) взгляда на события – как происходящие параллельно с выходом газеты, так и те, которыми отмечены предшествующие годы, и которые во многом привели авторов к эмиграции в Тифлис. Газета старалась избегать «жареных» фактов, скандальных материалов, гонки за дешевой популярностью. Издание четко ориентировалось на солидную, зрелую аудиторию. Приоритет отдавался серьезной политической аналитике, историческим, культурологическим, политологическим опусам.

В оценках происходящего на Северном Кавказе деятели Горского правительства прежде всего однозначны только в том, кто является безусловным врагом – это Деникин с его идеей реставрации худших черт царского режима, как уверены в Тифлисе [12].

В отношении большевиков оценки горских демократов ненамного более комплимен-

тарны. В частности, именно их газета Горского правительства считает главными виновниками роста социальной вражды и внесения семян национальной гражданской войны в сами горские народы. «Меч гражданской войны был внесен большевиками внутрь каждого горского народа», – писал «Вольный горец» в редакционной статье, открывавшей его первый номер, – своего рода программной установке газеты [9].

В государственно-правовой системе отчетливо заметно предпочтение, отдаваемое горскими националистами шариатизму. Вообще проекты совмещения передовых достижений европейской демократической мысли с основами мусульманского права, при всей внешней экзотичности такого варианта на первый взгляд, была довольно популярной в среде российской мусульманской интеллигенции того времени. Это объяснялось тяготением деятелей СОГСКД к европейской культуре и одновременно преобладанием среди них мусульман по вероисповеданию. Даже от осетин, официально в относительном большинстве исповедовавших христианство, в руководящие органы Союза горцев был выделен Ахмед Цаликов – мусульманин по вере.

Подчеркнутое уважение к религиозному аспекту борьбы горских народов выливалось в некое самобичевание горской интеллигенции на страницах «Вольного горца». Так, в номере от 20 ноября 1919 г. скрытый под псевдонимом Ax. автор (что дает основания видеть в нем именно Ахмеда Цаликова, редактировавшего газету в эмиграции), указывает, что во главе борьбы горских народов против «российских варваров XX века... (под которыми имеются в виду деникинцы. – T. M.)» стали не горская интеллигенция, спасавшаяся за Кавказским хребтом в Азербайджане и Грузии, не большевики, разбитые и раздавленные добровольческим нацистом ...ни вообще какая бы то ни было партия в европейском смысле этого слова, а *шайхи, муллы и хаджи* (курсив авт. – T. M.)» [20]. Это говорит о достаточно широте взглядов горских демократов, которые считали необходимым признать большую роль духовенства в организации антиденикинской борьбы, при том что у них, сторонников светского пути, были не всегда равные отношения с приверженцами религиозных

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

течений, ратовавшими подобно Н. Гоциснко-му или Узун-Хаджи в Дагестане и Чечне за строительство теократического государства.

Деятели Горской республики отнюдь не замыкались на делах только своей области или даже Северо-Кавказского региона. Более того, они внимательно следили за событиями, разворачивающимися в большой России и за ее пределами. В частности, в № 11 за 1920 г. В.-Г. Джабагиев делает обстоятельный и глубокий анализ современной международной ситуации, разумеется, в контексте того, как она способна влиять и влияет на развитие дел вокруг Кавказа. Объектом его анализа (весьма обстоятельного и профессионального, следует отметить) становятся европейские дела (мирная конференция в Париже, подготовка Версальского договора, его влияние на судьбы малых народов, прежде всего кавказских), позиции великих держав в отношении России, Восточной Европы и Северного Кавказа (в этой связи дана блестящая оценка настроений в Англии и Франции и прогноз эволюции их политики в отношении как Кавказа, так и всей Восточной Европы, в значительной мере совпадший с дальнейшим реальным развитием ситуации), влияние на судьбы региона политических событий, происходящих непосредственно на Кавказе (в частности, рассматривается разгоревшееся в то время антиденикинское восстание в Дагестане) [20]. В данном анализе также характерны попытки горских деятелей (одним из наиболее регулярно прибегавших к ним был и В.-Г. Джабагиев) увязать события на Кавказе и России в целом с динамикой общемировых процессов и интернационализировать события в регионе. Очевидно, осознавая продолжающееся ослабление позиций горских демократов в условиях становящейся реальностью победы красных в гражданской войне, они пытаются таким образом объективно усилить эти позиции путем поиска союзников за пределами бывшей Российской империи, тем более что такие попытки периодически предпринимались ими еще с начала 1918 года [18].

Иллюзий касательно позиции союзных держав в отношении адептов горской независимости последние не питали уже с момента вторжения Добровольческой армии на Кавказ,

во время которого английские силы отказались вмешаться в расправу, учиненную Деникиным в Ингушетии и Чечне. А осенью 1919 г., когда вспыхнуло восстание в Дагестане, «Вольный горец» даже публикует протест союзного меджлиса горцев Северного Кавказа в ответ на призыв английского эмиссара в регионе полковника Роландсона к населению региона подчиниться власти Деникина. При этом в протесте подчеркивается, что, когда осенью 1918 г., находясь в составе английской миссии во Владикавказе, Роландсон был задержан большевиками, только вмешательство ингушей (которые защищая его, даже вступили в бой с бронеавтомобилями красных), помогло ему и всей миссии избежать плена, что и было подтверждено в благодарственном письме генерала Томсона, направленном тогда же ингушам [18].

Критикуя методы как Деникина, так и его большевистских противников, Джабагиев особо подчеркивает вынужденность союза горцев и большевиков, указывая на то, что «в широком народном движении горцев... нет ничего большевистского» [2]. Очевидно, что в усилениях В.-Г. Джабагиева опровергнуть тезис о солидарности горцев с большевиками прослеживается и раздражение по поводу новостей из Ингушетии, где немало его соотечественников активно включились в борьбу с белыми на стороне большевиков.

Говоря о позиции закавказских демократов в российской смуте и конкретно в трагических событиях на Северном Кавказе, В.-Г. Джабагиев, не отрицая, что и Грузия, и Азербайджан заинтересованы в максимальном усилении горцев, не мог не указать на тот факт, что обе эти республики «до сих пор не ответили на последнюю ноту, в которой решительно и категорически ставился вопрос о позициях закавказских республик в отношении борьбы горцев с добровольцами» [2].

С лета 1919 г., находясь на положении фактической эмиграции, члены Горского правительства, которое в большинстве своем вошло в Комитет обороны Северного Кавказа, вынуждены были находиться в Тифлисе. Нет ничего удивительного в том, что они пытались всячески наладить союз между горскими и закавказскими демократами, прежде всего опираясь на грузинских меньшевиков.

В этой связи примечателен довольно глубокий анализ, опубликованный в газете горских демократов старшим товарищем председателя Учредительного собрания Грузии А. Ломтадзе. Последний, по пунктам рассматривая перспективы горского государства, указывает как на проблемы, так и на преимущества, имеющиеся у горских народов, по его мнению, в деле реализации идеи независимости. Так, им довольно высоко оцениваются экономические перспективы Горского государства. Однако он подчеркивает, что процветающее государство горцы могут построить только в тесной связи с закавказскими демократами, у которых есть выход к морю, так как «море, горы и долины – три элемента, без которых трудно сыскать экономически развитое государство» [6].

В то же время А. Ломтадзе обозначаются и проблемы, по его мнению, мешающие и способные в дальнейшем помешать развитию идеи единого горского государства. Одной из них он считает отсутствие общего языка для общения в потенциальном едином государстве, так как отрицает пригодность русского языка в качестве такового (пример Индии, Пакистана и других стран бывшей Британской империи, совместивших политическую независимость с сохранением английского языка в качестве средства коммуникации, в то время был недоступен). Еще одной более значимой проблемой А. Ломтадзе называет волну революционных экспериментов, затеянных узурпировавшими власть коммунистами, вызванную ими анархией, наконец, наличие в горской среде людей, с царских времен ставших на путь соглашательства, открытой измены делу свободы своих народов, «воспитанных в духе подкупа и пресмыкательства перед сильным» [6]. Именно совокупность этих факторов грузинский политик считал главным объяснением «поражения горских народов в святом деле свободы и независимости» [6]. Здесь примечателен сам факт признания поражения северокавказских демократов их союзниками из лагеря грузинских меньшевиков. Это лишний раз показывает, что уже во второй половине 1919 г. даже дружественно настроенные политические силы в регионе, кровно заинтересованные в успехе попыток, предпринимаемых северокавказскими на-

ционалистами на пути обретения политической независимости, расценивали их дело как проигранное.

Похожий «диагноз» ставит горскому движению еще один видный деятель грузинского меньшевистского режима В. Джугели, председатель главного штаба национальной гвардии Грузии. Им высказывается еще более жесткая оценка: «Не существовал тот единый политический центр, который своим авторитетом собрал бы в стальной кулак все распыленные силы и, наконец, имеющиеся в каждом народе военные, знатоки боевого искусства, оказались изменниками и предателями своего народа» [6]. В последнем тезисе имеется логическое зерно, поскольку практически вся военная элита кавказских народов раскололась в той или иной пропорции между красными и белыми. Равно дистанцирующиеся от тех и других в условиях начавшейся гражданской войны горские демократы в результате оказались лишенными профессиональной военной помощи и таким образом фактически сброшены с политической шахматной доски Кавказа, как лишние фигуры.

Оценивая на тот момент положение в горских округах, северокавказские умеренные деятели посредством «Вольного горца» – своего печатного рупора – нередко заимствуют примеры обработки аудитории у собственных заклятых недругов-большевиков. Однако это применяется в отношении других столь же заклятых неприятелей-деникинцев, вернее их приверженцев из числа местного населения. Так, оценивая ситуацию с противостоянием деникинским войскам в Чечне и поддерживающей их администрации генерал Алиева, они обрушаются на чеченское купечество, большая часть которого утратила всякий воинственный пыл и вполне готово к соглашательству с Добровольческой армией. Именно этих «представителей торгового капитала», как называют купцов горские деятели с вполне большевистской терминологией, Алиев и его союзники используют как агентов влияния для привлечения на свою сторону симпатий населения наиболее непримиримо настроенной в отношении Деникина горной части Чечни. В качестве причины такого поведения тифлисские изгнанники рассматривали озабоченность купеческого сословия исключитель-

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

но своими прибылями. Только накал антиденикинских настроений и невозможность для любого горца пойти против общей линии на сопротивление видится причиной того, что все ухищрения чеченских купцов летом – осенью 1919 г. терпят крах [16].

В чем же обвиняют горские националисты большевиков? В том, что они «внесли меч гражданской войны в каждый из горских народов», стремясь создать для себя необходимую социальную базу. Ведь «горский фронт –национальный, демократический – оказался в противоречии с конструкцией советской власти». Большевики искали в горской среде социальные противоречия и пытались «найти социальные противоречия в горской среде и попытаться подвести под свое существование в горском населении социальную базу [9]. Как язвительно отмечается в обращении далее: «В результате – ни национального демократического горского фронта для борьбы с казачьей контрреволюцией, ни социальной базы» [9].

Именно такой раскол горского единства большевиками их обвинители считают главной причиной того, что Северный Кавказ не сумел противостоять деникинскому нашествию.

На наш взгляд, в данном случае авторами обращения упускается, невольно или сознательно, ряд важных аспектов. Большевики внесли раскол в горское единство не произвольным теоретическим поиском противоречий в горской среде, они «пришли на готовое». Эти противоречия имелись внутри самих горских обществ, прежде всего в социальном плане. Как бы ни пытались деятели Горской республики изобразить горские общества монолитом, свободными от всяких противоречий, имущественные различия уже давно поделили их помимо тех линий раскола, которые могли внести и якобы внесли идеиные происки большевистских заговорщиков.

Разумеется, трудно отрицать то, что большевики были заинтересованы в максимальном разжигании таких противоречий и выводе горских масс из-под идейного контроля своих верхов, которые преимущественно и представляли руководство Союза горцев, во всяком, случае на начальном этапе. Однако успеху таких попыток во многом способствовали ошибки самих горских демократов, и прежде всего затяжки с решением аграрно-

го вопроса. Этот вопрос являлся основным в ряду тех, что волновали население региона, и его решению большевики уделили первостепенное внимание, которое не ограничивалось созывом совещаний, обсуждениями и откладыванием до созыва Учредительного собрания и т. д., а имело немедленные и зримые последствия в виде передачи владений казачьих станиц в пользу горцев.

При том, что идеалом издателей газеты были идеи горской солидарности, единого Северо-Кавказского государства, у них хватало объективности признать наличие серьезных национальных противоречий, которые влияют на единство горского фронта не лучшим образом, и, соответственно, не могут не повлиять и на судьбы будущего горского государства, будь оно создано сейчас или после. Хотя эмиграция объединила в редакции одного издания таких деятелей, как ингуш В.-Г. Джабагиев, осетин А. Цаликов, кумык Г. Баммат, они признают, что национальные распри по-прежнему характерны для народов Северного Кавказа даже в этот решающий момент их истории. Так, анализируя ситуацию на Кавказе с момента Февральской революции 1917 г., авторы «Вольного горца» признают, что единство горской фракции Терского областного совета в первые месяцы советской власти в регионе нередко становилось невозможным из-за противоречий между частью ее ингушских и осетинских членов [5].

По мере укрепления позиций Советов на Северном Кавказе и превращения в свершившуюся реальность краха белого движения и победы красных в войне, авторы «Вольного горца» все более определенно высказываются о перспективах взаимоотношений закавказских демократов, горских националистов и победителей в гражданской войне – большевиков. При этом анализ, данный на страницах газеты, поражает своей точностью и нелицеприятностью, хотя зачастую он при всей своей блестательности и проницательности звучит как глас вопиющего в пустыне. Так, в № 34 за март 1920 г. накануне изгнания белых из Терской области, газета пишет: «Деникинщина уходит в историю... Никогда на горской интеллигенции не лежало такой тяжелой обязанности быть вместе с народом, как в настоящее время. Мелкое тщеславие, личные дрязги,

старые счеты все должно быть отброшено в сторону. Все по местам!». И тут же задается горький вопрос: «Чувствует ли всю значительность наступающего момента демократия закавказских народов, спорящая из-за клочков земли, которые завтра, может быть, не будут иметь никакого значения в судьбе той или иной республики?» [14].

Развитие событий вскоре показало правоту колумнистов «Вольного горца». Весной 1921 г. Красная армия триумфальным маршем вступила в Закавказье, и недолговечные демократии Южного Кавказа одна за другой рухнули, как карточные домики, ознаменовав начало новой советской эры в истории Кавказа, продлившейся ровно семь десятилетий.

Результаты. Издание «Вольный горец» является важным и чрезвычайно информативным источником о событиях на Северном Кавказе в период Гражданской войны 1919–1920 годов. Публикации газеты носят как сугубо информационный, «репортерский» (при этом в качестве источника информации выступают жители региона, с которыми поддерживает связь издание), так и аналитический характер. При этом анализ, даваемый ее авторами, отличается глубиной и трезвостью оценок, будучи относительно свободным от идеологической зашоренности и предвзятости, отличающей как чисто «белые», так и «красные» издания того времени.

Трагизм положения горских умеренных, которые наиболее широко были представлены в редакции и на страницах «Вольного горца», состоял в том, что в силу своего интеллектуального развития, высокого уровня общей и политической грамотности, накопленного политического опыта, а также обусловливаемой всем этим склонности к трезвой аналитике и привлечении в качестве важнейшего аргумента здравого смысла, они лучше, чем какая-либо иная часть горских обществ того времени, понимали проблемы и перспективы развития своих народов как в составе Советской России, так и вне ее. События гражданской войны на Северном Кавказе привлекали их самое пристальное внимание и оставались приоритетной темой публикаций в каждом номере «Вольного горца» на протяжении 1919–1920 годов. Однако вылившаяся в схватку крайних политических лагерей взбудоражен-

ной революцией России Гражданская война 1917–1920 гг., выбросила их за пределы политического поля и обрекла на участь маргиналов. Их политическое и интеллектуальное наследие станет востребованным только в конце бурно начавшегося и драматично развивавшегося XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Англичане и Мустафа-Кемаль // Вольный горец. – 1920. – 5 июля.
2. Беседа с представителем Совета Обороны Северного Кавказа В. Джабаги // Вольный горец. – 1920. – 20 нояб.
3. Борьба за советскую власть в Северной Осетии. – Орджоникидзе : Ир, 1972. – 544 с.
4. Гиоев, М. И. Роль Кавказского крайкома РКП(б) в разгроме деникинщины на Северном Кавказе / М. И. Гиоев // Гражданская война на Северном Кавказе. – Махачкала : Изд-во Ин-та истории, яз. и лит-ры им. Г. Цадасы Дагест. филиала АН СССР, 1982. – С. 28–33.
5. Горские коммунисты // Вольный горец. – 1920. – 16 фев.
6. Грузия о кавказских горцах // Вольный горец. – 1919. – 8 сент.
7. Жизнь Востока // Вольный горец. – 1919. – 29 дек.
8. История Ингушетии. – Ростов н/Д : Юж. изд. дом, 2013. – 601 с.
9. Ко всем горцам Северного Кавказа // Вольный горец. – 1919. – 8 сент.
10. «Кристаллизация» горского освободительного движения Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 3–30.
11. Лукомский, В. С. Деникин и Антанта / В. С. Лукомский // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М. : Соцэкиз, 1931. – С. 68–114.
12. Накануне полного краха // Вольный горец. – 1920. – 15 янв.
13. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. – Орджоникидзе : Ир, 1973. – 302 с.
14. Ответственный момент приближается // Вольный горец. – 1920. – 15 марта.
15. Панисламизм, пантюркизм и задачи демократии // Вольный горец. – 1920. – 1 марта.
16. Плоды самоизоляции // Вольный горец. – 1919. – 29 дек.
17. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. – Орджоникидзе : ИР, 1983. – 208 с.

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

18. Протест союзного Меджлиса горцев Северного Кавказа по поводу воззвания полковника Роландсона // Вольный горец. – 1920. – 27 окт.
19. Речь генерала Халилова на съезде делегатов округов и участков Дагестанской области 25 июля 1919 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 440. – Оп. 1. – Ед. хр. 7.
20. Шариатизм горского движения // Вольный горец. – 1920. – 20 нояб.

REFERENCES

1. Anglichane i Mustafa-Kemal [The British and Mustafa-Kemal]. *Volnyy gorets*, 1920, July 5.
2. Beseda s predstavitelem Soveta Oborony Severnogo Kavkaza V. Dzhabagi [Conversation with Representative of the North Caucasus Defense Council V. Jabaghi]. *Volnyy gorets*, 1920, November 20.
3. Borba za Sovetskuyu vlast v Severnoy Osetii [Struggle for Soviet Power in North Ossetia]. Ordzhonikidze, IR Publ., 1972. 544 p.
4. Gioev M.I. Rol Kavkazskogo kraykoma RKP(b) v razgrome denikinshchiny na Severnom Kavkaze [Role of the Caucasian Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in the Defeat of Denikin in the North Caucasus]. *Grazhdanskaya voyna na Severnom Kavkaze* [Civil War in the North Caucasus]. Makhachkala, Izd-vo In-ta istorii, yaz. i lit. im. G. Tsadasy Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1982, pp. 28-33.
5. Gorskie kommunisty [Mountainous Communists]. *Volnyy gorets*, 1920, February 16.
6. Gruziya o kavkazskikh gortsakh [Georgia on the Caucasian Mountaineers]. *Volnyy gorets*, 1919, September 8.
7. Zhizn Vostoka [Life of the East]. *Volnyy gorets*, 1919, December 29.
8. Istorya Ingushetii [History of Ingushetia]. Rostov-na-Donu, Yuzhnnyy izdatelskiy dom, 2013. 601 p.
9. Ko vsem gortsam Severnogo Kavkaza [To Every Mountaineer of the North Caucasus]. *Volnyy gorets*, 1919, September 8.
10. «Kristallizatsiya» gorskogo osvoboditelnogo dvizheniya Razmyshleniya B. Baytugana ob istorii musulman Severnogo Kavkaza i Dagestana [“Crystallization” of the Highlanders Liberation Movement Reflections by B. Baitugan on the History of the Muslims of the North Caucasus and Dagestan]. *Voprosy istorii*, 2001, no. 5, pp. 3-30.
11. Lukomskiy V.S. Denikin i Antanta [Denikin and Entente]. *Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v opisaniyah belogvardeytsev* [Revolution and the Civil War in the Descriptions of the White Guards]. Moscow, Sotsekigiz, 1931, pp. 68-114.
12. Nakanune polnogo krakha [On the Eve of a Complete Collapse]. *Volnyy gorets*, 1920, January 15.
13. Oktyabrskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Severnoy Osetii [The October Revolution and the Civil War in North Ossetia]. Ordzhonikidze, IR Publ., 1973. 302 p.
14. Otvetstvennyy moment priblizhayetsya [Moment of Responsibility Is Approaching]. *Volnyy gorets*, 1920, March 15.
15. Panislamizm, panturkizm i zadachi demokratii [Pan-Islamism, Pan-Turkism and the Tasks of Democracy]. *Volnyy gorets*, 1920, March 1.
16. Plody samoizolyatsii [Fruits of Self-Isolation]. *Volnyy gorets*, 1919, December 29.
17. Pobeda Sovetov na Terekе – torzhestvo leninskogo internatsionalizma [Victory of the Soviets on the Terek Is the Triumph of Leninist Internationalism]. Ordzhonikidze, IR Publ., 1983. 208 p.
18. Protest soyuznogo Medzhlisa gortsev Severnogo Kavkaza po povodu vozzvaniya polkovnika Rolandsona [Protest of the Allied Mejlis of the North Caucasus Mountaineers on the Appeal of Colonel Rolandson]. *Volnyy gorets*, 1920, October 27.
19. Rech generala Khalilova na syezde delegatov okrugov i uchastkov Dagestanskoy oblasti 25 iyulya 1919 g. [General Khalilov’s Speech at the Congress of Delegates of Districts and Sections of the Dagestan Region on July 25, 1919]. *Gosudarstvennyy Arkhiv Rossийskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F. 440, Op. 1, Stor. un. 7.
20. Shariatizm gorskogo dvizheniya [Shariatism of the Mountaineers Movement]. *Volnyy gorets*, 1920, November 20.

Information About the Author

Timur H. Matiev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Acting Head of the Department of History, Ingush State University, Prosp. Zyazikova, 4, 386001 Magas, Russian Federation, tmt_77@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-185X>

Информация об авторе

Тимур Хусенович Матиев, кандидат исторических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, Ингушский государственный университет, просп. Зязикова, 4, 386001 г. Магас, Российская Федерация, tmt_77@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-185X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.10>

UDC 94(47).084

LBC 63.3(2)6

Submitted: 06.10.2019

Accepted: 28.10.2019

**“MYTHS MAKING”: WESTERN VIEW
OF SOVIET/RUSSIAN HISTORICAL MEMORY¹**

**(Book Review: Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia:
Remembering World War Two in Brezhnev’s Hero City [Text] / V. Davis. –
London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.)**

Aleksey D. Popov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Oleg V. Romanko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The publication is a review of the monograph of British researcher V. Davis, dedicated to the Soviet and Post-Soviet memory of the Great Patriotic War in the hero city of Novorossiysk. *Methods and materials.* Based on a significant set of published materials and oral interviews, the author characterizes discourse, memorials, and practices related to the genesis and subsequent development of the “myth about Malaya Zemlya”. From the methodological point of view, the peer-reviewed monograph is written from the position of the popular direction of memory studies in the West and is characterized by interdisciplinarity, increased attention to the analysis of memorial discourse, visual representations and social practices, while completely ignoring the complex of archival sources on the research topic. *Analysis and Results.* The main conclusion of the author is that through its association with L.I. Brezhnev’s biography during his reign, the “malozemelniy myth” became an important part of not only local but also national historical memory. Generally, the reviewed book is a valuable contribution to the study of the collective memory of the Great Patriotic War of the Soviet and Post-Soviet period, and the debatable nature of its individual provisions can serve as an incentive for the emergence of new studies. The main disadvantage of the book in terms of its scientific significance is the author’s desire to impose on the reader non-obvious political conclusions about the total mythology of the Soviet/Post-Soviet memory of the Great Patriotic War, as well as the permanent militarism of public consciousness in the USSR/Russia.

Key words: World War II, Great Patriotic War, collective memory, historical politics, historiography, hero city, Novorossiysk, USSR.

Citation. Popov A.D., Romanko O.V. “Myths Making”: Western View of Soviet/Russian Historical Memory (Book Review: Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev’s Hero City [Text] / V. Davis. – London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 120-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.10>

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 06.10.2019
Дата принятия статьи: 28.10.2019

«КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФОВ»: ЗАПАДНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКУЮ / РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ¹

(Рец. на кн.: Davis, V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City [Text]* / V. Davis. – London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.)

Алексей Дмитриевич Попов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Олег Валентинович Романько

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на монографию британской исследовательницы В. Дэвис, посвященную советской и постсоветской памяти о Великой Отечественной войне в городе-герое Новороссийске. Опираясь на значительный комплекс опубликованных материалов и устных интервью, автор монографии характеризует дискурсы, мемориалы и практики, связанные с генезисом и последующим развитием «мифа о Малой Земле». В методологическом отношении рецензируемая монография написана с позиций популярного на Западе направления «memory studies» и отличается междисциплинарностью, повышенным вниманием к анализу мемориального дискурса, визуальных презентаций и социальных практик при полном игнорировании комплекса архивных источников по теме исследования. Главный вывод автора заключается в том, что благодаря своей связи с биографией Л.И. Брежнева в период его правления «малоземельный миф» стал важной составляющей не только локальной, но и общенациональной исторической памяти. В целом рецензируемая книга представляет собой ценный вклад в изучение коллективной памяти о Великой Отечественной войне советского и постсоветского периодов, а дискуссионность отдельных ее положений может послужить стимулом для появления новых исследований. Основным недостатком книги с точки зрения ее научной значимости является стремление автора навязать читателю неочевидные политические выводы о тотальной мифологизации советской / постсоветской памяти о Великой Отечественной войне, а также о перманентном милитаризме общественного сознания в СССР / России. *Вклад авторов.* А.Д. Поповым было охарактеризовано содержание рецензируемой монографии с точки зрения использованных источников и методик исследования. О.В. Романько был сделан анализ ее соответствия общим концепциям западной историографии.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, коллективная память, историческая политика, историография, город-герой, Новороссийск, СССР.

Цитирование. Попов А. Д., Романько О. В. «Конструирование мифов»: западный взгляд на советскую / российскую историческую память (Рец. на кн.: Davis, V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City [Text]* / V. Davis. – London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 120–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.10>

Введение. Феномен формирования и развития коллективной памяти о событиях Великой Отечественной войны в СССР и современной России традиционно вызывает значительный интерес у зарубежных авторов. Одной из первых известных работ на эту тему стала изданная в первой половине 1990-х гг. книга американской исследовательницы Н. Тумаркин, в которой она пытается предста-

вить отечественную память о войне как специфическую форму гражданской (светской) религии [12]. Особенно пристальное внимание западных историков привлекает мемориальная культура таких городов-героев, как Волгоград / Сталинград [4], Ленинград [9] и Севастополь [11]. В последние годы появились западные исследования о мемориальной культуре городов-героев Новороссийска и Тулы [5–

8; 10]. Знакомство с этими публикациями, относящимися к популярному направлению «memory studies», позволяет выявить многие типичные черты, присущие зарубежным исследованиям советской / постсоветской исторической памяти.

Характерным примером такой публикации является изданная в 2018 г. монография британской исследовательницы Вики Дэвис (Vicky Davis) [6], которая в 2015 г. по этой же теме защитила диссертацию доктора философии в Университетском колледже Лондона [7], а также опубликовала ряд статей [5; 8]. Автор собирала материал для своей книги с 2010 по 2016 г., неоднократно посещая для этого Новороссийск, где некоторое время даже работала преподавателем английского языка в частной школе [6, р. 8].

Анализ. По определению В. Дэвис, главной целью ее работы является изучение динамической взаимосвязи локальной памяти жителей Новороссийска с общенациональным метанarrативом о Великой Отечественной войне в советский и постсоветский периоды [6, р. 13]. С этой целью подробно анализируются генезис и последующие трансформации того, что автор называет «мифом о Малой Земле». По мнению британской исследовательницы, этот «миф» возник в 1943 г. на базе пропагандистских сообщений советских военных корреспондентов с места событий и впоследствии, благодаря своей связи с биографией Л.И. Брежнева, приобретал все большую и большую известность, превратившись из локального в общенациональный [6, р. 35].

Особенностью книги является междисциплинарный характер исследования. В. Дэвис отмечает, что ее интересовали не только исторические, но и культурные, социологические, geopolитические аспекты [6, р. XII]. Как видно уже из структуры монографии, в ней доминируют методы, характерные для исторической антропологии и новой культурной истории: дискурсивный и визуальный анализ, а также анализ социальных практик. Первая часть книги посвящена описанию боев на Малой Земле в произведениях советских корреспондентов и мемуаристов. Вторая часть раскрывает персональную роль Л.И. Брежнева и значение приписываемых ему мемуаров в формировании «малоземель-

ного мифа». Третья часть характеризует динамику памяти о Великой Отечественной войне в Новороссийске через призму мемориальных сооружений и публичных церемоний, уделяя особое внимание патриотической акции «Бескозырка». Наконец, четвертая часть содержит описание авторского видения мемориальных процессов, происходящих в постсоветском Новороссийске, в том числе анализ роли локального сообщества, семьи и школы в гражданско-патриотическом воспитании юных жителей города.

Фокусирование исследовательского интереса именно на этих вопросах, как и тесная связь истории с современностью, является традиционным для memory studies и оказывает сильное влияние на подбор источников. Прежде всего это материалы советского и постсоветского публичного дискурса: репортажи военных корреспондентов, военные мемуары, а также публикации зарубежной и советской прессы (центральной и региональной). На основе анализа большого количества нарративных источников В. Дэвис приходит к выводу, что особо значимую роль в формировании «мифа о Малой Земле» сыграли тексты журналиста С.А. Борзенюка и публициста Г.В. Соколова, а также мемуары, авторство которых приписывалось Л.И. Брежневу.

Однако «размытие» институциональных рамок, а также стремление «актуализировать» книгу для современного западного читателя приводят автора к сомнительным выводам о якобы имеющей место прямой, генетической преемственности между брежневским и современным периодами как в вопросах исторической памяти, так и в более широких контекстах (см., например: [6, р. 5, 23, 260–261]). Буквально с первых страниц книги читатель программируется на то, что для советского и российского общества в равной степени присуща пропаганда милитаризма и «культ войны», базирующиеся на мифологизации военного прошлого и постоянных манипуляциях с историческими фактами [6, р. 5]. Но этот тезис выглядит неубедительно, поскольку сама В. Дэвис приводит целый ряд примеров очевидной мифологизации военной истории в Великобритании, Израиле, Франции (в частности, так называемые «Битву за Британию» и «Дюнкеркское чудо») [6, р. 21–22].

Оправдывая такую непоследовательность, автор несколько раз ссылается на то, что в отличие от стран Запада тексты военных мемуаров и исторической публицистики в СССР подвергались жесткой цензуре и должны были строго соответствовать официальной идеологической линии [6, р. 30–31, 34–35, 50]. Однако при этом она не приводит никаких конкретных, документально зафиксированных примеров такого «мемориального диктата», кроме общеизвестного сюжета с редактированием мемуаров Г.К. Жукова [6, р. 63–64].

По всей видимости, акцентирование внимания на политических моментах и постоянные отсылки к политическим процессам современности вызваны желанием В. Дэвис сделать свою книгу более интересной широкому кругу зарубежных читателей, не имеющих глубоких знаний по советской истории, но ежедневно подвергающихся воздействию антироссийской пропаганды в западных СМИ. Так, только конъюнктурностью можно объяснить присутствие в названии монографии явно вульгаризированного определения Новороссийска как «брежневского города-героя». В итоге призыв к разоблачению «конструирующих мифы» политических режимов оборачивается созданием новой мифологии, явно исказжающей и упрощающей реальное положение вещей. И здесь нельзя не вспомнить слова французского философа Р. Барта о том, что «функция мифа – удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетучивающейся реальностью» [1, с. 269–270]. Констатируя, что упрощение, фрагментарность и выборочность лежат в основе любого мифа, будь то семейное предание или военная история, начиная с эпохи Троянской войны [6, р. 14–16], В. Дэвис в своей книге сама идет именно по такому пути. Для нее свойственны избирательность примеров, а также явная переоценка той степени влияния, которую продолжавшаяся всего несколько лет и весьма критически воспринятая современниками «малоземельная кампания» по героизации военных страниц биографии Л.И. Брежнева (подробнее об этом см.: [2]) оказала на общенациональную и локальную культуру памяти.

Еще одной характерной чертой книги выступает стремление автора доказать эклек-

тичность и недостаточную документальную достоверность памяти о событиях Великой Отечественной войны в Новороссийске, для чего она использует современные концепции «пост-памяти» (post-memory) М. Хирш и «протезной памяти» (prosthetic memory) Э. Ландсберг. В частности, В. Дэвис уделяет очень большое внимание медийным презентациям и межпоколенным воспоминаниям о состоявшемся осенью 1974 г. официальном визите Л.И. Брежнева в Новороссийск. Автор пытается показать, что это посещение до сих пор является важной частью коллективной памяти новороссийцев разных поколений и воспринимается как чрезвычайно значимое и яркое событие, окончательно сформировавшее «культ Брежнева» в этом городе [6, р. 89–107].

Особое внимание В. Дэвис уделяет устной истории, что в целом характерно для западных исследований, посвященных событиям Новейшего времени. Во время работы в России ей удалось провести 124 интервью с новороссийцами, принадлежащими к разным поколениям и социальным группам, а также 35 интервью с жителями других городов. Автор подробно описывает условия проведения интервью [6, р. 7–12] и составляет таблицы по категориям информантов [6, р. 269–271]. Однако использование этих многочисленных материалов занимает довольно скромное место в справочном аппарате монографии и иллюстрируют преимущественно некие субъективные установки и оценочные взгляды информантов с точки зрения их современного восприятия. Неудивительно, что полученные данные в основном повторяют положения официального публичного дискурса и, как признает сама В. Дэвис, во многом опираются не на личный опыт, а на известные презентации прошлого в книгах, кинематографе и телепередачах.

Пытаясь рассматривать «малоземельный миф» в общем контексте развития советской исторической памяти и сопоставляя его, например, с «мифом о блокаде Ленинграда», автор опирается преимущественно на труды западных авторов (особенно Л. Киршенбаум и Н. Тумаркин) и придерживается весьма упрощенных схем. В итоге в тексте появляются достаточно странные пассажи, например о том, что после 1945 г. «Сталин запретил пере-

сказывать военные истории» [6, p. 50]. Стремление демонизировать образы советских и постсоветских лидеров, а также абсолютизировать их влияние на содержание исторической памяти «красной нитью» проходит через весь текст рецензируемой книги. При этом из современных русскоязычных научных работ ею очень выборочно используется только монография Т.И. Юриной «Новороссийское противостояние 1942–1943 гг.» [3], посвященная преимущественно военной истории, а не истории памяти.

Очевидным успехом книги В. Дэвис является анализ того, как героический дискурс о Малой Земле, несколько десятилетий распространявшийся в основном на локальном уровне, в 1970-х – начале 1980-х гг. на некоторое время стал заметной частью общесоюзной политики памяти. В то же время, подробно описывая историю формирования «малоземельного нарратива», появление связанных с ним ритуалов и памятников, автор совершенно не использует архивные документы, которые могли бы пролить свет на механизмы принятия решений и возможные скрытые конфликты в сфере реализации советской мемориальной политики.

Результаты. В целом, если абстрагироваться от политически ангажированных фрагментов, рецензируемая книга является ценным вкладом в изучение коллективной памяти о Великой Отечественной войне советского и постсоветского периодов, а дискуссионность отдельных ее положений может послужить стимулом для появления новых исследований. Для дальнейшего изучения данного вопроса представляется перспективным введение в научный оборот новых источников (прежде всего документов центральных и местных архивов), а также проведение компаративного анализа коллективной памяти о событиях 1941–1945 гг. в различных городах-героях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.».

The reported study was funded by RFBR in the framework of project no. 18-09-00576 “The Memory of the Great Patriotic War in Hero Cities of the South of Russia (Volgograd – Sevastopol – Kerch – Novorossiysk), 1945–1991”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
2. Попов, А. Д. Полковнику никто не верит? Героизация военных страниц биографии Л.И. Брежнева как камертон исторической памяти / А. Д. Попов // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 3 (157). – С. 169–183.
3. Юрина, Т. И. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. / Т. И. Юрина. – Краснодар : Книга, 2008. – 363 с.
4. Arnold, S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat / S. Arnold. – Bochum : Projekt Verlag, 1998. – 428 S.
5. Davis, V. Memory for Sale: Local and National Interpretations of Brezhnev's Malaia zemlia / V. Davis // Twentieth Century Wars in European Memory / ed. by J. Niznik. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013. – P. 135–150.
6. Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City / V. Davis. – London : I.B. Taurus, 2018. – 351 p.
7. Davis, V. The Myth of Malaia Zemlia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero-City, 1943–2013 : Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy / V. Davis. – London, 2015. – 362 p.
8. Davis, V. Time and Tide. The Remembrance Ritual of “Beskozyrka” in Novorossiisk / V. Davis // Cahiers du Monde russe. – 2013. – Vol. 54, № 1–2. – P. 103–129.
9. Kirschenbaum, L. A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories and Monuments / L. A. Kirschenbaum. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 326 p.
10. Mijnssen, I. Memorial Landscapes in the Postwar Generation. The Soviet Hero-Cities of Tula and Novorossiisk in the Brezhnev Era : Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy / I. Mijnssen. – Basel, 2015. – 344 p.
11. Qualls, K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II / K. Qualls. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2009. – 188 p.
12. Tumarkin, N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia / N. Tumarkin. – N. Y. : Basic Books, 1994. – 242 p.

REFERENCES

1. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovych, 1996. 312 p.
2. Popov A.D. Polkovniku nikto ne verit? Geroizatsiya voennyykh stranits biografii L.I. Brezhneva kak kamerton istoricheskoy pamяти [No One Believes the Colonel? Glorification of Military Pages of the Biography of L.I. Brezhnev as Tuning Fork of Historical Memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 2019, no. 3 (157), pp. 169-183.
3. Yurina T.I. *Novorossiyskoe protivostoyanie 1942–1943 gg.* [Novorossiysk Confrontation of 1942–1943]. Krasnodar, Kniga Publ., 2008. 363 p.
4. Arnold S. *Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat*. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 s.
5. Davis V. Memory for Sale: Local and National Interpretations of Brezhnev's Malaia Zemlia. Niznik J., ed. *Twentieth Century Wars in European Memory*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2013, pp. 135-150.
6. Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two* in Brezhnev's *Hero City*. London, I.B. Taurus, 2018. 351 p.
7. Davis V. *The Myth of Malaia Zemlia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero-City, 1943–2013. Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy*. London, 2015. 362 p.
8. Davis V. Time and Tide. The Remembrance Ritual of "Beskozyrka" in Novorossiisk. *Cahiers du Monde russe*, 2013, vol. 54, no. 1-2, pp. 103-129.
9. Kirschenbaum L.A. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories and Monuments*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 326 p.
10. Mijnssen I. *Memorial Landscapes in the Postwar Generation. The Soviet Hero-Cities of Tula and Novorossiisk in the Brezhnev Era. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy*. Basel, 2015. 344 p.
11. Qualls K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol After World War II*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2009. 188 p.
12. Tumarkin N. *The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, Basic Books, 1994. 242 p.

Information About the Authors

Aleksey D. Popov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 20, 295007 Simferopol, Russian Federation, popalex79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Oleg V. Romanko, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Russia, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 20, 295007 Simferopol, Russian Federation, romanko1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9898-8560>

Информация об авторах

Алексей Дмитриевич Попов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 20, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, popalex79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5672-1198>

Олег Валентинович Романько, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 20, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, romanko1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9898-8560>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.11>

UDC 94:355.559

LBC 63.012

Submitted: 13.11.2018

Accepted: 28.01.2019

WARGAMING AS A FORM OF HISTORICAL SIMULATION

Artem I. Kharinin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Larisa V. Kharinina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Wargames are an ancient invention of humankind. A new type of wargames was made in the 19th century. Further it went through the evolution from a military application to historical simulation that can be used as a mathematical model in researching some issues of historical science. *Methods.* The authors base the research on the tradition of “cliometry” and “quantitative history”, which apply the following methods: variative analysis, method of average, and statistical analysis. *Analysis.* The paper presents the description of the main stages of wargames’ evolution and their influence on military arts and historical science. The authors consider the most important transformations: from entertaining board games to practical military guides and further to applied historical studies. The article describes the principals of creating such games and the influence of science subject area on their rules. The paper shows the boundaries of application of this method. The authors highlight advantages and disadvantages of game simulation and its practical potential as an auxiliary historical discipline. The paper also provides short analyses of the main monographs. The authors give examples of wargames that have played an important role in the development of game simulation, describe the main contemporary types of wargames, and give the criteria of historical accuracy and analytical potential. *Results.* Modern wargames allow us to make any military historical research more impersonal and measured. The researcher can adjust the rules more flexibly and determine the science subject borders. American researchers outlined the main principles of self-creating wargames for testing some hypothesis suggested by historians.

Key words: wargame, historical simulation, unit, zone of control, game scale.

Citation. Kharinin A.I., Kharinina L.V. Wargaming as a Form of Historical Simulation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 126-140. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.11>

УДК 94:355.559

ББК 63.012

Дата поступления статьи: 13.11.2018

Дата принятия статьи: 28.01.2019

НАСТОЛЬНАЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИГРА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Артем Игоревич Харинин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Лариса Васильевна Харинина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

ный анализ событий, метод средних величин и статистический анализ. *Анализ.* В данной статье излагаются основные этапы становления настольных военно-исторических игр и показано их влияние на военное искусство и историческую науку. Рассмотрены наиболее важные трансформации – от настольных развлекательных игр к практическим штабным пособиям и далее к прикладным историческим исследованиям. Описаны принципы создания подобных игр и влияние предметной области исследования на их правила. Указаны границы применения данного метода реконструкции. Подчеркиваются преимущества и недостатки игровой реконструкции, а также ее практический потенциал в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Даётся краткий анализ основных монографий по данной проблематике. Приведены примеры военных игр, имевших важное значение в развитии метода игровой исторической реконструкции. Описаны основные современные типы настольных военных игр. Даны критерии оценки их исторической достоверности и аналитического потенциала. *Результаты.* Современные настольные военные игры позволяют сделать любое военно-историческое исследование более взвешенным и объективным, гибко настроить их правила под обозначенные границы предметной области исследования. Американскими исследователями изложены принципы и механизмы их создания, позволяющие самостоятельно изготовить игровую модель для тестирования определенных гипотез, выдвигаемых историком.

Ключевые слова: настольная военная игра, историческая реконструкция, соединение, зона контроля, игровой масштаб.

Цитирование. Харинин А. И., Харинина Л. В. Настольная военно-историческая игра как форма исторической реконструкции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 126–140. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.11>

Введение. Еще в глубокой древности человечеству было известно игровое моделирование событий. К его наиболее очевидным вариантам можно отнести ритуальное поражение копьями изображений животных, осуществляемое мужчинами перед охотой, разнообразные фигурки животных и людей, которые часто встречаются среди предметов детского быта и т. д. Однако в большинстве случаев такое моделирование строилось на интуитивном понимании участниками логики реконструируемых процессов. Отсутствие объективно установленных правил и соревновательного аспекта лишало игры аналитической составляющей, оставляя их в контексте детских забав или ритуальных действий.

Методы и материалы. Современная историческая наука сделала широкий шаг в сторону более глубокого и детального понимания событий прошлого. Одним из важнейших аспектов этого понимания являются попытки реконструкции исторических событий. По существу, каждый историк при изучении той или иной исторической проблемы формирует образ прошлого в своем сознании. Это, к сожалению, приводит к возрастанию субъективности и снижает научную ценность выводов. Для решения этой проблемы историческая наука прибегает к методу реконструкции объектов материальной культуры, пытаясь

таким образом частично поставить себе на службу нехарактерный для нее способ эмпирической верификации. В зарубежной исторической науке в последнее время предпринимаются попытки реконструировать не только материальные объекты, но и социальное взаимодействие с помощью математического игрового моделирования.

При написании данной статьи авторы опирались на традицию «клиометрии», или «квантитативной истории», использующей количественные методы при анализе исторических событий. К числу наиболее часто применяемых методов можно отнести: вариативный анализ событий, метод средних величин и статистический анализ.

Обсуждения. В настоящее время историческая реконструкция рассматривается не только как сочетание «классической реконструкции» объектов материальной культуры и артефактов прошлого, но и как воссоздание духовной культуры, социальных отношений, мотивации и поступков исторических персонажей [2, с. 43, 375; 3, с. 239, 243]. Однако настольная военно-историческая реконструкция как метод исторического исследования сформировалась недавно. Это определило крайнюю скучность историографии по данной теме. Среди российских исследователей можно отметить только диссертацию К.В. Ябло-

кова «Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг. Проблема интерпретации исторической информации» [5], которая имеет весьма опосредованное отношение к тематике данной статьи. Зарубежная историография проблемы представлена значительно шире. В качестве основоположника данного метода следует назвать Дж. Даннигана – автора монографий «The Complete Wargames Handbook» [11] и «How to Make War» [10]. Позднейшая историография связана с именами Т.Б. Аллена [7], К.Г. Левина [14], С.Д. Харринга [12] и П. Хилгерса [13], внесших значительный вклад в систематизацию практического опыта применения данного метода в прикладных исследованиях американских историков и военных специалистов. В настоящее время идет активный процесс формирования проблемного поля исследований и основных научных школ настольной военно-исторической реконструкции. Так, уже сейчас среди указанных выше авторов мы можем выделить британскую школу, в которой преобладает лично-ориентированное моделирование военных конфликтов, и американскую, стремящуюся к более глубокому применению количественных методов анализа.

Анализ. К настольным играм, обладающим достаточно сложными правилами и описывающим реальные процессы, можно отнести древнеегипетскую манкалу и древнеиндийскую чатурангу. Первая из них была посвящена земледельческим циклам и требовала от игрока понимания оптимального баланса между потребляемой частью урожая и запасами, сохраняемыми в качестве семенного фонда. Однако уже в древности осознавали, что победа может быть одержана благодаря только одним расчетам. Это превращало бы игру в обычную математическую задачу, поэтому в процесс был добавлен фактор случайности в виде жребия, определяющего урожайность тех или иных точек поля. С течением времени манкала превратилась в прототип известных нам нард, а в своих наиболее ранних вариантах сохранилась у современных народов Африки [9, р. 23].

Чатуранга была более сложной игрой, имевшей отношение к настольной реконструкции боевых действий в раннесредневековой Индии. Наиболее точное описание ее правил

оставил знаменитый арабский путешественник Аль-Бируни, познакомившийся с чатурангой в Пенджабе [1, с. 27–30]. В данной игре присутствовало разделение войск по родам: собственно правитель со свитой, гвардия, слоны, кавалерия, колесницы и пехота. Использовался фактор случайности, определявший командные возможности сторон, а именно – какой фигурой может ходить игрок. Однако при этом различие между фигурами состояло только в дальности и направлении доступного движения. По своим боевым возможностям все рода войск в игре были равны и гарантированно уничтожали любого противника, если могли в свой ход попасть на занятую им клетку. Действия осуществлялись игроками по очереди, и за каждый ход можно было передвинуть только одну фигуру. Таким образом, игра оставалась крайне абстрактной, плохо отражая реальные тактические особенности современных ей армий. Впоследствии развитие чатуранги и устранение из игры фактора случайности привело к появлению среднеазиатского шатранга, а позднее и современных нам шахмат.

В древности и Средневековье было изобретено множество других настольных игр, но все они жертвовали реконструктивной составляющей ради игрового азарта и интереса. По этой причине дальнейшее развитие метода игрового моделирования оказалось связанным не с эволюцией настольных игр, а с усложнением аналитической работы военных штабов Нового времени.

Штабные и командные структуры древних и средневековых армий знали использование карт как модели местности, позволявшей спланировать перемещение войск и грузов. Однако результаты боевых столкновений оставались неизвестной переменной, которую невозможно было заранее предсказать, поэтому для обозначения движений войск на карте ставили разнообразные фигурки или маркеры, не содержащие никакой практической информации, кроме указания на конкретные воинские соединения. Командующие могли относительно адекватно реконструировать только маршевые возможности войск, но исход самого боевого столкновения оставался сложно предсказуемым. По этой причине прогностический потенциал штабного моделирования

был достаточно слабым, и основную роль в принятии управленческих решений играла интуиция и личный опыт главнокомандующего.

Революционной попыткой предсказать результат боевого столкновения на основе детализации статистических данных стала колossalная работа, проделанная майором прусского Генерального штаба Георгом фон Рейсицем, которую он воплотил в 1812 г. в первой аналитической военной игре «Kriegspiel». С его игрой познакомились принцы Фридрих и Вильгельм, которым она очень понравилась, и вскоре эта забава превратилась в настоящее хобби практически всей военной элиты Пруссии. К 1824 г. «Kriegspiel» был существенно переработан сыном майора и приспособлен к массовому использованию в качестве прикладного пособия Генерального штаба по планированию операций [13, р. 57].

Представляет интерес состав игры и принцип действия «Kriegspiel». Для моделирования района боевых действий первоначально использовались сделанные из гипса квадратные элементы местности, позднее замененные на реальные топографические карты. Соединения обозначались прямоугольными брусками с характерными обозначениями конкретного рода войск на них (рис. 1). Для измерения расстояний применялись циркули, линейки и транспортиры. На каждое военное соединение составлялся особый документ, в котором указывался его численный состав, вооруженность и ряд важнейших параметров, таких как наличие продовольствия и боеприпасов, а также степень усталости личного состава. Для управления войсками имитировалась реальная иерархическая командная структура, включавшая главнокомандующего, его заместителей, ведавших различными вопросами, и командиров полевых подразделений. Противоборствующие стороны размещались в разных помещениях. Данные о передвижениях и примерном составе сил противника передавали специальные посредники, перемещавшиеся между комнатами. Такой метод позволял достаточно адекватно моделировать «туман войны» – известный эффект, сопровождающий все военные операции и заключающийся в отсутствии полноты информации о противнике. Кроме того, правило, запрещавшее устное общение между команда-

ющим и его штабом с одной стороны и командирами соединений с другой, имитировало так называемое «трение Клаузевица», то есть меру недопонимания, неизбежно существующую между различными командными инстанциями и нарастающего по мере развития любой военной операции.

Самой важной особенностью «Kriegspiel» было то, что правила игры позволяли моделировать не только управление и передвижение соединений, но и сам бой. Для этого Рейсиц отказался от услуг посредника, чей опыт и интуиция всегда несли на себе отпечаток индивидуальности и субъективности оценок. Еще во второй половине XVIII в. прусский Генштаб занимался скрупулезным сбором статистических данных обо всех известных и документально подтвержденных результатах боевых столкновений. Это позволило выявить определенные вероятности эффективности применения конкретного вида вооружения, тактических построений и влияния на них самых различных условий – от местности до степени усталости и морального состояния войск. Использование в игре данных статистики стало революционным прорывом в моделировании. Причем гениальность Георга фон Рейсица заключалась в том, что он учел и фактор случайности. Для его имитации он использовал гауссово распределение, получавшееся при добавлении к статистическим данным, определявшим потенциальные потери противника и исход боя, результат бросков нескольких шестигранных кубиков [19, р. 53–54].

Таким образом впервые удалось осуществить синтез статического и динамического моделирования, увязав их в единый игровой континуум, имевший очень высокую степень корреляции с реальностью.

Вскоре данная модель прошла суровую проверку на практике. Еще в 1828 г. с «Kriegspiel» познакомился Гельмут Мольтке. В 1858 г. на основании опыта, полученного за игровым столом, им была создана концепция «Auftragstaktik», суть которой состояла в управлении посредством формулирования подчиненному содержания и ожидаемого позитивного результата от решения задачи. Выбор методов и способов ее решения оставался на усмотрение последнего [15, р. 33–34]. Массовое использование метода настольного игро-

вого моделирования позволило Пруссии подготовить значительное количество офицеров, привыкших к проектному, креативному типу управления. Это стало одним из факторов победоносного окончания войн с Данией, Австрией и Францией. Особенно примечательной в этом отношении стала Франко-прусская война 1870–1871 гг., в которой в первых же приграничных сражениях обнаружилось превосходство прусского офицерского корпуса над французским, хотя первый обладал существенно меньшим практическим опытом ведения боевых действий.

Успех, который пришел к «Kriegspiel», выразился в его массовом копировании всеми передовыми государствами Европы. Вскоре появились национальные варианты правил, а несколько позднее и аналогичные военно-морские игры. Так, например, в Российской империи «Kriegspiel» был издан с определенными доработками, привнесенными офицерами Генерального штаба [4, с. 7–8, 11–12]. Данная игровая модель стала повсеместно использоваться профессиональными военными как наиболее простой и дешевый способ осуществить максимально адекватное планирование или провести командно-штабные учения [21, р. 43–45]. Однако поскольку «Kriegspiel» стал прикладным пособием для профессиональных военных, то его дальнейшее развитие оказалось скованным силой уставов и традиций.

Следующий этап развития настольных военных игр как метода реконструкции оказался связан с их профанизацией и превращением в хобби для гражданских лиц.

Первую попытку адаптировать сложные правила «Kriegspiel» для широкой аудитории предпринял известный писатель Герберт Уэллс. В 1913 г. он издал свою книгу «Little Wars and Floor Games», которая представляла свод правил, позволявших воспроизвести современные той эпохи боевые действия с помощью миниатюр и изготовленной из подручных материалов местности [22, р. 69–71]. Разумеется, с точки зрения степени корреляции предложенной им модели с реальностью произошел существенный откат. Так, характеристики войск были максимально упрощены, фактор случайности играл решающую роль в определении результатов боя, отсутствовали

пространственный и численный масштабы и т. д. В то же время «Little Wars and Floor Games» оказались чрезвычайно популярны у самых широких слоев населения. Это привело к появлению интереса к военным играм у писателей, предпринимателей и ученых, что послужило основанием к формированию вокруг них специфической интеллектуальной элиты, заинтересованной в их адаптации к нуждам сферы досуга, бизнеса и науки.

В 1952 г. американский отставной военный и историк Чарльз Робертс издал игру «Tactics», которая стала настоящим прорывом в сфере любительских настольных военных игр [14, р. 157]. Наиболее важным революционным изобретением, лежавшим в основе его модели, был принцип использования интегрированных данных. Прежде и «Kriegspiel», и «Little Wars and Floor Games» использовали реальные пространственный и численный масштабы, то есть все измерения в игре осуществлялись очень трудоемким образом. Так, например, для перемещения пехотного батальона на карте требовалось последовательно выполнить следующие процедуры: 1) обозначить потенциальный маршрут; 2) измерить заявленное расстояние на карте, разделяя на отрезки в зависимости от типа местности; 3) пересчитать длину полученных на карте отрезков в реальные величины; 4) свериться с табличными данными скоростей движения войск в зависимости от типа местности и указать максимально возможную дистанцию маршрута в соответствии с длительностью игрового хода, то есть, скажем, тот же пехотный батальон в рамках модели, где один ход равен одному часу, мог пройти 6 км по дороге, 4 км по открытой местности и 2 км по пересеченной. Таким образом, реальная дистанция его движения могла состоять, допустим, из 2 км дороги, 1,3 км поля и 660 м леса. Ч. Робертс предложил оригинальную и значительно более эффективную модель. Карта местности изначально была разделена на сектора, для каждого из которых определялся господствующий тип местности. Воинские соединения обладали интегрированным показателем подвижности, так называемыми очками действия, а местность – «стоимостью» пересечения одного сектора. Следовательно, расчет марш, времени, затрачиваемого на подготов-

ку обороны, развертывание тяжелого оружия на позиции и т. п. значительно упрощались, что позволяло резко увеличить масштаб реконструируемых операций без увеличения количества игроков. Существенным допущением для измерения пространства оставались сами сектора, имевшие вид традиционной для военных карт того времени координатной сетки, то есть единицы пространства имели вид квадратов, что определяло «проблему диагонали» или неравномерной эффективности векторов движения. Однако вскоре появилась логическая игра «Гекс», одним из изобретателей которой был знаменитый математик Джон Нэш, где квадратная сетка была заменена на гексагональную, более адекватно описывающую распределение направлений движения [16, р. 34–36].

Аналогичные изменения коснулись и боевых качеств войск. Если ранее каждый параметр учитывался отдельно и требовал собственных статистических данных и вероятностных отклонений, то теперь была введена интегрированная характеристика – «боевая мощь», выражавшаяся только одним числом. Этот параметр сразу являлся производной численности, вооруженности, качества боевой подготовки и моральной устойчивости. Разумеется, для оперирования таким упрощенным значением требовались более сложные статистические данные. Однако и здесь Ч. Робертсу удалось осуществить революционную инновацию. Вместо старых таблиц, в которых указывалась зависимость потерь от силы огневого воздействия противника, была введена единая таблица боя, которая одновременно определяла и потери сторон, и победителя каждого конкретного боевого эпизода (табл. 1). Такая таблица первоначально использовала линейное распределение вероятностей, но уже со второго издания игры изменила его на гауссово. Комичным аспектом, нашедшим отражение в воспоминаниях Ч. Робертса, было то, что придуманная им таблица боя уже существовала в виде сверхсекретного проекта, разрабатывавшегося в Академии Вест-Пойнт для модернизации «Kriegspiel». Автора даже пытались привлечь к уголовной ответственности за разглашение военной тайны, но ему удалось доказать оригинальность своей концепции и выиграть дело в суде [12, р. 6].

Предельная простота данной модели позволила минимально возможному количеству человек разыграть достаточно крупные военные операции. Это предопределило невероятный коммерческий успех игры и позволило Ч. Робертсу основать собственную компанию по производству военных игр «Avalon Hill».

В 1958 г. Ч. Робертс выпустил первую игру, описывающую реальную военную операцию. Ею стал «Геттисберг», посвященный одноименному ключевому сражению 1863 г. в рамках Гражданской войны в США (рис. 2). В процессе разработки игры автору впервые пришлось иметь дело не с абстрактной военной симуляцией, а с конкретным событием прошлого во всей его уникальности. Для его корректного отображения требовалось учесть множество факторов: индивидуальные характеристики каждого военного соединения, время его появления на поле боя, цели, которые ставили перед собой командующие и т. п. Автору пришлось провести полноценное историческое исследование, в котором рассматривались наиболее важные для моделирования аспекты сражения [7, р. 15–18]. Таким образом, было положено начало настольному игровому реконструированию как методу исторического исследования.

Важную роль в разработке метода игрового моделирования сыграл Джим Даннинган. На биографии этого человека следует остановиться подробнее, так как она является достаточно показательной для понимания роли и места историка и его исследований в американской науке. Первоначально он планировал сделать карьеру военного, но в 1967 г. в возрасте 24 лет, будучи специалистом по ракетному вооружению, познакомился с игрой «Ютланд», выпущенной фирмой «Avalon Hill» и посвященной одноименному морскому сражению 1916 года. Идея игровой реконструкции прошлого настолько увлекла молодого человека, что он решил полностью изменить свои жизненные планы и поступил в Университет Пейса, а затем в Колумбийский университет на факультет истории. В 1970 г. он досрочно получил степень бакалавра и выпустил игру «Panzer Blitz» (тактический симулятор боев в звездного уровня периода Второй мировой войны), которая была распродана тиражом 300 тыс. экземпляров [18]. С этого момента

он активно ведет коммерческую деятельность и основывает собственную компанию «Simulations Publications, Inc.». Параллельно с этим он пишет множество научных статей и монографий на тему настольной военно-исторической реконструкции. Показательно, что получив признание как историк, он остается высококвалифицированным военным специалистом, что позволяет ему анализировать военные конфликты прошлого максимально комплексно и глубоко.

Основные положения метода игровой реконструкции как способа исследования конфликтов прошлого он изложил в своих монографиях «The Complete Wargames Handbook» [11, р. 41–43] и «How to Make War» [10, р. 53–56].

Согласно концепции автора, целью игровой реконструкции является изучение истории не только в рамках всем известной последовательности событий, но и в контексте пространства вариантов, которые оказывали влияние на ее ход, но не получили реализации. Такой подход позволяет глубже понять мотивацию исторических личностей, а также причины многочисленных выборов, которые были ими осуществлены. Из этого следует важный методологический вывод, что сам по себе исторический процесс перестает быть детерминированной последовательностью фактов, а представляет скорее в качестве своеобразной шахматной партии, которая, конечно, уже сыграна и результат которой не может быть изменен. Однако для понимания сыгранной партии бессмысленно просто заучивать ходы, сделанные игроками. Гораздо важнее разобрать варианты, анализом которых они занимались.

Разумеется, данный метод будет эффективно работать там, где мы имеем значительное количество источников, подробно освещавших период. По этой причине настольная военная реконструкция является научным способом познания применительно к хорошо документированным конфликтам. В случае с войнами древности или Средневековья мы, скорее всего, будем иметь дело либо с симуляцией общей логики войны, либо с воспроизведением каких-то конкретных технических аспектов тактики или вооружений, способных пройти физическую проверку в рамках классической исторической реконструкции объектов материальной культуры.

Обозначив базовую цель исследования, Дж. Данниган указывает на то, что исследовательские задачи определяются предметным полем. Применительно к изучению военных конфликтов это означает, что границы игровой модели будут зависеть от того, какие аспекты конфликта мы хотим изучить. Здесь играют роль следующие показатели: 1) масштаб (тактический, оперативный, стратегический); 2) временная продолжительность (конфликт или сражение целиком или какой-либо ключевой эпизод); 3) роль субъективного фактора (наличие или отсутствие персонализированных характеристик у управляемых структур в игре). Чем точнее соблюдаются границы моделирования, тем корректнее будет реконструкция и тем более адекватную информацию о предмете и в конечном счете об объекте исследования мы получим. По этой причине при создании реконструктивной модели от автора требуется четкая логическая связь выбранных масштабов пространства, времени и вооруженных сил.

После того как исследовательские задачи поставлены, необходимо переходить к объективным данным, характеризующим принцип работы реконструктивной модели.

Первым и самым важным измерением игры является пространство. В настоящее время существует несколько вариантов его моделирования: 1) карта с местностью, отображаемой макетами местности; 2) карта с гексагональной сеткой; 3) карта, разделенная на области; 4) карта с выделенными ключевыми населенными пунктами и коммуникациями, соединяющими их. Все эти способы имеют достаточно широкие границы применимости, но наиболее эффективно их использование по следующему алгоритму. Макетируемая местность адекватна масштабу стычки или более крупного сражения ранних периодов истории вплоть до господства линейной тактики. Гексагональная карта выступает наиболее универсальным способом структурирования пространства и хорошо работает практически во всех случаях, за некоторыми исключениями, в которых важно показать линейность боевых порядков или в которых масштаб боевого столкновения настолько мал, что определение господствующего типа местности для гексагона является недопустимым обобщением. Разделение карты

на области или наложение на нее коммуникационной сетки с выделением узлов адекватно применяется для моделирования стратегического уровня или в случаях, когда мы испытываем недостаток адекватных данных о характере местности на театре военных действий.

В тесной связке с пространственным масштабом находится игровое время. На сегодняшний день военно-историческая реконструкция знает не только классическую схему «я хожу, ты ходишь», известную еще со времен настольных игр древности. Существует одновременный ход, действия в котором заранее записаны игроками. Ход может дробиться на фазы, в рамках которых действует только одна сторона или обе сразу. Есть также нелинейная последовательность действий, отображающая разницу в инициативе участников конфликта, когда одна сторона может последовательно осуществлять несколько действий, в то время как ее противник находится в пассивном ожидании. Выбор конкретного варианта зависит от того, какие факторы исследователю и разработчику представляются важными и принципиальными для моделирования. Однако и здесь существуют определенные принципы, заключающиеся в стремлении привязать игровую продолжительность хода к конкретной физической величине (минута, час, день, неделя и т. д.), а также в том, чтобы неизбежные паузы в ожидании игроком своего хода коррелировали с инерцией осуществления командных решений в реальном конфликте.

Определив пространственно-временной континуум игровой модели, необходимо адекватно отобразить вооруженные силы сторон конфликта. При решении этого вопроса исследователь сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего необходимо корректно определить масштаб соединений. Их численность и уровень структурной организации должны адекватно коррелировать с пространственно-временным континуумом. Приведем пример. Допустим, мы стремимся моделировать боевые действия периода Второй мировой войны на мелкотактическом уровне. В таком случае в качестве структурной единицы пространства нами выбран гексагон с расстоянием, между противоположными сторонами равным 50 реальным метрам, а один игровой ход равен 5 ми-

нутам. Очевидно, что корректный выбор организационного масштаба военного соединения будет связан с отделениями и отдельными единицами тяжелого оружия. Это прямо вытекает как из уставных плотностей войск, так и из известной нам по документам практики их боевого применения. Использование более крупных подразделений, например рот, создаст проблему появления пробелов, не заполненных войсками при формировании диспозиции, хотя чисто физически 100–200 человек вполне могут разместиться на площади в 2 500 м².

При определении масштабов воинских соединений необходимо гибко подходить к официально заявленной в документах эпохи структурной номенклатуре. Так, например, в годы той же Второй мировой войны дивизии разных стран имели достаточно сильно различавшийся численный масштаб и вооруженность. Создание игровых фишек исключительно дивизионного уровня для моделирования какой-либо операции может оказаться некорректным. По этой причине необходимо руководствоваться минимально возможной плотностью войск применительно к боевым порядкам эпохи. Для отражения возможностей по концентрации значительных сил на узком направлении используется принцип «лимита стекования», то есть максимального количества сил, способных находиться в одной структурной единице пространства.

Более сложным вопросом при моделировании воинских частей выступает проблема установления статистического эквивалента их боевых возможностей. Существует несколько способов решения этой задачи.

Первым и наиболее распространенным является поиск интегрированного значения, зависящего, прежде всего, от численности, вооруженности и качества подготовки соединения. В монографии «The Complete Wargames Handbook» Дж. Данниган приводит пример собственной методики. Она строится по следующему алгоритму. На первом этапе, как говорит автор, необходимо найти «боевой квант». Под этим он подразумевает самое малочисленное, слабовооруженное и неподготовленное подразделение в реконструируемом конфликте, которое находится на один уровень ниже выбранного нами масштаба подразделений. Поясним эту мысль. Допустим, нам необходимо воспроиз-

вести Бородинскую битву. При этом решено, что оптимальным масштабом соединений, в соответствии с нашими исследовательскими задачами, будут пехотные дивизии. Следовательно, требуется найти среди них самую слабую. Мы принимаем эту часть за 100 %. После этого сравниваем с ней все прочие соединения и определяем, на сколько процентов они будут эффективнее. При этом мы интегрируем в единое целое их численность, вооруженность и подготовку на основании эмпирических данных, имеющихся в исторических источниках. В итоге получаем числа превышающие 100 %, например 120 %, 146 % и т. д. Финальной процедурой является пропорциональное уменьшение числа до минимально возможного целого значения [11, р. 17–18]. Если речь идет о конфликтах Новейшего времени и современности, используются интегрированные таблицы мощи, позволяющие быстро и эффективно определять боевую мощь подразделения. Классическим примером подобного является «*Infantry Fire Table*» (табл. 2), используемая в очень популярном тактическом симуляторе «*Advanced Squad Leader*» [6].

Вторым вариантом определения характеристик боевых частей является выделение нескольких ключевых параметров и раздельная оценка каждого из них по определенной шкале эффективности. Последняя зависит от максимально возможной эффективности конкретного свойства в рамках реконструируемого исторического периода. Поясним. Допустим, нашей задачей является построение модели эффективности противотанковых средств с помощью гауссова распределения, формируемого броском двух шестигранных кубиков. В зависимости от временного периода мы получаем несколько моделей, отличающихся минимальным шагом изменения характеристик. Так, если речь идет о периоде Второй мировой войны, то в рамках 11 различных значений, получающихся от суммы бросков двух шестигранников, у нас помещается разлет характеристик бронирования от 10–15 мм до 200–240 мм. А если мы используем тот же статистический инструментарий, но применительно к современным конфликтам, то в те же 11 значений необходимо поместить более широкий диапазон значений – от 15–30 мм до примерно 1 000 мм (с учетом современной композитной и многоуровневой

броневой защиты). Сочетать в рамках одной игры две столь различные модели некорректно. Таким образом, базовым постулатом второго принципа формирования характеристик боевых частей является сравнение их не друг с другом, а с неким идеальным результатом, определяемым объективными материальными возможностями изучаемого исторического периода.

Указанные выше подходы к установлению боевых характеристик в значительной степени зависят от выбранного исследователем масштаба. Первый вариант в большей степени тяготеет к оперативному и стратегическому уровню реконструкции, второй – к тактическому.

Следующим шагом построения игровой модели является определение целей сторон. Эта задача, как правило, представляется достаточно простой, так как адекватное указание победных условий для каждой из сторон конфликта детерминировано конечным результатом сражения, военной операции или конфликта, известным и хорошо изученным благодаря военно-исторической литературе. Однако такой подход обнаруживает некоторую поверхность при моделировании боевых действий. В реальности, в отличие от шахмат и иных абстрактных настольных игр, силы сторон почти никогда не являются равными и симметричными. Исходя из этого, степень эффективности стороны конфликта не может быть сведена к простой оценке – победила ли она или проиграла. Напротив, многие формальные поражения в конкретных битвах или операциях, в зависимости от последовавших за этим изменений в общем стратегическом балансе, могли привести к прямо противоположному результату. Классическим примером подобного является битва при Березине 1812 г., которая отечественной историографией однозначно трактуется как победа над Наполеоном. В иностранной военно-исторической литературе, напротив, она рассматривается как пример эффективного сохранения важнейших кадров армии в практически безнадежной ситуации [17, р. 72]. Строго говоря, то, что Наполеону удалось вырваться из окружения и спасти свой генералитет и значительную часть офицерского корпуса, привело к крайне неоднозначному началу кампании 1813 г. и пора-

жениям при Бауцене и Люцене. Только вступление в 6-ю антифранцузскую коалицию Австрии предопределило победу в генеральном сражении у Лейпцига и перелом в войне.

Таким образом, при моделировании целей игровой реконструкции исследователь должен отказаться от влияния, оказываемого на него знанием о конечных результатах, и, соблюдая принцип историзма, максимально тщательно изучить планы сторон, синхронные началу рассматриваемого военного эпизода. Подобный анализ приводит к парадоксальному выводу: несмотря на то что военные действия являются одной из высших форм противостояния, цели, которые стороны ставят перед собой, могут не противоречить друг другу и иногда даже совпадать. Именно по этой причине наиболее адекватной моделью оценки результатов, достигнутых участниками конфликта, является так называемая система «победных очков». Суть этой системы заключается в выделении максимального количества задач, решение которых предполагал реальный военный план, и присвоении каждой из них определенного количества баллов в зависимости от ее значимости. При окончании игры стороны сравнивают заработанные ими победные очки и определяют того, кто был ближе к реализации военных планов. Такая система присутствует в большинстве современных настольных военных игр.

Другой подход заключается в еще более вариативном отношении к военному планированию и предоставляет игрокам самим выбирать план и формулируемые им цели и задачи из нескольких вариантов, которые обсуждались в реальных командных инстанциях еще до принятия решения о начале боевого столкновения. Интересным примером подобного подхода является игра «Bulge 20: The Ardennes Offensive» [8], посвященная реконструкции немецкого наступления в Арденнах в конце 1944 года. В ней оба игрока имеют возможность выбора между несколькими планами операции, которые определяют победные условия, организационно-штатную структуру наличных сил («order of battle»), а также направленность и интенсивность работы тыловых коммуникаций.

После осуществления всех указанных выше процедур мы получаем реконструктив-

ную модель битвы, операции или войны в целом. При условии соблюдения изложенных принципов степень корреляции модели с реальностью будет достаточно высокой. Однако существует одна переменная, которая очень плохо поддается реконструированию, – это субъективный фактор, заключающийся во влиянии личности командующего и составленного им плана действий, что особенно ярко проявляется в случае совершения им однозначной ошибки и, как следствие, поражения от более слабого противника. В качестве примера подобного можно привести сражение при Аустерлице 1805 г., когда более многочисленная и находящаяся на сильной позиции союзная армия в силу ошибочного наступления, предпринятого на своем левом фланге, оказалась разгромлена меньшей по силе французской армией. Очевидно, что при реконструкции подобной битвы ни один знающий историю игрок не повторит действий русско-австрийского командования. Следовательно, в рамках классической модели настольного военного реконструирования такие битвы принципиально не могут быть предметом исследования, так как их ход обусловлен очевидными ошибками, не нуждающимися в анализе вариантов. Разумеется, существует множество способов ввести в игровую модель специальные правила, позволяющие сделать реконструкцию таких битв интересной. Во-первых, это наличие предписанных планом первичных действий, от которых не может отказаться игрок и которые заставляют его искать спасительные решения в кульминационный момент сражения. Во-вторых, это ограничения, распространяющиеся на тактические особенности игровых боевых частей, определяемые спецификой тактики или воинских традиций. Так, например, в игре «Shako» [20], посвященной периоду наполеоновских войн, лучший уровень подготовки кадров во французской армии нашел выражение в способности ее частей немедленно осуществлять развертывание из колонны в линию и обратно, не затрачивая на это игрового хода. Так или иначе, данные изменения не позволяют уйти от проблемы уникальности каждого конкретного события истории и существенно снижают реконструктивный потенциал настольной игры.

Результаты. Завершая анализ метода исторической реконструкции с помощью настольных военных игр, необходимо сделать следующие наиболее значимые выводы.

Современные настольные военные игры, выросшие из командно-штабных игр XIX–XX вв., отличаются очень качественными математическими моделями, позволяющими учитывать массу объективных факторов, играющих важную роль в боевых действиях. Учет этих данных позволяет сделать любое военно-историческое исследование более взвешенным и менее личностно ангажированным.

Настольные военные игры обладают высоким адаптационным потенциалом, позволяющим гибко настраивать их правила под обозначенные границы предметной области

исследования. Американскими исследователями изложены принципы и механизмы их создания, с помощью которых можно самостоятельно изготовить игровую модель для тестирования определенных гипотез, выдвигаемых историком.

Ключевым ограничением данного метода является анализ субъективных данных – роли личности в истории, моральных свойств войск и т. п. По этой причине оптимальным предметом исследования служат войны и конфликты с устоявшимися тактическими приемами без участия гениальных или бездарных командующих. Это определяет особую эффективность метода при исследовании конфликтов XX в., в которых господствовал принцип коллегиального управления.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. «Kriegspiel». Компоненты игры

Fig. 1. “Kriegspiel”. Game components

Таблица 1. Таблица результатов боя. Настольная военная игра «Tactics»

Table 1. Combat Result Table. “Tactics” Wargame

Die roll	1-3	1-2	1-1	3-2	2-1	3-1	4-1	5-1
-	AE	AE	AE	3/-	3/-	2/-	2/-	1/-
1	AE	AE	3/-	3/-	2/-	2/-	1/-	1/-
2	AE	3/-	3/-	2/-	2/-	1/-	1/-	[-/1]
3	3/-	3/-	2/-	2/-	1/-	1/-	[-/1]	-/2*
4	3/-	2/-	2/-	1/-	1/-	[-/1]	-/2*	-/3*
5	2/-	2/-	1/-	1/-	[-/1]	-/2*	-/3*	DE
6	2/-	1/-	1/-	[-/1]	-/2*	-/3*	DE	DE
7	1/-	1/-	[-/1]	-/2*	-/3*	DE	DE	DE
8	1/-	[-/1]	-/2	-/3*	DE	DE	DE	DE
+	[-/1]	-/2	-/3	DE	DE	DE	DE	DE

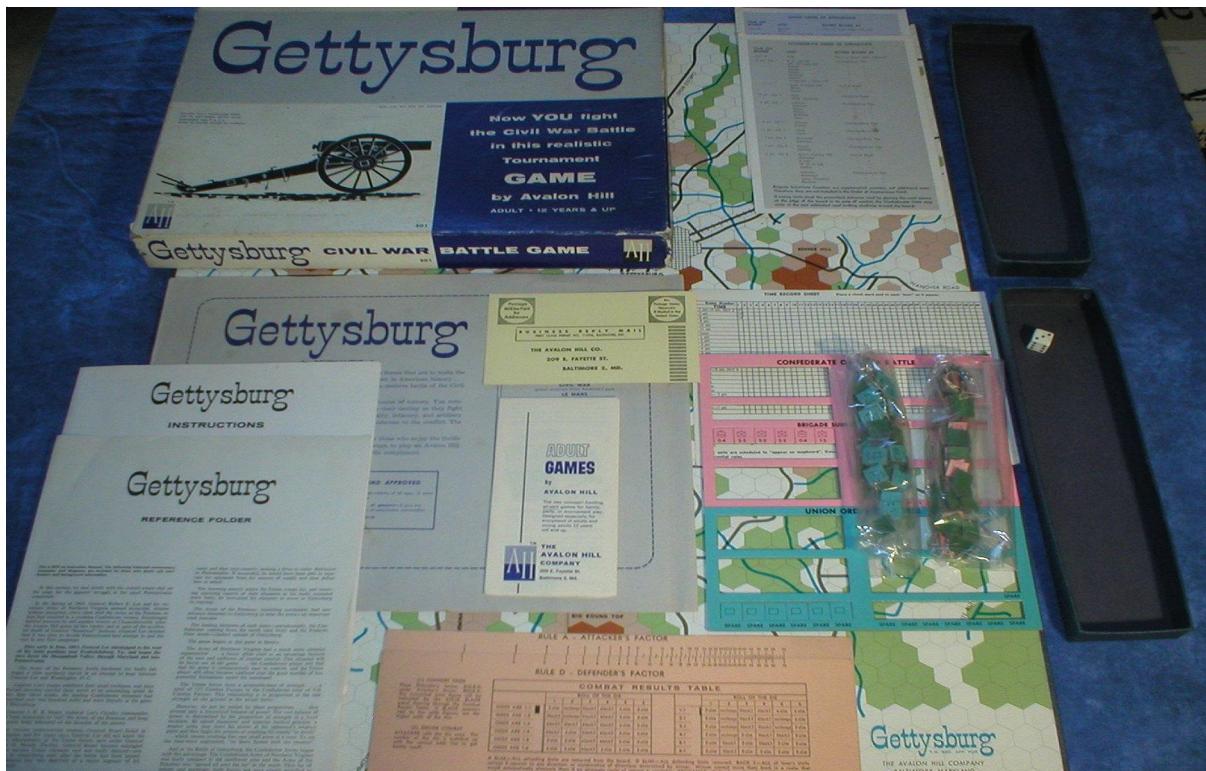

Рис. 2. Настольная военная игра «Геттисберг» 1958 года. Компоненты игры

Fig. 2. "Gettysberg" Wargame of 1958. Game components

Таблица 2. Таблица пехотного огня. Настольная военная игра «Advanced Squad Leader»

Table 2. Infantry fire table. "Advanced Squad Leader" Wargame

A7 INFANTRY FIRE TABLE (IFT)															
Backblast dr ATR		MOL 4/37		[6/50		A-P Minefields		PFk C37		PF sN 16/80		C75 20/100	C105 24/120	DC 30/150	A-T Mine Set DC 36+200+
★Vehicle	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13				
≤ 0	1KIA	2KIA	2KIA	3KIA	3KIA	3KIA	4KIA	4KIA	5KIA	6KIA	7KIA				
1	K/1	1KIA	1KIA	2KIA	2KIA	2KIA	3KIA	3KIA	4KIA	5KIA	6KIA				
2	1MC	• K/1	• K/2	• 1KIA	• 1KIA	• 1KIA	• 2KIA	• 2KIA	• 3KIA	• 4KIA	• 5KIA				
3	1MC	1MC	2MC	• K/2	• K/3	• 1KIA	• 1KIA	• 2KIA	• 3KIA	• 4KIA	• 5KIA				
4	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	3MC	• K/3	• K/4	• 1KIA	• 2KIA	• 3KIA				
5	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	3MC	4MC	• K/4	• 1KIA	• 2KIA				
6	—	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	3MC	4MC	• K/4	• 1KIA				
7	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	3MC	4MC	• K/4				
8	—	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	3MC	4MC				
9	—	—	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC	2MC				
10	—	—	—	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC	2MC	2MC				
11	—	—	—	—	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC	1MC				
12	—	—	—	—	—	—	—	PTC	NMC	1MC	1MC				
13	—	—	—	—	—	—	—	—	PTC	NMC	1MC				
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	PTC	NMC				
≥ 15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	PTC				

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бируни, А. Р. Индия / А. Р. Бируни. – М. : Ладомир, 1995. – 727 с.
2. Ильичев, Л. Ф. Методологические проблемы общественных наук / Л. Ф. Ильичев. – М. : Наука, 1979. – 472 с.
3. Ковалченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковалченко. – М. : Наука, 2003. – 485 с.
4. Кузминский, А. Руководство къ военной игрѣ / А. Кузминский. – 2-е изд. – Спб. : Воен. тип., 1848. – 221 с.
5. Яблоков, К. В. Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг. : Проблемы интерпретации исторической информации : дис. ... канд. ист. наук / Яблоков Кирилл Валерьевич. – М., 2005. – 252 с.
6. Advanced Squad Leader // Board Game Geek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/boardgame/243/advanced-squad-leader>. – Title from screen.
7. Allen, T. B. War Games / T. B. Allen. – Berkeley : The Universitet of California Press, 1989. – 402 p.
8. Bulge 20: The Ardennes Offensive // Victoru Point Games. – Electronic text data. – Mode of access: https://victorypointgames.com/documents/B20_notes.pdf. – Title from screen.
9. Crane, L. African Games of Strategy: A Teaching Manual / L. Crane. – Urbana : University of Illinois Press, 1982. – 53 p.
10. Dunnigan, J. F. How to Make War: A Comprehensive Guide to Modern Warfare in the Twenty-first Century / J. F. Dunnigan. – N. Y. : Harper Collins, 2003. – 672 p.
11. Dunnigan, J. F. The Complete Wargames Handbook: How to Play and Design Commercial and Professional Wargames / J. F. Dunnigan. – Bloomington : in Universe, 2000. – 417 p.
12. Herring, S. D. Second Sight: The Millennium's Best "Other" Game and the Millennium's Most Influential Person / S. D. Herring // Pyramid. – 1999. – Dec. 24. – P. 3–15.
13. Hilgers, P. War Games: A History of War on Paper / P. Hilgers. – L. : MIT Press, 2012. – 240 p.
14. Lewin, C. G. War Games and Their History / C. G. Lewin. – N. Y. : Fonthill Media, 2012. – 272 p.
15. MacNab, I. Kriegspiel and the Sandtable: Using Tabletop Waargames to Teach Tactics and Exercise Decision Making in the Classroom / I. MacNab. – West Point : US military Academy, 2012. – 174 p.
16. Mathematical Games: Hex, Tic-Tac-Toe, Solved Game, Sprouts, Pentomino, Phutball, Nim, Dots and Boxes, Tangloid, Tactix. – Memphis : General Books, 2010. – 206 p.
17. Mikaberidze, A. The Battle of Berezina: Napoleon's Great Escape / A. Mikaberidze. – Barnsley : Pen and Sword Military, 2010. – 284 p.
18. Panzer Blitz // Board Game Geek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.boardgamegeek.com/boardgame/2238/panzerblitz>. – Title from screen.
19. Reisswitz, B. Von. Kriegspiel : Instructions for Representation of Military Manoeuvres with the Kriegspiel Apparatus / B. Von Reisswitz. – Stanford : B. Leeson, 1983. – 123 p.
20. Shako // Board Game Geek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/boardgame/22186/shako>. – Title from screen.
21. Verdy's Free Kriegspiel including the Victorian Army's 1896 War Game / ed. by J. Curry. – L. : Lulu Publ., 2008. – 163 p.
22. Wells, H. Little Wars and Floor Games / H. Wells. – N. Y. : Dover Publications, 2015. – 182 p.

REFERENCES

1. Biruni A.R. *Indiya* [India]. Moscow, Ladomir Publ., 1995. 727 p.
2. Ilyichev L.F. *Metodologicheskie problemy obshchestvennykh nauk* [Methodological Problems of Social Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 472 p.
3. Kovalchenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 485 p.
4. Kuzminskiy A. *Rukovodstvo k voennoy igre* [Guide to the Wargame]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya, 1848. 221 p.
5. Yablokov K.V. *Kompyuternye istoricheskie igry 1990–2000-kh gg.: Problemy interpretatsii istoricheskoy informatsii: dis. ... kand. ist. nauk* [Computer Historical Games of the 1990s – 2000s: Problems of Interpretation of Historical Information. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2005. 252 p.
6. Advanced Squad Leader. *Board Game Geek*. URL: <https://boardgamegeek.com/boardgame/243/advanced-squad-leader>.
7. Allen T.B. *War Games*. Berkeley, The Universitet of California Press, 1989. 402 p.
8. Bulge 20: The Ardennes Offensive. *Victoru Point Games*. URL: https://victorypointgames.com/documents/B20_notes.pdf.
9. Crane L. *African Games of Strategy: A Teaching Manual*. Urbana, University of Illinois Press, 1982. 53 p.
10. Dunnigan J.F. *How to Make War: A Comprehensive Guide to Modern Warfare in the Twenty-First Century*. New York, Harper Collins, 2003. 672 p.
11. Dunnigan J.F. *The Complete Wargames Handbook: How to Play and Design Commercial and*

ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

- Professional Wargames*. Bloomington, Universe, 2000. 417 p.
12. Harring S.D. Second Sight: The Millennium's Best "Other" Game and the Millennium's Most Influential Person. *Pyramid*, 1999, December 24, pp. 3-15.
13. Hilgers P. *War Games: A History of War on Paper*. London, MIT Press, 2012. 240 p.
14. Lewin C.G. *War Games and Their History*. New York, Fonthill Media, 2012. 272 p.
15. MacNab I. *Kriegspiel and the Sandtable: Using Tabletop Wargames to Teach Tactics and Exercise Decision Making in the Classroom*. West Point, US military Academy, 2012. 174 p.
16. *Mathematical Games: Hex, Tic-Tac-Toe, Solved Game, Sprouts, Pentomino, Phutball, Nim, Dots and Boxes, Tangloid, Tactix*. Memphis, General Books, 2010. 206 p.
17. Mikaberidze A. *The Battle of Berezina: Napoleon's Great Escape*. Barnsley, Pen and Sword Military, 2010. 284 p.
18. Panzer Blitz. *Board Game Geek*. URL: <https://www.boardgamegeek.com/boardgame/2238/panzerblitz>.
19. Reisswitz B. Von. *Kriegspiel: Instructions for Representation of Military Manoeuvres with the Kriegspiel Apparatus*. Stanford, B. Leeson, 1983. 123 p.
20. Shako. *Board Game Geek*. URL: <https://boardgamegeek.com/boardgame/22186/shako>.
21. Curry J., ed. *Verdy's Free Kriegspiel Including the Victorian Army's 1896 War Game*. London, Lulu Publications, 2008. 163 p.
22. Wells H. *Little Wars and Floor Games*. New York, Dover Publications, 2015. 182 p.

Information About the Authors

Artem I. Kharinin, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Social Technology, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kharinin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5414-2747>

Larisa V. Kharinina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technology, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kharinina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-941X>

Информация об авторах

Артем Игоревич Харинин, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kharinin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5414-2747>

Лариса Васильевна Харинина, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kharinina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-941X>

НАРОДЫ МИРА: АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.12>

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 11.01.2019
Accepted: 25.04.2019

ABOUT ANCIENT CERAMIC TRADITIONS OF THE POPULATION OF THE NORTHERN CASPIAN REGION¹

Aleksandr A. Vybornov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Irina N. Vasileva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Marianna A. Kulkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Markku Oinonen

University of Helsinki, Helsinki, Finland

Göran Possnert

University of Uppsala, Uppsala, Sweden

Larisa A. Nesterova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

© Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойонен М., Постнерт Г., Нестерова Л.А., 2020

Abstract. *Introduction.* The territory of the Northern Caspian region plays an important role in the study of the Neolithic of Eastern Europe. The main criterion of this period is clay pottery. One of the difficult issues is the time of the ceramic technology appearance. *Methods and materials.* The study of the pottery technology of the Neolithic population of the Northern Caspian region is carried out in the framework of the historical and cultural approach to the study of ceramics, according to the method of A. Bobrinsky. The technique is based on binocular microscopy, tracology and experiment in the form of physical modeling. The basis for identifying technological traces on ceramics is the comparative analysis of the vessels under study with the base of standards. It is made by means of physical modeling in field and laboratory conditions. The age of the Neolithic monuments was determined using traditional methods in radiocarbon laboratories in Russia and Ukraine, as well as using AMS at universities in Sweden and Finland. *Analysis.* Over the past 10 years, more than 68 radiocarbon dates on different materials such as charcoal, bones, organics from ceramics, charred crusts, humus have been obtained. They give the possibility to determine the time of appearance and spread of the earliest pottery in the Northern Caspian region. This is the middle 7th millennium BC. The chronological framework for the development of the Neolithic in the Northern Caspian region is ca. 6600–5500 BC. The paper establishes the main and specific features of ceramic traditions. *Results.* The technical and technological analysis allows to reveal the genesis, the features of dynamics and further development of pottery in this region. The complex of results obtained allows to attribute the Neolithic sites of the Caspian region to the earliest pottery areal in Eastern Europe.

Key words: Northern Caspian region, Neolithic, radiocarbon dating, historical and cultural approach, technical and technological analysis of ceramics.

Citation. Vybornov A.A., Vasilyeva I.N., Kulkova M.A., Oinonen M., Possnert G., Nesterova L.A. About Ancient Ceramic Traditions of the Population of the Northern Caspian Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 141-151. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.12>

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 11.01.2019
Дата принятия статьи: 25.04.2019

О ДРЕВНЕЙШИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ¹

Александр Алексеевич Выборнов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Ирина Николаевна Васильева

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Марианна Алексеевна Кулькова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маркку Ойнонен

Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия

Горан Поснерт

Уппсальский университет, г. Уппсала, Швеция

Лариса Анатольевна Нестерова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Территория Северного Прикаспия играет значительную роль в изучении неолита Восточной Европы. Ведущий критерий для характеристики этой эпохи – глиняная посуда. Одним из наиболее сложных вопросов являлось установление времени появления керамического производства. За последние 10 лет удалось получить 68 радиоуглеродных дат по различным материалам: уголь, кости, органика в керамике, нагар, гумус. Они позволили достоверно определить время появления древнейшей посуды в Северном Прикаспии – середина VII тысячелетия до н.э. Были установлены хронологические рамки развития неолита Северного Прикаспия: 6600–5500 лет ВС. Не менее значимым стало выявление характерных и специфических черт керамических традиций на интересуемой территории. Технико-технологический анализ керамики позволил прояснить генезис, особенности динамики и дальнейшую судьбу гончарства в этом регионе. Совокупность новейших данных позволяет аргументированно относить памятники неолита Северного Прикаспия к ареалу древнейшего гончарства в Восточной Европе. А.А. Выборновым подготовлена археологическая часть статьи, проанализирован весь банк радиоуглеродных дат и определены хронологические рамки неолита Северного Прикаспия. И.Н. Васильевой проведен технико-технологический анализ керамического инвентаря памятников каиршакского и тентексорского типов, выявлены их характерные черты и осуществлен сравнительный анализ с материалами сопредельных территорий. М.А. Кульковой и Л.А. Нестеровой получены радиоуглеродные даты для стоянок Кугат IV, Каиршак III, Тентексор I и Же-калган I. Проведено сравнение дат по разным органическим материалам. М. Ойноненом и Г. Поснертом получены на АМС по костям и проанализированы даты для неолитических стоянок Каиршак III и Тентексор I.

Ключевые слова: Северный Прикаспий, неолит, радиоуглеродное датирование, историко-культурный подход, технико-технологический анализ керамики.

Цитирование. Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Ойонен М., Песснер Г., Нестерова Л. А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 141–151. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.12>

Введение. Северный Прикаспий расположен на границе с Кавказом и Средней Азией. ТERRITORIALНАЯ близость способствовала возможным взаимодействиям древнего населения этих регионов и внедрению различных инноваций, к которым, в частности, можно отнести начало изготовления керамики. Одни исследователи включают керамическое производство наравне с производящим хозяйством в «неолитический пакет», другие полагают, что эти явления не всегда сопряжены между собой. В связи с этим необходимо детальное изучение данных процессов в каждом регионе. Данная необходимость дополняется тем, что производства бытовой посуды возникают на разных территориях не одновременно: на востоке – в XI тыс. BC [16], а в лесном Поволжье – VI тыс. BC [9]. При отнесении археологических памятников к неолиту европейские исследователи приоритетным считают производящее хозяйство, а российские специалисты ведущим признаком определяют керамическое производство. Авторы статьи разделяют распространенное в российской археологии мнение о большей необходимости гибкого критерия в определении *неолита* как периода евразийской истории, чем оценки его только по признаку наличия или отсутствия производящего хозяйства, тем более что проведенный на новом методическом уровне анализ фаунистических остатков на однослойных стоянках с древнейшей керамикой интересуемого региона показал полное отсутствие доместицированных видов [18].

На территории Северного Прикаспия исследователи выделили две группы памятников с древнейшей керамикой. К первой группе отнесены стоянки каиршакского типа: Каиршак I–III, Кугат IV, Байбек [6; 11]. Керамика этого типа представлена прямостенными и биконическими сосудами с плоским дном. Орнамент нанесен прочерченными линиями или одиночными наколами. Узоры геометричны. Две радиоуглеродные даты по углистой почве со стоянки Каиршак III (табл. 1, 1) и мезолитические реминисценции в кремневом

инвентаре позволили ученым отнести эту группу к раннему этапу. Во вторую группу объединены стоянки тентексорского типа: Тентексор I, Же-калган I [6]. Посуда этого типа характеризуется прямостенностью, профилированностью и плоскодонностью. Орнамент нанесен овальными наколами в технике отступания. Узоры разнообразны. Одна радиоуглеродная дата по углистой почве со стоянки Тентексор I (табл. 1, 2) – более поздняя, чем для материалов стоянки Каиршак III, а также характер каменного инвентаря позволили исследователям отнести эту группу к позднему этапу.

Полученной информации было недостаточно для решения вопроса о времени появления керамического производства в изучаемом регионе. Типологически самые ранние комплексы (стоянки Кугат IV и Кулагайси) не имели дат. Соответственно, невозможно было ставить вопрос о времени начала производства керамики на данной территории. Ситуация усложнялась тем, что представления исследователей о древнейшей керамике Северного Прикаспия основывались только на типологическом анализе материала. По нашему мнению, прогресс в решении обозначенных проблем возможен только путем привлечения новых методов исследования.

Методы. Изучение гончарной технологии неолитического населения Северного Прикаспия осуществлялось в рамках историко-культурного подхода к анализу керамики по методике А.А. Бобринского [3; 4]. Исследовательская практика показала эффективность его применения в разработке проблем древней этнокультурной истории. Методика основана на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования. Представленные в ее рамках методы позволяют по археологической керамике фиксировать следы применения гончарами различных приемов работы. Основой для идентификации технологических следов на керамике является сравнительный анализ изучаемых сосудов с базой эталонов. Керамика изготовлена по-

средством физического моделирования в полевых и лабораторных условиях.

Исследование древнейшей гончарной технологии Северного Прикаспия началось в 90-е гг. XX в. с определения характера пластичного сырья, которое использовалось для изготовления посуды. В рамках существовавшей в то время в российской науке парадигмы не подвергался сомнению вывод о том, что сырьем для керамики (даже самой древнейшей) являлись глины. Полученные нами факты не соответствовали данному мнению. Это привело к выдвижению альтернативной гипотезы об использовании илов в качестве сырья для древнейшей керамики [5; 7]. В полевых и лабораторных условиях проводились многолетние работы по сбору и изучению современных илов и сравнительному анализу их состава с формовочными массами неолитической керамики. К исследованию были привлечены специалисты – ботаники и зоологи. Итогом работ стало выявление существенного сходства илов и сырья древнейшей керамики Северного Прикаспия. Результаты опубликованы как в отечественной [8], так и зарубежной литературе [23].

Определение возраста памятников неолита осуществлялось и традиционной методикой в радиоуглеродных лабораториях России и Украины, и на AMS в университетах Швеции и Финляндии. Методика получения дат и результаты достаточно полно изложены в различных изданиях [14; 17; 21].

Материалы и анализ. В результате проведенных работ была аргументирована близость качественного состава прикаспийской керамики с накольчато-прочерченным орнаментом и современных илов, а также выделена совокупность основных признаков, с помощью которых допустимо квалифицировать пластичное сырье археологической керамики как ил. Качественный состав масс керамики, изготовленной из илов, включает: 1) глинистую фракцию; 2) песок различного размера и степени окатанности; 3) плотные, не растворившиеся в воде, округлые комочки глины размером 1–3 мм; 4) соединения железа в виде оолитового бурого железняка и аморфных окристых включений размером 0,5–2 мм; 5) очень большое количество растительных отпечатков и углефицированных остатков ра-

стительности наземного, водного и подводного характера; 6) обломки раковин пресноводных моллюсков разной величины и конфигурации; 7) часть сосудов содержала в своем составе целые мелкие раковины улиток «затворка рыбьего» размером 2–7 мм; 8) чешую, позвонки и ребра рыб.

Можно предполагать, что древним коллективам были доступны источники илистого сырья, расположенные по берегам пресноводных озер. Почвенно-ландшафтные исследования Северного Прикаспия, которое в настоящее время находится в полупустынной зоне, показали, что раннеатлантический подпериод голоцене характеризовался условиями, близкими к полупустыням. Позднее в голоцене происходили постепенные изменения в сторону улучшения природных условий. Ландшафты были сходны с современными (полупустынными-сухостепными), но периодически наступали периоды большей увлажненности и обводненности. Современные соры (соленые высохшие водоемы) были пресными озерами, насыщенными рыбой, пресноводными моллюсками, птицами [13, с. 107].

При характеристике пластичного сырья большое значение имеет определение запесоченности, прямо влияющей на его пластичность. Нами выделены две группы илистого сырья по концентрации естественной фракции песка: жирное (незапесоченное и слабозапесоченное) и тощее (среднезапесоченное и запесоченное) (табл. 2). Распределение керамики разных памятников Северного Прикаспия по этим признакам выявило определенную зависимость между характером сырья и временем стоянок. Сосуды самой ранней стоянки Кугат IV изготовлены из запесоченного сырья. В составе керамики стоянки Каиршак III доля запесоченного сырья составляет 41 %, а в материалах поздней стоянки Тентексор I – 4 % (табл. 2). Таким образом, фиксируется сосуществование двух традиций отбора илистого сырья, распространенных в рамках общих представлений древнего населения Северного Прикаспия об илах как пластическом сырье для производства посуды, а также прослеживается тенденция к доминированию наивысших отбора жирных илов к концу неолитического периода.

Интересные результаты были получены при изучении приемов изготовления формовочных масс, которые могут состоять из одного пластиичного сырья или смеси сырья и искусственно введенных примесей. В древнейшем гончарстве Северного Прикаспия илы выполняли функцию моносырья. Собственно говоря, ил являлся готовой формовочной массой, созданной самой природой: в его состав уже входили необходимые органические и минеральные компоненты. Вместе с тем микроскопическое исследование керамики позволило выявить в черепке изучаемых сосудов присутствие аморфных пустот размером от 1 до 4 мм, поверхность которых покрыта маслянистым черным, сухим блестящим и белым налетом. Было сделано предположение, что эти пустоты образовались из-за введения в формовочные массы kleящих природных жидких веществ растительного или животного происхождения, выгоревших при сушке и обжиге посуды. Они получили название «органические растворы» [5].

Изготовление сосудов Северного Прикаспия было связано с лоскутным налепом и использованием различных форм-моделей. При лоскутном налете наращивание стенок сосудов осуществлялось с помощью лоскутов по кольцевой и спиралевидной траектории. Создание форм сосудов происходило с применением различных моделей. При таком способе лепки форма сосуда задавалась формой самой модели. Исследование керамики Северного Прикаспия позволило выявить признаки использования форм-емкостей и форм-основ. Обработка поверхностей сосудов осуществлялась в виде: 1) простого заглаживания сырого изделия разными материалами – мягким материалом (кожей), деревянным или костяным ножом, 2) лощения-уплотнения поверхности отполированными гальками.

Изучение приемов придания сосудам прочности и водонепроницаемости проводилось с помощью наблюдений за цветовыми слоями в изломе черепка, сравнения их с эталонными сериями, а также методом определения низкотемпературного обжига керамики. Преимущественно излом черепка исследуемой керамики имеет трехслойную цветовую структуру: поверхностные слои толщиной 0,1–1 мм – светло-коричневые, сердцевина тол-

щиной 5–10 мм – черного цвета. По-видимому, использовался костровой обжиг с длительным периодом при низких температурах в восстановительной среде и кратковременной выдержкой при температурах каления. Сохранность обломков раковины и графитизация остатков растительности в черепке указывает на применение режима, при котором сосуды долго находились в изоляции от открытого огня. Они попадали в зону действия высоких температур (650–800 °C) всего на несколько минут.

В целом для гончарных традиций неолитического населения Северного Прикаспия выявлены следующие характерные черты: 1) распространение представлений об илах как моносырье для изготовления посуды; 2) существование двух культурных традиций отбора такого сырья – жирного и тощего; 3) введение в формовочные массы органических растворов; 4) лоскутный налеп и применение форм-моделей на ступени конструирования сосудов и их формообразования; 5) простое заглаживание и уплотнение-лощение на ступени обработки поверхностей сосудов; 6) низкотемпературная термическая обработка продукции с кратковременным воздействием высоких температур.

Для решения вопросов о хронологии древнейших керамических традиций с 2007 г. и до настоящего времени проводится работа по получению новых радиоуглеродных дат по различным органическим материалам для всех стоянок кайршакской и тентексорской групп Северного Прикаспия. В результате было получено 68 дат [2; 21]. Первоначально полученные даты не прояснили, а усложнили ситуацию. Так, для стоянки Каиршак III по костям животных были получены даты последней четверти VII тыс. BC (табл. 1, 9), а по органике в керамике – первая четверть VII тыс. BC (табл. 1, 10). Во-первых, они отличались от ранее полученных (табл. 1, 1). Во-вторых, фиксировался значительный разрыв между датами по органике в керамике и костям животных. Одни исследователи придерживаются более древних дат [1], другие склоняются к более поздним [10]. Объяснить столь древнюю датировку можно было тем, что керамика этого региона изготовлена из ила с естественной примесью раковин пресноводных

моллюсков. Именно данная примесь могла повлиять на удревнение дат. Доказательством этому предположению является пример по материалам стоянки Тентексор I. Была получена дата по раковинам, изъятым из черепка сосуда, которая оказалась на 500 лет древнее даты по органике, очищенной от раковин, из этого же сосуда (табл. 1, 5–6). Непосредственно для стоянки Каиршак III дополнительно получили две даты: первая – по карбонатной фракции, а вторая – по органической фракции, очищенной от раковин, этого же сосуда (табл. 1, 16–17). Они также различались в 500 лет. Для того чтобы прояснить выявленное различие, на AMS была получена дата по нагару с керамики стоянки Каиршак III (табл. 1, 11). Она совпала с древними датами по органике в керамике. В этой ситуации верификация была продолжена. Было получено еще две даты для посуды стоянки Каиршак III: первая – по нагару, а вторая – по органике в керамике, очищенной от раковин (табл. 1, 12–13), которая оказалась на 400 лет моложе даты по нагару. Совпадшие значения удревненных дат по нагару могут объясняться резервуарным эффектом, так как показатель ^{13}C составляет –28,7. Иначе говоря, на удревнение дат стоянки Каиршак III в одних случаях (по нагару) мог влиять резервуарный эффект, а в других (по органике в керамике) – значительная примесь раковин моллюсков, содержавшаяся в образце.

В 2018 г. было получено еще две даты по органике в керамике из разных объектов стоянки Каиршак III. Исследователи предполагали некоторую разновременность этих сооружений. Полученные значения весьма показательны. Во-первых, они подтвердили гипотезу исследователей о некоторой неодновременности жилищ. Во-вторых, первая дата (табл. 1, 14) имеет удревненное значение, так как образец содержал значительную примесь раковин, которую не удалось полностью исключить из матрицы в процессе пробоподготовки. В-третьих, вторая дата (табл. 1, 15) совпала с датой по кости, полученной ранее (табл. 1, 19). Это еще раз подтверждает мнение специалистов о приемлемости датировок по органике в керамике [12]. Из нижнего уровня этого же объекта по кости на AMS получена еще одна дата (табл. 1, 18). Она практически аналогична значению, полученному тра-

диционной методикой. Таким образом, наиболее валидными следует признать даты рубежа третьей и четвертой четверти VII тыс. BC.

Подтверждением данных, полученных по датам, может служить еще один источник. На стоянке Каиршак III кроме основного керамического комплекса обнаружен сосуд, отличавшийся по типологии и технико-технологическим признакам [8, с. 94]. Орнаментальная композиция на этом фрагменте аналогична узору на каменном сосуде на стоянке сурской культуры [19, с. 147, рис. 2,2, 3,2], которая укладывается в пределы последней четверти VII тыс. BC. Это соответствует датам материалов стоянки Каиршак III. Предположение подтвердилось и серией дат для памятника Байбек, типологически близкого стоянке Каиршак III. Более 10 дат по углю, костям животных и органике в керамике (табл. 1, 20–30) практически совпали, указывая на начало VII – начало VI тыс. BC [20]. Что касается тентексорской группы, то по нагару (не подверженному резервуарному эффекту) и органике (без примеси раковин) получены даты на 1 000 лет древнее первой (табл. 1, 3, 6, 7). Их валидность подтверждается совпадающей датой по костям животных (табл. 1, 4). Иначе говоря, тентексорская группа завершала свое существование не в середине V тыс. BC, а в середине VI тыс. BC. В связи с этим важно отметить получение более ранних, чем для стоянки Тентексор I, дат для этой группы. Они относятся к первой четверти VI тыс. BC (табл. 1, 8).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что хронологического разрыва между памятниками каиршакской и тентексорской групп не существует. Он был в первоначальный период изучения неолита Северного Прикаспия, когда лишь для наиболее раннего каиршакского и для наиболее позднего тентексорского памятников имелось всего три даты. Отсутствуют и кардинальные типологические различия. В верхних уровнях стоянки Каиршак III обнаружены фрагменты тентексорского типа, более архаичные, чем сосуды с Тентексором I [9]. Эти данные совпадают и с результатами технико-технологического анализа керамики этих комплексов, которые свидетельствуют об их существенной близости. Типологические отличия между ними

трактовались влиянием на формирование рассматриваемых культур из более восточных регионов [9]. Исследователи ставили под сомнение преемственность кайршакских и тентексорских древностей в связи с отсутствием переходных признаков [15]. В данном случае следует констатировать, что на керамике поздних кайршакских комплексов представлены орнаментальные композиции, которые будут впоследствии присущи тентексорскому типу [1]. Более того, на ряде сосудов со стоянки Байбек фиксируются сочетания кайршакских (прочерки и отдельные наколы) и тентексорских (овальные наколы в отступающей манере) признаков. Обнаружен сосуд, на котором кайршакская композиция (заштрихованные треугольники) выполнена отступающими наколами в тентексорской манере. Представляется, что ситуация сходна с имевшимся хронологическим разрывом: вопрос о преемственности будет решаться с расширением источников базы.

Появилась возможность определить и время появления самых ранних керамических производств в Северном Прикаспии. По материалам типологически наиболее архаичных комплексов – Кугат IV и Кулагайси [6] получены даты, фиксирующие середину VII тыс. BC (табл. 1, 31–33). Учитывая, что даты по органике в керамике и другим материалам в большинстве случаев совпадают, значения для кугатских комплексов можно признать валидными. Их архаизм подтверждается и мезолитическими реминисценциями в каменном инвентаре. В кугатских материалах представлены микролиты типа параллелограммов, которые отсутствуют в коллекциях стоянок Каиршак I–III. Иначе говоря, между ними существовал определенный хронологический промежуток, в течение которого традиция изготовления параллелограммов была утрачена.

Рассматривая вопрос о появлении керамики в интересуемом регионе, можно отметить вполне определенное сходство техники нанесения орнамента (прочерки, разреженные наколы, ямчатые вдавления) и отдельных узоров кайршакской керамики и посуды типа Маслидере в северной Анатолии [22]. Однако, по сообщению профессора М. Оздогана, комплекс Маслидере единичен и выглядит иностранным на данной территории. Его

каменный инвентарь не содержит микролитов, столь характерных для кайршакских памятников. Поэтому даже предполагать миграционный характер появления последних весьма проблематично.

Результаты. Результаты исследования неолитических материалов Северного Прикаспия, проведенного с применением новых методов, позволили более аргументированно установить время появления, хронологические рамки и динамику распространения древнейших керамических традиций в Северном Прикаспии. Период их бытования определяется в пределах середины VII – середины VI тыс. BC. На основе полученных данных о гончарной технологии можно предполагать в Северном Прикаспии в эпоху неолита существование одного из самых древних очагов зарождения гончарства в европейской части России. Архаичный характер гончарных традиций населения Северного Прикаспия актуализирует фундаментальную проблему происхождения гончарства.

Исследование проблем зарождения древнейшего гончарства в Поволжье базируется на гипотезе А.А. Бобринского, основанной на особенностях взглядов древнего населения на разные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей. Исходя из данной гипотезы, можно предполагать самостоятельный характер зарождения гончарства в среде коллективов охотников и рыболовов Северного Прикаспия. Исследования последних десятилетий не подтверждают укоренившееся в археологической литературе мнение о тесной связи происхождения гончарства с обществами, овладевшими производящими формами экономики. В Восточной Азии (Китае, Японии, Дальнем Востоке России) установлено самое раннее возникновение гончарных производств в хронологическом интервале 18500–16800 кал. л.н. именно в рамках обществ, занимающихся охотой, рыболовством и собирательством [16].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-09-00040.

The reported study was carried out in the framework of RFBR grant no. 18-09-00040.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников неолита Северного Прикаспия**Table 1. Radiocarbon dates of Neolithic monuments in the Northern Caspian region*

№	Памятник	Лаб. индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)	Материал
1	Каиршак III	GIN – 5905	6950±100	2σ 6010–5660	Углистая почва
2	Тентексор I	GIN – 6177	5500±150	2σ 4700–3950	Углистая почва
3	Тентексор I	Spb – 423	6650±100	2σ 5740–5460	Керамика
4	Тентексор I	Spb – 315a	6540±100	2σ 5640–5310	Кости
5	Тентексор I	Ua – 35226	7235±45	2σ 6220–6020	Раковина
6	Тентексор I	Ua – 35277	6695±40	2σ 5680–5530	Нагар
7	Же-калган I	Spb – 1728	6566±120	2σ 5711–5316	Керамика
8	Качкарстай	Ki – 14461	6730±80	2σ 5750–5480	Керамика
9	Каиршак III	Ki – 14633	7190±80	2σ 6230–5890	Кость
10	Каиршак III	Ki – 14471	7780±90	2σ 7050–6430	Керамика
11	Каиршак III	Ua – 41359	7775±42	2σ 6690–6490	Нагар
12	Каиршак III	SPb – 377	7700±100	2σ 6830–6370	Нагар
13	Каиршак III	SPb – 422	7300±100	2σ 6505–5746	Керамика
14	Каиршак III	SPb – 2703	7417±150	2σ 6532–6008	Керамика
15	Каиршак III	SPb – 2704	7065±110	2σ 6109–5726	Керамика
16	Каиршак III	Ki – 16401	7870±100	2σ 7050–6500	Карбонатная фракция
17	Каиршак III	Ki – 1600	7290±190	2σ 6500–5750	Органическая фракция
18	Каиршак III	Hela – 4165	6996±36	2σ 5984–5788	Кость
19	Каиршак III	SPb – 316	7030±100	2σ 6080–5710	Кость
20	Байбек	GdA – 4599	6740±35	2σ 5790–5574	Кость
21	Байбек	SPb – 1712	6827±100	2σ 5917–5604	Уголь
22	Байбек	SPb – 1709	6955±80	2σ 6002–5708	Кости
23	Байбек	SPb – 1716	6925±120	2σ 6021–5626	Керамика
24	Байбек	SPb – 973	6955±80	2σ 6002–5708	Кости
25	Байбек	Ua – 50260	6986±44	2σ 5983–5759	Уголь
26	Байбек	SPb – 1053	6920±120	2σ 6021–5624	Керамика
27	Байбек	SPb – 1721	6952±80	2σ 6001–5706	Кости
28	Байбек	SPb – 1713	6948 ±120	2σ 6034–5634	Уголь
29	Байбек	SPb – 1715	7041±120	2σ 6112–5708	Уголь
30	Байбек	SPb – 1719	7050±120	2σ 6114–5715	Керамика
31	Кугат IV	Ki – 14501	7680±100	2σ 6690–6380	Керамика
32	Кугат IV	Ki – 14500	7560±90	2σ 6600–6220	Керамика
33	Кулагайси	SPb – 1725	7380±120	2σ 6450–6027	Керамика

*Таблица 2. Результаты изучения пластичного сырья древнейшей керамики Северного Прикаспия**Table 2. Results of studying ductile raw materials of the most ancient ceramics of the Northern Caspian region*

№	Стоянки Северного Прикаспия	Пластичное сырье: илы			Количество образцов
		Слабозапесоченное ИПС	Запесоченное ИПС		
1	Кугат IV	—	—	2	100 %
2	Кулагайси	1	100 %	—	100 %
3	Каиршак III	95	59 %	67	41 %
4	Каиршак I	7	70 %	3	30 %
5	Байбек	31	84 %	6	16 %
6	Тентексор I	106	96 %	4	4 %
7	Же-калган I	1	100 %	—	100 %
<i>Всего</i>		241	75 %	82	25 %
				323	100 %

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барацков, А. В. Культурно-хронологическое соотношение неолитических памятников степного Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алексей Валерьевич Барацков. – Ижевск, 2017. – 24 с.
2. Барацков, А. В. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия / А. В. Барацков, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова // Изв. СНЦ РАН. – 2012. – Т. 14, № 3. – С. 200–204.
3. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.
4. Бобринский, А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения / А. А. Бобринский // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.
5. Бобринский, А. А. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства / А. А. Бобринский, И. Н. Васильева // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1998. – С. 193–217.
6. Васильев, И. Б. Неолит Поволжья / И. Б. Васильев, А. А. Выборнов. – Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1988. – 112 с.
7. Васильева, И. Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в неолитическую эпоху / И. Н. Васильева // Вопросы археологии Поволжья. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. – Вып. 1. – С. 72–96.
8. Васильева, И. Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжья / И. Н. Васильева // Тезисы докладов Международной конференции по применению естественнонаучных методов в археологии, посвященной Б.А. Колчину. – СПб. : ИИМК, 1994. – С. 111.
9. Выборнов, А. А. Неолит Волго-Камья / А. А. Выборнов. – Самара : СГПУ, 2008. – 490 с.
10. Выборнов, А. А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Волго-Камья: критерии надежности / А. А. Выборнов // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2014. – С. 45–49.
11. Гречкина, Т. Ю. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии / Т. Ю. Гречкина, А. А. Выборнов, Д. В. Кутуков // Самарский научный вестник. – 2014. – № 3 (8). – С. 79–90.
12. Зайцева, Г. И. Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат / Г. И. Зайцева, Е. Д. Скаковский [и др.] // Труды III Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; В. Новгород : Изд-во ИА РАН, 2011. – Т. II. – С. 383–385.
13. Иванов, И. В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / И. В. Иванов, И. Б. Васильев. – М. : Интеллект, 1995. – 259 с.
14. Ковалюх, Н. Н. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным спектральным методом / Н. Н. Ковалюх, В. В. Скрипкин // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2007. – С. 120–126.
15. Кольцов, П. М. Неолитические культуры Северокаспийской области / П. М. Кольцов, К. П. Кольцова. – Элиста : Изд-во Калмыкского научного центра, 2014. – 144 с.
16. Кузьмин, Я. В. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса / Я. В. Кузьмин // Российский археологический ежегодник. – 2013. – № 3. – С. 8–26.
17. Кулькова, М. А. Радиоуглеродное датирование древней керамики / М. А. Кулькова // Самарский научный вестник. – 2014. – № 3 (8). – С. 115–122.
18. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье / А. А. Выборнов, М. Ойнонен, Н. С. Дога, М. А. Кулькова, А. С. Попов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 3. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.4.2016.3.1>.
19. Тубольцев, О. В. Камяний посуд сурської культури / О. В. Тубольцев // Заповідна Хортиця. – Запоріжжя : Ізд-во A&V Art GROUP, 2011. – С. 86–147.
20. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии / А. А. Выборнов, Т. Ю. Гречкина, М. А. Кулькова, Г. И. Зайцева, Г. Песснер // Изв. СНЦ РАН. – 2016. – Т. 18, № 6. – С. 153–156.
21. Chronological problems with Neolithization of the Northern Caspian Sea Area and the forest-steppe Povolzhye Region / A. Vybornov, G. Zaitseva, N. Kovaliukh, M. Kulkova, G. Possnert, V. Skripkin // Radiocarbon. – 2012. – Vol. 54 (3-4). – P. 795–799.
22. Ozdogan, M. Neolithic of southeastern Europe and its near eastern connections / M. Ozdogan // Varia Archaeologica Hungaria. – 1983. – P. 191–199.
23. Vybornov, A. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery / A. Vybornov, I. Vasiliyeva // Documenta Praehistorica XL. – Ljubljana : [s. l.], 2013. – P. 165–173.

REFERENCES

1. Baratskov A.V. *Kulturno-khronologicheskoe sootnoshenie neoliticheskikh pamyatnikov stepnogo Povolzhya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Cultural-Chronological Correlation of Neolithic Sites in the Steppe Volga Region]. Izhevsk, 2017. 24 p.
2. Baratskov A.V., Vybornov A.A., Kulkova M.A. Problemy absolyutnoy khronologii neolita

Severnogo Prikaspiya [Problems of the Absolute Chronology of the Neolithic in the Northern Caspian Region]. *Izv. SNTs RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 14, no. 3, pp. 200-204.

3. Bobrinskiy A.A. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy* [Pottery in Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 272 p.

4. Bobrinskiy A.A. Goncharkaya tekhnologiya kak obekt istoriko-kulturnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Current Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara, Izd-vo SamGPU, 1999, pp. 5-109.

5. Bobrinskiy A.A., Vasilyeva I.N. O nekotorykh osobennostyakh plasticheskogo syrya v istorii goncharstva [On Some Specific Features of Plastic Raw Materials in the History of Pottery]. *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya* [Problems of Ancient History of the North Caspian Region]. Samara, Izd-vo SamGPU, 1998, pp. 193-217.

6. Vasilyev I.B., Vybornov A.A. *Neolit Povolzhya* [The Neolithic of the Volga Region]. Kuibyshev, Izd-vo KGPI, 1988. 112 p.

7. Vasilyeva I.N. Goncharstvo naseleniya Severnogo Prikaspiya v neoliticheskuyu epokhu [Pottery of the Population of the North Caspian Region During the Neolithic]. *Voprosy arkheologii Povolzhya* [Archaeological Issues of the Volga Region]. Samara, Izd-vo SamGPU, 1999, iss. 1, pp. 72-96.

8. Vasilyeva I.N. Ily kak iskhodnoe syrye dlya drevneyshy keramiki Povolzhya [Silts as a Raw Material for the Most Ancient Ceramics of the Volga Region]. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii po primeneniyu estestvennonauchnykh metodov v arkheologii, posvyashchennoy B.A. Kolchinu* [Abstracts of the International Conference on the Use of Natural Science Methods in Archaeology Dedicated to B.A. Kolchin]. Saint Petersburg, IIMK, 1994, p. 111.

9. Vybornov A.A. *Neolit Volgo-Kamy* [The Neolithic of the Volgo-Kama Region]. Samara, SGPU, 2008. 490 p.

10. Vybornov A.A. Radiouglernoe datirovanie keramiki neolita Volgo-Kamy: kriterii nadezhnosti [Radiocarbon Dating of the Neolithic Pottery of the Volga-Kama Region: Reliability Criteria]. *Arkheologiya ozernykh poseleniy IV-II tys. do n.e.* [Archaeology of Lake Settlements in the 4th – 2nd Millennium BC]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh, 2014, pp. 45-49.

11. Grechkina T.Yu., Vybornov A.A., Kutukov D.V. Novaya ranneneoliticheskaya stoyanka Baybek v Severnom Prikaspii [The Chronology of Baibek Site in Northern Caspian]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2014, no. 3 (8), pp. 79-90.

12. Zaitseva G.I., Skakovskiy E.D., Possnert G., Vybornov A.A., Kovaliukh N.N., Skripkin V.V.

Organicheskoe veshchestvo keramiki: priroda, organicheskie komponenty i dostovernost radiouglerodnykh dat [Organic Material of Pottery: Nature, Organic Ingredients and the Accuracy of Radiocarbon Dates]. *Trudy III Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda* [Proceedings of the 3rd All-Russian Archaeological Congress]. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, Izd-vo IA RAN, 2011, vol. 2, pp. 383-385.

13. Ivanov I.V., Vasilyev I.B. *Chelovek, priroda i pochyv Ryn-peskov Volgo-Uralskogo mezdurechya v golotsene* [Man, Nature and Soils of the Volga-Ural Interfluve Ryn-Sands in the Holocene]. Moscow, Intellekt Publ., 1995. 259 p.

14. Kovaliukh N.N., Skripkin V.V. Radiouglernoe datirovanie arkheologicheskoy keramiki zhidkostnym stsintillyatsionnym metodom [Radiocarbon Dating of Archaeological Pottery Using the Liquid Scintillation Method] *Radiouglernod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyah* [Radiocarbon in Archeological and Paleoecological Studies]. Saint Petersburg, Izd-vo IIMK RAN, 2007, pp. 120-126.

15. Koltsov P.M., Koltsova K.P. *Neoliticheskie kultury Severokaspinskoy oblasti* [Neolithic Cultures of the Northern Caspian Region]. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. 144 p.

16. Kuzmin Ya.V. *Proiskhozhdenie keramiki v Evrazii: sovremennoe sostoyanie voprosa* [Manufacturing of Ceramics in Eurasia: Modern State of the Issue]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2013, no. 3, pp. 8-26.

17. Kulkova M.A. Radiouglernoe datirovanie drevney keramiki [Radiocarbon Dating of Ancient Pottery]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2014, no. 3 (8), pp. 115-122.

18. Vybornov A.A., Oinonen M., Doga N.S., Kulkova M.A., Popov A.S. O khronologicheskikh aspektakh proiskhozhdeniya proizvodyyashchego khozyaystva v Nizhnem Povolzhye [On the Chronological Aspect of the Origin of the Producing Economy in the Low Povolzhye]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 3, pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.1>.

19. Tuboltsev O.V. Kamyaniy posud surskoi kulturi [Stone Dishes of Surskaya Culture]. *Zapovidna Khoritsya* [Enviable Hortitsa]. Zaporizhia, Izd-vo A&V.Art GROUP, 2011, pp. 86-147.

20. Vybornov A.A., Grechkina T.Yu., Kulkova M.A., Zaitzeva G.I., Possnert G. Khronologiya stoyanki Baybek v Severnom Prikaspii [The Chronology of Baibek Site in Northern Caspian]. *Izv. SNTs RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 18, no. 6, pp. 153-156.

21. Vybornov A., Zaitseva G., Kovaliukh N., Kulkova M., Possnert G., Skripkin V. Chronological Problems with Neolithization of the Northern Caspian Sea Area and the Forest-Steppe Povolzhye Region. *Radiocarbon*, 2012, vol. 54 (3-4), pp. 795-799.
22. Ozdogan M. Neolithic of Southeastern Europe and Its Near Eastern Connections. *Varia Archaeologica Hungaria*, 1983, pp. 191-199.
23. Vybornov A., Vasilyeva I. Interdisciplinary Research of the Neolithic Volga-Kama Pottery. *Documenta Praehistorica XL*, 2013, pp. 165-173.

Information About the Authors

Aleksandr A. Vybornov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History and Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St., 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Irina N. Vasilyeva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St., 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, in.vasil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0808-1285>

Marianna A. Kulkova, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Associate Professor, Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University of Russia, r. Moyki Emb., 48/1, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Markku Oinonen, Doctor of Sciences, Professor, Head of the Radiocarbon Laboratory, University of Helsinki, Gustaf Hallstremin St., 2, FL-00014 Helsinki, Finland, markku.j.oinonen@helsinki.fi, <https://orcid.org/0000-0002-0881-7643>

Göran Possnert, Doctor of Sciences, Professor, Head of the Radiocarbon Laboratory, University of Uppsala, Box 529, SE-751 20 Uppsala, Sweden, goran.possnert@angstrom.uu.se, <https://orcid.org/0000-0002-4840-291X>

Larisa A. Nesterova, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Physical Geography and Nature Management, Herzen State Pedagogical University of Russia, r. Moyki Emb, 48/1, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, l-nesterova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9062-6880>

Информация об авторах

Александр Алексеевич Выборнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Ирина Николаевна Васильева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, in.vasil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0808-1285>

Марианна Алексеевна Кулькова, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, 48/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Маркку Ойонен, доктор философии, профессор, руководитель радиоуглеродной лаборатории, Хельсинкский университет, ул. Густава Халльстрёма, 2, FL-00014 г. Хельсинки, Финляндия, markku.j.oinonen@helsinki.fi, <https://orcid.org/0000-0002-0881-7643>

Горан Песснерт, доктор философии, профессор, руководитель радиоуглеродной лаборатории, Уппсальский университет, Box 529, SE-751 20 Уппсала, Швеция, goran.possnert@angstrom.uu.se, <https://orcid.org/0000-0002-4840-291X>

Лариса Анатольевна Нестерова, кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, 48/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l-nesterova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9062-6880>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.13>UDC 572
LBC 63.3Submitted: 16.05.2019
Accepted: 15.07.2019

ORIGINS OF THE NORTHERN SELKUPS BASED ON ANTHROPOLOGICAL DATA¹

Olga E. Poshekhanova

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Alisa V. ZubovaAnthropology Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russian Federation**Anastasia V. Sleptsova**

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The authors examine the origins of the Upper Taz Selkups based on craniology and dental anthropology. They are one of the least studied groups of the indigenous population of Western Siberia. Judging by historical and ethnolinguistic data, the Northern Selkups moved to the Upper Taz region in the 17th – 18th century. Anthropological materials of the Northern Selkups were first obtained only in 2013 and 2016 during the excavations of Kikki-Akki burial ground. Recorded according to archaeological data, the burial rite has direct analogies in Southern Selkups burial grounds of the 17th – 18th centuries, with the exception of the selected individual features of the Eastern Khanty traditions. The craniological sample from Kikki-Akki burial includes 21 skulls – 13 males and 8 females. The dental sample includes the teeth of 22 individuals – 10 male, 6 female and 6 children. During the study the authors examined the anthropological materials based on the method of description of dental and cranial morphology, performed statistical integration. Characteristics of the series were compared with the obtained data of West Siberian near-recent samples. The analysis of the data shows that the Vakh Khanty represent the closest analogy to the series from Kikki-Akki, but the female part of the craniological sampling has a strong resemblance to the groups of the Southern Selkups. The results confirm the available historical and ethnolinguistic data on their formation due to the resettlement of a part of the Southern Selkup group from the Ob River Basin to the north, i.e. to the upper reaches of the Taz River. Moreover, the results demonstrate that the Selkup appearance changed quite a lot in a short period of time (200–300 years) that passed since their migration. The Northern Selkups acquired a significant resemblance to the Vakh Khanty – the only population with which the Selkups could maintain marital relations during their resettlement from the Middle Ob River to the Taz River.

Key words: Western Siberia, modern age, Northern Selkups, anthropology, craniology, dental anthropology.

Citation. Poshekhanova O.E., Zubova A.V., Sleptsova A.V. Origins of the Northern Selkups Based on Anthropological Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 152–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.13>

УДК 572
ББК 63.3Дата поступления статьи: 16.05.2019
Дата принятия статьи: 15.07.2019

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹

Ольга Евгеньевна Пошехонова

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Алиса Владимировна Зубова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Анастасия Викторовна Слепцова

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено анализу краниологии и одонтологии верхнетазовских северных селькупов – одной из наименее изученных групп коренного населения Западной Сибири. Судя по историческим и этнолингвистическим данным, северные селькупы мигрировали в верховья р. Таз в XVII–XVIII веках. Палеоантропологические материалы, изучение которых могло бы подтвердить эту гипотезу, впервые были получены только в 2013 и 2016 гг. при раскопках могильника Кикки-Акки. Зафиксированный по археологическим данным погребальный обряд имеет прямые аналогии в южноселькупских могильниках XVII–XVIII вв. Кроме этого, отмечены отдельные черты восточнохантыйских традиций. Краниологическая выборка из могильника Кикки-Акки насчитывает 21 череп – 13 мужских и 8 женских. Одонтологическая серия из могильника Кикки-Акки включает в себя зубы 22 индивидов – 10 мужчин, 6 женщин и 6 детей. В ходе исследования антропологические данные были проанализированы по краниологической и одонтологической методикам, проведена статистическая интеграция информации, полученной из обеих систем. Было выполнено сопоставление характеристик серии с данными по выборкам близкого к современности времени из Западной Сибири с целью выяснения круга популяционных связей. Анализ данных показал, что ближайшую аналогию серии из Кикки-Акки представляют ханты Ваха, однако женская часть краниологической выборки по своим характеристикам имеет выраженное сходство с группами южных селькупов. Полученные результаты подтверждают имеющиеся исторические и этнолингвистические данные о переселении части южных селькупов из бассейна р. Обь на север, в верховья р. Таз. Но, кроме этого, они показали, что за небольшой промежуток времени (200–300 лет), прошедший со временем миграции, генофонд и контролируемый им физический облик селькупов довольно сильно изменился. Северные селькупы приобрели выраженное сходство с ваховскими хантами, которое объясняется тем, что на пути переселения селькупов из Среднего Приобья на Таз ханты Ваха были единственной популяцией, с которой они могли поддерживать брачные связи. *Вклад авторов.* О.Е. Пошехонова: проведение археологических раскопок могильника Кикки-Акки, измерений черепов, анализ полученных данных, написание статьи. А.В. Зубова: исследование зубов индивидов, анализ полученных данных, написание статьи. А.В. Слепцова: написание статьи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Новое время, северные селькупы, палеоантропология, краниология, одонтология.

Цитирование. Пошехонова О. Е., Зубова А. В., Слепцова А. В. Происхождение северных селькупов по антропологическим данным // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 152–170. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.13>

Introduction. The research is focused on analysing the craniology and dental anthropology of the Upper Taz Selkups, who are among the least studied groups of the indigenous population of Western Siberia (Fig. 1). They speak an Upper Taz parlance of the Northern sub-dialect of the Selkup language (Samoyedic branch of the Uralic language family) [16, p. 3].

The Northern Selkups are thought to be descendants of the Narym Selkups who migrated in the 17th and 18th centuries from the Middle Ob River basin (subtaiga subzone, southern taiga) to the north (northern taiga subzone), crossing the Vakh River basin and the Siberian Ridges for political, economic, and, possibly, environmental reasons (Fig. 2) [20, p. 8-74]. Nowadays, the settlement area of the Upper Taz Selkups is

located along the upper reaches of the Taz River and extends from the Ratta River to the Tolka River. Until now, historical and ethnolinguistic data have been the only sources used to address the issue of the origins of the Northern Selkups, in particular, their Upper Taz group. Anthropological and archaeological materials were first obtained only in 2013 and 2016 during the excavations of Kikki-Akki burial ground (Russia, Krasnoselkupsky District of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Taz River, the Korylky River mouth). Historical evidence suggests that Karakon station, the center of Karakon *volost* (district) was situated there in the 18th and 19th centuries [1, p. 124-127]. Probably, its inhabitants, the Karakon Ostyaks, as the Russians called them, were buried in the burial ground.

The necropolis consisted 21 burials, 18 of which were excavated by Institute of the Problems of Northern Development RAS under the direction of O.E. Poshekhanova. Dating of the graves with artifacts proved to be difficult. Many items were found to be several centuries older than the necropolis. Only lasher's bells, thimbles, and a number of finger rings made in Russia were the reliable materials for dating as *termini post quem* because the listed items were made only in the 18th and 19th centuries. This time frame was confirmed by the results of radiocarbon dating [23]. All 18 burials were formed according to the rite of inhumation in ground pits with a varying depth from 50 cm to 70 cm. The deceased were layed down in a stretched out position on their backs, with their heads to the southeast, east, or northeast inside the funerary constructions that were placed on the floor of the burial pit. Burials were both single and collective (two or three individuals) (Fig. 3, 1). Numerous marks of fire based activities were noted. These were artifacts of Russian (Fig. 3, 11), Ural (Fig. 3, 5, 7, 8) and even German production (Fig. 3, 6). Lunula galloon, wheel-shaped pendants, eight-pod pendants, volume ring-shaped pendants made from different types of non-ferrous alloy (Fig. 3, 2-4, 9, 10) – the artifacts of decoration of belts, scabbard, shoes, clothes and funeral facecloth were found in burials [21]. Such galloons and pendants were very widespread among the southern Selkups; they were found in many burial grounds of the 17th century as ornaments of belts and forehead decoration [9; 10]. All the listed features of the funeral rite have direct analogies in the Southern Selkup burial grounds of the 17th – 18th centuries [21], but besides them, a few distinct features of the East Khanty traditions were recorded – the widespread use of birch bark for burial structures, the presence of cross-shaped galloons, etc. [21].

The research is aimed at studying the origins of the Upper Taz Selkups based on anthropological data. We set the following tasks in order to achieve our goal: to examine the anthropological materials based on the description of dental and cranial morphology; to perform statistical integration of both systems' data in order to get a general reconstruction of the population history; to compare the obtained

data with West Siberian historical samples in order to determine the range of the proximate population affinities.

Materials and methods. The craniological series from Kikki-Akki burial ground includes 21 skulls (13 male, 8 female). The amount of samples is not so numerous, but they are very well preserved, which is very rare for this natural area. It was examined according to the method of R. Martin modified by V.P. Alekseev and G.F. Debets [4]. The standard craniometric technique is supplemented by measuring the angle of the transverse bend of the forehead, the facial skeleton profile (FSP index), the preauricular facio-cerebral index (PFC index) and Estimated Rate of the Mongoloid Component (CSME, %) [12; 13, p. 89; 14].

The dental anthropological series from Kikki-Akki burial ground includes the teeth of 22 individuals (10 men, 6 women, and 6 children). They were examined according to the standard protocols accepted in Russia [26], as well as abroad [24]. The full research program has been previously published [27; 28; 29]. Each trait was registered on the key teeth of its class, and the individual counting method was used. The series was pooled by sex and age.

An intergroup statistical analysis included two stages. At first, the craniometric characteristics of the Kikki-Akki and other Siberian populations were analysed by means of the canonical variate analysis, and dental anthropological characteristics using the principal component analysis.

In the second stage, scores of CVs and PCs accounting for about 70% of total variance for each systems of traits were taken as new traits and subjected to new PC analysis [17, p. 152]. As a result, a combined picture of differentiation based on both cranial metric and dental nonmetric traits was obtained.

For the canonical variety analysis craniological data on the following historical Western Siberian samples (17th – 19th centuries) were used: the Chulym Tatars, Tomsk Tatars, Tobol-Irtysh Tatars, Baraba Tatars, Southern Selkups, Eastern and Northern Khanty, Northern Mansi, Nenets, Northern Samoyeds and Kets [5–8; 11; 15; 19;]. The following historical and modern dental anthropological series were used: the Taz, Ob, Parabel, Vasiugan, and Ket Selkups; Synia,

Balyk, Vasiugan, and Vakh Khanty; Chulym Tatars; Komi; Kola Saami; Mansi; Nganasans; Kets; Tundra and Forest Nenets; Western Evenks [2, p. 296, Table 21; 3, Table 2].

Results and discussion. Taking into account sexual dimorphism, male and female skulls taken one with another do not practically differ in their morphological characteristics. The craniological uniqueness of this group reduces itself to a combination of the following features. Low sub-dolichocranial skulls are characterised by average longitudinal and transverse diameters. The forehead is narrow, very inclined, and moderately profiled in the horizontal plane. The mesoprosopic face is medium-wide at all levels, it belongs to a middle group according to its height, and the bizygomatic breadth is also medium-sized. The facial skeleton's horizontal profiling of male skulls is at the border of medium and large values at the nasomalar level, and it is expressed much more strongly in the infranasal area. The faces of the female skulls are flattened at the orbit level, and profiled at the zygomatic level. The face is orthognathic in the vertical plane upon all indicators, and it is mesognathic in the alveolar part. Mesoconch orbits are characterised by a medium height, the width of the orbits of the female skulls is large, while the same characteristic for the male skulls is medium. The nose is mesorhine, of medium width and height. The nasal bridge is flattened, low and narrow in absolute terms, and relatively wider at the dacrial level. The nasal protrusion angle is very small. The lower jaw is medium-sized by almost all indicators (Table 1).

The group occupies an intermediate position between the European and the Asian populations, gravitating towards the latter. The series is close to classical Mongoloid samples if we consider the facial skeleton profile (FSP index), and to European samples if we consider the peculiarities of the structure of the cerebral capsule. As a result, a conditional share of the Mongoloid element (CSME) is 76.8 and 76.5% in the male and female parts of the series, respectively.

Sculptural reconstructions of the appearance made by E.A. Alekseeva based on the skulls of two individuals buried at Kikki-Akki burial ground clearly demonstrate the anthropological originality of the Northern Selkups (Fig. 4).

In order to determine the similarities among the Northern Taz Selkups and historical West

Siberian populations, canonical variate analysis was carried out. The first canonical vector (25.2% of variability) differentiates the male samples according to the cranial height. The second canonical vector (13.4% of variability) divides the samples according to the maximum cranial breadth and facial height (Table 2). Female groups were differentiated according to the shape of the brain capsule, and the individual characteristics of the facial skeleton. For the first canonical vector (26.4% of variability), the maximum loads fall on groups with a lower face and higher nasal bridge, for the second (16.8% of variability) a shorter and wider skull, and a wide and flattened face with a more prominent nose.

Male and female samples localised in the same side of the graphs (Fig. 5, 6), demonstrate similar patterns of intergroup variability. They are localised according to their belonging to a certain anthropological type. The Southern Selkups, Tomsk-Chulym Tatars, and Tobol-Baraba Tatars [8, p. 350-351] are differentiated by the first canonical vector and compactly located in the right side of the graph. They are characterised by a high and brachycranial skull, low face, wide orbits, and a large nasal bridge. The samples of the Ob-Ugrians (the Northern Mansi, Eastern and Northern Khanty) [8, p. 352-353] are localised in diffused clusters on the left side of the graph. They are characterised by a lower and most dolichocranial skull, gracile nasal bridge, and small nasal protrusion angle.

The Kets sample and Northern Samoyedic groups represented by a pooled series of skulls of the Tundra Nenets [11], the Taz River Nenets (the Vesakoiakha River and Niamboito Lake) [7], the Forest Nenets, the Iar-Sale Nenets, the Shchutchia River Nenets and the Nganasans [8] are compactly grouped in the upper left part of the graph. They are characterised by the widest skull, a large flat face, a narrow piriform aperture and a larger nasal protrusion angle in this combination of series.

The male sample from the Kikki-Akki burial ground is located far away from the Southern Selkups within the Ob Ugrian variability limits among the series of the Eastern Khanty living along the Vakh River, the Salym River, the Yugan River, and the Balyk River (Fig. 5). Mostly, they are drawn together by those features which have maximum loads in the first canonical vector

(cranial height). The similarity between the Upper Taz series and the Eastern Khanty groups is conditioned by the differential features of the second canonical vector: cranial height and cranial breadth. At the same time, the closest series to the male Kikki-Akki sample is the Eastern Khanty living along the Vakh River.

The revealed cranial metric difference between the Upper Taz Selkups and the Southern Selkups and their close affinities with the Eastern Khanty does not fully match to the ethnolinguistic data, according to which both the Northern and Southern Selkups belong to the same ethnic group, but speak different dialects of the same language [16, p. 3; 20, p. 8–74]. In addition, archaeological materials speak with certainty for a cultural affinity between the Upper Taz and the Southern Selkups [21]. In this regard, the female group from Kikki-Akki burial ground are interestingly located on the graph (Fig. 6). It is located between the Southern Selkups and the Khanty samples, closer to the Selkups, which indicates miscegenation. The closest series of the Eastern Khanty is the Khanty living along the Vakh River. It is probable that the physical features of the Upper Taz Selkups were being formed in the conditions of an active mixing between their ancestral Selkup group and the Vakh River Khanty, as migrations went through the area where the latter lived.

Our hypothesis is confirmed by the results of the analysis of dental non-metric traits. The Kikki-Akki dental series is characterised by moderate frequency of shovelling of upper central incisors and absence of double shovelling (Table 3). There is one case of labial curvature of these teeth. The upper and lower canines demonstrate high occurrence of distal accessory ridges. The Carabelli cusp of the first upper molars is relatively rare. There are no variant three of the first paracone furrow shape. The frequency of hypocone reduction on the upper second molars is high.

Several cases of an extremely archaic form of the lower premolars can be regarded as a specific feature of the group. While these teeth have a non-interrupted transversal crest, their talonid is extended and has an asymmetrical shape due to additional distolingual cusps. The first lower molars are only five-cusped, mostly with the Y-pattern of the crown. The distal trigonid crest, the deflecting wrinkle, and the anterior fovea are rather high on them. There is neither protostyloid

nor C7, and one case of epicristid and basal cingulum was found. The frequency of four-cusped lower second molars is moderate.

Most of the features described above are common for contemporary Ugric-Samoyedic groups [25].

A statistic comparison of the Kikki-Akki dental anthropological series with historical and modern Siberian and Eastern European series demonstrate that approximately 75% of the total variability can be described by three vectors. The first vector (PC1, 32% of the total variability) (Table 4) divides Finno-Ugric (the Komi, Saami, Mansi, most of the Khanty series) and Turcic (the Chulyum Tatars) (positive scores) from Samoyedic groups (the Selkups, Nganasans, Nenets), the Evenks, Kets and Vakh River Khanty (negative scores) (Fig. 7). The complex of traits which is important for differentiating Samoyedic series includes frequencies of four-cusped lower first and second molars, distal trigonid crest and the deflecting wrinkle.

PC2 (23% of the total variability) is mostly defined by such traits as C7, shovelling and 6M1 (six-cusped lower first molars) (Table 4). Differences in these features are important for differentiating Samoyedic groups. The Nganasan series, which is characterised by the highest frequency of shovelling upper incisors, is on the negative pole of the vector. Although the Southern Selkups and the Nenets groups are also characterised by negative scores, the distance between them and the Nganasans is significant. The Kikki-Akki together with the Taz Selkups and the Vakh River Khanty series forms the positive pole of the vector.

In general, the picture based on dental anthropology corresponds to a craniological model of the formation of the Upper Taz Selkups, according to which their ancestors have mixed with the Vakh River Khanty during migrations. However, we would like to mention that according to dental anthropological data, morphological differences between the Northern and the Southern Selkups appear more strongly pronounced. This can possibly be explained by the influence of a large number of marriages between close relatives on the characteristics of the dentition [22, p. 102].

The results of the integration of cranial metric and dental non-metric traits are as follows (Table 5).

IPC1 separates the Nganasans and Evenks (negative scores) from most other groups including the Komi, Saami, Selkups, Khanty, Mansi and Chulym Tatars (positive scores). The Kets, Nenets and Northern Khanty keep an intermediate position between these extremes (Fig. 8).

The negative pole of IPC2 is formed by two European series, the Komi and Saami. They are characterised by minimal angles of the horizontal profile of facial skeletons, by more prominent nasal bones and a relatively high frequency of four-cusped lower second molars among the compared groups. The Kikki-Akki series and the Vakh River Khanty are situated on the opposite pole of the vector. According to the results of the integrative analysis, the Vakh River Khanty reveal the closest biological affinities with the Kikki-Akki series, as it followed from separate analysis of cranial metric and dental non-metric traits.

Conclusions. The results of the analysis of the craniological and dental anthropological characteristics of the Upper Taz Selkups confirm the available historical, ethnolinguistic and archaeological data on their formation as a result of the resettlement of the Southern Selkup group from the Ob River Basin to the north, i.e. to the upper reaches of the Taz River. Moreover, the results demonstrated that the gene pool and the physical image of the Selkups controlled by this pool have changed quite significantly in the short period of time (200–300 years) that has passed since their migration. The Northern Selkups

developed a pronounced resemblance with the Vakh River Khanty. This is explained by the fact that the Vakh River Khanty were the only population with which the Selkups could maintain marital relations along the route of their resettlement from the Middle Ob River to the Taz River. The closest areas in the north were occupied by the Nenets, with whom the Selkups had serious military clashes over the occupied territories [18, p. 36]. Archaeological materials, in contrast, show the preservation of many South Selkup features in the funeral rites of the resettled group and the minimal cultural influence on them by the Eastern Khanty [21]. Relations with the Southern Selkups were broken due to large distances [20]. Also, there was a landscape “barrier” represented by the Siberian Ridges, which are an upland system stretching from west to east dividing the basins of the Ob River and the Taz River, impeding contacts between the Northern Selkups and their ancestral group. Due to the small amount of the studied samples, we should note the preliminary nature of this study.

NOTE

¹ The reported article was funded by the Basic Research Program of the Russian Academy of Sciences 2018–2020, project no. AAAA-A17-117050400143-4 of the Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and by the Basic Research Program of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera).

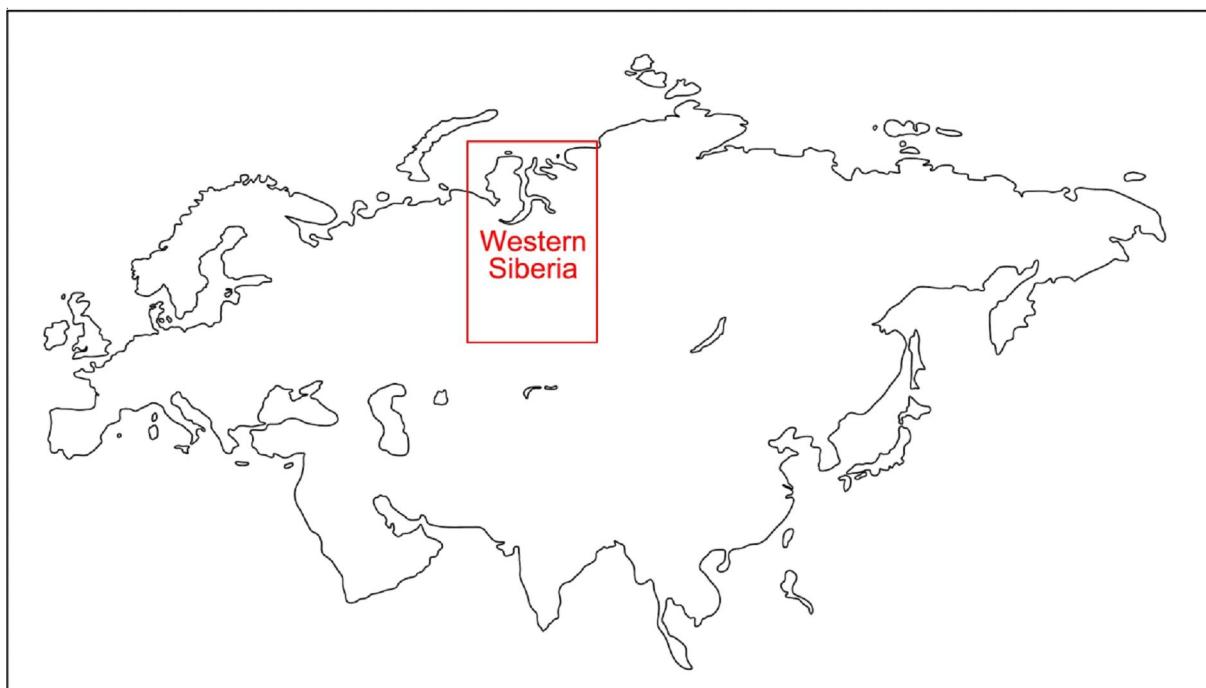

Fig. 1. Western Siberia on the Eurasian continent

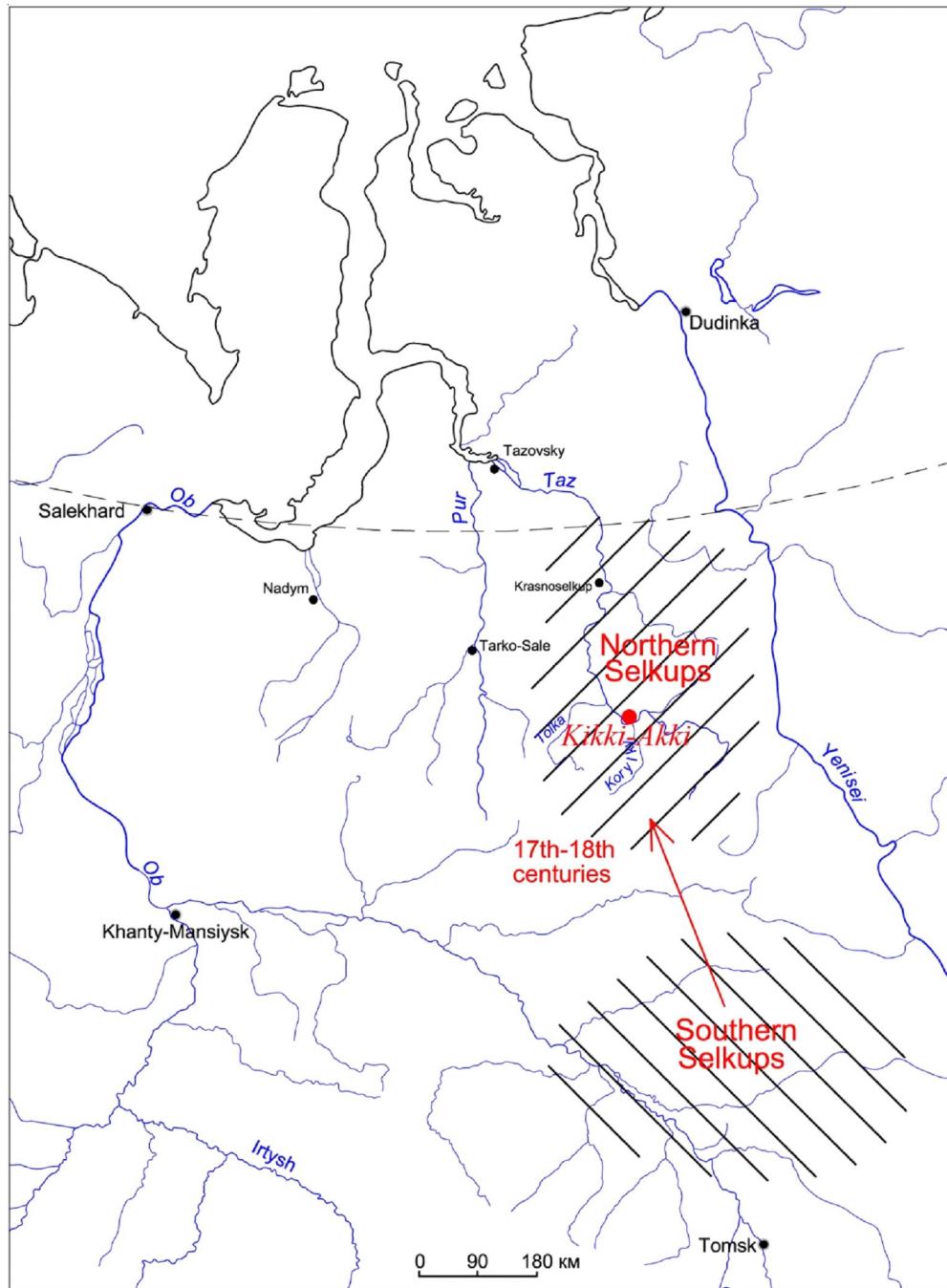

Fig. 2. Location of Kikki-Akki burial ground and migration of the Selkups according to historical and ethnolinguistic data

Fig. 3. Burial pit 17 and artefacts from Kikki-Akki burial ground:

1 – Burial pit 17, lower level of fixation; 2 – volume ring-shaped pendant (the Southern Selkups, 17th century); 3 – eight-pod pendant (the Southern Selkups, 17th century); 4 – wheel-shaped pendant (the Southern Selkups, 17th – early 18th centuries); 5 – noise-making pendant (the Urals, 12th century); 6 – pfennig, Nuremberg, Cornelius Lauffer (1658–1711); 7 – globe-shaped threading bead (Perm Krai, 10th – 11th centuries); 8 – barrel-shaped threading bead, (the Votes, Ves, Karelians, 18th – 19th centuries); 9 – lunula galloon (the Southern Selkups, 17th century); 10 – lunula galloon (Middle Ob River region, 9th – 12th centuries); 11 – iron knife (Solvytchegodsk, 17th – early 18th centuries)

Table 1. Sizes and indicators of the skulls from Kikki-Akki burial ground

Features, their Martin's numbers, or designations	♂		♀	
	$x(n)$	s	$x(n)$	s
1. Cranial length, from g.	179.8(13)	9.4	172.9(8)	6.8
8. Maximum cranial breadth	139.9(13)	5.9	134.2(8)	4.8
17. Cranial height (<i>ba-b</i>)	129.1(13)	6.4	125.9(8)	6.0
8:1. Cranial index	77.8(13)	6.6	77.4(8)	4.5
5. Cranial base length	97.7(13)	3.0	95.4(8)	2.5
9. Maximal frontal breadth	92.2(13)	3.4	89.3(7)	3.6
The angle of the transverse bend of the forehead	139.1(13)	5.2	140.3(7)	3.1
32. Forehead profile angle, from <i>n</i> .	78.2(12)	3.9	79.6(5)	3.7
40. Basion-prosthion length	95.8(13)	3.8	92.8(7)	4.7
40:5. Facial protrusion index	98.0(13)	4.6	97.1(7)	3.9
43. Upper facial height	102.7(13)	3.0	100.1(7)	2.9
46. Midfacial breadth	97.3(12)	2.6	95.3(6)	7.9
45. Bonygomatic breadth	133.1(13)	5.7	124.3(7)	2.2
48. Nasion-alveolar height	70.0(13)	5.3	65.2(8)	4.0
48:45. Upper facial index	52.5(13)	4.5	52.9(7)	3.0
72. General facial angle	85.6(12)	1.7	84.2(5)	4.4
74. Alveolar angle	83.2(12)	2.1	82.0(5)	4.7
77. Nasomalar angle	144.1(13)	5.7	145.4(7)	4.2
∠ zm°. Zygomatic angle	130.6(8)	5.3	129.6(5)	2.6
51. Orbital breadth, from <i>mf</i> .	42.2(13)	1.7	42.4(7)	1.4
52. Orbital height	34.5(13)	2.2	34.6(7)	1.3
52:51. Orbital index, from <i>mf</i>	81.5(13)	5.3	81.3(7)	4.8
55. Nasal height	51.9(13)	3.4	47.6(8)	2.9
54. Nasal breadth	25.2(13)	1.8	24.0(7)	2.0
54:55. Nasal index	48.7(13)	6.1	50.0(7)	3.2
75(1). Nasal protrusion angle	17.3(13)	4.0	12.7(6)	3.8
SC. Simotic chord	6.5(13)	1.3	6.4(7)	1.3
SS. Simotic subtense	2.5(13)	2.5	2.1(7)	0.5
∠ S. Simotic angles	104.8(13)	14.6	113.3(7)	16.8
DC. Dacrial chord	21.2(13)	1.3	20.2(7)	1.0
DS. Dacrial subtense	9.9(13)	1.4	7.8(7)	1.4
∠ D. Dacrial angles	95.5(13)	9.7	105.3(7)	12.5
FSP Index	73.8	—	79.1	—
PFC index	93.7	—	92.5	—
CSME	76.8	—	76.5	—

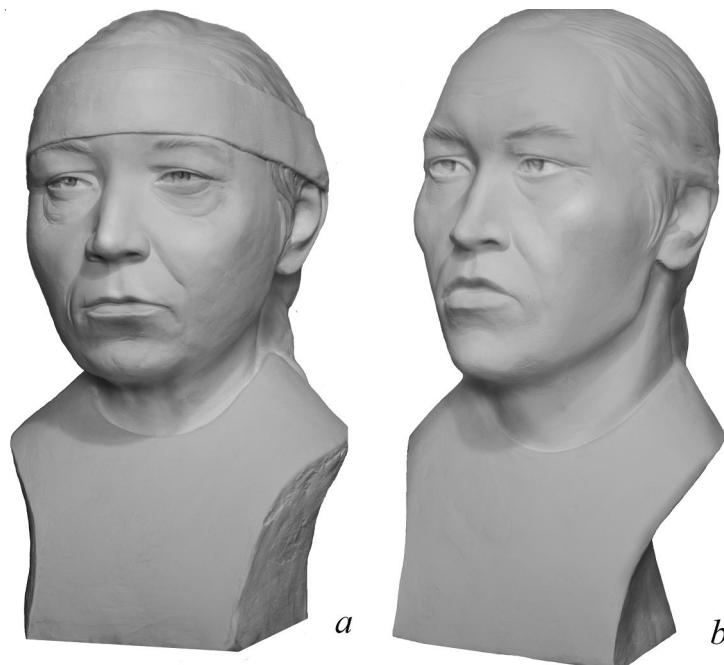

Fig. 4. Facial reconstruction of Kikki-Akki burial ground:
 a – female skull from burial 3; b – male skull from burial 4

Table 2. Factor loading values (craniology)

Features, their Martin's numbers, or designations	♂		♀	
	I c. v.	II c. v.	I c. v.	II c. v.
1. Cranial length, from g.	-0.1779	-0.1277	-0.1162	-0.3560
8. Maximum cranial breadth	0.0757	0.6655	-0.1040	0.3787
17. Cranial height (<i>ba-b</i>)	0.6001	-0.0748	0.4791	0.2884
45. Bizygomatic breadth	0.0328	0.1659	-0.2432	0.3967
48. Nasion-alveolar height	-0.3160	0.4009	-0.4238	-0.1013
51. Orbital breadth, from <i>mf</i>	0.3131	0.3512	0.2807	0.0534
52. Orbital height	-0.3429	-0.0271	-0.2973	0.1390
54. Nasal breadth	0.0813	-0.2698	0.1398	-0.0557
55. Nasal height	-0.1157	-0.0359	-0.1194	0.4560
SS. Simotic subtense	0.2305	0.0595	0.3811	0.1896
DC. Dacrial chord	0.2287	0.1634	0.1615	0.1309
DS. Dacrial subtense	0.2844	0.0064	0.2965	-0.0607
75(1). Nasal protrusion angle	-0.2280	0.2578	-0.1476	0.2148
77. Nasomalar angle	-0.0000	0.1228	-0.1211	0.3762
$\angle zm^*$. Zygomatic angle	0.0830	-0.0154	0.1035	0.0372
Eigenvalue	15.7818	8.3100	12.6020	8.0035
Variance explained, %	25.2	13.4	26.4	16.8

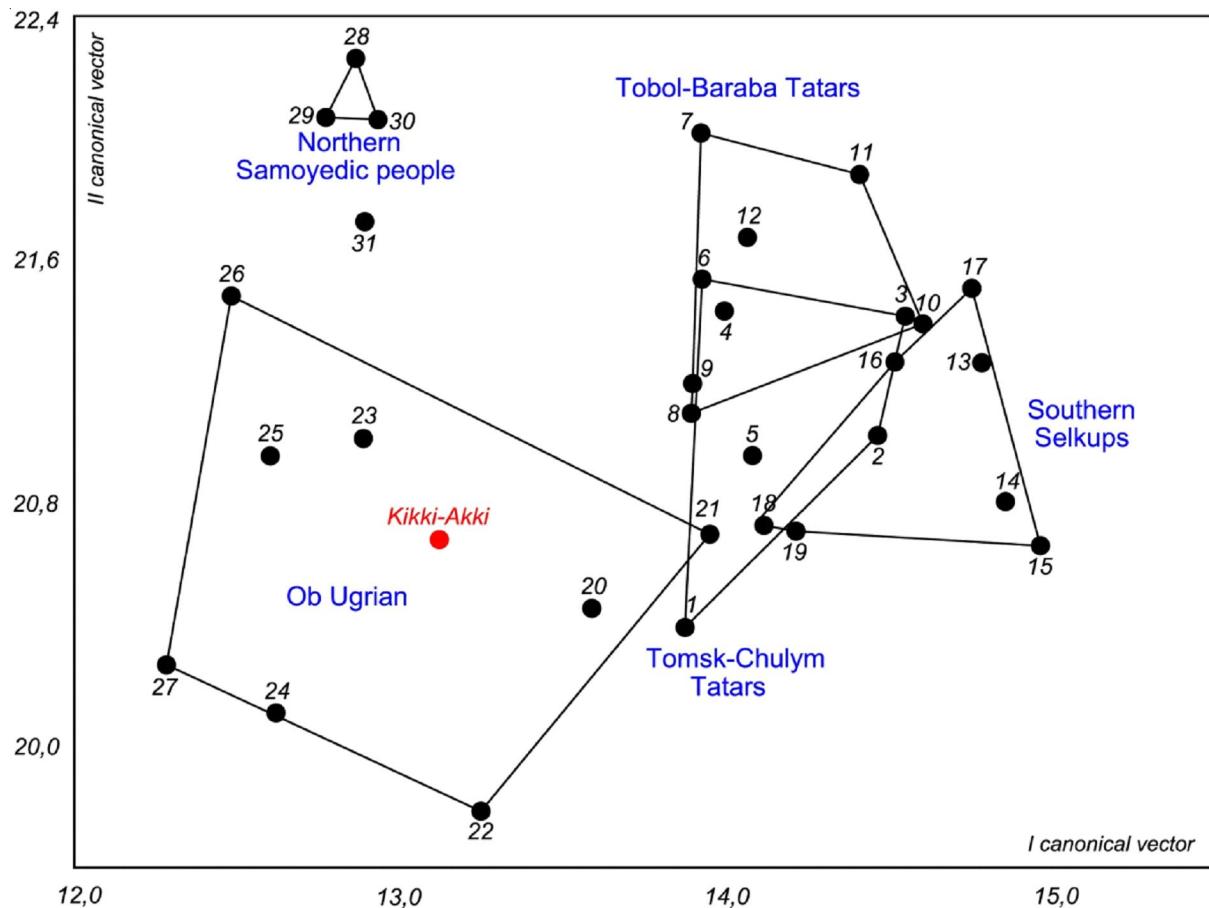

Fig. 5. Location of the male historical West Siberian craniological samples in the space of canonical vectors I and II. Different ethnolinguistic groups of the indigenous West Siberian population are depicted:

the Tomsk-Chulym Tatars: 1 – Iasashnaia Gora burial ground; 2 – Koziulinskii burial ground;

3 – the Iaia River and the Kiia River series; 4 – Turgai and Balagachevskii burial grounds;

5 – the Ob River series; 6 – Toianov Gorodok burial ground;

the Tobol-Baraba Tatars: 7 – Aialyn group; 8 – Kyshtovka burial ground; 9 – Tobol group;

10 – Sargat group; 11 – Abramove burial ground; 12 – Tyumen group;

the Southern Selkups: 13 – Tiskinskii burial ground, middle group; 14 – Tiskinskii burial ground, later group;

15 – Migalka burial ground; 16 – the Narym River series;

17 – the Ket River series; 18 – the Tym River series; 19 – the Chulym River series;

the Eastern Khanty: 20 – the Balyk River series; 21 – the Vasiugan River series;

22 – the Salym River series; 23 – the Vakh River series; 24 – the Iugan River series;

the Northern Khanty and Mansi: 25 – Obdorsk burial ground; 26 – Khalas-Pogor burial ground; 27 – the Northern Mansi;

the Northern Samoyedic people: 28 – the Tundra Nenets; 29 – the Taz River Nenets;

30 – the Northern Samoyedic people, combined series; 31 – the Kets

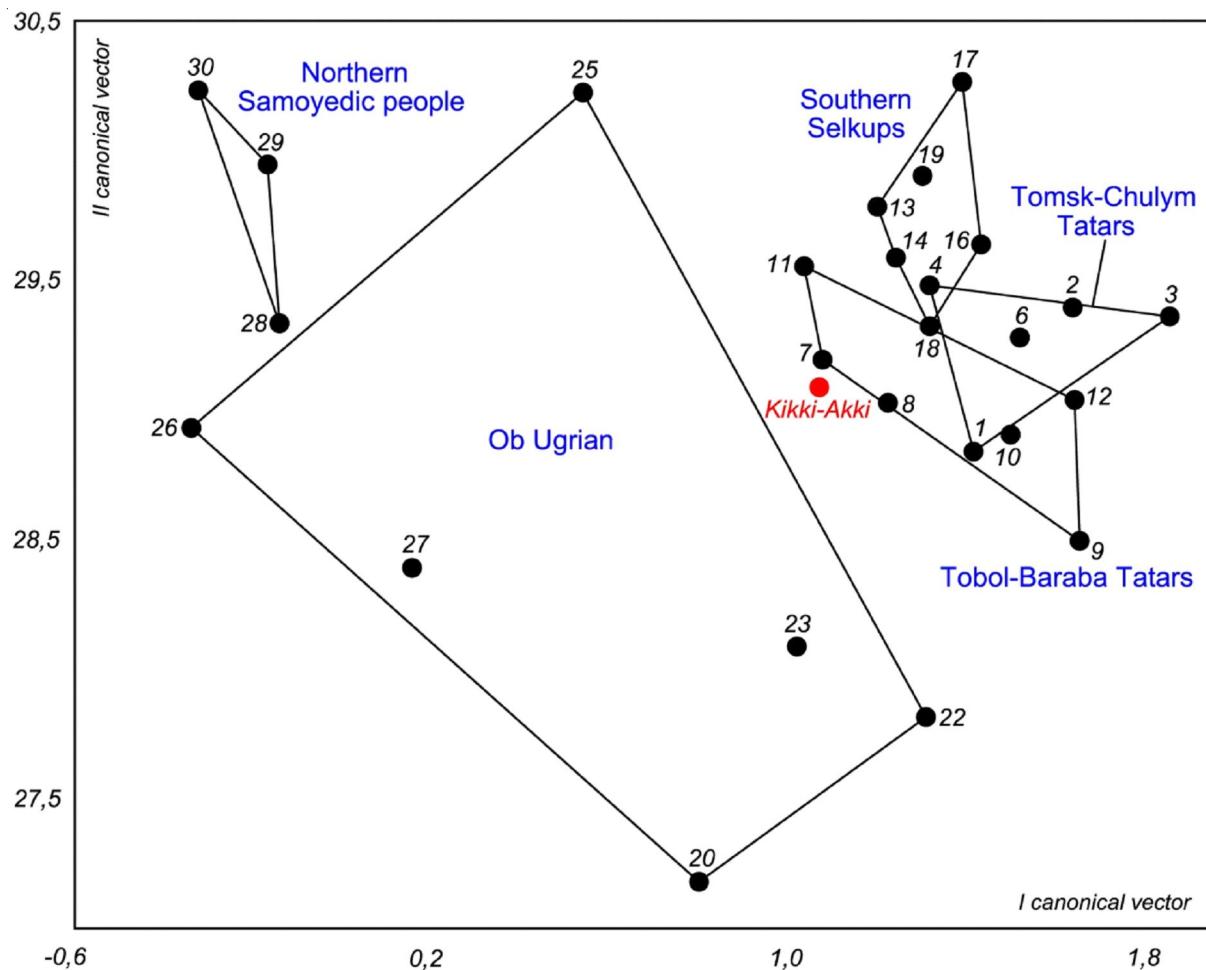

Fig. 6. Location of the female historical West Siberian craniological samples in the space of canonical vectors I and II. Figure caption for group numbers at figure 5

Table 3. Frequencies of dental anthropological features from the Kikki-Akki series

Name of the feature	n/N	%
Shovelling UI1	5/14	35.7
Labial curvature UI1	1/6	16.7
Spine UI1	3/12	25.0
Spine UC	1/9	11.1
Distal accessory ridge UC	7/9	77.8
Mesial accessory ridge UC	1/9	11.1
Carabelli cusp UM1	3/19	15.79
C5 M1	5/12	41.7
Crista oblique	1/13	7.7
1 eo type 3	0/7	0
1Pr (II)	2/5	40
Hypocone reduction UM2	11/19	57.89
Distal accessory ridge LC	3/8	37.5
Mesial accessory ridge LC	0/8	0
t6 LM1	0/16	0
four-cusped LM1	0/16	0
YM1	13/15	86.67
XM1	2/15	13.33
“+”M1	1/15	6.67
dtc M1	5/15	33.3
dw M1	4/8	50
Mtc M1	1/15	6.67
protostilid LM1	0/15	0
protostilid pit LM1	6/15	40
C7 M1	0/15	0
basal cingulum LM1	1/15	6.67
anterior fovea LM1	6/10	60
posterior fovea LM1	0(13)	0
2 med (II)	2/5	40
2 med (III)	3/5	60
four-cusped LM2	13/17	76.47
YM2	3/16	18.75

Table 4. Statistical loads on the features of the first two factors (dental anthropology)

Name of the feature	PC1	PC2
Shovelling UI1	-0.37	-0.51
Carabelli cusp UM1	0.22	-0.15
Hypocone reduction UM2	0.22	0.24
6M1	-0.23	-0.89
4M1	0.73	-0.06
4M2	0.63	0.62
dtc M1	-0.84	0.19
dw M1	-0.78	0.30
C7M1	0.56	-0.65
Expl. Var	2.85	2.08
Prp. Totl	0.32	0.23

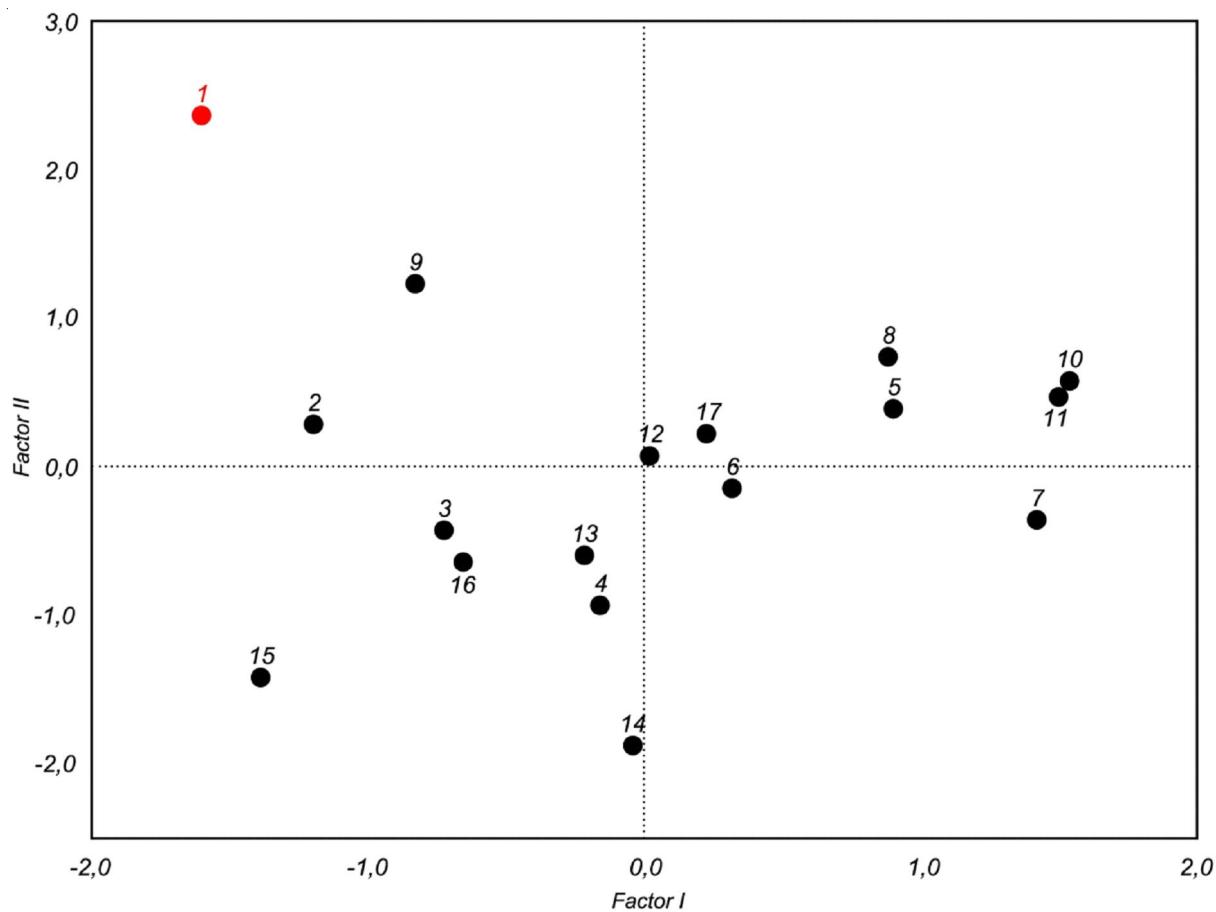

Fig. 7. Distribution of dental anthropological series in the space of the first two factors:
 1 – the Kikki-Akki; 2 – the Taz River Selkups; 3 – the Selkups living along the Ob, Parabel, Vasyugan Rivers;
 4 – the Ket River Selkups; 5 – the Mansi of the 18th – 20th centuries; 6 – the Synia River Khanty;
 7 – the Balyk River Khanty; 8 – the Vasiugan River Khanty; 9 – the Vakh River Khanty; 10 – the Komi in total;
 11 – the Saami living on the Kola Peninsula; 12 – the Tundra Nenets; 13 – the Forest Nenets; 14 – the Nganasans;
 15 – the Kets of the 19th – 20th centuries; 16 – the Western Evenki; 17 – the Chulymns of the 16th – 20th centuries

Table 5. Statistical loads on the elements which form part of the integrated PC

Indicator	IPC 1	IPC 2
PC1	0.12	-0.83
PC2	0.73	0.21
PC3	-0.58	0.09
CV1	-0.89	0.28
CV2	-0.31	-0.81
Expl.Var	1.77	1.49
Prp.Totl	0.35	0.30

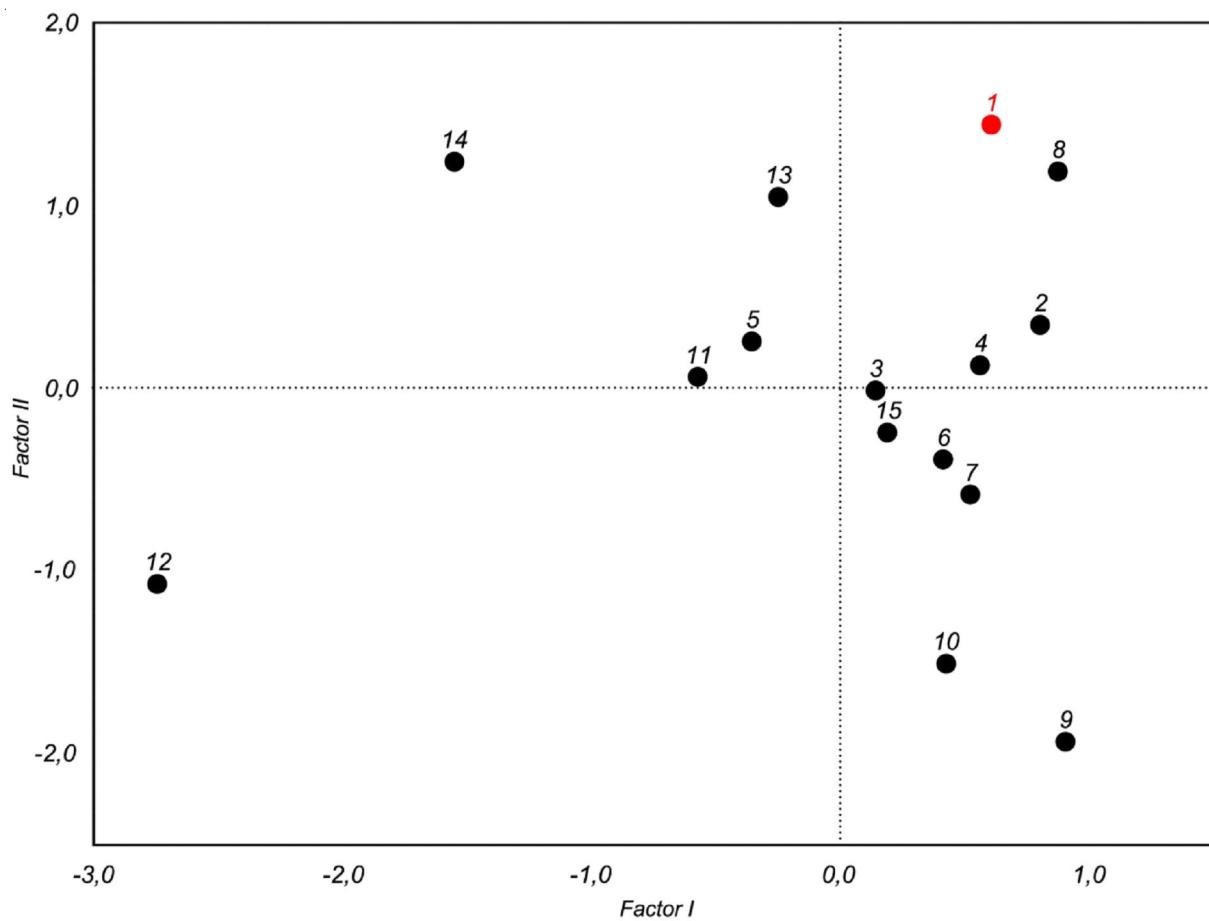

Fig. 8. Results of the integrated comparison of the craniological and dental anthropological characteristics of the Kikki-Akki series with historical and modern groups:

1 – the Kikki-Akki; 2 – the Ob River Selkups; 3 – the Ket River Selkups; 4 – the Mansi; 5 – the Northern Khanty; 6 – the Balyk River Khanty; 7 – the Vasiugan River Khanty; 8 – the Vakh River Khanty; 9 – the Komi; 10 – the Saami; 11 – the Nenets; 12 – the Nganasans; 13 – the Kets; 14 – the Evenki; 15 – the Chulym

REFERENCES

1. Adaev V.N. Selkupy Verkhnego Taza: mezhkulturnye svyazi i puti soobshcheniya s naseleniem soosednikh rechnykh basseynov v XVIII–XX vv. [Selkups of the Upper Taz: Intercultural Relations and Ways of Communication with the Population of Neighboring River Basins in the 18th–19th Centuries]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2014, 1 (24), pp. 124-132.
2. Aksanova G.A. Odontologiya [Dental Anthropology]. *Etnografiya i antropologiya Yamala* [Ethnography and Anthropology of Yamal]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, pp. 292-344.
3. Aksanova G.A. Rasogeneticheskie svyazi khantov severnogo Zauralya [Rasogenetic Links of the Khanty of the Northern Trans-Urals]. *Paleoantropologiya. Etnicheskaya antropologiya. Etnogenез. K 75-letiyu Ilyi Iosifovicha Gokhmana* [Paleoanthropology. Ethnic Anthropology. Ethnogenesis. To the 75th Anniversary of Ilya Iosifovich Gokhman]. Saint Petersburg, 2004, pp. 126-150.
4. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry. Methods of Anthropological Research]. Moscow, 1964. 127 p.
5. Bagashev A.N. Khronologicheskaya izmenchivost kraniologicheskogo tipa narymskikh selkov (po materialam mogilnika Tiskino) [Chronological Variability of Craniological Type of Narym Selkups (Based on Materials from the Tiskino Burial Ground)]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2001, no. 3, pp. 159-174.
6. Bagashev A.N. Antropologicheskiy sostav naseleniya Priketya (Lukyanovskiy i Maksimoyarskiy mogilniki) [Anthropological Composition of the Ket Region Population (Lukyanovsky and Maksimoyar Burial Grounds)]. *Problemy vzaimodeystviya cheloveka s okruzhayushchey sredoy: materialy itogovoy nauchnoy sessii nauchnogo soveta IPOS SO RAN* [Problems of the Human-Environment Interaction. Proceedings of the Final Scientific Session of the Scientific Council of the Institute of the Problems of Northern Development of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Tyumen, Izd-vo Instituta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2002, no. 3, pp. 40-43.
7. Bagashev A.N., Slepchenko S.M. Materialy po kraniologii tazovskikh nentsev [Materials on Craniology of the Taz Nenets]. *Chelovek i sever: materialy vserossiyskoy konferentsii* [Man and North. Proceedings of the All-Russian Conference]. Tyumen, Izd-vo Instituta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2015, pp. 6-10.
8. Bagashev A.N. *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017. 408 p. DOI: 10.20874/978-5-02-038704-1.
9. Bobrova A.I., Bodrova A.Sh. Poyasa XVII veka iz Priketya: osobennosti tekhnologii i dekora [Belts of the 17th Century from the Ket River Region: Features of Technology and Decor]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Irkutsk, Omsk, 2013, pp. 34-43.
10. Chindina L.A. O ritualnoy odezhde selkupskoy zhenshchiny XVII veka [On the Ritual Clothing of a Selkup Woman of the 17th Century]. «Moya izbrannitsa nauka, nauka bez kotoroy mne ne zhit»: sbornik materialov [“My Chosen One Is Science, Science Without Which I Can not Live”. Collection of the Proceedings]. Barnaul, AGU Publ., 1995, pp. 179-187.
11. Debets G.F. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoy oblasti [Anthropological Studies in Kamchatka Region]. *Trudy Instituta etnografii* [Digest of Institute of Ethnography]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 17. 264 p.
12. Debets G.F. Opyt kraniometricheskogo opredeleniya doli mongoloidnogo komponenta v smeshannykh gruppakh naseleniya SSSR [Experience of Craniometric Determination of the Proportion of the Mongoloid Component in Mixed Populations of the USSR]. *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Azii* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 13-22.
13. Gokhman I.I. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlya rasovoy diagnostiki [The Angle of Transverse Bending of the Forehead and Its Value for Racial Diagnosis]. *Voprosy antropologii*, 1961, vol. 8, pp. 88-98.
14. Gokhman I.I. Proiskhozhdenie tsentralnoaziatskoy rasy v svete novykh antropologicheskikh materialov [Origin of the Central Asian Race in the Light of New Anthropological Materials]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Saint Petersburg, Peter the Great Museum (the Kunstkamera), 1980, vol. 36, pp. 5-34.
15. Gokhman I.I. Antropologicheskie aspekty ketskoy problemy: Rezul'taty antropologicheskikh i kraniologicheskikh issledovaniy [Anthropological Aspects of the Ket Problem: Results of Anthropological and Craniological Research]. *Ketskiy sbornik* [Ket Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 9-42.
16. Kazakevich O.A., Budianskaya E.M. Predislovie [Foreword]. *Dialektologicheskiy slovar selkupskogo yazyka: (severnoe narechie)* [Dialectological Dictionary of the Selkup Language: (Northern Dialect)]. Yekaterinburg, Basko Publ., 2010, pp. 3-4.

17. Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseev V.G. New Data on Siberian “Amerikanoids”. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2003, vol. 3, no. 15, pp. 149-154.
18. *Mifologiya selkupov*. [Mythology of the Selkups]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2004, vol. 4. 382 p. (Entsiklopediya uralskikh mifologiy [Encyclopedia of the Ural Mythology]).
19. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 4. Rasogenetika korennoy naseleniya* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 4. Indigenous Rasogenesis]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1998. 354 p.
20. Pelikh G.I. *Selkupy XVII v. Ocherki sotsialno-ekonomiceskoy istorii* [The Selkups of the 17th Century. Essays on the Socio-Economic History]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 175 p.
21. Poshekhanova O.E. Novye dannye o verkhnetazovskikh selkupakh XVII – XIX vekov [New Data on the Upper Taz Selkups of the 17th – 20th Centuries]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy* [4th Northern Archaeological Congress. Proceedings]. Yekaterinburg, 2015, pp. 200-202.
22. Poshekhanova O.E., Zubova A.V. Alekseeva E.A. Kraniologiya, odontologiya i rekonstruktsiya vneshnego oblika severnykh selkupov po materialam mogilnika Kikki-Akki [Craniology, Odontology and Reconstruction of the External Appearance of the Northern Selkups Based on Materials from the Kikki-Akki Burial Ground]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2015, vol. 4, no. 31, pp. 93-104.
23. Poshekhanova. O.E., Kisagulov A.V., Gimranov D.O., Nekrasov A.E., Afonin A.S. Transformation of Upper Taz Selkup Funeral Rites According to Paleoecological Data. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, vol. 22, pp. 132-141. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.035>.
24. Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. *Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. Advances in Dental Anthropology*. New York, Wiley-Liss, 1991, pp. 13-31.
25. Zubov A.A., Khaldeeva N.I. *Odontologiya v antropogenetike* [Odontology in Anthropogenetics]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 221 p.
26. Zubov A.A. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskому analizu odontologicheskikh materialov* [Methodological Manual on the Anthropological Analysis of Odontological Materials]. Moscow, Ethno-Online, 2006. 72 p.
27. Zubova A.V., Chikisheva T.A. Nonmetric Dental Trait Distribution in the Neolithic Population of Southwestern Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, no. 3, pp. 121-134. DOI: [10.17746/1563-0102.2015.43.3.116-127](https://doi.org/10.17746/1563-0102.2015.43.3.116-127).
28. Zubova A.V., Stepanov A.D., Kuzmin Y.V. Comparative Analysis of a Stone Age Human Tooth Fragment from Khaiyrgas Cave on the Middle Lena (Yakutia, Russian Federation). *Anthropological Science*, 2016, vol. 124, no. 2, pp. 135-143.
29. Zubova A.V., Chikisheva T.A., Shunkov M.V. The Morphology of Permanent Molars from the Paleolithic Layers of Denisova Cave. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, no. 1, pp. 121-134. DOI: [10.17746/1563-0102.2017.45.1.121-134](https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.1.121-134).

Information About the Authors

Olga E. Poshekhanova, Researcher, Physical Anthropology Department, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, 625026 Tyumen, Russian Federation, poshekhanova.olg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Alisa V. Zubova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Anthropology Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera), Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, zubova_al@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>

Anastasia V. Sleptsova, Junior Researcher, Physical Anthropology Department, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, 625026 Tyumen, Russian Federation, sleptsova_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Информация об авторах

Ольга Евгеньевна Пошехонова, научный сотрудник сектора физической антропологии, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, ул. Малыгина, 86, 625026 г. Тюмень, Российская Федерация, poshekhanova.olg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Алиса Владимировна Зубова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела антропологии, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Университетская набережная, 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, zubova_al@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>

Анастасия Викторовна Слепцова, младший научный сотрудник сектора физической антропологии, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, ул. Малыгина, 86, 625026 г. Тюмень, Российская Федерация, sleptsova_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.14>UDC 94(899)
LBC 63.3(7Уpy)5Submitted: 28.01.2019
Accepted: 25.09.2019

MYTHS ABOUT THE CHARRUA: TRUTH AND FICTION IN THE HISTORY OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF URUGUAY

Timur V. Nelin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the Charrua, a little-known indigenous people of Uruguay. This people was exterminated in the first half of the 19th century, giving rise to a number of myths about its history and culture. The author tries to find out, what information about the Charrua is based on facts, and what is a historical myth. The researcher considers such cases as the anthropological characteristics of the Charrua, the structure of the people, the history of its name, the case of the murder of Juan Diaz de Solis in 1516 and the history of the Natives taken to Paris in 1833. *Methods and materials.* The author uses the principles of historicism, objectivity, the general scientific, historical and genetic method. The data of linguistics, physical anthropology and ethnology are also involved. The article provides historiographical and source analysis related to the Charrua materials. *Analysis.* The physical appearance of the Charrua is related to the pampido anthropological type of the Chaco region. The tribe was heterogeneous and consisted of different groups. The name "Charrua" is of European origin and it is often used as a generic term for several related tribes. According to the sources, the Charrua were not involved in the murder of Juan Diaz de Solis. The latest historical studies of the Charrua taken to France show that there was not wonderful escaping of two members of this tribe. *Results.* The study shows that the most part of the existing historical and anthropological myths about the Charrua are completely or partially untrue.

Key words: Charrua, Native Americans, indigenous peoples, history of Uruguay, historiography, anthropology, historical myth.

Citation. Nelin T.V. Myths About the Charrua: Truth and Fiction in the History of the Indigenous People of Uruguay. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 171-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.14>

УДК 94(899)
ББК 63.3(7Уpy)5Дата поступления статьи: 28.01.2019
Дата принятия статьи: 25.09.2019

МИФЫ О ЧАРРУА: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИИ УРУГВАЙСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Тимур Владимирович Нелин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена чарруа, малоизученному племени уругвайских индейцев. Это племя было истреблено в первой половине XIX в., породив ряд мифов о своей истории и культуре в уругвайском обществе. Автор проверяет достоверность существующих ныне представлений о чарруа, опираясь на исторические и антропологические факты. Затрагиваются те аспекты истории и культуры народа, относительно которых расходятся мнения ученых и публицистов, а именно: антропологические характеристики чарруа, структура народа, история названия племени, случай с убийством Хуана Диаса де Солиса в 1516 г. и история индейцев, увезенных в Париж в 1833 году. *Методы и материалы.* Ключевыми принципами исследования стали принципы историзма, объективности и научной достоверности. Помимо общенаучных методов в работе использовались историко-критический и историко-генетический методы. Были привлечены данные лингвистики, физической антропологии и этнологии. В статье приводится историографический и источниковедческий анализ связанных с чарруа материалов. *Анализ.* Типичная внешность чарруа соответ-

ствовала антропологическому типу пампидов области Чако. Племя было неоднородным, состояло из разных групп, название «чарруа» имеет европейское происхождение и нередко употребляется как собирательное для ряда родственных племен, что вносит некоторую путаницу. Судя по данным источников, чарруа не причастны к убийству Х.Д. де Солиса. Согласно последним исследованиям истории узевенных во Францию чарруа, никакого чудесного спасения двух представителей этого племени не было. *Результат.* Исследование показало, что большинство сложившихся исторических и антропологических представлений о чарруа полностью или частично не соответствуют действительности.

Ключевые слова: чарруа, индейцы, коренные народы, история Уругвая, историография, антропология, исторический миф.

Цитирование. Нелин Т. В. Миры о чарруа: правда и вымысел в истории уругвайских индейцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 171–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.14>

Введение. История Уругвая неразрывно связана с индейцами чарруа. Это было не единственное племя, населявшее территорию страны, но так сложилось, что именно чарруа стали одним из символов Уругвая, символом непокоренности, мужества и свободолюбия. В честь этого племени названа и футбольная сборная страны.

Подобный символизм, если выражаться терминологией немецкого теоретика культурной памяти Яна Ассмана, способствует складыванию «коннективной структуры», то есть призван сплотить нацию, а также создать некие поведенческие императивы, соответствующие символическому образу. Естественно, что подобного рода символизм формируется через социально-политические мифы, которые далеко не всегда имеют историческое обоснование. История чарруа запутана настолько, что зачастую сложно понять, какая информация достоверна, а какая нет.

Считается, что индейцы чарруа были высокими, атлетически хорошо сложенными, говорили на ныне вымершем языке, о котором мало что известно. Племя было воинственным и яростно сопротивлялось колонизации. Именно они в 1516 г., как считается, убили, а согласно некоторым версиям и съели, испанского исследователя Хуана Диаса де Солиса.

Против чарруа сначала колониальными властями Испании, а потом и официальными властями Уругвая велась война на уничтожение. Это было частью так называемой политики по «борьбе с варварством». Народ был полностью истреблен в 1831 г. в результате резни у ручья Сальсипуэдес, которую устроил полковник Бернабе Ривера, племянник пер-

вого президента Уругвая Фруктуосо Риверы. Последние захваченные в плен чарруа – шаман Сенакуа Сенаке, касик Ваймака Пиру, молодой воин Такуабе и ожидающая ребенка Гуюнуса – были вывезены в Париж в 1833 г., где демонстрировались публике как дикари Нового Света. Сенакуа Сенаке и Ваймака Пиру вскоре скончались, Гуюнуса умерла, не прожив и года после родов, а Такуабе сбежал с новорожденной девочкой, и их следы потерялись. Эта история широко известна и с разными вариациями представлена публике в интернет-пространстве. В Монтевидео есть соответствующий памятник – «Последние чарруа», как раз посвященный этим индейцам.

Такой образ чарруа – идеально сложенных физически, загадочных, непокоренных и с трагической историей – представляется несколько клишированным. С точки зрения коннективной функции мифа этот образ вполне приемлем. Однако с позиции научной достоверности здесь могут быть несостыковки. В этой связи цель данной статьи – уточнить, какая информация об индейцах чарруа и их истории является научно обоснованной, а какая не соответствует историческим фактам. Было решено обратить внимание на те вопросы, ответ на которые у исследователей племени неоднозначен, а именно: какие антропологические черты присущи чарруа, было ли племя однородным или состояло из племенных групп, откуда собственно возникло само название «чарруа», причастны ли они к убийству Хуана Диаса де Солиса и что доподлинно известно о судьбе «парижских» индейцев, в особенности Такуабе и младенца.

Методы и материалы. В данной статье не предполагается исследовать структу-

ру уругвайских мифов о чарруа, их характер и коннективные функции. В этой связи подходы и методы, которые применяются для работы с мифами, например, те, которые в своей статье описали С.В. Бирюков и О.В. Омеличкин, в рамках настоящего исследования не подходят, поскольку не способствуют достижению заявленной цели [1, с. 187]. Ключевыми принципами исследования являются принципы историзма, объективности и научной достоверности, которые как раз и позволяют проверить, какие представления об индейцах являются верными, а какие мифологизированными конструктами или просто заблуждениями. Помимо общенаучных методов в работе используются историко-критический и историко-генетический методы.

Для уточнения родственных связей чарруа с другими племенами привлечены данные лингвистики, применяются элементы компаративного анализа, но не в смысле сравнения языковых единиц, как это делает сравнительная лингвистика. Исследованием языка чарруа уже занимались профессиональные лингвисты. Здесь же сравниваются результаты проведенных ими исследований о родстве языков с данными физической антропологии и этнологии.

Поскольку изучение истории народа неразрывно связано с теорией этноса, то надо отметить, что в рамках настоящего исследования индейцы чарруа рассматриваются с примордиалистской позиции, говоря несколько упрощенно, речь идет о «чистокровных» чарруа. Примордиалистский подход позволяет увидеть физические особенности так называемых типичных чарруа, то, что их отличало от соседних этносов внешне. Это важно ввиду того, что приведенная в литературе информация о внешности чарруа противоречива. Кроме того, сама история о последних четырех чарруа, увезенных в Париж, явно пронизана духом примордиализма, поскольку намекает на «чистокровность» этих индейцев.

Отечественная историография по чарруа представлена достаточно бедно. Как правило, это лишь информация справочного характера, по большей части историческая, в разного рода очерках по истории Уругвая [2, с. 201–203; 8, с. 506]. В энциклопедиях отдельные статьи по чарруа практически не встре-

чаются. Единственное исключение – второе издание Большой советской энциклопедии. Там племя, правда, названо чарруа, с ударением на первый слог [11]. На этом, собственно, отечественные «исследования» племени и заканчиваются.

Что касается переводной литературы на русском языке, то чарруа упоминаются в книгах научно-популярного жанра. Буквально в двух словах об этом народе говорит чешский этнограф и писатель Милослав Стингл в своей известной книге «Индейцы без томагавков» [10, с. 289]. Немного информации о последних сражениях чарруа можно найти в работе уругвайского журналиста Эдуардо Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки» [4, с. 81]. Чуть подробнее об истории племени рассказывает гватемальский писатель Мануэль Галич [5, с. 394–397]. Но все равно эти авторы дают лишь краткую информацию о чарруа.

Современное русскоязычное пространство Интернета не намного богаче фактическим материалом. В действительности русскоязычные интернет-статьи представляют собой переводы или пересказы англоязычных или испаноязычных статей, притом часто с устоявшимися мифами. Все они по сути однотипные и написаны в публицистическом стиле [7; 9].

Зарубежная историография гораздо шире. Есть, конечно, и материалы справочного характера, и упоминания о чарруа в контексте истории Уругвая, но есть и работы, непосредственно посвященные этому племени.

Одним из первых исследователей чарруа стал уругвайский антрополог Хосе Энрикес Фигуэйра. Ставяясь развить идею уникальности уругвайской нации, подчеркнуть отличие уругвайцев от испанских конкистадоров, он апеллировал к несгибаемому духу коренных жителей страны. Намеренно или нет, но благодаря стараниям Х.Э. Фигуэйры был создан образ чарруа как непримиримых противников конкисты, воинственного и кровожадного племени. Он популяризовал идею о том, что чарруа в 1516 г. убили испанского исследователя Хуана Диаса де Солиса [25, р. 19]. Эта версия гибели испанского путешественника распространена достаточно широко.

Историю и останки увезенных во Францию «последних чарруа» изучал в начале XX в. французский этнограф и директор Музея че-

ловека в Париже Поль Риве. Он тщательнейшим образом исследовал все обстоятельства пребывания чарруа в Европе. Благодаря его стараниям мы знаем, что стало с этими индейцами. Однако П. Риве не раскрывает историю сбежавшего с младенцем Такуабе. Тем не менее именно его исследование, впервые опубликованное в 1930 г. под названием «Последние чарруа», легло в основу столь популярного мифа [35].

Другой известный ученый, который писал о коренных уругвайцах, – аргентинский археолог и этнограф Антонио Серрано. Его историко-этнографический очерк о чарруа вошел в первый том широко известного Справочника по индейцам Южной Америки [42]. Этот очерк по-прежнему считается одним из лучших по чарруа.

Уругвайский археолог Родольфо Марука Соса в работе «Народ чарруа» обобщил всю имеющуюся на тот момент информацию по чарруа – историческую, археологическую, этнографическую и др. Это сделало его исследование поистине ценным [32].

Развенчанием мифа о кровожадности чарруа занимался уругвайский антрополог Серафин Кордеро. Он описывал племя как достаточно дружелюбное, отмечал высокие морально-этические качества индейцев, их радушие в отношении белых путешественников. В то же время упоминал и о свободолюбии чарруа, их неприятии попыток захватить свои земли [24, р. 206]. Такой образ чарруа хоть и отличался от образа, нарисованного Х.Э. Фигуэйрой, но был призван выполнять ту же функцию – обосновывать исключительность уругвайской нации, поэтому тоже должен восприниматься критически.

Все эти работы по чарруа можно назвать классическими. Племя ушло в историю, и найти про него какую-либо новую информацию сейчас совсем непросто. Из современных работ, посвященных этому индейскому народу, следует назвать труды уругвайского антрополога Даниеля Видарта, бразильского профессора Итала Ирен Басиль Бекера, аргентинского историка и этнографа Хуана Хосе Росси, уругвайского историка Диего Бракко и др. [18; 20; 21; 22; 37; 44; 46]. Отдельно стоит упомянуть работы французского антрополога Дарио Арсе Асеньо, который продолжил расследова-

ние П. Риве относительно «парижских» индейцев, а также свел воедино самые последние научные данные о народе чарруа [13; 14].

Кроме того, следует сказать о лингвистическом направлении исследования чарруа. Язык этого племени является мертвым и плохо задокументированным. Сохранилось примерно 70 зафиксированных слов и система числительных. Практически ничего не известно о грамматике. Скудность фактических данных привела к формированию нескольких теорий относительно семейной и групповой принадлежности языка чарруа. Высказывались предположения, что чарруа может быть языком-изолятом [40, с. 260], делались попытки увязать его с группой каинганг [42, р. 192], гуайкуру [27, р. 207, 238; 43, р. 94] и т. д. Конечно, здесь надо принимать во внимание то обстоятельство, что лингвисты и антропологи предлагают свои собственные классификации индейских языков, своеобразные названия семей и групп. Это вносит некоторую путаницу. Поэтому, чтобы сказать, к какой языковой семье и какой группе относится чарруа, нужно, как минимум, встать на сторону одного из ученых и согласиться с его оригинальной классификацией.

В целом про историю изучения языка чарруа неплохо написал уругвайский лингвист Хуан Хустино да Роза в своей статье «Историография лингвистики Ла-Платы: коренные языки Восточной полосы» [36].

Источников по истории и культуре чарруа сохранилось относительно немного. Есть археологические материалы, которые позволяют дать ответ на ряд вопросов, например, о физических данных чарруа, ранней культуре народа, миграциях и т. д. В целом археология племени была хорошо изучена уже к середине XIX в. и отражена в историографии, поэтому нет смысла останавливаться на этом типе источников подробно.

Из письменных источников по чарруа ключевым видом являются материалы личного происхождения – свидетельства очевидцев того периода, когда племя еще не было истреблено. Эти источники можно условно разделить на три группы, исходя из хронологического принципа.

Первая группа – записки путешественников XVI, отчасти XVII веков. Это, напри-

мер, заметки андалузского исследователя Диего Гарсии де Могера 1526–1527 годов. Собственно в его работе впервые упомянуто племя чарруа [34, р. 45]. Второе упоминание чарруа (*zechuruass*) приходится на 1536 г. и связано с именем немца Ульриха Шмидля, который был летописцем экспедиции известного конкистадора Педро де Мендосы [39, р. 146]. Упоминание этого народа можно также найти в эпической поэме «Аргентина и завоевание Ла-Платы», которую испанский священник Мартин дель Барко Сентенера написал по результатам своих путевых заметок 1573 года [17, р. 4]. Это лишь некоторые примеры ранних записок путешественников. В целом каких-то серьезных этнографических наблюдений по чарруа в этих источниках нет.

Вторая группа материалов личного происхождения – свидетельства иезуитских миссионеров конца XVII – XVIII в., которые описывали язык, быт, внешность, основные этапы истории своих подопечных. В основном это были племена гуарани, но информация по чарруа также встречается. К такому роду источников относятся записи французского священника-иезуита Николаса дел Течно¹, немецких миссионеров Энтони Сеппа и Энтони Бёме, испанского аббата Лоренцо Эрваса [28, р. 193–197; 41; 45] и т. д.

Третья группа материалов личного происхождения – заметки ученых-путешественников, которые непосредственно общались с представителями племени и опубликовали результаты своих исследований в начале XIX века. Прежде всего, это испанский путешественник Феликс де Азара и французский натуралист Альсид Дессалин д'Орбиньи [16, р. 6–35; 33, р. 83–92]. Их работы дают ценную информацию об истории и культуре поздних чарруа.

К сожалению, все материалы личного происхождения страдают от недостатка профессионального этнографического подхода. Кроме того, очень не хватает визуального материала по культуре чарруа. Но поскольку племя уже исчезло, восполнить этот пробел не представляется возможным.

Анализ. Большинство найденных археологами артефактов подтверждает принадлежность чарруа к культуре, сходной с патагонской: идентичные каменные орудия труда,

круглые и звездчатые каменные болы, керамические изделия с резными рисунками и т. д. [42, р. 191]. Чего-то принципиально нового, опровергающего уже сложившееся представление о ранней культуре племени, до сих пор не найдено. Археологические данные подтверждают также и антропологическую близость чарруа к коренным жителям Патагонии. Исходя из терминологии немецкого антрополога Эгона фон Эйкштедта, можно сказать, что чарруа относятся к типу патагонидов, или в терминологии аргентинского антрополога Хосе Имбеллони – пампидов.

Примечательно, что Д. Видарт, основываясь на данных физической антропологии, ставит под сомнение принадлежность Ваймака Пиру к чарруа, поскольку рост касика, как указывает антрополог, 1,55 м, в то время как для чарруа средний рост должен быть примерно 1,8 м [29]. Сомнение Д. Видарта касается не только Ваймака Пиру, но и Такуабе и Гуюнусы, которые были крещены в церкви Пайсанду. Антрополог указывает на то обстоятельство, что чарруа, в отличие от их соседей гуарани, противились принятию христианства. На этом основании он делает предположение, что как минимум трое из четырех уваженных в Париж индейцев были не чарруа, а гуарани [29].

Если доводы Д. Видарта относительно принадлежности Такуабе и Гуюнусы имеют историческое основание и с ними в чем-то можно согласиться, то заметка о Ваймаке Пиру, основанные на данных физической антропологии, могут подвергнуться критике. Во-первых, согласно исследованиям останков Ваймака Пиру, его рост составлял 1,62 м. Метохондриальное ДНК касика относится к американскому гаплотипу C, сродни тем останкам, что были найдены при раскопках ранних стоянок в Уругвае [38, р. 4, 5]. Так что по материнской линии он вполне принадлежит к чарруа. Во-вторых, как указывает Х. Имбеллони, рост мужчин пампидов в области Чако – 1,6–1,7 м, в Патагонии – 1,73–1,81 м [6, с. 23]. Средний рост мужчины чарруа, таким образом, не обязательно должен приближаться к отметке 1,8 м. Это подтверждают и письменные источники. Например, А.Д. д'Орбиньи, описывая чарруа, которых он наблюдал в 1829 г. недалеко от Монтевидео, указывает на

то, что их средний рост составлял 1,65 м для женщин и 1,68 м для мужчин. Он также отмечал, что у них широкие лица, выдающиеся скулы, медная кожа и прямые жесткие волосы [33, р. 86].

Заметки А.Д. д'Орбиньи также опровергают заявление известного французского антрополога Поля Броки о том, что кожа чарруа так же черна, как у жителей Эфиопии [3].

О племенной структуре чарруа можно судить по данным, приведенным иезуитами миссионерами. Л. Эрвас, в частности, указывает на то, что чарруа – лишь одно из пяти родственных племен наряду с гуэноа, яро, минуанами и боанами². Он также говорит, что общее название народа – гуэноа, а не чарруа [28, р. 197]. Эта версия, однако, не является общепризнанной. Есть мнение, что гуэноа и минуаны – это не два разных племени, а одно, просто под разными названиями. А. Серрано, например, говорит, что испанские миссионеры называли это племя минуанами, и именно под этим названием оно стало известно в бразильской литературе [42, р. 191]. Американский антрополог Сэмюэл Лотроп полагает, что гуэноа и минуаны были одним народом, при этом он апеллирует к мнению испанского иезуита-миссионера Петро Лозано, которого считает наиболее авторитетным в этом вопросе [30, р. 183]. Д. Бракко также признает, что гуэноа и минуаны – это разные названия одного племени [22, р. 33].

Как бы то ни было, со временем общий состав народа изменился. Яро и боаны были маленькими племенами, и, несмотря на родственные связи, чарруа их истребили. Минуаны-гуэноа в 1730 г. объединились с чарруа в тесный союз и по сути стали одной племенной ветвью [19, с. 402; 30, р. 184, 185]. Кроме того, и у минуанов-гуэноа, и собственно у чарруа были еще свои деления на группы. Известно, что у первых в XVII в. выделялась племенная группа клоя (Cloya), а у вторых – группы гуаянтиран, баломар и негегиан (Guayantiran, Balomar, Negueguian), проживавшие на территории аргентинской провинции Эндре-Риос в XVIII веке [42, р. 192].

Исходя из антропологических и лингвистических данных, еще одним родственным чарруа народом можно считать уругвайское племя чана. Хотя в культурном плане чана

подверглись влиянию гуарани, их отличал нетипичный для гуарани высокий рост, характерный для пампидов, и язык, близкородственный чарруа. Эту языковую связь родственных чарруа племен лингвисты считают вполне доказанной [27; 31, р. 61; 42, р. 192; 47].

В данном же контексте интерес к чана вызван тем, что в 2005 г. в Ногое (Эндре-Риос, Аргентина) объявился пожилой мужчина, который, как утверждали журналисты, знал около 250 слов и фраз на языке чана. Это заинтересовало ученых, и с предполагаемым информантом стал работать аргентинский лингвист Хосе Педро Виегас Баррос [26]. В результате своего исследования Х.П. Виегас Баррос написал несколько статей по языку чана. При этом ученый затронул и тему взаимосвязи языков чана и чарруа [47]. Такого рода находку можно считать уникальным событием в исследовании давно вымершего народа.

Говоря о языке чарруа и чана, нужно упомянуть одно обстоятельство, которое вводит в заблуждение исследователей и журналистов. Дело в том, что в Уругвае, помимо чарруа говорящих народов, проживали еще и племена гуарани. Элементы их языка нередко отражены в топонимике страны и некоторых именах собственных. Кроме того, как отмечал иезуитский миссионер Хосе Кардиэль еще в середине XVIII в., почти все взрослые чарруа знали язык гуарани и использовали его для межплеменного общения и общения с миссионерами [36, р. 142]. Вероятно, это обстоятельство и ввело в заблуждение российского журналиста С.Б. Брилёва, который причисляет чарруа к «великой индейской нации гуарани», хотя очевидно, что это не так [2, с. 201].

Поскольку тема коснулась языка, необходимо внести ясность в вопрос об этимологии слова «чарруа», тем более что, по мнению Л. Эрваса, народ правильнее называть гуэноа [28, р. 197]. Известно, что «чарруа» – это не самоназвание племени. Самоназвание как раз неизвестно, и, к сожалению, вряд ли когда-нибудь ученые его узнают. В 2001 г. Д. Видарт провел этимологический анализ и выяснил, что «чарруа» – это галисийское слово, означающее маскарадные маски из дерева. Происхождение этих масок, как указывает антрополог, уходит в доисторические времена, где они, вероятно, использовались на

фестивалях типа карнавала. В Галисии эти маски называли «чарруа», их украшали и ярко разрисовывали, придавая вид агрессивных гримас. Согласно логике Д. Видарта, когда европейцы достигли берегов Ла-Платы, они встретили индейцев в красочных нарядах, с ярко раскрашенными лицами, татуировками и пирсингом, что дало повод испанским морякам вспомнить о галисийских праздниках-маскарадах с их раскрашенными масками-чарруа [23].

К этому можно добавить, что, согласно А. Серрано, первые путешественники XVI в. использовали название чарруа только в отношении групп, которые жили на побережье и периодически кочевали вглубь страны. Очевидно, со временем все схожие с ними по культуре и языку индейские общины стали называться чарруа [42, р. 191]. Судя по всему, отсюда и возникло общее для родственных народов имя.

Поскольку категории «кровожадность» и «воинственность», которые нередко употребляют в отношении чарруа, абстрактны, нет необходимости выяснять, насколько они соответствуют характеру племени. Здесь же важно разобраться с конкретной претензией к этому народу – убийством Хауна Диаса де Солиса. Версия убийства испанского путешественника индейцами чарруа фигурировала в литературе еще до широко известного труда Х.Э. Фигуэйры. Так, ее можно встретить в «Путешествии по Южной Америке» Ф. де Азара [16, р. 6]. Хотя очевидно, что Ф. де Азара сам заимствовал эту версию из более ранних произведений, например, в «Описании истории Парагвая и Ла-Платы», опубликованной через 26 лет после смерти Ф. де Азара, он ссылается на П. Лозано и некоторых других авторов [15, р. 3–4]. Но очевидно, что и П. Лозано также не мог быть свидетелем тех событий. В любом случае, Ф. де Азара подвергает критике высказанное предыдущими авторами мнение, что чарруа съели испанского путешественника. При этом, однако, не сомневается, что именно они его убили [15, р. 3–4]. Чести ради нужно заметить, что антропологи так и не нашли следов антропофагии в культуре чарруа, в отличие от соседних с ними племен гуарани, которые в те времена отдельными группами проживали в районе Ла-Платы [30,

р. 179]. Так что, отрицая каннибализм у чарруа, Ф. де Азара был прав.

Вообще, наиболее близкое по хронологии упоминание о смерти Х.Д. де Солиса можно найти у итальянского историка Пьетро Мартине д'Ангьери, который был на службе у Испанской короны. В «Декадах о Новом Свете», в книге X, написанной в том же 1516 г., когда погиб Х.Д. де Солис, П. д'Ангьера хоть и не говорит прямо об убийстве, но упоминает о печальной участи испанского путешественника после его встречи с «カリбскими людоедами» [12, р. 292]. Здесь можно видеть явный намек на одно из амазонских племен, к которым в принципе относятся некоторые группы гауарани.

Теперь нужно прояснить ситуацию с «последними чарруа», вывезенными в Париж в 1833 году. Прежде всего надо сказать, что эти индейцы не были последними представителями племени. Это исторический миф. Доподлинно известно, и, собственно, на счет этого научные дебаты не ведутся, что разрозненные группы чарруа продолжали существовать. Собственно полковник Бернабе Ривера так и погиб от их рук [24, р. 228]. Некоторые из них впоследствии бежали на территорию современной Аргентины и Парагвая, кто-то переселился на юг Бразилии. Кроме того, потомки чарруа, метисы, продолжали жить и на территории самого Уругвая. В основном они занимались скотоводством, были частью субэтнической группы гаучо. Так что последними чарруа правильнее было бы считать неувезенных в Европу индейцев, а тех, кто остался, растворился со временем в других этносах и потерял свою идентичность.

Представленный в Монтевидео памятник «Последние чарруа» также не точен с точки зрения исторической достоверности. На нем показаны четыре взрослых чарруа, Гуюнуса при этом держит новорожденную девочку на руках. Однако известно, что девочка родилась уже после смерти Сенакуа Сенаке и Ваймака Пиру. Первый умер 26 июля 1833 г., второй – 13 сентября. Девочка родилась 20 сентября того же года [14, р. 59, 60, 63]. Гуюнуса скончалась в Лионе 23 июля 1834 г. от туберкулеза. В Лионе индейцы оказались после того как туда сбежал Франсуа де Кюрель, непосредственный организатор выстав-

ПРИМЕЧАНИЯ

ки чарруа в Париже. Бегство было вызвано тем обстоятельством, что парижане потребовали от Ф. де Кюреля вернуть пленников на Родину [14, р. 64]. Как показывают последние исследования, никакого таинственного исчезновения Такуабе и новорожденной девочки не было. Маленькая Каролина Такуабе умерла в Лионе в ночь на 29 августа 1834 года. Причина смерти девочки не указывается, но есть предположение, что она могла заразиться туберкулезом от матери [14, р. 67–68]. Что доподлинно стало с Такуабе, пока так и не известно. Учитывая описанные современниками черты его характера и открытость к новшествам, предполагается, что если он не заразился туберкулезом, то мог частично адаптироваться к новым условиям и быть, к примеру, разнорабочим в одном из магазинчиков Лиона.

Результаты. Как можно видеть, большая часть сложившихся представлений о чарруа не соответствует действительности. Индейцы не были высокими в современном понимании этого слова. В структурном плане племя не отличалось однородностью и состояло из родственных групп, а название «чарруа» по большей части употребляется сейчас как собирательное. Притом само название, судя по всему, не индейского, а европейского происхождения. Были чарруа кровожадными или нет – вопрос философский, но есть все основания полагать, что они не причастны к убийству испанского путешественника и исследователя Хуана Диаса де Солиса. Увезенных во Францию в 1833 г. индейцев нельзя считать последними представителями племени. Никакого бегства Такуабе с младенцем не было. История этих индейцев трагична и заканчивается в Лионе.

Мода на «индейское прошлое» и определенные политические процессы как в самом Уругвае, так и в регионе вообще накладывают отпечаток на трактовку научных достижений. Несмотря на работы ученых, исторические мифы не преодолеваются, но продолжают существовать. В этих условиях можно ожидать и дальнейшего замалчивания или даже намеренного искажения достоверной информации о чарруа. Тем не менее, несмотря на все эти сложности, можно уверенно сказать, что история исчезнувшего племени все еще продолжается.

¹ Николас дел Течо (Nicolás Del Techo) – это испанский вариант его французского имени Nicolás Du Toit. Именно под испанским, а не французским вариантом своего имени он вошел в историю.

² Во втором томе энциклопедического справочника по Латинской Америке названия этих групп приведены с опечатками: гекоа, яро, минцане, боане [8, с. 506]. В любом случае вопрос, как правильно писать эти названия в русской транскрипции, остается открытым. Здесь надо отметить, что в западной историографии нет единого варианта написания. Например, А. Серрано, ссылаясь на данные иезуитских миссий, называет их *yaró*, *güepoa*, *bohané*, *minuané* [42, р. 191]. У Д. Бракко они соответственно фигурируют как *yago*, *guenoa*, *bohan*, *minuán* [20] и т. д. В целом же, учитывая наиболее распространенные варианты написания и правила русского языка для транскрипции, правильнее будет называть эти группы: яро, гуэноа, боаны, минуаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, С. В. Современные мифы Запада о России / С. В. Бирюков, О. В. Омеличкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 185–196. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.15>.
2. Брилёв, С. Б. Забытые союзники во Второй мировой войне / С. Б. Брилёв. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 712 с.
3. Брука, П. Человечество – один вид или несколько? // Правда-TV.ru. – 2010. – 22 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravdatv.ru/2010/04/22/3626> (дата обращения: 21.01.2019). – Загл. с экрана.
4. Галеано, Э. Вскрытые вены Латинской Америки / Э. Галеано. – М. : Прогресс, 1986. – 398 с.
5. Галич, М. История доколумбовых цивилизаций / М. Галич. – М. : Мысль, 1990. – 407 с.
6. Зубов, А. А. Биолого-антропологическая характеристика коренного доевропейского населения Америки / А. А. Зубов // Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития : сб. ст. / отв. ред. А. А. Истомин. – М. : ИЭА РАН, 1999. – С. 11–66.
7. Кержаков, Б. «Доподлинные люди» чарруа / Б. Кержаков // Необычная история. – 2014. – 28 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://nethistory.su/blog/43208728468/> «Dopodlinnye-lyudi»-charrua (дата обращения: 21.01.2019). – Загл. с экрана.

8. Колобашкин, Н. Ф. Уругвай: исторический очерк / Н. Ф. Колобашкин // Латинская Америка: Энциклопедический справочник. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Вольский. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – С. 506–508.
9. Проклятие последнего шамана чарруа // Repin.info. – 2009. – 20 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://repin.info/taynye-znaniya/proklyatie-poslednego-shamana-charrua> (дата обращения: 21.01.2019). – Загл. с экрана.
10. Стингл, М. Индейцы без томагавков / М. Стингл. – М. : Прогресс, 1984. – 454 с.
11. Чарруа // Большая советская энциклопедия. В 51 т. Т. 47 / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М. : БСЭ, 1957. – С. 53.
12. Anghiera, P. M. d'. Décadas del nuevo mundo / P. M. d'Anghiera. – Buenos Aires : MAXTOR, 2012. – 675 p.
13. Arce Asenjo, D. L'Uruguay, une nation d'extrême-occident au miroir de son histoire indienne / D. Arce Asenjo. – Paris : L'Harmattan, 2018. – 394 p.
14. Arce Asenjo, D. Nuevos datos sobre el destino de Tacuavé y de la hija de Micaela Guyunusa / D. Arce Asenjo // Anuario de Antropología Social y Cultural en Uruguay 2007 / ed. S. Romero Gorski. – Montevideo : Universidad de la República, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2007. – P. 51–71. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.academia.edu/1105620/Nuevos_datos_sobre_el_destino_de_Tacuavé_y_la_hija_de_Guyunusa (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.
15. Azara, F. de. Descripcion e historia del Paraguay y el Rio de la Plata. En 2 vols. Vol. 2 / F. de Azara. – Madrid : Imprenta de Sanchiz, 1847. – 286 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=L3g1AAAAIAAJ&dq> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
16. Azara, F. de. Voyage dans l'Amérique méridionale. En 4 vols. Vol. 2 / F. de Azara. – Paris : Dentu, 1809. – 562 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=zANCAAACAcAAJ&dq> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
17. Barco Centenera, M. del. Argentina y conquista del Rio de la Plata, con otros acaecimientos de los reynos del Peru, Tucuman, y estado del Brasil / M. del Barco Centenera. – Lisboa : Pedro Crasbeeck, 1602. – 460 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=1tJVAAAACAAJ&dq> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
18. Becker, I. I. B. Os índios Charrua e Minuano na antiga banda oriental do Uruguai / I. I. B. Becker. – São Leopoldo, RS, Brasil : Editora Unisinos, 2002. – 248 p.
19. Bertuch, F. J. Allgemeine geographische Ephemeriden / F. J. Bertuch. – Weimar : Verlage des landes-Industrie comptoirs, 1809. – 530 s. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.de/books?id=Ad4BAAAAYAAJ&dq> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
20. Bracco, D. Charrúas, Guenoas y Guaraníes: Interacción y Destrucción: Indígenas en el Río de la Plata / D. Bracco. – Montevideo : Linardi y Risso, 2004. – 398 p.
21. Bracco, D. Con las armas en la mano: Charrúas, Guenoa-Minuanos y Guaraníes / D. Bracco. – Montevideo : Planeta, 2013. – 224 p.
22. Bracco, D. Los guenoa minuanos misioneros / D. Bracco // Memoria Americana. Cuadernos de Etnohistoria. – 2016. – № 24-1. – P. 33–54. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.scielo.org.ar/pdf/memoam/n24-1/n24-1a03.pdf> (date of access: 20.01.2019). – Title from screen.
23. Charrúa // Castellano – La Página del Idioma Español. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.elcastellano.org/palabra/charrúa> (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.
24. Cordero, S. Los charrúas: síntesis etnográfica y arqueológica del Uruguay / S. Cordero. – Montevideo : Editorial “Mentor”, 1960. – 322 p.
25. Figueira, J. H. Los primitivos habitantes del Uruguay / J. H. Figueira. – Montevideo : Dornaleche y Reyes, 1892. – 44 p.
26. Fiorotto, D. T. Investigan los orígenes de una extraña lengua indígena / D. T. Fiorotto // La Nación. – 2005, July 1. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.lanacion.com.ar/717592-investigan-los-origenes-de-una-extrana-lengua-indigena> (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.
27. Greenberg, J. H. Language in the Americas / J. H. Greenberg. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 438 p.
28. Hervás, L. Catálogo de las lenguas de las naciones conocidas, y numeracion, division, y clases de estas segun la diversidad de sus idiomas y dialectos. En 6 vols. Vol. 1 / L. Hervás. – Madrid : En la imprenta de la Administracion del Real Arbitrio de Beneficencia, 1800. – 396 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=8vA3GAo3S8kC&hl> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
29. Los charrúas que no son charrúas // Taringa! – 21.10.2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.taringa.net/post/info/19024456/Los-charruas-que-no-son-charruas.html> (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.
30. Lothrop, S. K. Indians of the Paraná Delta and La Plata Littoral / S. K. Lothrop // Handbook of South American Indians. In 7 vols. Vol. 1. The Marginal Tribes / ed. J. H. Steward. – Washington, D. C. : Government Printing Office, 1946. – P. 177–190.
31. Loukotka, Č. Classification of South American Indian languages / Č. Loukotka, J. Wilbert. – Los

- Angeles : Latin American Studies Center, University of California, 1968. – 453 p.
32. Maruca Sosa, R. La nación charrúa / R. Maruca Sosa. – Montevideo : Editorial “Letras”, 1957. – 316 p.
33. Orbigny, A. D. d’. L’homme americain (de l’Amérique méridionale). En 2 vols. Vol. 2/A. D. d’Orbigny. – Paris : Pitois-Levrault et C., 1839. – 372 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=CAOAAAAQAAJ&hl> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
34. Relación é derrotero de Diego García que salió de la Coruna en 15 de enero de 1526, en el Mar Océano, é llegó en 27 al Rio Paraná, donde navegó muchas leguas tierra adentro la armada de Sebastian Caboto, etc., 1527 / D. G. de Moguer // Colección de Documentos inéditos para la historia de Chile: desde el Viaje de Magallanes hasta la Batalla de Maipo: 1518–1818. En 30 vols. Vol. 3 / Col. y publ. por J. T. Medina. – Santiago de Chile : Imprenta Ercilla, 1889. – P. 40–48. – Electronic text data. – Mode of access: https://archive.org/details/raha_103066/page/n5 (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
35. Rivet, P. Los últimos charrúas / P. Rivet. – Montevideo : Ediciones de la Plaza, 1996. – 88 p.
36. Rosa, J. J. da. Historiografía lingüística del Río de la Plata: las lenguas indígenas de la Banda Oriental / J. J. da Rosa // Boletín de Filología. – 2013. – Vol. 48, № 2. – P. 131–171. – Electronic text data. – Mode of access: https://scielo.conicyt.cl/pdf/bfilol/v48n2/art_07.pdf (date of access: 20.01.2019). – Title from screen.
37. Rossi, J. J. Los charrúas / J. J. Rossi. – Buenos Aires : Galerna; Búsqueda de Ayllu, 2002. – 126 p.
38. Sans, M. The “last Charrúa Indian” (Uruguay): analysis of the remains of Chief Vaimaca Perú / M. Sans, G. Figueiro, C. Sanguinetti [et al.] // Nature Precedings. – 2010, May 4. – 14 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://precedings.nature.com/documents/4415/version/1/files/npre20104415-1.pdf> (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.
39. Schmidel, U. Viaje al Río de la Plata (1534–1554) / U. Schmidel. – Buenos Aires : Cabaut y Cia, 1903. – 499 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/viaje-al-rio-de-la-plata-1534-1554/html/> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
40. Schmidt, W. Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde / W. Schmidt. – Heidelberg : H. Buske, 1926. – 595 s.
41. Sepp, A. An Account of a Voyage from Spain to Paraquaria. Translated from the High Dutch Original, Printed at Nurenberg, 1697 / A. Sepp, A. Behme // A Collection of Voyages and Travels, Some Now First Printed from Original Manuscripts, Others Now First Published in English. In 6 Vols. Vol. 4 / comp. by A. Churchill, Jh. Churchill. – London : Assignment from Messrs. Churchill, 1732. – P. 596–622. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=jORWAAAACAAJ&dq> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
42. Serrano, A. The Charrua / A. Serrano // Handbook of South American Indians. Vol. 1. – Washington, D. C., 1946. – P. 191–196.
43. Sušnik, B. Los aborígenes del Paraguay: Etnología del Chaco Boreal y su perifería, siglos XVI y XVII / B. Sušnik. – Asunción : Museo Etnográfico Andrés Barbero, 1978. – 154 p.
44. Szilágyi Chebi, M. E. Los charrúas en la memoria nacional de Uruguay / M. E. Szilágyi Chebi // Acta Hispanica. – 2015. – Vol. 20. – P. 105–120. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.academia.edu/23457388/Los_charr%C3%BAas_en_la_memoria_nacional_de_Uruguay (date of access: 28.11.2019). – Title from screen.
45. Techo, N. del. Historia provinciae Paraquariae Societatis Jesv. / N. del. Techo. – Leodii : Ex officina typog. J. M. Hovii, 1673. – 390 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=76ZFAAAACAAJ&hl> (date of access: 23.01.2019). – Title from screen.
46. Vidart, D. El mundo de los charrúas / D. Vidart. – Montevideo : Ediciones de la Banda Oriental, 1996. – 139 p.
47. Viegas Barros, J. P. Misia jalaná: Una frase Charrúa a la luz de los nuevos datos de la lengua Chaná / J. P. Viegas Barros // Cuadernos de Etnolingüística. Serie Notas. – 2009 (nov.). – № 1. – 3 p. – Electronic text data. – Mode of access: http://etnolinguistica.wdfiles.com/local—files/nota:1/cadernos_notas_n1.pdf (date of access: 22.01.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Biryukov S.V., Omelichkin O. V. Sovremennye mify Zapada o Rossii [Current Western Myths About Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 185–196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.15>.
2. Brilev S.B. *Zabytie soyuzniki vo Vtoroy mirovoy voinye* [Forgotten Allies in World War II]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2013. 712 p.
3. Broka P. Chelovechestvo – odin vid ili neskolk? [Is Human Race One Species or Several?]. *Pravda-TV.ru*, 2010, April 22. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2010/04/22/3626> (accessed 21 January 2019).
4. Galeano E. *Vskrytie veny Latinskoy Ameriky* [Open Veins of Latin America]. Moscow, Progress Publ., 1986. 398 p.

5. Galich M. *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsiy* [History of Pre-Columbian Civilizations]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 407 p.
6. Zubov A.A. Biologo-anthropologicheskaya kharakteristika korennoego doevropeyskogo naseleniya Ameriki [Biological and Anthropological Characteristics of the Native Population of Pre-European America]. Istomin A.A., ed. *Naselenie Novogo Sveta: problemy formirovaniya i sotsiokulturnogo razvitiya: sb. st.* [Population of the New World: Problems of Formation and Socio-Cultural Development. Collected Articles]. Moscow, IEA RAN, 1999, pp. 11-66.
7. Kerzhakov B. «Dopodlinnye lyudi» charrua [The “Genuine People” Charruas]. *Neobychnaya istoriya*, 2014, January 28. URL: <http://nethistory.su/blog/43208728468/«Dopodlinnye-lyudi»-charrua> (accessed 21 January 2019).
8. Kolobashkin N.F. Urugvay: istoricheskiy ocherk [Uruguay. Historical Sketch]. Volskiy V.V., ed. *Latinskaya Amerika: Entsiklopedicheskiy spravochnik. V 2 t. T. 2* [Encyclopedic Handbook of Latin America. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1982, pp. 506-508.
9. Proklyatie poslednego shamaana charrua [The Curse of the Last Charrua Shaman]. *Repin.info*, 2009, August 20. URL: <http://repin.info/taynye-znaniya/proklyatie-poslednego-shamaana-charrua> (accessed 21 January 2019).
10. Stingl M. *Indeitsy bez tomagavkov* [Indians Without Tomahawks]. Moscow, Progress Publ., 1984. 454 p.
11. Charrua. Vvedenskiy B.A., ed. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. V51 t. T. 47* [Great Soviet Encyclopedia. In 51 Vols. Vol. 47]. Moscow, BSE, 1957, p. 53.
12. Anghiera P.M. d'. *Décadas del nuevo mundo*. Buenos Aires, MAXTOR, 2012. 675 p.
13. Arce Asenjo D. *L'Uruguay, une nation d'extrême-occident au miroir de son histoire indienne*. Paris, L'Harmattan, 2018. 394 p.
14. Arce Asenjo D. Nuevos datos sobre el destino de Tacuavé y de la hija de Micaela Guyunusa. Romero Gorski S., ed. *Anuario de Antropología Social y Cultural en Uruguay 2007*. Montevideo, Universidad de la República, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2007, pp. 51-71. URL: http://www.academia.edu/1105620/Nuevos_datos_sobre_el_destino_de_Tacuavé_y_la_hija_de_Guyunusa (accessed 22 January 2019).
15. Azara F. de. *Descripcion e historia del Paraguay y el Rio de la Plata*. En 2 vols. Vol. 2. Madrid, Imprenta de Sanchiz, 1847. 286 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=L3g1AAAAIAAJ&dq> (accessed 23 January 2019).
16. Azara F. de. *Voyage dans l'Amérique méridionale*. En 4 vols. Vol. 2. Paris, Dentu, 1809. 562 p.
- URL: <https://books.google.ru/books?id=zANCAAAcAAJ&dq> (accessed 23 January 2019).
17. Barco Centenera M. del. *Argentina y conquista del Rio de la Plata, con otros acaecimientos de los reynos del Peru, Tucuman, y estado del Brasil*. Lisboa, Pedro Crasbeeck, 1602. 460 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=1tJVAAAACAAJ&dq> (accessed 23 January 2019).
18. Becker I.I.B. *Os índios Charrua e Minuano na antiga banda oriental do Uruguai*. São Leopoldo, RS, Brasil, Editora Unisinos, 2002. 248 p.
19. Bertuch F.J. *Allgemeine geographische Ephemeriden*. Weimar, Verlage des landes-Industrie comptoirs, 1809. 530 S. URL: <https://books.google.de/books?id=Ad4BAAAAYAAJ&dq> (accessed 23 January 2019).
20. Bracco D. *Charriás, Guenoas y Guaraníes: Interacción y Destrucción: Indígenas en el Río de la Plata*. Montevideo, Linardi y Risso, 2004. 398 p.
21. Bracco D. *Con las armas en la mano: Charrúas, Guenoa-Minuanos y Guaraníes*. Montevideo, Planeta, 2013. 224 p.
22. Bracco D. Los guenoa minuanos misioneros. *Memoria Americana. Cuadernos de Etnohistoria*, 2016, no. 24-1, pp. 33-54. URL: <http://www.scielo.org.ar/pdf/memoam/n24-1/n24-1a03.pdf> (accessed 20 January 2019).
23. Charrúa. *Castellano - La Página del Idioma Español*. URL: <http://www.elcastellano.org/palabra/charrúa> (accessed 22 January 2019).
24. Cordero S. *Los charriás: síntesis etnográfica y arqueológica del Uruguay*. Montevideo, Editorial “Mentor”, 1960. 322 p.
25. Figueira J.H. *Los primitivos habitantes del Uruguay*. Montevideo, Dornaleche y Reyes, 1892. 44 p.
26. Fiorotto D.T. Investigan los orígenes de una extraña lengua indígena. *La Nación*, 2005, July 1. URL: <https://www.lanacion.com.ar/717592-investigan-los-origenes-de-una-extrana-lengua-indigena> (accessed 22 January 2019).
27. Greenberg J.H. *Language in the Americas*. Stanford, Stanford University Press, 1987. 438 p.
28. Hervás L. *Catálogo de las lenguas de las naciones conocidas, y numeracion, division, y clases de estas según la diversidad de sus idiomas y dialectos. En 6 vols. Vol. 1*. Madrid, En la imprenta de la Administracion del Real Arbitrio de Beneficencia, 1800. 396 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=8vA3GAo3S8kC&hl> (accessed 23 January 2019).
29. Los charrúas que no son charrúas. *Taringa!* 2015, October 21. URL: <https://www.taringa.net/post/info/19024456/Los-charruas-que-no-son-charruas.html> (accessed 22 January 2019).
30. Lothrop S.K. Indians of the Paraná Delta and La Plata Littoral. Steward J.H., ed. *Handbook of South American Indians*. In 7 Vols. Vol. 1. *The Marginal*

- Tribes.* Washington, D. C., Government Printing Office, 1946, pp. 177-190.
31. Loukotka Č., Wilbert J. *Classification of South American Indian languages.* Los Angeles, Latin American Studies Center, University of California, 1968. 453 p.
32. Maruca Sosa R. *La nación charrúa.* Montevideo, Editorial "Letras", 1957. 316 p.
33. Orbigny A.D. d'. *L'homme americain (de l'Amérique méridionale).* En 2 vols. Vol. 2. Paris, Pitois-Levrault et C., 1839. 372 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=-CAOAAAAQAAJ&hl> (accessed 23 January 2019).
34. Moguer D.G. de. Relación é derrotero de Diego García que salió de la Coruna en 15 de enero de 1526, en el Mar Océano, é llegó en 27 al Rio Paraná, donde navegó muchas leguas tierra adentro la armada de Sebastian Caboto, etc., 1527. Medina J.T., comp. *Colección de Documentos inéditos para la historia de Chile: desde el Viaje de Magallanes hasta la Batalla de Maipo: 1518–1818.* En 30 vols. Vol. 3. Santiago de Chile, Imprenta Ercilla, 1889, pp. 40-48. URL: https://archive.org/details/raha_103066/page/n5 (accessed 23 January 2019).
35. Rivet P. *Los últimos charrúas.* Montevideo, Ediciones de la Plaza, 1996. 88 p.
36. Rosa J.J. da. Historiografía lingüística del Río de la Plata: las lenguas indígenas de la Banda Oriental. *Boletín de Filología*, 2013, vol. 48, no. 2, pp. 131-171. URL: https://scielo.conicyt.cl/pdf/bfilol/v48n2/art_07.pdf (accessed 20 January 2019).
37. Rossi J.J. *Los charrúas.* Buenos Aires, Galerna, Búsqueda de Ayllu, 2002. 126 p.
38. Sans M., Figueiro G., Sanguinetti C. et al. The "Last Charrúa Indian" (Uruguay): Analysis of the Remains of Chief Vaimaca Perú. *Nature Precedings*, 2010, May 4. 14 p. URL: <http://precedings.nature.com/documents/4415/version/1/files/npre20104415-1.pdf> (accessed 22 January 2019).
39. Schmidel U. *Viaje al Río de la Plata (1534–1554).* Buenos Aires, Cabaut y Cia, 1903. 499 p. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/viaje-al-rio-de-la-plata-1534-1554/html/> (accessed 23 January 2019).
40. Schmidt W. *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde.* Heidelberg, H. Buske, 1926. 595 S.
41. Sepp A., Behme A. An Account of a Voyage from Spain to Paraquaria. Translated from the High Dutch Original, Printed at Nurenberg, 1697. Churchill A., Churchill Jh., comp. *A Collection of Voyages and Travels, Some Now First Printed from Original Manuscripts, Others Now First Published in English.* In 6 Vols. Vol. 4. London, Assignment from Messrs. Churchill, 1732, pp. 596-622. URL: <https://books.google.ru/books?id=jORWAAAQAAJ&dq> (accessed 23 January 2019).
42. Serrano A. *The Charrua. Handbook of South American Indians.* Vol. 1. Washington, D.C., 1946, pp. 191-196.
43. Sušnik B. *Los aborígenes del Paraguay: Etnología del Chaco Boreal y su perifería, siglos XVI y XVII.* Asunción, Museo Etnográfico Andrés Barbero, 1978. 154 p.
44. Szilágyi Chebi M. E. Los charrúas en la memoria nacional de Uruguay. *Acta Hispanica*, 2015, vol. 20, pp. 105-120. URL: https://www.academia.edu/23457388/Los_charrúas_en_la_memoria_nacional_de_Uruguay (accessed 28 November 2019).
45. Techo N. del. *Historia provinciae Paraquariae Societatis Jesu.* Leodii, Ex officina typog. J. M. Hovii, 1673. 390 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=76ZFAAAQAAJ&hl> (accessed 23 January 2019).
46. Vidart D. *El mundo de los charrúas.* Montevideo, Ediciones de la Banda Oriental, 1996. 139 p.
47. Viegas Barros J.P. Misia jalaná: Una frase Charrúa a la luz de los nuevos datos de la lengua Chaná. *Cuadernos de Etnolinguística. Serie Notas*, 2009 (nov.), no. 1. 3 p. URL: http://etnolinguistica.wdfiles.com/local—files/nota:1/cadernos_notas_n1.pdf (accessed 22 January 2019).

Information About the Author

Timur V. Nelin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nelin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

Информация об авторе

Тимур Владимирович Нелин, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nelin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.15>UDC 572.2
LBC 28.71Submitted: 10.09.2018
Accepted: 03.12.2018**ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE HEAD AND FACE
OF THE NATIVE PEOPLE FROM NORTH SULAWESI****Stanislav V. Drobyshevsky**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ekaterina M. Selivanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Marina A. Negashova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The population of Indonesia is not well enough explored anthropologically. There are no reliable anthropometric data for some populations, living on Sulawesi Island. For the first time in scientific literature, a description of head and face traits of the indigenous populations of North Sulawesi, which remained completely anthropologically unexplored until now, is presented. *Methods.* The authors study the Minahasans ($n = 96$) and the Sangirese people ($n = 76$) using the classical anthropometrical programme, including metrical ($n = 14$) and nonmetrical ($n = 29$) features. *Analysis.* The study of the Minahasans and the Sangirese people shows that these ethnic groups are generally similar; significant differences were found in a small number of traits. The Sangirese people have darker pigmentation of the skin and the iris than the Minahasans. More frequently they are wavy or even curly haired. In general, the population of North Sulawesi can be described as belonging to the South Asian population. However, the review of some traits of the Sangirese people and the Minahasans (hyperbrachycephalia, epicanthus occurs rather rare, narrow nose) put them on the borderline of variability of the explored South, Southeast Asian and Oceanian population. Sulawesi peoples (comparatively dark-skinned, sometimes curly haired) can presumably have equatorial mixture. *Results.* The Minahasans are close to the Dayak people of Kalimantan. The Sangirese people can have insignificant melanesian mixture because of their kinship with the Philippines people, perhaps with the Negrito of the Philippines. This conclusion is preliminary and has to be substantiated.

Key words: anthropology, morphological features, population of Indonesia, Sulawesi, Minahasans, Sangirese.

Citation. Drobyshevsky S.V., Selivanova E.M., Negashova M.A. Anthropological Characteristic of the Head and Face of the Native People from North Sulawesi. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 183-199. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.15>

УДК 572.2
ББК 28.71

Дата поступления статьи: 10.09.2018

Дата принятия статьи: 03.12.2018

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРОЕНИЯ ГОЛОВЫ И ЛИЦА
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО СУЛАВЕСИ****Станислав Владимирович Дробышевский**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Максимовна Селиванова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Марина Анатольевна Негашева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Население Индонезии крайне мало изучено антропологически, по популяциям, проживающим на острове Сулавеси, до сих пор достоверных антропометрических данных не было вовсе. Впервые в научной литературе представлено описание признаков головы и лица коренного населения Северного Сулавеси, до настоящего времени остававшегося совершенно неисследованным антропологически. Минахасцы ($n = 96$) и сангирцы ($n = 76$) исследованы по классической программе, включавшей измерительные и описательные антропологические признаки. Два исследованных этноса Северного Сулавеси – минахасцы и сангирцы – по большинству морфологических признаков достоверно не отличаются, но обнаруживают достоверные отличия по ряду важных расоводиагностических признаков: сангирцы по сравнению с минахасцами обладают более темной пигментацией кожи и радужной оболочки глаз, чаще волнисто- и даже курчавоволосы. В целом население Северного Сулавеси может быть охарактеризовано как принадлежащее к южноазиатской расе. Вместе с тем комплекс признаков минахасцев и сангирцев (гипербрахицефалия, крайняя редкость эпикантуса, узкий нос) ставит их на край изменчивости исследованных популяций Южной, Юго-Восточной Азии и Океании. Некоторые черты населения Северного Сулавеси (сравнительная темнокожесть, присутствие в популяции индивидов с курчавыми волосами) могут быть предположительно истолкованы как свидетельство экваториальной примеси. Минахасцы могут иметь веддоидную примесь вследствие родства с даяками Калимантана; сангирцы могут обладать незначительной меланезоидной примесью вследствие родства с населением Филиппин, возможно – негрито. Этот вывод предварителен и нуждается в дальнейшем обосновании; для успешного решения вопроса необходимы дальнейшие исследования населения Индонезии. *Вклад авторов.* С.В. Дробышевский и Е.М. Селиванова рассмотрели литературу и предложили концепцию исследования. М.А. Негашева разработала дизайн и программу исследования. Е.М. Селиванова организовала экспедицию и осуществила измерения морфологических показателей строения головы и лица коренного населения Северного Сулавеси, а также сформировала базу антропометрических данных. С.В. Дробышевский, Е.М. Селиванова и М.А. Негашева провели статистический анализ и подготовили рукопись.

Ключевые слова: антропология, морфологические особенности, население Индонезии, Сулавеси, минахасцы, сангирцы.

Цитирование. Дробышевский С. В., Селиванова Е. М., Негашева М. А. Антропологическая характеристика строения головы и лица коренного населения Северного Сулавеси // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 183–199. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.15>

Введение. Современное население Индонезии изучено крайне мало. По подавляющей части ее областей никаких достоверных данных нет. Вместе с тем Индонезия является чрезвычайно интересным в антропологическом отношении регионом. На ее территории пересекались разные варианты восточных экваториалов, монголоидов и, возможно, местных специфических рас. Предположительно на востоке Индонезии в плейстоцене происходила и метисация с денисовскими людьми [5]. История популяций, обитающих на множестве островов, колеблется между двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, изоляция, вплоть до крайних случаев, с другой – повышенная мобильность, в том числе на огромные расстояния. Даже на первый взгляд популяции Индонезии крайне разнообразны. Все это делает изучение антропологии региона важным и актуальным.

Одним из центров разнообразия в пределах Индонезии является остров Сулавеси. Об антропологическом своеобразии его насе-

ления много говорилось (например: [2]), однако достоверные числовые данные до настоящего времени практически полностью отсутствовали (единственная информация – изменение роста пяти минахасцев в 1905 году [22]).

Неоднократно предполагалось, что древнейшим населением региона было меланезоидное – темнокожее, курчавоволосое, прогнатное. После оно якобы было замещено веддоидным – менее темнокожим, волнистоволосым, менее прогнатным (в некоторых построениях эти две стадии заселения меняются местами). Третьей волной заселения считалась монголоидная – популяции со светлой кожей, прямыми волосами, уплощенным лицом. Население Сулавеси предполагалось как смешанное, в чертах коего отражаются процессы смешения разных волн заселения. Все подобные построения были основаны на общих соображениях, но не имели под собой фактических оснований, так как реальных исследований населения Сулавеси никогда не проводилось; население это упо-

миналось и как ведоидное, и как монголоидное, и как специфическое.

Учитывая все сказанное, авторами была поставлена цель: дать антропологическую характеристику головы и лица современного населения Северного Сулавеси. В рамках этой цели были выделены следующие задачи: произвести описание морфологических особенностей лица и головы минахасцев и сангирцев; дать оценку однородности населения Северного Сулавеси; произвести сравнение исследованных групп населения Северного Сулавеси с населением окружающих регионов.

Достоверных данных об истории изученных народов немного. Минахасцы, с некоторой вероятностью, прибыли в результате нескольких волн миграций с севера [34], хотя, согласно их собственным преданиям, первые из них пришли по реке Раноапо с юга. Важно, что Северный Сулавеси был достаточно изолированным, индийское влияние здесь было минимальным, исламизации тут не было.

Побережья островов севернее Сулавеси в некоторые моменты почти полностью лишились постоянного населения из-за постоянных набегов пиратов. Современное население появилось там лишь в XIX в. и, вероятно, тесно связано с филиппинцами, к которым близки и языки минахасцев и сангирцев [28]. Впрочем, в центральных областях островов люди, видимо, жили постоянно. Точные пути их изначальных миграций неизвестны.

Для выполнения задачи авторами статьи в июле – августе 2014 г. была организована антропологическая экспедиция на север острова Сулавеси.

Методы. Экспедиция проходила в окрестностях города Манадо, где исследовались минахасцы, и на острове Сангир (расположен среди цепочки островов, соединяющей Сулавеси с Филиппинами), где исследовались сангирцы.

В ходе экспедиции были измерены 96 минахасцев (из них 79 мужчин и 17 женщин) и 76 сангирцев (из них 63 мужчины и 13 женщин).

Все исследуемые являются коренными жителями Северного Сулавеси, то есть их предки до третьего поколения проживали на данной территории. Эта информация выяснялась с помощью анкетирования. С учетом

правил биоэтики каждый исследуемый подписал информированное согласие об участии в антропологическом исследовании и обработке личных данных, специально для этих целей переведенное на индонезийский язык.

В данной статье приводятся данные о измерительных и описательных признаках головы и лица. Все измерения производились на месте, часть балловых признаков определялась по фотографиям.

Измерения проводились по стандартной антропометрической программе [1], включающей 14 размеров: длина тела, вес, продольный диаметр головы, поперечный диаметр головы, наименьшая ширина лба, скелетный диаметр, нижнечелюстной диаметр, физиономическая высота лица, морфологическая высота лица, высота носа, ширина носа, высота верхней губы, толщина губ и ширина рта. Описательная часть программы на месте включала: цвет кожи по шкале Лушана (баллы 1–9 – очень светлые оттенки, 10–14 – светлые, 15–18 – средней окраски, 19–23 – темные, 24–35 – очень темные), цвет волос по шкале Фишера-Заллера (1–3 – рыжие, 4 – черно-каштановые, 5–7 – каштановые, 8 – темно-белокурье, 9–20 – светло-белокурье, 22–26 – пепельные, 27 – черные), цвет радужной оболочки глаз по шкале Бунака (1 – черный, 2 – темно-карий с равномерной окраской радужины, 3 – светло-карий с неравномерной в разных участках окраской радужины, 4 – желтый, 5 – буро-желто-зеленый, 6 – зеленый, 7 – серо-зеленый, 8 – серый или голубой с буро-желтым венчиком вокруг зрачка, 9 – серый различных оттенков, 10 – серо-голубой с хорошо выраженным рисунком, 11 – голубой с рисунком в виде полосок, 12 – основной фон синий, без рисунка), форма волос и волосяной покров на груди. По фотографиям, сделанным в трех нормах, определялись 24 описательных признака: рост бороды, рост бровей, ширина и наклон глазной щели, развитие эпикантуса, складка верхнего века, наклон лба, развитие надбровья, профиль лица, развитие скул, выступание подбородка, высота переносца, поперечный профиль спинки носа, костный, хрящевой и общий профили спинки носа, положение основания носа, положение кончика носа, высота крыльев носа, выступание крыльев носа, высота верхней губы, выступание верхней

губы, толщина верхней губы, толщина нижней губы.

Все полученные данные по измерительным и описательным признакам обрабатывались с помощью пакета программ STATISTICA. Для измерительных признаков были рассчитаны средние величины, стандартные отклонения и коэффициент вариации. Для балловых признаков были рассчитаны средние величины и частота встречаемости в популяции каждого варианта признака.

Анализ:**1. Внутригрупповая изменчивость минахасцев.**

Наибольшими коэффициентами вариации среди измеренных признаков обладают вес, высота верхней губы и толщина обеих губ (табл. 1). Это можно объяснить погрешностью измерений, так как многие участники исследования во время измерения данного размера с трудом сдерживают улыбку, что могло сказаться на результатах. Все остальные коэффициенты вариации соответствуют ожидаемым величинам для размеров лица.

Наибольшим стандартным отклонением из всех измеренных размеров лица обладает физиономическая высота лица. Это может быть связано с большим размахом изменчивости данного размера среди минахасцев. Разница между минимальным и максимальным значениями этого признака составляет 56 мм.

Малая численность женской части выборки не позволяет говорить о достоверности полученных коэффициентов, но повышенными значениями коэффициента вариации по сравнению с ожидаемыми по-прежнему обладают размеры губ (табл. 2).

Для мужчин минахасцев характерен очень слабый рост бороды и слабый рост бровей (табл. 3). У большинства минахасцев отсутствует эпикантус; он наличествует лишь у 17,11 % мужчин и 13,33 % женщин, причем часто только на правом глазу (асимметрия, впрочем, не достоверна). Минахасцы характеризуются слабым развитием надбровья, убегающим подбородком, прямой спинкой носа, приподнятым положением основания носа и прохейлией.

Цвет кожи, определенный по шкале Лушана, среди минахасцев преобладает свет-

лый: № 10–14 – 81,25 %; среднеокрашенный – 12,5 %; очень светлый редок – 6,25 %.

Цвет глаз, определенный по шкале Бунака, среди минахасцев преобладает темный: цвет 1 – 57,29 %, а сумма цветов 1, 2 и 3 – 98,96 %.

Цвет волос, определенный по шкале Фишера-Заллера, у всех измеренных представителей популяции минахасцев черный (*Y*).

Форма волос у 96,875 % минахасцев прямая, у 3,125 % – волнистая. Курчавая форма волос среди исследованных минахасцев не встретилась.

2. Внутригрупповая изменчивость сангирцев.

Наибольшими коэффициентами вариации в мужской части популяции сангирцев со значениями 19,69, 16,61 и 13,97, как и в случае с выборкой минахасцев, обладают, соответственно, масса тела, толщина обеих губ и высота верхней губы (табл. 4).

В женской части выборки наибольшими коэффициентами вариации также обладают вес, высота верхней губы и толщина обеих губ с соответствующими значениями 21,04, 24,31 и 20,9 (табл. 5).

Среди оттенков кожи по шкале Лушана у сангирцев преобладают светлые: № 10–14 – 73,69 %, а среди них – № 13 и 14 (табл. 6).

В изученной популяции сангирцев встречается только темный – 1 и 2 – цвет радужной оболочки глаза по шкале Бунака с соответствующими частотами 52,63 и 47,37 %.

У сангирцев чаще всего встречается прямая форма волос, однако есть индивиды с волнистыми и даже курчавыми волосами.

3. Сравнение изученных популяций минахасцев и сангирцев.

Для анализа достоверности различий частот встречаемости балловых признаков использовался пакет программ STATISTICA, а именно Difference Test.

Достоверные различия выявлены для частот встречаемости оттенков кожи 10 и 18: оттенок 10 достоверно чаще встречается у минахасцев, тогда как 18 – у сангирцев (табл. 7). В сумме сангирцы могут быть охарактеризованы как несколько более темно-пигментированные; хотя по прочим оттенкам отличия недостоверны, они явно проявляют ту же тенденцию.

У сангирцев достоверно чаще встречается самый темный цвет глаз по шкале Бунака (табл. 8) и волнистая форма волос, у минахасцев – прямая форма волос (табл. 9).

Для описательных признаков, определенных по фотографиям, выявлены достоверные различия в частоте встречаемости балла 3 медиальной и дистальной частей складки верхнего века: у минахасцев достоверно чаще встречаются крайние варианты развития этих признаков (табл. 10). Также, у минахасцев достоверно чаще встречается выпуклая форма хрящевого профиля спинки носа, а у сангирцев прямая форма этого же признака, но достоверных различий в общем профиле спинки носа не выявлено. И, наконец, у сангирцев достоверно чаще встречается средняя высота верхней губы.

Достоверные различия балловых признаков в изученных популяциях сангирцев и минахасцев крайне малочисленны, и, судя по различающимся признакам, имеют случайный характер.

В целом популяции сангирцев и минахасцев почти не отличаются по использованным в работе балловым признакам лица и головы. Однако сангирцы по сравнению с минахасцами обладают более темной пигментацией кожи и радужной оболочки глаз, чаще волнисто- и даже курчавоволосы. Такие различия могут быть связаны с тем, что сангирцы имеют более тесную связь с филиппинцами, так как они проживают на границе Индонезии с Филиппинами. Минахасцы же больше связаны с жителями острова Калимантан, так как большинство трудоспособных мужчин минахасцев в течение года работает в промышленных районах острова Калимантан.

Одномерный дисперсионный анализ ANOVA, проведенный в пакете программ STATISTICA, дал в целом аналогичные результаты (табл. 11).

У женщин достоверные различия были выявлены только для цвета кожи со значением F -критерия Фишера 8,923 и вероятностью ошибки первого рода 0,006.

В целом минахасцы и сангирцы могут быть охарактеризованы как представители южноазиатской расы. Голова гипербрахицефальная; лицо низкое и широкое, умеренно уплощенное (измерений нет), эпикантус редок,

а при наличии всегда выражен слабо, волосы и глаза всегда темные, кожа светлая, нос узкий, губы прохейличные, толще средних, но не толстые.

Положение исследованных групп среди населения окружающих регионов установимо с трудом, так как сравнимых данных крайне недостаточно [3; 4; 6–27; 29–33; 35]. Фактически в мало-мальски достаточном количестве групп сравнимы лишь головной и носовой указатели. По обоим сангирцы и минахасцы, будучи мезоринными гипербрахицефалами, находятся к крайних пределах изменчивости населения Индонезии, Меланезии и Полинезии, а по сочетанию двух указателей – занимают крайнее положение. Схожие значения носового указателя встречены только у корейцев, даяков моря и суши, малайцев, метисов Кисара и японцев, а головного – у корейцев, японцев, филиппинских илоков и бисайя, гавайцев и таитян. Все меланезийцы, равно как малайские и филиппинские негрито, западные полинезийцы и микронезийцы, резко отличаются от сангирцев и минахасцев.

Круг наиболее близких популяций включает корейцев и японцев, даяков моря и малайцев, таитян. Похожи, но более широконосы илоки и бисайя, хотя другие филиппинские группы – игорот, биколь, тагалоги, ибанаги, пампанган – ближе к меланезийцам (даже китайцы хакка чуть больше похожи на сангирцев и минахасцев).

Сходство с корейцами и японцами по головному и носовому указателям сопровождается заметным отличием по высоте лица и лицевому указателю, толщине губ (у японцев толще), а также резким – по частоте эпикантуса.

Сближение с популяциями Филиппин вполне закономерно, так как между Северным Сулавеси и Филиппинами существуют давние и тесные связи. Сангирцы, будучи в среднем чуть долихоcefальнее, едва уловимо ближе к филиппинцам, чем минахасцы, хотя эти различия недостоверны; географически эта тенденция вполне логична.

Сходство с малайцами и даяками моря, вероятно, отражает общее происхождение. Наличие курчавых волос среди сангирцев, их большая волнистоволосость и темнокожесть могут быть интерпретированы как доказа-

тельство небольшой веддоидной или меланезоидной примеси. Меланезоидная (в узком смысле) примесь маловероятна, так как все группы Меланезии отличаются от сангирцев слишком сильно. Возможно, впрочем, отдаленное непрямое влияние филиппинских негрито. С другой стороны, на ряду расположенному Калимантане, где работает большинство мужчин минахасцев, проживают даяки суши – веддоиды, а также даяки моря, имеющие, вероятно, тоже немалую веддоидную примесь.

Результаты. Два исследованных этноса Северного Сулавеси – минахасцы и сангирцы – по большинству морфологических признаков достоверно не отличаются, но обнаруживают расхождение по ряду важных ра-

соводиагностических признаков: сангирцы имеют более темную пигментацию кожи и глаз, чаще волнисто- и курчавоволосы.

Население Северного Сулавеси занимает крайнее положение среди исследованных групп малайско-индонезийского региона: склоняются в сторону монголоидных групп, в том числе не близких географически, и отличаются от меланезоидных и веддоидных групп региона.

Минахасцы могут иметь веддоидную примесь вследствие родства с населением Калимантана; сангирцы могут обладать незначительной меланезоидной примесью вследствие родства с населением Филиппин. Этот вывод предварителен и нуждается в дальнейшем обосновании.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Таблица 1. Антропометрическая характеристика мужчин минахасцев****Table 1. Anthropometric characteristics of Minahasan men**

Признаки	<i>N</i>	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Вес (кг)	79	42	137	68,30	14,73	21,56
Рост (мм)	79	1 558	1 806	1 666,95	61,47	3,69
Продольный диаметр головы (мм)	78	173	197	186,01	5,45	2,93
Поперечный диаметр головы (мм)	78	149	172	159,74	5,21	3,26
Лобный диаметр (мм)	78	97	131	110,17	6,07	5,51
Скуловой диаметр (мм)	78	130	157	146,69	5,21	3,55
Нижнечелюстной диаметр (мм)	78	97	126	109,73	6,56	5,98
Физиономическая высота лица (мм)	79	174	230	193,35	10,59	5,48
Морфологическая высота лица (мм)	79	112	149	129,03	7,73	5,99
Высота носа (мм)	79	47	74	59,72	4,84	8,10
Высота верхней губы (мм)	79	8	21	14,81	2,84	19,19
Толщина обеих губ (мм)	79	10	26	18,34	3,29	17,93
Ширина носа (мм)	79	32	59	39,77	3,68	9,25
Ширина рта (мм)	79	41	62	50,73	4,04	7,96

Таблица 2. Антропометрическая характеристика женщин минахасцев**Table 2. Anthropometric characteristics of Minahasan women**

Признаки	<i>N</i>	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Вес (кг)	17	40	87	57,06	13,40	23,49
Рост (мм)	17	1462	1662	1548,41	53,13	3,43
Продольный диаметр головы (мм)	17	169	188	176,88	5,43	3,07
Поперечный диаметр головы (мм)	17	142	159	152,00	5,80	3,81
Лобный диаметр (мм)	17	93	117	107,12	5,73	5,35
Скуловой диаметр (мм)	17	114	148	137,82	7,58	5,50
Нижнечелюстной диаметр (мм)	17	96	112	104,94	5,07	4,83
Физиономическая высота лица (мм)	17	161	205	180,76	11,75	6,50
Морфологическая высота лица (мм)	17	105	131	119,35	7,58	6,35
Высота носа (мм)	17	51	70	58,24	5,48	9,42
Высота верхней губы (мм)	17	9	17	12,82	2,30	17,92
Толщина обеих губ (мм)	17	11	22	17,88	2,89	16,17
Ширина носа (мм)	17	32	47	37,12	3,95	10,64
Ширина рта (мм)	17	41	59	47,65	4,36	9,15

Таблица 3. Средние значения и частоты встречаемости баллов описательных признаков в популяции минахасцев

Table 3. Average values and frequency of occurrence of descriptive traits scores in the Minahasan population

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины	
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл
<i>Рост бороды</i>	76		1,43	17		0,00
отсутствует (0)		1,32			100,00	
очень слабый (1)		61,84			0,00	
слабый (2)		28,95			0,00	
средний (3)		7,89			0,00	
сильный (4)		0,00			0,00	
очень сильный (5)		0,00			0,00	
<i>Рост бровей</i>	76		1,45	14		1,22
слабый (1)		56,58			78,57	
средний (2)		42,10			27,27	
сильный (3)		1,32			0,00	
<i>Ширина глазной щели</i>	76		1,75	15		1,83
узкая (1)		26,32			20,00	
средняя (2)		73,68			80,00	
широкая (3)		0,00			0,00	
<i>Наклон глазной щели</i>	74		2,05	15		2,47
внутренний угол выше наружного (1)		0,00			0,00	
горизонтальное положение (2)		94,59			53,33	
наружный угол выше внутреннего (3)		5,41			46,67	
<i>Развитие этикантуса</i>	76		0,17	15		0,13
отсутствует (0)		82,89			86,67	
слабое развитие (1)		17,11			13,33	
среднее развитие (2)		0,00			0,00	
сильное развитие (3)		0,00			0,00	
<i>Складка верхнего века</i>	76		2,00	15		1,93
проксимальная часть						
отсутствует (0)		1,32			0,00	
слабое развитие (1)		3,95			6,67	
среднее развитие (2)		90,78			93,33	
сильное развитие (3)	76	3,95	2,15	15	0,00	2,07
медиальная часть						
отсутствует (0)		1,32			0,00	
слабое развитие (1)		3,95			6,67	
среднее развитие (2)		74,99			80,00	
сильное развитие (3)	76	19,74	2,11	15	13,33	2,20
дистальная часть						
Отсутствует (0)		1,32			0,00	
слабое развитие (1)		3,95			0,00	
среднее развитие (2)		78,94			80,00	
сильное развитие (3)	74	15,79	2,43	14	20,00	2,38
<i>Наклон лба</i>						
сильно покатый (1)		0,00			0,00	
средне покатый (2)		55,26			66,67	
прямой (3)		44,74			33,33	
<i>Развитие надбровья</i>	74		1,26	14		1,00
слабое развитие (1)		72,37			100,00	
среднее развитие (2)		27,63			0,00	
сильное развитие (3)		0,00			0,00	

*Продолжение таблицы 3**Continuation of table 3*

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины	
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл
<i>Профиль лица</i>	75			15		
плоское (1)		26,32			46,67	
среднее (2)		73,68	1,73		53,33	1,53
узкое (3)		0,00			0,00	
<i>Развитие скул</i>	75			15		
слабое развитие (1)		17,11			6,67	
среднее развитие (2)		82,89	1,83		73,33	2,13
сильное развитие (3)		0,00			20,00	
<i>Выступание подбородка</i>	75			15		
убегающий (1)		73,68			60,00	
прямой (2)		26,32	1,25		40,00	1,40
выступающий (3)		0,00			0,00	
<i>Высота переносца</i>	75			15		
низкое (1)		52,00			60,00	
среднее (2)		48,00	1,49		40,00	1,40
высокое (3)		0,00			0,00	
<i>Поперечный профиль спинки носа</i>	75			15		
плоский (1)		13,16			33,33	
средний (2)		86,84	1,87		66,67	1,67
заостренный (3)		0,00			0,00	
<i>Костный профиль спинки носа</i>	75			15		
вогнутый (1)		0,00			6,67	
прямой (2)		98,67	2,01		93,33	1,93
выгнутый (3)		1,33			0,00	
<i>Хрящевой профиль спинки носа</i>	75			15		
вогнутый (1)		4,00			13,33	
прямой (2)		85,33	2,07		86,67	1,87
выгнутый (3)		10,67			0,00	
<i>Общий профиль спинки носа</i>	75			15		
вогнутый (1)		4,00			20,00	
прямой (2)		84,00	2,08		80,00	1,80
выгнутый (3)		12,00			0,00	
извилистый (4)		0,00			0,00	
<i>Положение основания носа</i>	75			15		
приподнятое (1)		61,33			60,00	
горизонтальное (2)		38,67	1,39		40,00	1,40
упущенное (3)		0,00			0,00	
<i>Положение кончика носа</i>	75			15		
приподнятое (1)		8,00			26,67	
горизонтальное (2)		92,00	1,92		73,33	1,73
упущенное (3)		0,00			0,00	
<i>Высота крыльев носа</i>	74			15		
низкая (1)		12,16			46,67	
средняя (2)		63,52	2,14		40,00	1,67
высокая (3)		24,32			13,33	
<i>Выступание крыльев носа</i>	74			15		
слабое (1)		30,26			20,00	
среднее (2)		68,42	1,70		80,00	1,80
сильное (3)		1,32			0,00	

Окончание таблицы 3

End of table 3

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины		
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл	
<i>Высота верхней губы</i>	76			15			
низкая (1)		17,11	1,88		33,33	1,67	
средняя (2)		77,63			66,67		
высокая (3)		5,26			0,00		
<i>Профиль верхней губы</i>	75			15			
проехлия (1)		66,67	1,33		73,33	1,27	
ортогеихлия (2)		33,33			26,67		
опистогеихлия (3)		0,00			0,00		
<i>Толщина верхней губы</i>	76			15			
тонкая (1)		36,84	1,69		40,00	1,60	
средняя (2)		57,90			60,00		
толстая (3)		5,26			0,00		
<i>Толщина нижней губы</i>	76			15			
тонкая (1)		9,21	2,20		13,33	1,93	
средняя (2)		61,84			80,00		
толстая (3)		28,95			6,67		

Таблица 4. Антропометрическая характеристика мужчин сангирцев

Table 4. Anthropometric characteristics of Sangirese men

Признаки	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Вес (кг)	63	40	95	62,24	12,26	19,69
Рост (мм)	63	1 540	1 774	1 660,97	59,21	3,56
Продольный диаметр головы (мм)	63	174	207	185,37	7,36	3,97
Поперечный диаметр головы (мм)	63	140	170	158,03	6,10	3,86
Лобный диаметр (мм)	63	85	131	108,17	6,30	5,83
Скуловой диаметр (мм)	63	133	158	145,49	5,27	3,62
Нижнечелюстной диаметр (мм)	63	94	124	107,62	6,13	5,70
Физиономическая высота лица (мм)	63	176	210	195,86	7,99	4,08
Морфологическая высота лица (мм)	63	113	147	130,62	7,25	5,55
Высота носа (мм)	63	50	73	59,90	4,28	7,14
Высота верхней губы (мм)	63	10	19	14,41	2,01	13,97
Толщина обеих губ (мм)	62	10	25	18,39	3,05	16,61
Ширина носа (мм)	63	32	47	39,83	3,23	8,10
Ширина рта (мм)	63	42	60	50,40	3,86	7,66

Таблица 5. Антропометрическая характеристика женщин сангирцев

Table 5. Anthropometric characteristics of Sangirese women

Признаки	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Вес (кг)	13	47	90	59,62	12,54	21,04
Рост (мм)	13	1 417	1 613	1 511,62	51,70	3,42
Продольный диаметр головы (мм)	13	164	183	173,77	5,17	2,97
Поперечный диаметр головы (мм)	13	141	158	149,69	5,23	3,50
Лобный диаметр (мм)	13	99	117	106,31	5,54	5,21
Скуловой диаметр (мм)	13	126	145	135,62	5,64	4,16
Нижнечелюстной диаметр (мм)	13	89	112	101,62	6,92	6,81
Физиономическая высота лица (мм)	13	165	194	180,62	8,18	4,53
Морфологическая высота лица (мм)	13	105	128	117,77	6,93	5,88
Высота носа (мм)	13	51	70	57,69	4,75	8,23
Высота верхней губы (мм)	13	8	20	13,38	3,25	24,31
Толщина обеих губ (мм)	13	9	20	15,77	3,30	20,90
Ширина носа (мм)	13	31	43	37,69	3,17	8,42
Ширина рта (мм)	13	42	53	48,46	2,88	5,93

Таблица 6. Средние значения и частоты встречаемости баллов описательных признаков в популяции сангирцев**Table 6. Average values and frequency of occurrence of descriptive traits scores in the Sangirese population**

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины	
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл
<i>Рост бороды</i>	62			13		
отсутствует (0)		0,00			100,00	
очень слабый (1)		69,35			0,00	
слабый (2)		14,52	1,40		0,00	
средний (3)		16,13			0,00	
сильный (4)		0,00			0,00	
очень сильный (5)		0,00			0,00	
<i>Рост бровей</i>	61			13		
слабый (1)		32,79			76,92	
средний (2)		67,21	1,67		23,08	
сильный (3)		0,00			0,00	
<i>Ширина глазной щели</i>	62			13		
узкая (1)		29,03			23,08	
средняя (2)		70,97	1,71		76,92	
широкая (3)		0,00			0,00	
<i>Наклон глазной щели</i>	62			13		
внутренний угол выше наружного (1)		0,00			7,69	
горизонтальное положение (2)		95,16	2,05		61,54	
наружный угол выше внутреннего (3)		4,84			30,77	
<i>Развитие эпикантуса</i>	62			13		
отсутствует (0)		87,10			92,31	
слабое развитие (1)		12,90	0,13		7,69	
среднее развитие (2)		0,00			0,00	
сильное развитие (3)		0,00			0,00	
<i>Складка верхнего века</i>	62			13		
проксимальная часть						
отсутствует (0)		0,00			0,00	
слабое развитие (1)		8,06	1,95		7,69	
среднее развитие (2)		88,71			92,31	
сильное развитие (3)		3,23			0,00	
<i>медиальная часть</i>	62			13		
отсутствует (0)		0,00			0,00	
слабое развитие (1)		6,45	2,00		7,69	
среднее развитие (2)		87,10			76,92	
сильное развитие (3)		6,45			15,39	
<i>дистальная часть</i>	62			13		
отсутствует (0)		0,00			0,00	
слабое развитие (1)		6,45	1,95		7,69	
среднее развитие (2)		91,94			76,92	
сильное развитие (3)		1,61			15,39	
<i>Наклон лба</i>	55			13		
сильно покатый (1)		0,00			0,00	
средне покатый (2)		65,45	2,35		38,46	
прямой (3)		34,55			61,54	
<i>Развитие надбровья</i>	58			13		
слабое развитие (1)		84,48	1,16		100,00	
среднее развитие (2)		15,52			0,00	
сильное развитие (3)		0,00			0,00	

Продолжение таблицы 6

Continuation of table 6

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины		
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл	
<i>Профиль лица</i>	62			13			
плоское (1)		16,13	1,84		69,23	1,31	
среднее (2)		83,87			30,77		
узкое (3)		0,00			0,00		
<i>Развитие скул</i>	62			13			
слабое развитие (1)		27,42	1,74		0,00	2,15	
среднее развитие (2)		70,97			84,62		
сильное развитие (3)		1,61			15,38		
<i>Выступание подбородка</i>	62			13			
убегающий (1)		67,74	1,34		61,54	1,38	
прямой (2)		30,65			38,46		
выступающий (3)		1,61			0,00		
<i>Высота переносья</i>	61			13			
низкое (1)		50,82	1,49		46,15	1,54	
среднее (2)		49,18			53,85		
высокое (3)		0,00			0,00		
<i>Поперечный профиль спинки носа</i>	62			13			
плоский (1)		4,84	1,95		15,38	1,85	
средний (2)		95,16			84,62		
заостренный (3)		0,00			0,00		
<i>Костный профиль спинки носа</i>	62			13			
вогнутый (1)		0,00	2,05		0,00	2,00	
прямой (2)		95,16			100,00		
выгнутый (3)		4,84			0,00		
<i>Хрящевой профиль спинки носа</i>	62			13			
вогнутый (1)		3,23	1,97		0,00	2,00	
прямой (2)		96,77			100,00		
выгнутый (3)		0,00			0,00		
<i>Общий профиль спинки носа</i>	62			13			
вогнутый (1)		3,23	2,02		0,00	2,00	
прямой (2)		91,93			100,00		
выгнутый (3)		4,84			0,00		
извилистый (4)		0,00			0,00		
<i>Положение основания носа</i>	62			13			
приподнятое (1)		56,45	1,44		46,15	1,54	
горизонтальное (2)		43,55			53,85		
опущенное (3)		0,00			0,00		
<i>Положение кончика носа</i>	62			13			
приподнятое (1)		6,45	1,94		7,69	1,92	
горизонтальное (2)		93,55			92,31		
опущенное (3)		0,00			0,00		
<i>Высота крыльев носа</i>	62			13			
низкая (1)		4,84	2,19		15,38	2,15	
средняя (2)		70,97			53,85		
высокая (3)		24,19			30,77		
<i>Выступание крыльев носа</i>	62			13			
слабое (1)		24,19	1,79		23,08	1,92	
среднее (2)		72,58			61,54		
сильное (3)		3,23			15,38		

*Окончание таблицы 6**End of table 6*

Признаки	N	Мужчины		N	Женщины	
		частота встречаемости, %	средний балл		частота встречаемости, %	средний балл
<i>Высота верхней губы</i>	62			13		
низкая (1)		6,45			23,08	
средняя (2)		93,55			76,92	
высокая (3)		0,00			0,00	
<i>Профиль верхней губы</i>	62			13		
прохейлия (1)		53,23			92,31	
ортокейлия (2)		46,77			7,69	
опистокейлия (3)		0,00			0,00	
<i>Толщина верхней губы</i>	62			13		
тонкая (1)		35,48			53,85	
средняя (2)		56,46			38,46	
толстая (3)		8,06			7,69	
<i>Толщина нижней губы</i>	62			13		
тонкая (1)		9,21			13,33	
средняя (2)		61,84			80,00	
толстая (3)		28,95			6,67	

Таблица 7. Распределение оттенков кожи (по шкале Лушана) у минахасцев и сангирцев**Table 7. Distribution of skin tones (according to Von Luschan's chromatic scale) in the Minahasans and Sangirese**

Баллы	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Частота встречаемости у минахасцев	6,25	13,54	17,71	12,50	22,92	14,58	7,29	3,13	1,04	1,04
Частота встречаемости у сангирцев	2,63	2,63	10,53	9,21	26,32	25,00	7,89	6,58	7,89	1,32
p	0,2644	0,0127	0,1864	0,4952	0,6069	0,0866	0,8826	0,2877	0,0252	0,865

Таблица 8. Распределение цвета глаз (по шкале Бунака) у минахасцев и сангирцев**Table 8. Distribution of eye colors (according to Bunak's scale) in the Minahasans and Sangirese**

Баллы	1	2	3	5
Частота встречаемости у минахасцев	36,46	57,29	2,08	1,04
Частота встречаемости у сангирцев	52,63	47,37	0	0
p	0,0365	0,2005		

Таблица 9. Распределение формы волос у минахасцев и сангирцев**Table 9. Distribution of hair forms in the Minahasans and Sangirese**

Баллы	Прямые	Волнистые	Курчавые
Частота встречаемости у минахасцев	96,88	3,13	0
Частота встречаемости у сангирцев	77,63	17,11	5,26
p	0,0001	0,002	

Таблица 10. Достоверность различий балловых признаков у минахасцев и сангирцев

Table 10. Significance of differences of trait scores in the Minahasans and Sangirese

Признаки	1	1		2	2		3	3	
	мина- хасцы	санги- ры	p	мина- хасцы	санги- ры	p	мина- хасцы	санги- ры	p
Ширина глазной щели	0,2632	0,2903	0,7235	0,7368	0,7097	0,7235	0,0000	0,0000	
Наклон глазной щели	0,0000	0,0000		0,9459	0,9516	0,8812	0,0541	0,0484	0,8812
Складка <i>p</i>	0,0526	0,0806	0,5086	0,8947	0,8871	0,8868	0,0526	0,0323	0,5618
Складка <i>m</i>	0,0526	0,0645	0,7664	0,7500	0,8710	0,0769	0,1974	0,0645	0,0258
Складка <i>d</i>	0,0526	0,0645	0,7664	0,8421	0,9194	0,1716	0,1579	0,0161	0,0053
Наклон лба	0,0000	0,0000		0,5676	0,6545	0,3220	0,4324	0,2923	0,3220
Надбровье	0,7432	0,8448	0,1589	0,2568	0,1552	0,1589	0,0000	0,0000	
Профиль лица	0,2667	0,1613	0,1399	0,7333	0,8387	0,1399	0,0000	0,0000	
Выступание скул	0,1733	0,2742	0,1575	0,8267	0,7097	0,1056	0,0000	0,0161	0,2720
Выступание подбородка	0,7467	0,6774	0,3725	0,2533	0,3065	0,4899	0,0000	0,0161	0,2720
Высота переносья	0,5200	0,5000	0,8168	0,4800	0,4839	0,8168	0,0000	0,0000	
Поперечный профиль	0,1333	0,0484	0,0937	0,8667	0,9516	0,0937	0,0000	0,0000	
Костный профиль спинки носа	0,0000	0,0000		0,9867	0,9516	0,2265	0,0133	0,0484	0,2265
Хрящевой профиль спинки носа	0,0400	0,0323	0,8113	0,8533	0,9677	0,0229	0,1067	0,0000	0,0090
Общий профиль спинки носа	0,0400	0,0323	0,8113	0,8400	0,9194	0,1628	0,1200	0,0484	0,1424
Кончик носа	0,0800	0,0645	0,7290	0,9200	0,9355	0,7290	0,0000	0,0000	
Основание носа	0,6133	0,5645	0,5640	0,3867	0,4355	0,5640	0,0000	0,0000	
Высота крыльев носа	0,1216	0,0484	0,1362	0,6351	0,7097	0,3588	0,2432	0,2419	0,9860
Выступание крыльев носа	0,3108	0,2419	0,3741	0,6757	0,7258	0,5271	0,0135	0,0323	0,4586
Высота верхней губы	0,1711	0,0645	0,0602	0,7763	0,9355	0,0106	0,0526	0,0000	0,0690
Профиль верхней губы	0,6667	0,5323	0,1114	0,3333	0,4677	0,1114	0,0000	0,0000	
Толщина верхней губы	0,3684	0,3548	0,8689	0,5789	0,5645	0,8661	0,0526	0,0806	0,5086
Толщина нижней губы	0,0921	0,2097	0,0530	0,6184	0,5484	0,4076	0,2895	0,2419	0,5311

Таблица 11. Достоверные различия признаков по результатам одномерного дисперсионного анализа антропологических признаков для мужчин минахасцев и сангирцев

Table 11. Significant differences in traits according to the results of one-dimensional analysis of variance of anthropological traits for Minahasan and Sangirese men

Признаки	F-критерий Фишера	p
Вес	6,882	0,010
Цвет кожи	9,030	0,030
Форма волос	16,130	0,001
Рост бровей	6,390	0,013
Цвет глаз	7,006	0,009
Дистальная часть складки верхнего века	5,478	0,021

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунак, В. В. Антропометрия / В. В. Бунак. – М. : Учпедгиз, 1941. – 365 с.
2. Рогинский, Я. Я. Антропология / Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. – М. : Выш. шк., 1963. – 498 с.
3. Bean, R. B. The Benguet Igorots: a somatologic study of the live folk of Benguet and Lepanto-Bontoc / R. B. Bean // Philippine Journal of Science. – 1908. – Vol. III, № 6. – P. 413–472.
4. Bean, R. B. The racial anatomy of the Philippine Islanders: introducing new methods of anthropology and showing their application to the Filipinos with a classification of human ears and a scheme for the heredity of anatomical characters in man / R. B. Bean. – Philadelphia : J.B. Lippincott Co, 1910. – 236 p.
5. Denisova admixture and the first modern human dispersals into Southeast Asia and Oceania / D. Reich, N. Patterson, M. Kircher [et al.] // The American Journal of Human Genetics. – 2011. – Vol. 89. – P. 516–528.
6. Folkmar, D. Album of Philippine types: Christians and Moros. Eighty plates, representing thirty-seven provinces and islands / D. Folkmar. – Manila : Bureau of Public Prtg., 1904. – 186 p.
7. Friederici, G. Wissenschaftliche Ergebnisse einer amtlichen Forschungsreise nach dem Bismarck-Archipel im Jahre 1908. Vol. II. Beiträge Zur Volker- und Sprachenkunde von Deutsch-Neuguinea / G. Friederici. – Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1912. – 324 p.
8. Ghosh, S. Understanding morphological changes from parental and filial generations: a case study of the Santhals of West Bengal / S. Ghosh, S. L. Malik // Indian Anthropologist. – 2009. – Vol. 39, № 1/2. – P. 99–116.
9. Hambruch, P. Beiträge zur Somatologie von Madagaskar, Indonesien, Bismarckarchipel und Mikronesien / P. Hambruch. – Berlin : Forschungsreise S. M. S. Planet, 1906–1907, 1909. – 168 p.
10. Howells, W. W. Anthropometry and blood types in Fiji and the Solomon Islands / W. W. Howells // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1933. – Vol. 33, part 4. – P. 279–339.
11. Hiroa, T. R. (Buck P. H.). Maori somatology. Racial Averages. Part 1 / T. R. Hiroa (P. H. Buck) // Journal of the Polynesian Society. – 1922. – Vol. 31, № 121. – P. 37–44.
12. Hiroa, T. R. (Buck P. H.). Maori somatology. Racial Averages. Part 2 / T. R. Hiroa (P. H. Buck) // Journal of the Polynesian Society. – 1922. – Vol. 31, № 123. – P. 145–153.
13. Hiroa, T. R. (Buck P. H.). Maori somatology. Racial Averages. Part 3 / T. R. Hiroa (P. H. Buck) // Journal of the Polynesian Society. – 1922. – Vol. 31, № 124. – P. 159–710.
14. Hiroa, T. R. (Buck P. H.). Maori somatology. Racial averages. Part 4 / T. R. Hiroa (P. H. Buck) // Journal of the Polynesian Society. – 1922. – Vol. 32, № 125. – P. 21–28.
15. Hiroa, T. R. (Buck P. H.). Maori somatology. Racial Averages. Part 5 / T. R. Hiroa (P. H. Buck) // Journal of the Polynesian Society. – 1923. – Vol. 32, № 128. – P. 189–199.
16. Humphreys, C. B. The southern New Hebrides: an ethnological record / C. B. Humphreys. – CUP Archive, The University Press, 1926. – 214 p.
17. Kurisu, K. Multivariate statistical analysis on the physical interrelationship of native tribes in Sarawak, Malaysia / K. Kurisu // American Journal of Physical Anthropology. – 1970. – Vol. 33. – P. 229–234.
18. Lee, H. J. Comparison of Korean and Japanese head and face anthropometric characteristics / H. J. Lee, S. J. Park // Human Biology. – 2008. – Vol. 80 (3). – P. 313–330.
19. Physical characteristics of Chinese Hakka / L. Zheng, Y. Li, S. Lu [et al.] // Science China Life Sciences. – 2013. – Vol. 56 (6). – P. 541–551.
20. Reed, W. A. Negritos of Zambales / W. A. Reed. – Manila : Bureau of Public Printing, 1904. – 89 p.
21. Rodenwaldt, E. Die Mestizen auf Kisar. Vol. 2 / E. Rodenwaldt. – Batavia : G. Fisher, 1927. – 483 p.
22. Sarasin, P. Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes / P. Sarasin. – Wiesbaden : C.W. Kreidel, 1905. – 82 p.
23. Sarasin, P. Anthropologie der Neu Caledonier und Loyalty Insulaner / P. Sarasin. – Berlin : C.W. Kreidel, 1916–1922. – 521 p.
24. Schlaginhaufen, O. Zur Anthropologie der Mikronesischen Inselgruppe Kapingamarangi (Greenwich-Inseln) / O. Schlaginhaufen. – Zürich : Orell Füssli, 1929. – 287 p.
25. Shapiro, H. L. The physical characters of the Society Islanders / H. L. Shapiro // Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum, 1930. – Vol. XI, № 4. – P. 1–39.
26. Shapiro, H. L. The physical characteristics of the Ontong Javanese: a contribution to the study of the non-Melanesian elements in Melanesia / H. L. Shapiro // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1933. – Vol. XXXIII, part III. – P. 227–278.
27. Shapiro, H. L. The anthropometry of Pukapuka based upon data collected by Ernest and Pearl Beaglehole / H. L. Shapiro // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1942. – Vol. XXXVIII, part III. – P. 1–169.
28. Sneddon, J. N. Proto-Sangiric and the Sangiric languages / J. N. Sneddon // Pacific Linguistics. – 1984. – Ser. B. – № 91. – 5 p.
29. Sullivan, L. R. A contribution to Samoan somatology / L. R. Sullivan // Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum. – 1921. – Vol. 8, № 2. – P. 1–26.

30. Sullivan, L. R. A contribution to Tongan somatology / L. R. Sullivan // Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum. – 1922. – Vol. 8, № 4. – P. 1–34.
31. Sullivan, L. R. Marquesan somatology with comparative notes on Samoa and Tonga / L. R. Sullivan. – Honolulu : Hawaii, Bishop Museum Press, 1923. – 111 p.
32. Sullivan, L. R. Observations on Hawaiian somatology / L. R. Sullivan, C. Wissler // Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum. – 1927. – Vol. 9, № 4. – P. 1–343.
33. Wagenseil, F. Anthropologische Untersuchung ostmalayischer Negrito / F. Wagenseil // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. – 1967. – Vol. 59 (1). – P. 1–25.
34. Wigboldus, J. S. J. A history of the Minahasa c. 1615–1680 / J. S. J. Wigboldus // Archipel. – 1987. – Vol. 34. – P. 63–101.
35. Wirz, P. Anthropologische und Ethnologische ergebnisse der Central Neu-Guinea Expedition 1921–1922 / P. Wirz // Nova Guinea. – 1924. – Vol. XVI. – S. 59. – 148 p.
8. Ghosh S., Malik S.L. Understanding Morphological Changes from Parental and Filial Generations: A Case Study of the Santhals of West Bengal. *Indian Anthropologist*, 2009, vol. 39, no. 1/2, pp. 99–116.
9. Hambruch P. *Beiträge zur Somatologie von Madagaskar, Indonesien, Bismarckarchipel und Mikronesien*. Berlin, Forschungsreise S. M. S. Planet, 1906–1907, 1909. 168 S.
10. Howells W.W. Anthropometry and Blood Types in Fiji and the Solomon Islands. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 1933, vol. 33, part 4, pp. 279–339.
11. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 1. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 121, pp. 37–44.
12. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 2. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 123, pp. 145–153.
13. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 3. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 124, pp. 159–710.
14. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 4. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 32, no. 125, pp. 21–28.
15. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 5. *Journal of the Polynesian Society*, 1923, vol. 32, no. 128, pp. 189–199.
16. Humphreys C.B. *The Southern New Hebrides: An Ethnological Record*. CUP Archive, The University Press, 1926. 214 p.
17. Kurisu K. Multivariate Statistical Analysis on the Physical Interrelationship of Native Tribes in Sarawak, Malaysia. *American Journal of Physical Anthropology*, 1970, vol. 33, pp. 229–234.
18. Lee H.J., Park S.J. Comparison of Korean and Japanese Head and Face Anthropometric Characteristics. *Human Biology*, 2008, vol. 80 (3), pp. 313–330.
19. Zheng L., Li Y., Lu S., Bao J., Wang Y., Zhang X., Xue H., Rong W. Physical Characteristics of Chinese Hakka. *Science China Life Sciences*, 2013, vol. 56 (6), pp. 541–551.
20. Reed W.A. *Negritos of Zambales*. Manila, Bureau of Public Printing, 1904. 89 p.
21. Rodenwaldt E. *Die Mestizen auf Kisar*. Vol. 2. Batavia, G. Fisher, 1927. 483 p.
22. Sarasin P. *Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes*. Wiesbaden, C.W. Kreidel, 1905. 82 S.
23. Sarasin P. *Anthropologie der Neu Caledonier und Loyalty Insulaner*. Berlin, C.W. Kreidel, 1916–1922. 521 S.
24. Schlaginhaufen O. *Zur Anthropologie der Mikronesischen Inselgruppe Kapingamarangi (Greenwich-Inseln)*. Zürich, Orell Füssli, 1929. 287 S.

REFERENCES

1. Bunak V.V. *Antropometriya* [Anthropometry]. Moscow, Uchpedgiz, 1941. 365 p.
2. Roginskiy Ya.Ya., Levin M.G. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1963. 498 p.
3. Bean R.B. The Benguet Igorots: A Somatologic Study of the Live Folk of Benguet and Lepanto-Bontoc. *Philippine Journal of Science*, 1908, vol. III, no. 6, pp. 413–472.
4. Bean R.B. *The Racial Anatomy of the Philippine Islanders: Introducing New Methods of Anthropology and Showing Their Application to the Filipinos with a Classification of Human Ears and a Scheme for the Heredity of Anatomical Characters in Man*. Philadelphia, J.B. Lippincott Co, 1910. 236 p.
5. Reich D., Patterson N., Kircher M., Delfin F., Nandineni M.R., Pugach I., Ko A.M.-Sh., Ko Y.-Ch., Jinam T.A., Phipps M.E., Saitou N., Wollstein A., Kayser M., Paabo S., Stoneking M. Denisova Admixture and the First Modern Human Dispersals into Southeast Asia and Oceania. *The American Journal of Human Genetics*, 2011, vol. 89, pp. 516–528.
6. Folkmar D. *Album of Philippine Types: Christians and Moros. Eighty Plates, Representing Thirty-Seven Provinces and Islands*. Manila, Bureau of Public Prtg., 1904. 186 p.
7. Friederici G. *Wissenschaftliche Ergebnisse einer amtlichen Forschungsreise nach dem Bismarck-Archipel im Jahre 1908. Vol. II Beiträge Zur Volker- und Sprachenkunde von Deutsch-Neuguinea*. Berlin, Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1912. 324 S.
8. Ghosh S., Malik S.L. Understanding Morphological Changes from Parental and Filial Generations: A Case Study of the Santhals of West Bengal. *Indian Anthropologist*, 2009, vol. 39, no. 1/2, pp. 99–116.
9. Hambruch P. *Beiträge zur Somatologie von Madagaskar, Indonesien, Bismarckarchipel und Mikronesien*. Berlin, Forschungsreise S. M. S. Planet, 1906–1907, 1909. 168 S.
10. Howells W.W. Anthropometry and Blood Types in Fiji and the Solomon Islands. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 1933, vol. 33, part 4, pp. 279–339.
11. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 1. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 121, pp. 37–44.
12. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 2. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 123, pp. 145–153.
13. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 3. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 31, no. 124, pp. 159–710.
14. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 4. *Journal of the Polynesian Society*, 1922, vol. 32, no. 125, pp. 21–28.
15. Hiroa T.R. (Buck P.H.) Maori Somatology. Racial Averages. Part 5. *Journal of the Polynesian Society*, 1923, vol. 32, no. 128, pp. 189–199.
16. Humphreys C.B. *The Southern New Hebrides: An Ethnological Record*. CUP Archive, The University Press, 1926. 214 p.
17. Kurisu K. Multivariate Statistical Analysis on the Physical Interrelationship of Native Tribes in Sarawak, Malaysia. *American Journal of Physical Anthropology*, 1970, vol. 33, pp. 229–234.
18. Lee H.J., Park S.J. Comparison of Korean and Japanese Head and Face Anthropometric Characteristics. *Human Biology*, 2008, vol. 80 (3), pp. 313–330.
19. Zheng L., Li Y., Lu S., Bao J., Wang Y., Zhang X., Xue H., Rong W. Physical Characteristics of Chinese Hakka. *Science China Life Sciences*, 2013, vol. 56 (6), pp. 541–551.
20. Reed W.A. *Negritos of Zambales*. Manila, Bureau of Public Printing, 1904. 89 p.
21. Rodenwaldt E. *Die Mestizen auf Kisar*. Vol. 2. Batavia, G. Fisher, 1927. 483 p.
22. Sarasin P. *Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes*. Wiesbaden, C.W. Kreidel, 1905. 82 S.
23. Sarasin P. *Anthropologie der Neu Caledonier und Loyalty Insulaner*. Berlin, C.W. Kreidel, 1916–1922. 521 S.
24. Schlaginhaufen O. *Zur Anthropologie der Mikronesischen Inselgruppe Kapingamarangi (Greenwich-Inseln)*. Zürich, Orell Füssli, 1929. 287 S.

25. Shapiro H.L. The Physical Characters of the Society Islanders. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum*, 1930, vol. XI, no. 4, pp. 1-39.
26. Shapiro H.L. The Physical Characteristics of the Ontong Javanese: A Contribution to the Study of the Non-Melanesian Elements in Melanesia. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 1933, vol. XXXIII, part III, pp. 227-278.
27. Shapiro H.L. The Anthropometry of Pukapuka Based Upon Data Collected by Ernest and Pearl Beaglehole. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 1942, vol. XXXVIII, part III, pp. 1-169.
28. Sneddon J.N. Proto-Sangiric and the Sangiric Languages. *Pacific Linguistics*, 1984, ser. B, no. 91. 5 p.
29. Sullivan L.R. A Contribution to Samoan Somatology. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum*, 1921, vol. 8, no. 2, pp. 1-26.
30. Sullivan L.R. A Contribution to Tongan Somatology. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum*, 1922, vol. 8, no. 4, pp. 1-34.
31. Sullivan L.R. *Marquesan Somatology with Comparative Notes on Samoa and Tonga*. Honolulu, Hawaii, Bishop Museum Press, 1923. 111 p.
32. Sullivan L.R., Wissler C. Observations on Hawaiian Somatology. *Memoirs of the Bernice P. Bishop Museum*, 1927, vol. 9, no. 4, pp. 1-343.
33. Wagenseil F. Anthropologische Untersuchung ostmalayischer Negrito. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, 1967, vol. 59 (1), S. 1-25.
34. Wigboldus J.S.J. A History of the Minahasa c. 1615-1680. *Archipel*, 1987, vol. 34, pp. 63-101.
35. Wirz P. Anthropologische und Ethnologische ergebnisse der Central Neu-Guinea Expedition 1921-1922. *Nova Guinea*, 1924, vol. XVI, S. 59. 148 S.

Information About the Authors

Stanislav V. Drobyshevsky, Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 12, 119234 Moscow, Russian Federation, dsv_anth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3099-9962>

Ekaterina M. Selivanova, Postgraduate Student, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 12, 119234 Moscow, Russian Federation, selivanova.e.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3311-6611>

Marina A. Negasheva, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 12, 119234 Moscow, Russian Federation, negasheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-4316>

Информация об авторах

Станислав Владимирович Дробышевский, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, 119234 г. Москва, Российская Федерация, dsv_anth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3099-9962>

Екатерина Максимовна Селиванова, аспирантка кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, 119234 г. Москва, Российская Федерация, selivanova.e.m@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3311-6611>

Марина Анатольевна Негашева, доктор биологических наук, профессор кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, 119234 г. Москва, Российская Федерация, negasheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-4316>

www.volsu.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.16>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)4

Submitted: 24.11.2019
Accepted: 27.12.2019

ON THE ISSUE OF THE BAPTISM OF PRINCESS OLGA

Alexey V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Theological Academy, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* More than once researchers will address this issue and related subjects. Where, how and why did Princess Olga receive holy baptism? When and in what capacity did she travel to Constantinople? What was the meaning of Olga's baptism for Rus? Was the blessed princess the ruler of a pagan state? The author proposes to share his thoughts on this subject in this article. *Methods.* The method of considering this issue ultimately comes down to finding the best option for reconciling conflicting testimony of sources, taking into account extensive historiography, but also in the context of a particular historiographic and theoretical paradigm. *Analysis.* The opinion about the official nature of Olga's trip to Constantinople as the full-fledged ruler of the Russian land can be successfully opposed by the opinion that the visit of the princess to the capital of the empire is a private event in the life of the widow of the Russian prince. Doubts were justified that she could be equal in status to her late husband and fully take control of his princely duties and government powers. Most likely, her political position was ambivalent. It is difficult to deny the baptism of Igor's widow in Constantinople, because all the sources talking about him, not coinciding in the dating of this event, nevertheless, unanimously localize him there. *Results.* Christianity, adopted by Princess Olga in 957 in Constantinople during an unofficial trip there as part of a trade caravan, from the very act of baptism to the end of the princess's life, remained only her personal affair. After baptism, Olga completely refused to participate in government activities. The latter circumstance allows emphasizing that aspect of her Christian feat that researchers did not pay attention to: conscious self-removal from power (even symbolic) in pagan society in order to follow Christian commandments and adhere to Christian values.

Keywords: princess Olga, baptism of princess Olga, Baptism of Rus, first Russian Christians, first Rurikovich, people and power in Ancient Russia, paganism and Christianity in Ancient Rus, Rus and Byzantium in the 10th century.

Citation. Petrov A.V. On the Issue of the Baptism of Princess Olga. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 200-207. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.16>

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 24.11.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

К ВОПРОСУ О КРЕЩЕНИИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Алексей Владимирович Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургская Духовная Академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Петров А.В., 2020

Аннотация. *Введение.* Еще не однажды к данному вопросу и связанным с ним сюжетам будут обращаться исследователи. Где, как и почему княгиня Ольга приняла святое крещение? Когда и в каком качестве

она ездила в Константинополь? Каково было для Руси значение крещения Ольги? Была ли блаженная княгиня правительницей языческого государства? Автор предполагает поделиться своими соображениями на сей счет в данной статье. *Методы.* Метод рассмотрения данного вопроса в конечном счете сводится к поиску оптимального варианта согласования противоречивых показаний источников с учетом обширной историографии, но и в контексте определенной историографической и теоретической парадигмы. *Анализ.* Мнению об официальном характере поездки Ольги в Царьград как полноправной правительницы Русской земли может быть с успехом противопоставлено мнение, что визит княгини в столицу империи – частное событие из жизни вдовы русского князя. Оправданы сомнения в том, что она могла быть равновеликой по статусу своему покойному мужу и в полной мере взять в свои руки его княжеские обязанности и правительственные полномочия. Скорее всего, ее, именно политическое, положение было двойственным. Отрицать факт крещения вдовы Игоря в Константинополе сложно, ибо все, говорящие о нем источники, не совпадая в датировке этого события, тем не менее, единодушно локализуют его именно там. *Результаты.* Христианство, принятое княгиней Ольгой в 957 г. в Константинополе во время неофициальной поездки туда в составе торгового каравана, от самого акта крещения и до конца жизни княгини оставалось только ее личным делом. После крещения Ольга и вовсе отказалась от участия в правительской деятельности. Последнее обстоятельство позволяет акцентировать тот аспект ее христианского подвига, на который не обращали внимания исследователи: сознательное самоустраниние от власти (даже символической) в языческом обществе ради следования христианским заповедям и приверженности христианским ценностям.

Ключевые слова: княгиня Ольга, крещение княгини Ольги, Крещение Руси, первые русские христиане, первые Рюриковичи, народ и власть в Древней Руси, язычество и христианство в Древней Руси, Русь и Византия в X веке.

Цитирование. Петров А. В. К вопросу о крещении княгини Ольги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 200–207. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.16>

Введение. Вопрос о крещении киевской княгини X столетия Ольги широко обсуждался как в отечественной, так и зарубежной исторической литературе. Дискуссия далека от завершения и ныне. В основном это событие локализовали в Киеве или Константинополе, датируя 957 г., периодом после 957 и более ранним временем. Одни авторы считали принятие христианства личным делом вдовы Игоря, другие видели здесь первый шаг к крещению всей Руси [3, с. 222–237; 17, с. 262–270].

Самым интеллектуально богатым, на мой взгляд, моментом обсуждения данного вопроса стали серия статей Г.Г. Литаврина и аргументированный ответ на них А.В. Назаренко [5–12]. Крупнейшие российские историки ударили друг друга копьями, как Пересвет и Челубей, и оставили нас разбираться с дальнейшим...

50 на 50 – либо 957, либо 946, как годы посещения Ольгой Царьграда. Я склоняюсь к 957 г. на том основании, что после убийства Игоря на стабилизацию положения в России («‘Рѡсіѧ – Росіꙗ»), как называли Русскую землю тогдашние греческие интеллектуалы [2, с. 45; и др.], определенно потребовалось бы время.

Отсутствие единства среди исследователей по вопросу о крещении княгини Ольги обусловлено крайним немногословием и противоречивостью данных источников. Из обстоятельств, в той или иной мере имеющих к нему отношение, бесспорно только то, что в середине X в. мать Святослава находилась в столице ромеев, где была дважды принята императором Константином VII Багрянородным, о чем сохранился рассказ в его трактате «О церемониях византийского двора» [19, lib. II, cap. 15, p. 594–598]. Этот рассказ неоднократно переводился на русский язык [1, с. 99–102; 4, с. 360–364].

Метод рассмотрения данного вопроса в конечном счете сводится к поиску оптимального варианта согласования противоречивых показаний источников с учетом обширной историографии, но и в контексте определенной историографической и теоретической парадигмы. Ни о каких феодальном обществе и феодальном государстве, требующих масштабного изменения идеологии, на Руси IX–X вв. речи быть не может [18, с. 8–33 и сл.]. Равно как не может быть речи о сложно стратифицируемом социуме, какой иногда сейчас изображают, подчиняясь советской историографической инерции. И другой методологичес-

кой предпосылкой к рассмотрению избранного вопроса послужило уяснение того, как именно взаимодействовало христианство с язычеством. *Слава язычества с христианством в средневековой Руси не было.* Русская древность – *время сосуществования разорванных культурных пластов, время раздвоения общественного сознания* и, вместе с тем, время накоплявшихся успехов христианизации в религиозно-моральном и политическом аспектах. Русское средневековье – и пора противоборства с язычеством, и история постепенного нравственного торжества христианства [15]. Вот в каком историческом и психологическом контексте принимала христианство св. княгиня Ольга. И это, безусловно, повышает значение ее Личности.

Анализ. Для чего приезжала Ольга в Царьград?

В.А. Пархоменко, М.Д. Приселков, М.В. Левченко, А.Н. Сахаров и др. [17, с. 262–270] полагали, что поездка княгини Ольги носила официальный характер, ибо, по их мнению, она возглавляла посольство, прибывшее в Константинополь для дипломатических переговоров. Однако мы не можем настаивать на данном тезисе. Единственный весомый довод в его пользу – строки Повести временных лет, где сказано, что Ольга обещала византийскому басилевсу прислать рабов, воска, мехов и воинов на помощь. Но этих строк, все же, недостаточно, чтобы предположить наличие каких-либо дипломатических переговоров. Даже если подобные обещания действительно имели место, то княгиня могла дать их, вовсе и не будучи вполне официальным лицом, тем более что они так и остались невыполненными. К тому же, не исключено, что нарушение обязательств, якобы принятых вдовой Игоря в беседе с императором, продолжает ту же самую летописную линию «переключивания» греческого царя, которая началась с хитроумного уклонения от его сватовства. Что же касается предложения византийскому монарху постоять в Киеве «на Почайне» так же, как она стояла «в Суду», то здесь, вероятнее всего, нашло отражение традиционное недовольство русских процедурой долгого и стеснительного ожидания, раздражавшего их всякий раз по прибытии в Константинополь [16, с. 30].

Мнению об официальном характере поездки Ольги в Царьград, как полноправной правительницы Русской земли, на мой взгляд, может быть с успехом противопоставлено наблюдение, что визит княгини в столицу империи – частное событие из жизни вдовы русского князя. Позднейшие летописцы-монахи окружили созданный ими образ матери Святослава ореолом величия и мудрости именно потому, что она находилась в ряду первых русских христиан, крестившихся намного раньше других представителей княжеского рода.

Оправданы сомнения в том, что она могла быть равновеликой по статусу своему покойному мужу и в полной мере взять в свои руки его княжеские обязанности и правительственные полномочия. Скорее всего, ее, именно политическое, положение было двойственным. Тогдашняя Русь переживала последнюю стадию распада племенного строя – рушились и смешивались, форматировались по административно-территориальным округам, «волостям», под влиянием различных факторов, описанные Константином Багрянородным «Славинии», или «племенные княжения» Повести временных лет [2, с. 45, 317; 16, с. 10; и др.]. Знатные женщины европейских «варварских обществ» раннего средневековья – славянских и германских – едва ли могли обладать официальной возможностью править, быть политическими (потестарными, если угодно) лидерами социумов, *равнозначными* в этом отношении своим мужьям. Особенности и свойства эпохи «славного варварства», «военной демократии», «позднейшей стадии племенных союзов», когда они интегрировались в «суперсоюзы», «чифдомы», предполагали, что выполнение основных княжеских функций являлось исключительно мужским делом! При малолетнем Святославе, в период, когда Русь не имела настоящего князя, княгиня Ольга была необходимым символом, олицетворением княжеской власти, номинальным правителем России.

От внимательного читателя Повести временных лет не скроется, что в это время, которое, – и это должно быть особенно знаменательным, – описывается в летописи под заглавием: «Начало княженья Святослава, сына Игорева», рядом с княгиней, чтобы она не предпринимала, неизменно стоят две мо-

гущественные фигуры: Асмуд и Свенельд. От имени последнего, равно как и от имени Святослава, даже заключен договор с греками 971 года [16, с. 27–28, 34]. Если при воинственном и могущественном князе-«пардусе» этот воевода занимал столь высокое положение, то каково же было его значение, когда Святослав еще «бе детеск»?! Мне представляется, что именно Свенельд являлся главной фигурой в политической жизни Руси от смерти Игоря и до возмужания Святослава. Таким образом, говоря о «регентстве» при малолетнем княжиче, нужно учитывать, что их (регентов) было трое: помимо Ольги – Асмуд и Свенельд, при явном первенстве последнего.

Ольга была символом княжеской власти в России, но приехала она в 957 г. в Царьград не в качестве главы дипломатической миссии, а как знатная паломница, воспользовавшаяся для своего дальнего путешествия обычным киевским торговым караваном, чем и объясняется отмеченное Константином Багрянородным большое количество купцов в ее окружении. Княгиня стремилась своими глазами увидеть Второй Рим, слава которого давно уже достигла лесного Приднепровья, и принять здесь христианство.

У нас нет данных, чтобы говорить о том, что именно побудило Ольгу к крещению. Но я с легкостью предположу, что тут сыграли свою роль и свойства ее личности, и то, что «душа человеческая по природе своей христианка».

Отрицать факт крещения вдовы Игоря в столице ромеев сложно, ибо все, говорящие о нем источники, не совпадая в датировке этого события, тем не менее, единодушно локализуют его именно там. Поскольку княгиня Ольга была в Константинополе, скорее всего, именно в 957 г., а удвоение ее поездки на берега Босфора, как уже указывалось в литературе [17, с. 285], искусственно, то следует заключить, что мать Святослава крестилась именно тогда, во время своего цареградского визита в 957 году.

Противники такой точки зрения, в том числе и такие известные специалисты, как Г.А. Острогорский и Ж.-П. Ариньон, ссылаются при своих рассуждениях главным образом на молчание о факте крещения трактата Константина Багрянородного «О церемониях

византийского двора». По их мнению, император обязательно нашел бы возможность сообщить о принятии христианства его гостьей, если бы оно действительно имело место в 957 г. в Царьграде. «Если представить себе, – пишет, например, Г.А. Острогорский, – каким событием для византийской столицы и для самой императорской семьи явилось бы крещение киевской княгини во время ее пребывания в Константинополе, если принять во внимание, к тому же, что крещение как таковое идеологически значило для каждого византийца, то умолчание о нем, мне кажется, может быть объяснено единственno тем, что Ольга крестилась не в Константинополе...» [13, с. 1463]. На мой взгляд, такое решительное утверждение спорно.

В.А. Пархоменко, М.В. Левченко, Г.А. Острогорскому, Ж.-П. Ариньону и др. удалось доказать лишь *возможность*, а отнюдь не *обязательность* наличия в Книге о церемониях упоминания о крещении Ольги. Если смягчить излишнюю категоричность суждений тех историков, которые, впадая в противоположную крайность, считали, что Константин Багрянородный совсем не мог упомянуть о факте крещения (так как, по их мнению, писал всего лишь практическое руководство по придворному церемониалу, а не исторический трактат), то с ними можно согласиться в том смысле, что в центре внимания императора было не все целиком пребывание киевской княгини в Византии, а только ее визиты в царский дворец. Константин Багрянородный не поведал о целях, которые привели Ольгу в Царьград, не сообщил, где она жила и чем занималась здесь, помимо двух приемных дней. Все это делает вполне приемлемой мысль, что наряду с прочими недомолвками, царственный писатель мог смолчать и о ее крещении, состоявшемся в неприемное время (скорее всего, и после приемов) за стенами императорских чертогов, тем более, отмеченные Г.А. Острогорским [13] сбивчивость, непоследовательность и пестрота Книги о церемониях очевидно должны были способствовать этому.

К тому же молчание императора по интересующему нас поводу было в значительной степени обусловлено еще и тем, что крещение вдовы Игоря во время ее частного ви-

зита в Константинополь не могло оказаться ничем иным, как тоже только частным актом, не претендующим ни на какое политическое значение.

Другое дело, что, вернувшись в Киев, Ольга, по свидетельству хроники Продолжателя Региона Прюмского, сделала попытку пригласить на Русь христианского епископа и священников, чем явно превысила свои полномочия. Как и следовало ожидать, эта попытка завершилась полным провалом, ибо, судя по тому же источнику, приглашенных проповедников с шумом выдворили из страны. И случилось так из-за того, что вдова Игоря не пользовалась всеми правами настоящего князя (мужчины, военного предводителя), что сама княжеская власть тогда, в соответствии с переживаемой стадией общественного развития, была обязана считаться как с народным собранием-вечем, так и с советом старейшин (летописных «старцев градских») [18, с. 8–63; и др.], а также из-за того, что в рассматриваемое время Держава Рюриковичей все еще оставалась главным образом языческой.

Христианство стало проникать к русским славянам с начала IX века. В середине этого столетия среди русских уже существовали купцы-христиане, которым в далеком Багдаде переводчиками служили местные славянские невольники. В 60-е гг. IX в. зафиксировано бытование Евангелия и Псалтыри, написанных «руськими письменами», и, самое главное, состоялось первое массовое крещение Руси – «Фотиево крещение». Потом, в связи с появлением в Приднепровье Олега во главе новой волны переселенцев с севера («и беша у него варязи и словени и прочи, прозвавшаяся русью») [16, с. 14], по всей видимости, наступил период «языческой реакции». Процесс проникновения христианства на Русь, несмотря на его внушительные успехи, воплощенные в «Фотиевом крещении», был прерван и должен был начаться заново. При Игоре в Киеве существовала христианская община, которую отдельно приводили к присяге при заключении очередного договора с Империей [16, с. 26, 163].

Но и при Ольге язычество продолжало доминировать на Руси. «Людъе мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюль от всякого зла», – говорила, согласно летописи, святая

княгиня [16, с. 30]. Прав был В.А. Пархоменко, когда отметил, что «в эту пору христианство на Русь еще лишь начало проникать – в результате завязавшихся торговых связей с соседями – и существовало здесь еще по преимуществу среди пришлого элемента, – главное же ядро Руси прочно и безмятежно пребывало пока в своей отеческой вере» [14, с. 432]. Киевские язычники середины X столетия могли сравнительно спокойно жить бок о бок с христианами, демонстрируя тем самым пример религиозной терпимости, но всякая попытка навязать новую веру неминуемо встретила бы оппозицию в лице юного князя Святослава, его дружины, подавляющего большинства народа. Условия, которые сделают возможным официальное принятие христианства на языческой Руси в конце века, при Ольге еще не сложились. В частности, печенежская опасность еще не стала настолько серьезной, чтобы поставить перед русскими славянами вопрос о значительно более крепком внутреннем единстве ввиду надвигавшихся из степей кочевых орд.

Что же касается того, почему крещенная на берегах Босфора русская княгиня с просьбой о присылке священников обратилась на Запад, а не ко греческому императору, то и здесь можно найти объяснения. Во-первых, став христианкой частным образом во время своей поездки в Константинополь, Ольга не чувствовала себя чем-либо обязанной государству ромеев. Во-вторых, это вполне могло произойти еще и потому, что вдова Игоря, как и первые русские христиане из храма св. Ильи, плохо разбиралась в разнице Восточной и Западной Церкви, считая христианство единственным и неделимым мировоззрением всего европейского мира. Да и официальный раздел между ними произошел много позже, в 1054 году. Тут можно сослаться на Повесть временных лет, в наиболее древних текстах которой «папэжъ римъский» – еще авторитетная и уважаемая фигура, недаром он вступился за правое дело и «похули тех, иже ропыщут на книги словеньския» [16, с. 15].

Результаты. Итак, рассмотренные обстоятельства крещения княгини Ольги свидетельствуют о том, что христианство, принятое ею в 957 году в Константинополе во время неофициальной поездки туда в составе тор-

гового каравана, от самого акта крещения и до конца жизни княгини оставалось только ее личным делом. Крещение Ольги – лишний довод в пользу мнения, что княгиня являлась лишь символом княжеской власти, а не действительным, сообразным условиям эпохи, правителем Руси, каковыми были ее муж и сын. Более того, есть все основания думать, что само решение принять христианство говорило о желании Ольги дистанцироваться от властной публичности в нехристианской стране, от эдакой *publicity*, противной постепенно овладевшим ею убеждениям. После своего приобщения к Истинной вере и после провала попытки пригласить на Русь священников – по сути дела, ее единственной полностью самостоятельной политической акции, *скорее показательной, чем рассчитанной на удачу*, Ольга, похоже, и вовсе отказалась от участия в правительственной деятельности. *Последнее обстоятельство позволяет акцентировать тот аспект ее христианского подвига, на который не обращали внимания исследователи: сознательное самоустранение от власти (даже символической) в языческом обществе ради следования христианским заповедям и приверженности христианским ценностям.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Первая половина тома / Е. Е. Голубинский. – М. : Изд-во Патриаршего Кругицкого Подворья и Общество любителей церковной истории, 1997. – 968 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
- Левченко, М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / М. В. Левченко. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 556 с.
- Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 416 с.
- Литаврин, Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги / Г. Г. Литаврин // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 г. – М. : Наука, 1986. – С. 43–57.
- Литаврин, Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь / Г. Г. Литаврин // История СССР. – 1981. – № 5. – С. 173–183.
- Литаврин, Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – М. : Наука, 1981. – Т. 42. – С. 35–48.
- Литаврин, Г. Г. Реплика к статье [Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга...] / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. – М. : Наука, 1989. – Т. 50. – С. 83–84.
- Литаврин, Г. Г. Русско-византийские связи в середине X в. / Г. Г. Литаврин // Вопросы истории. – 1986. – № 6. – С. 41–52.
- Назаренко, А. В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь / А. В. Назаренко // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы : Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва 13–15 апр. 1992 г. – М. : ИРИ, 1992. – С. 47–49.
- Назаренко, А. В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: источниковоедческие заметки / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993 гг. – М. : Наука, 1995. – С. 154–168.
- Назаренко, А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? / А. В. Назаренко // Византийский временник. – М. : Наука, 1989. – Т. 50. – С. 66–83.
- Острогорский, Г. А. Византия и киевская княгиня Ольга / Г. А. Острогорский // To Honor of Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth Birthday. – Paris : La Haye, 1967. – Vol. 2. – С. 1458–1473.
- Пархоменко, В. А. О крещении св. княгини Ольги / В. А. Пархоменко // Вера и разум. – Харьков, 1911. – № X, кн. 2. – С. 429–446.
- Петров, А. В. Святой Равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси (к чествованию памяти в связи с 1000-летием преставления) / А. В. Петров // Христианское чтение. – СПб., 2015. – № 6. – С. 10–21.
- Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.
- Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси (IX – первая половина X в.) / А. Н. Сахаров. – М. : Мысль, 1980. – 358 с.
- Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
- Constantinus Porphyrogenitus imperator. De ceremoniis aulae Byzantinae libri 2 / Rec. I. I. Reiske. – Bonnae, 1829–1830. – Vol. 1–2. – Electronic text data. – Mode of access: https://archive.org/details/bub_gb_OFpFAAAAYAAJ/page/n659. – Title from screen.

REFERENCES

1. Golubinskiy E.E. *Istoriya Russkoy Tserkvi. T. I. Pervaya polovina toma* [History of the Russian Church. Vol. I. First Half of the Volume]. Moscow, Izd-vo Patriarshego Krutitskogo Podvorya i Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 1997. 968 p.
2. Konstantin Bagryanorodnyy. *Ob upravlenii imperiey* [About Empire Management]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.
3. Levchenko M.V. *Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy* [Essays on the History of Russian-Byzantine Relations]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1956. 556 p.
4. Litavrin G.G. *Vizantiya, Bulgariya, Drevnyaya Rus (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (9th – Early 12th Century.)]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 416 p.
5. Litavrin G.G. K voprosu ob obstoyatelstvakh, meste i vremeni kreshcheniya knyagini Olgi [On the Circumstances, Place and Time of the Baptism of Princess Olga]. *Drevneye gosudarstva na territorii SSSR, 1985 g.* [The Oldest States in the Territory of the USSR, 1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 43-57.
6. Litavrin G.G. O datirovke posolstva knyagini Olgi v Konstantinopol [About the Dating of the Embassy of Princess Olga in Constantinople]. *Istoriya SSSR, 1981, no. 5*, pp. 173-183.
7. Litavrin G.G. Puteshestvie russkoy knyagini Olgi v Konstantinopol: problema istochnikov [Journey of Russian Princess Olga to Constantinople. Problem of Sources]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika]. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 42, pp. 35-48.
8. Litavrin G.G. Replika k statye [Nazarenko A.V. Kogda zhe knyaginya Olga...] [Remark to the Article [Nazarenko A.V. When Princess Olga...]]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 50, pp. 83-84.
9. Litavrin G.G. Russko-vizantiyskie svyazi v seredine X v. [Russian-Byzantine Relations in the Mid 10th Century]. *Voprosy istorii, 1986, no. 6*, pp. 41-52.
10. Nazarenko A.V. Eshche raz o date poezdki knyagini Olgi v Konstantinopol [Once Again About the Date of the Trip of Princess Olga to Constantinople]. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy: Chteniya pamjati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto, Moskva 13–15 apr.* 1992 g. [Formation of the Old Russian State: Controversial Issues. Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto, Moscow, April 13–15, 1992]. Moscow, IRI Publ., 1992, pp. 47-49.
11. Nazarenko A.V. Eshche raz o date poezdki knyagini Olgi v Konstantinopol: istochnikovedcheskie zametki [Once Again About the Date of the Trip of Princess Olga to Constantinople. Source Study Notes]. *Drevneye gosudarstva Vostochnoy Evropy, 1992–1993 gg.* [Ancient States of Eastern Europe, 1992–1993]. Moscow, 1995, pp. 154-168.
12. Nazarenko A.V. Kogda zhe knyaginya Olga ezdila v Konstantinopol? [When did Princess Olga Go to Constantinople?]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Xronika]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 50, pp. 66-83.
13. Ostrogorskiy G.A. *Vizantiya i kievskaya knyaginya Olga* [Byzantium and Kiev Princess Olga]. *To Honor of Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Paris, La Haye, 1967, vol. 2, pp. 1458-1473.
14. Parkhomenko V.A. O kreshchenii sv. knyaginy Olgi [About the Baptism of St. Olga]. *Vera i razum* [Faith and Reason]. Kharkiv, 1911, no. X, book 2, pp. 429-446.
15. Petrov A.V. *Svyatoy Ravnoapostolnyy knyaz Vladimir i Kreshchenie Rusi (k chestovaniyu pamjati v svyazi s 1000-letiem prestavleniya)* [Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Baptism of Russia (To the Celebration of Memory in Connection with the 1000th Anniversary of the Repose)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. Saint Petersburg, 2015, no. 6, pp. 10-21.
16. Likhachev D.S., Adrianova-Peretts V.P., eds. *Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 668 p.
17. Sakharov A.N. *Diplomatiya Drevney Rusi (IX – pervaya polovina X v.)* [Diplomacy of Ancient Russia (9th – First Half of the 10th Century)]. Moscow, Mysl Publ., 1980. 358 p.
18. Froyanov I.Ya. *Kievskaya Rus. Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii* [Kievan Rus. Essays on Socio-Political History]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1980. 256 p.
19. *Constantinus Porphyrogenitus imperator. De ceremoniis aulae Byzantinae libri 2.* Bonnae, 1829–1830, vol. 1–2. URL: https://archive.org/details/bub_gb_OFpFAAAAYAAJ/page/n659.

Information About the Author

Alexey V. Petrov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Professor, Department of Church History, Saint Petersburg Theological Academy, Obvodnogo Kanala Emb., 17, 193167 Saint Petersburg, Russian Federation, a.v.petrov@spbu.ru, a.v.petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5479-8087>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор кафедры церковной истории, Санкт-Петербургская Духовная Академия, наб. Обводного канала, 17, 193167 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.v.petrov@spbu.ru, a.v.petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5479-8087>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.17>UDC 94(470).332.834.7“18/19”
LBC 63.3(2)5-76Submitted: 21.11.2018
Accepted: 18.12.2018

**STATE CONCEPT OF SOCIAL MANAGEMENT AND ITS IMPLEMENTATION
IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY
(ON THE MATERIALS OF SARATOV PROVINCE)**

Elena G. Oleynikova

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper deals with the conception of state social management in Russia after the reform of the system of local self-government in the second half of the 19th century and the practical activities of charitable organizations at the provincial and district levels. *Methods.* The research is based on the social legislation of the period under study, the works of Russian social policy researchers of the 19th – early 20th centuries, materials of statistical collections, periodicals. *Analysis.* The concept of charity and philanthropy, being developed during the period under study, involved the transformation of public-private philanthropy into public charity. Its main actors are the provincial and city authorities, which solve social problems in conjunction with private charitable institutions and are responsible for the state of social problems. The state reserved coordination and control functions. Within the framework of this concept, specific guidelines for charitable work were developed, including: its distribution to all demographic and social groups in need, a wide range of types of social assistance, and even distribution of charitable institutions throughout the country. However, in practice, innovation touched mainly metropolitan and provincial cities. Territorial and city medical, educational, social and rehabilitation institutions that had emerged in provinces, expanded the possibilities of providing assistance to the most vulnerable segments of the population. However, their distribution was still not even, rural settlements lost significantly. In uyezds, charities were few and could not help all socially disadvantaged groups of society. *Results.* The article shows that in the period under study, the concept of public philanthropy was not fully implemented.

Key words: social problems, social policy, social institutions, social assistance, state charity, private charity, public charity, charitable institutions.

Citation. Oleynikova E.G. State Concept of Social Management and Its Implementation in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (On the Materials of Saratov Province). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 208-217. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.17>

УДК 94(470).332.834.7“18/19”

ББК 63.3(2)5-76

Дата поступления статьи: 21.11.2018

Дата принятия статьи: 18.12.2018

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Елена Геннадьевна Олейникова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

базируется на социальном законодательстве исследуемого периода, работах российских исследователей социальной политики XIX – начала XX в., материалах статистических сборников, периодической печати. В статье делается вывод о том, что концепция признания и благотворительности, развиваемая в течение исследуемого периода, предполагала трансформацию государственно-частной благотворительности в общественную. Ее основными субъектами становятся земские и городские органы власти, которые решают социальные задачи в союзе с частными благотворительными учреждениями и несут ответственность за состояние социальных проблем. Государство оставляет за собой функции координации и контроля. В рамках данной концепции были выработаны конкретные установки практической социальной работы, в том числе: ее распространение на все демографические и социальные группы нуждающихся, широкий спектр видов социальной помощи, равномерное распределение благотворительных учреждений на территории страны. Однако на практике инновации коснулись в основном столичных и губернских городов. Земские и городские лечебные, образовательные, социально-реабилитационные учреждения, возникшие в губерниях, расширили возможности оказания помощи наиболее уязвимым слоям населения. Однако их распределение по-прежнему не было равномерным, значительно проигрывали сельские населенные пункты. Таким образом, в исследуемый период концепция общественной благотворительности не была реализована в полной мере. В уездах благотворительные учреждения были немногочисленны и могли оказывать ограниченные виды помощи далеко не всем социально незащищенным слоям общества.

Ключевые слова: социальные проблемы, социальная политика, социальные учреждения, социальная помощь, государственная благотворительность, частная благотворительность, общественная благотворительность, благотворительные учреждения.

Цитирование. Олейникова Е. Г. Государственная концепция управления учреждениями социальной помощи и ее реализация во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Саратовской губернии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 208–217. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.17>

Введение. Стоит ли государству, планируя и осуществляя социальную политику, рассчитывать на то, что ряд острых социальных проблем можно решить без его непосредственного участия, силами общественной благотворительности? Этот вопрос стал злободневным в России уже в XIX в., в ходе масштабных буржуазных реформ.

Социальное государство в качестве одной из главных своих задач рассматривает обеспечение достойного уровня жизни и условий свободного развития всем слоям населения. Решение этой задачи возможно на основе объединения усилий, взаимодействия гражданского общества и государства. Для выработки эффективной модели такого взаимодействия значительную ценность представляет анализ отечественного опыта, как удачного, так и негативного. Поэтому предмет данной статьи: исследование концептуальных аспектов управления социальными учреждениями и практической деятельности благотворительных организаций на местах, в губерниях и уездах дореволюционной России, мы считаем актуальным.

Задачами статьи являются обобщение основных тенденций концепции управления со-

циальными учреждениями, которая развивалась в стране в пореформенный период и выявление особенностей ее практической реализации на губернском и уездном уровнях. На материалах Саратовской губернии такое исследование проводится впервые.

Методы и материалы. В достаточно обширной историографии российской благотворительности вопросам соотношения ее государственной и частной составляющих посвящено сравнительно немного работ. Эволюция понятий «признание» и «благотворительность» в данном контексте охарактеризована Н.А. Соболевой [20], И.В. Фроловой [25]. Нормативно-правовые аспекты проблемы обстоятельно рассмотрены Г.Н. Ульяновой [23].

Следует отметить работу Е.А. Ерохиной, посвященную деятельности городских органов управления по развитию благотворительности и попечительства в Симбирской губернии [12]. Однако практическая реализация теории трансформации государственно-частной благотворительности в общественную, которая происходила во второй половине XIX – начале XX в., пока не нашла отражения в историографии.

Источниковой базой нашей статьи является социальное законодательство исследуемого периода, работы российских исследователей социальной политики XIX – начала XX в., материалы статистических сборников, периодической печати. При изучении процессов управления деятельностью благотворительных обществ и заведений автором использовались методы обобщения, компаративного анализа.

Анализ. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. оказали существенное влияние на научное и общественное восприятие проблем социальной помощи населению. Стали появляться работы, в которых исследовались причины неудовлетворительного социального положения народных масс и давались нелицеприятные оценки, обнародование которых не было возможным в дореформенные годы. Так, авторы книги «Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851–1890 годы» Л. Бессер и К. Баллод проанализировали показатели смертности российского населения и получили ее коэффициенты, которые были значительно выше, чем в европейских странах. Авторы называли главными причинами вымирания населения плохое питание, недостаток врачебной помощи, особенно в деревнях, антисанитарные условия жизни [5, с. 59–60].

Проблемы управления учреждениями здравоохранения рассматривал профессор Я. Чистович [26]. Политика искоренения нищенства стала предметом исследования Е. Максимова [14].

В конце XIX в. появилось несколько фундаментальных работ, авторы которых стремились выявить природу благотворительности, проследить ее эволюцию, определить функции и роль государства в ее развитии. В этой связи следует отметить труд П.И. Лыкошина – двухтомник «Благотворительная Россия». На основе анализа законодательства им были выделены периоды государственной политики по развитию благотворительности. П.И. Лыкошин считал, что длительное время благотворительность была бессистемной и государство не уделяло ей достаточного внимания. Началом государственной политики придания отдельным действиям благотворительности системного и целенаправленного

характера он называл царствование Александра I [6, с. 48, 52].

В 1902 г. по распоряжению министра внутренних дел было сформировано Особое совещание под председательством тайного советника А.А. Тулубьева, целью которого являлся сбор и изучение сведений о количественной динамике и направлениях деятельности благотворительных учреждений в России. По результатам работы Особого совещания был составлен двухтомный сборник «Благотворительность в России», который содержал не только богатые статистические данные, но и концептуальные установки, отражавшие позицию власти относительно сущности и функций благотворительности в новых общественных условиях. Как отмечалось в предисловии к сборнику, при огромном числе лиц, пользующихся посторонней помощью, а также значительных затратах на эту помощь со стороны общества и государства, благотворительность является вопросом общественно-государственным. Государство в своей социальной политике делало ставку главным образом на развитие общественного участия в оказании помощи населению, оставляя за собой функции координации действий благотворительных учреждений и определенный контроль над ними.

Приоритетной задачей государства определялось обеспечение стройности и объединенности действий по оказанию всех видов помощи нуждающимся. Один из составителей сборника тайный советник А.А. Тулубьев следующим образом объяснял цели и направленность социальной помощи. Для детей, лишенных родительской заботы, она должна предоставлять возможности вырастить физически и нравственно здоровых юношей и девушек, дав им достаточный запас знаний для удовлетворения своих нужд посредством заработка в будущем. В среднем, работоспособном возрасте – дать обездоленному нравственную и материальную поддержку, которая позволит ему в короткий срок приобрести возможность самостоятельно добывать средства к существованию. В старческом, немощном возрасте – спокойный приют. Не имеющим собственных средств больным всех возрастов, людям, страдающим физическими и психическими недостатками, – медицинскую помощь.

В качестве одного из условий достижения этих целей определялось достаточное количество благотворительных учреждений, которые должны быть распределены по территории страны в числе, соответствующем количеству населения, но не в коем случае не сосредоточиваться в городах в превышающем нужду количестве, чтобы искусственно не привлекать в эти центры больных и неимущих. Второе условие – упорядочение управления благотворительными заведениями, создание специального центрального органа с регулирующими функциями [8, с. 3–4].

Таким образом, формировавшаяся во второй половине XIX в. концепция предусматривала сочетание государственного, частного и общественного начал. При этом государство оставляло за собой роль координатора деятельности частных благотворительных обществ и учреждений. Вопросы практической организации и функционирования заведений общественного призрения, а также основная ответственность за социальное самочувствие широких слоев населения возлагалась на общество в лице земских и городских органов управления.

Рассмотрим изменения в практике организации призрения нуждающихся, которые происходили в течение XIX в. в сфере как государственной, так и частной благотворительности. Государственная система органов социальной помощи была основана в 1775 г. и существовала без кардинальных изменений до 1864 года. Согласно «Учреждениям для управления Губерний Всероссийской Империи» от 7 ноября 1775 г. в губерниях страны были сформированы Приказы Общественного Призрения – государственные органы, задачами которых являлось создание и администрирование «богоугодных заведений» для неимущих слоев населения – больниц, богаделен, приютов, работных домов и т. д. [24, с. 229–304].

В середине XIX в. Приказы Общественного Призрения оставались единственными государственными органами социальной поддержки представителей низших сословий. Согласно Уставу об Общественном призрении от 1857 г. управлять губернским Приказом Общественного Призрения должен был губернатор, в состав руководства включались еще три члена под названием заседателей или де-

путатов [19, с. 4]. Они руководили деятельностью социальных учреждений различной направленности. Однако количество этих учреждений было невелико: по данным 1852 г. – 827 на всю страну. Из них учебно-воспитательных – 62, лечебных – 592, богаделен (приютов для содержания не имеющих пропитанияувечных и престарелых граждан всех сословий) – 135, исправительных – 38. Общее количество лиц, пребывавших в этих учреждениях, составляло 235 903 человека [6, с. 271].

Рассмотрим деятельность губернских Приказов Общественного Призрения и благотворительных заведений на примере Саратовской губернии.

Резко континентальный климат, частые погодные аномалии, приводившие к потере урожая, скота, жилищ, отрицательно влияли на условия жизни ее населения. Частыми были эпидемии, особенно холеры. Так, в 1830 г. в губернии от нее умерло около 10 тысяч человек. Особенно много жертв было в Саратове (около 3 тысяч) и Царицыне (317). Как подчеркивал А. Леопольдов, «этота пропорция с числом жителей была ужасной» [13, с. 163–164].

К началу 1859 г. численность населения Саратовской губернии составляла 1 578 774 человека, по этому показателю она занимала 10-е место среди губерний Российской империи [21, с. V–VI, XXXII–XXXIII]. В ведомстве Приказа Общественного Призрения полторамиллионной Саратовской губернии состояло 14 богоугодных заведений. В Саратове их было 4, больница и 3 дома: рабочий, смирительный, для умалишенных [14, с. 14–15]. По состоянию на 1863 г. в них пребывало 3 254 человека [16, с. 12–15]. В уездах Саратовской губернии заведения Приказа Общественного Призрения были представлены только больницами – по одной в каждом из десяти уездных городов. Численность «призреваемых» в каждой больнице составляла от 200 до 400 человек. Так, в Камышинской уездной больнице содержалось 192 мужчины и 10 женщин. Доход ее в 1863 г. составил 1 632 рубля, расход – 2 666 рублей [16, с. 15–17].

Недостаточность государственных учреждений социальной помощи становится очевидной, если учесть, что в тот период в Камышинском уезде насчитывалось 162 насе-

ленных пункта, численность населения на 1 января 1859 г. составляла 203 788 человек [21, с. XXXII–XXXIII, 54–62].

Рассмотрим состояние частной благотворительности в десятилетия, предшествовавшие земским реформам. В течение первой половины XIX в. в России возникали частные благотворительные организации, основной целью которых было призрение – оказание социальной помощи нуждающимся всех сословий. Среди них – «Филантропическое общество» (1802 г.), в 1816 г. переименованное в «Императорское человеческое общество», «Вдовий дом» (1803 г.), несколько Воспитательных домов и благотворительные учреждения, состоявшие под покровительством императрицы Марии Федоровны (Ведомство императрицы Марии). В 1828 г. это ведомство было передано императорской Канцелярии. Следуя установленным правилам открытия благотворительных заведений исключительно с позволения монарха, все эти учреждения возникали чаще всего по инициативе правительства, которое прикладывало усилия для привлечения в них членов путем различных поощрений. Для понимания соотношения государственных и частных составляющих показателен пример создания Московского совета детских приютов. Он был основан в 1842 г. по «Высочайшему повелению», главной его задачей являлось открытие и содержание новых приютов. На его учреждение по распоряжению императора было выдано 2 857 рублей, переданных из средств московского Воспитательного дома. Первоначальная сумма частных пожертвований составила 2 115 рублей. На эти средства в период 1942–1950 гг. было открыто 9 приютов, которые принимали сирот и давали им начальное образование [7, с. 113].

Детский приют был открыт и в Саратове. В 1842 г. на его нужды было передано 1 700 рублей от выручки благотворительного концерта артиста театра Г. Бахметева. Епископ Саратовский и Царицынский Иаков пожертвовал 25 рублей, саратовский губернатор А.М. Фадеев – 50 рублей. Взносы от 25 до 500 рублей сделали еще 33 человека (их фамилии с указанием сумм пожертвований были опубликованы в официальной губернской газете, что являлось мерой поощрения жертвово-

вателям), итого было собрано 2 516 рублей 55 копеек [17].

По инициативе губернатора А. Игнатьева в конце 1850-х гг. был организован сбор пожертвований на учреждение в Саратове женской гимназии для «девиц бедного состояния», которая открылась в 1859 г., к учебе приступили 35 воспитанниц [15, с. 16–19].

В 1862 г. в сфере государственного регулирования частных социальных учреждений произошли изменения – функции координации и надзора за ними были переданы Министерству внутренних дел. Правила открытия благотворительных заведений исключительно с позволения монарха были отменены.

Земская реформа внесла коренные изменения в организацию призрения нуждающихся. 1 января 1864 г. императором были утверждены Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении. Согласно пункту 73 главы III этого документа все обязанности по делам общественного призрения, предоставленные ранее Приказам Общественного Призрения, передавались губернским и уездным земствам, содержание городских больниц – городским обществам [11, с. 20–21]. По этому же принципу в соответствии с Городовым положением 1870 г. на городские органы самоуправления передавалась вся ответственность по содержанию учреждений социальной направленности, как ранее принадлежавших Приказам Общественного Призрения, так и частных.

Земские и городские лечебные, образовательные, социально-реабилитационные учреждения, возникшие в губерниях, расширили возможности оказания помощи наиболее уязвимым слоям населения. Однако их распределение по-прежнему не было равномерным. Об этом свидетельствуют следующие данные. В 1897 г. в Саратовской губернии работало 214 врачей. Из них в Саратове и уездных городах – 137 (по 2 349 жителей на одного доктора), во всех остальных населенных пунктах – 77 (соответственно по 28 715 жителей) [2, с. 49]. К 1901 г. в губернии стало на 30 врачей больше, но прирост количества медиков произошел главным образом в Саратове и уездных городах. В селах на одного док-

тора по-прежнему приходилось огромное количество жителей – более 23 тысяч [4, с. 275].

В столице губернии Саратове располагались: Александровская земская больница, Психиатрическая лечебница, Устиновская богадельня, Саратовский губернский сиротский приют [10, с. 176–178].

В уездах Саратовской губернии, кроме уездных городов, учреждения, оказывавшие медицинскую помощь, действовали не более чем в 3–4 населенных пунктах [1, с. 193–194]. Кроме Камышина, заведения медицинской помощи были только в четырех селах: Голый Карамыш (земская больница, амбулатория и аптека), Золотое (аптека), Каненка (земская больница, аптека), Рудня (земская больница, аптека). В Царицынском уезде земская больница, амбулатория и аптека имелись только в Царицыне, Ольховке, Сарепте, поселке Дубовка [18, с. 44].

С 1860-х гг. количество частных благотворительных учреждений в России постоянно возрастало. К 1902 г. в стране насчитывалось свыше 19 тысяч заведений, общая сумма их капиталов превышала 268 млн рублей [6, с. 5]. Губернские благотворительные учреждения подразделялись на следующие виды: 1) благотворительные общества; 2) благотворительные заведения для детей; 3) благотворительные заведения для взрослых; 4) заведения лечебной помощи. Видами помощи благотворительных обществ, распространяемыми как на детей, так и на взрослых, являлись: помочь деньгами, организация бесплатного питания (доставление пропитания), проживания (предоставление помещения), организация обучения, предоставление работы.

Однако распределение благотворительных заведений по губерниям страны было крайне неравномерным. Наибольшее их количество на 100 тысяч жителей приходилось на Санкт-Петербургскую (62), Тульскую (56), Московскую (49) губернии. В остальных губерниях показатели существенно колебались – от 21 в Ярославской до 4 в Гродненской, Оренбургской, Ставропольской. В Саратовской губернии по данным 1899 г. на 100 тысяч жителей приходилось 7 благотворительных учреждений [6, с. 2]. При этом к 1 января 1899 г. численность населения Саратовской

губернии составляла 2 492 150 душ обоего пола [3, с. 48].

В 1901 г. в Саратовской губернии насчитывалось 92 благотворительных общества [7, с. 25–26]. Часть из них являлись отделениями общероссийских благотворительных обществ. Например, местное управление российского общества Красного Креста, которое курировало деятельность Детской больницы им. Поздеевой [10, с. 176].

Подавляющее большинство этих учреждений находилось в Саратове и уездных городах. К примеру, из 12 сиротских домов только один располагался в посаде Дубовка.

В Камышинском уезде по состоянию на начало 1900 г. проживало 314 544 человека. Примерно на одном уровне по численности населения с Камышинским находились Дубовка, Петровск, Хвалынск [3, с. 48]. В Камышинском уезде, как и в большинстве других, были представлены далеко не все виды благотворительных обществ и заведений, и общая тенденция их концентрации в уездном городе была очевидна. По состоянию на 1901 г. в Камышине действовало 4 благотворительных общества и 3 благотворительных заведения [9, с. 16, 17]. Рассмотрим направления и масштабы их деятельности. Общество вспомоществования нуждающимся ученикам реального училища было открыто в 1882 г., включало 63 члена, оказывало помощь «недостаточным» ученикам путем взноса оплаты за обучение, содержание на квартирах, выдачей книг, снабжением одеждой и обувью. В 1901 г. капитал общества составлял 2 893 рубля, доход – 733 рубля (из них на частные пожертвования пришлось 307 рублей). На оказание помощи было выделено 554 рубля, помощь была оказана 25 ученикам.

Поддержкой малообеспеченных учеников занимались еще два благотворительных учреждения: Общество вспомоществования нуждающимся в низших мужских и женских училищах, открытые в 1900 г. и включавшее 42 члена, занималось выдачей денежных пособий детям из бедных семей; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Камышинской женской гимназии, открытой в 1902 г. и включавшее 62 члена, снабжало одеждой бедных учениц и вносило плату за их обучение. В первый год после открытия

помощь на 75 рублей была оказана 6 ученицам [7, с. 16]. Поддержкой взрослых занималось только одно учреждение, Общество взаимного вспоможения приказчиков г. Камышина, существовавшее на членские взносы и пожертвования.

К благотворительным заведениям Камышина относились богадельня, ночлежный приют и столовая. Александровская богадельня, открывшаяся в 1869 г., принимала увечных жителей Камышина обоего пола, православного вероисповедания, купеческого и мещанского сословий. Большую часть дохода (например, в 1901 г. 2 032 рубля из общего дохода 2 143 рубля) получало от городского общества. Количество призреваемых в 1901 г. составляло 29 человек – 8 мужчин и 21 женщина. Городской ночлежный приют, открытый в 1880 г., бесплатно предоставлял помещения для ночлега нуждавшимся лицам мужского пола, содержался на средства города. Городская столовая-чайная, открытая в 1900 г., снабжала желающих дешевой пищей за умеренную плату, нуждавшихся – бесплатно. В 1901 г. столовой было выдано за плату 30 824 порций пищи и 35 000 порций чая, бесплатно 60 порций пищи [7, с. 17].

В сельской местности Камышинского уезда в тот период имелось только одно благотворительное общество – дом милосердия «Вифания», в немецкой колонии Таловка (Бейдек). Он открылся в 1893 г., состоял из богадельни и приюта, в него поступило 70 человек – стариков и сирот [22, с. 1004].

Таким образом, расположение благотворительных учреждений на территории Саратовской губернии явно шло вразрез с государственной установкой о недопустимости концентрации благотворительных обществ и организаций исключительно в городах.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов о концептуальных аспектах управления социальными учреждениями и их практической деятельности во второй половине XIX – начале XX века.

1. Концепция признания и благотворительности, развивающаяся в течение исследуемого периода, базировалась на перераспределении функций государства и общества: государственно-частная благотворительность

должна была трансформироваться в общественную. Ее основными субъектами становятся земские и городские органы власти, которые решают социальные задачи в союзе с частными благотворительными учреждениями и несут ответственность за состояние социальных проблем. Государство оставляет за собой функции координации и контроля.

2. В рамках данной концепции был выработан ряд конкретных установок благотворительной работы. Во-первых, она была рассчитана на все демографические и социальные группы нуждающихся, что предполагало достаточно широкий спектр деятельности благотворительных учреждений. Во-вторых, благотворительные учреждения должны были располагаться на территории страны равномерно, избегая концентрации в крупных городах.

3. На практике земским и городским органам самоуправления пришлось принять от государства комплекс социальных учреждений вместе с застарелыми проблемами, главными из которых были их недостаточное количество и хроническая нехватка средств. В течение сорока пореформенных лет усилиями местного самоуправления удалось увеличить количество социальных учреждений. Однако этот рост наблюдался в основном в городах, для жителей сельской местности возможности социальной помощи оставались крайне ограниченными.

4. Результатом предпринятой правительством в начале 1860-х гг. либерализации в политике открытия и функционирования частных благотворительных учреждений стал их количественный рост и расширение сферы деятельности. Однако инновации коснулись в основном столичных и губернских городов. В уездных городах благотворительные учреждения были немногочисленны, в сельских населенных пунктах их насчитывались единицы. Виды предоставляемой ими помощи были ограниченны, неправляясь с задачей опеки всех демографических и социальных групп нуждающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 год. – Саратов : Паровая скоропечатня Губернского правления, 1895. – 499 с.

2. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 год. – Издание Саратовского Губернского Статистического комитета. – Саратов : Паровая скропечатня Губернского правления, 1898. – 582 с.
3. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. – Издание Саратовского Губернского Статистического комитета. – Саратов : Паровая скропечатня Губернского правления, 1900. – 453 с.
4. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год. – Издание Саратовского Губернского Статистического комитета. – Саратов : Паровая скропечатня Губернского правления, 1901. – 377 с.
5. Бессер, Л. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851–1890 годы / Л. Бессер, К. Баллод. – Спб. : Тип. Академии наук, 1897. – 125 с. – (Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению ; Т. I. № 5).
6. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. Т. 1. Ч. I / под ред. П. И. Лыкошина. – Спб. : С.-Петербургская Электропечатня, 1901. – 330 с.
7. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. Ч. II / под ред. П. И. Лыкошина. – Спб. : С.-Петербургская Электропечатня, 1901. – 264 с.
8. Благотворительность в России / сост. по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии. Т. I. – Спб. : Типолитография Н.Л. Ныркина, 1902. – 944 с.
9. Благотворительность в России / сост. по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии. Т. II. Ч. II. – Спб. : Типолитография Н.Л. Ныркина, 1904. – 944 с.
10. Весь город Саратов. Адрес-календарь-указатель на 1910 год. – Саратов : Книгоиздательство П. Кочергина, 1910. – 187 с.
11. Высочайше утвержденные временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. 1864. № 40458–44318. – Спб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – № 40458.
12. Ерохина, Е. А. Меры органов городского самоуправления по развитию благотворительности и попечительства, здравоохранения (на примере Симбирской губернии во второй половине XIX века) / Е. А. Ерохина // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 6-1. – С. 6–17.
13. Леопольдов, А. Исторический очерк Саратовского края / А. Леопольдов. – М. : Типография С. Селивановского, 1848. – 196 с.
14. Максимов, Е. Бродячая Русь / Е. Максимов. – Спб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1877. – 465 с.
15. Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. – Саратов : Типография Саратовского Губернского правления, 1860. – 82 с.
16. Памятная книжка Саратовской губернии. 1864. Ч. 2. Свод статистических сведений по Саратовской губернии за 1863 год. – Саратов : Типография Саратовского Губернского правления, 1864. – 92 с.
17. Прибавление к Саратовским губернским ведомостям. – 1842. – № 50. – 12 дек.
18. Саратовский календарь на 1889 год. – Саратов : Типография Губернского правления, 1888. – 59 с.
19. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Книга первая. Учреждения и уставы Приказов Общественного Призрения и заведений, состоящих под их ведомством // Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издания 1857 года. Т. XIII. – Спб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 136 с.
20. Соболева, Н. А. Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий / Н. А. Соболева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 2 (58). – С. 420–426.
21. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Вып. 38 : Саратовская губерния. – Спб. : Типография Карла Вульфа, 1862. – 130 с.
22. Таловка, Бейдек // Минх, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3 / А. Н. Минх. – Саратов : Типография Губернского Земства, 1901. – 1093 с.
23. Ульянова, Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) / Г. Н. Ульянова // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 17–32.
24. Учреждения для управления Губерний Российской Империи от 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. – Т. XX. – № 14.392.
25. Фролова, И. В. «Благотворительность», «призрение», «филантропия», «милосердие»: историография понятий / И. В. Фролова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – Т. 2, № 2 (48). – С. 39–43.
26. Чистович, Я. История первых медицинских школ в России / Я. Чистович. – Спб. : Типография Якова Трея, 1883. – 662 с.

REFERENCES

1. *Adres-kalendär Saratovskoy gubernii na 1895 god* [Address-Calendar of Saratov Province for

- 1895]. Saratov, Parovaya skoropechatnya Gubernskogo pravleniya, 1895. 499 p.
2. *Adres-kalendar Saratovskoy gubernii na 1898 god. Izdanie Saratovskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta* [Address-Calendar of Saratov Province for 1898. Publication of Saratov Provincial Statistical Committee]. Saratov, Parovaya skoropechatnya Gubernskogo pravleniya, 1898. 582 p.
3. *Adres-kalendar Saratovskoy gubernii na 1900 god. Izdanie Saratovskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta* [Address-Calendar of Saratov Province for 1900. Publication of Saratov Provincial Statistical Committee]. Saratov, Parovaya skoropechatnya Gubernskogo pravleniya, 1900. 453 p.
4. *Adres-kalendar Saratovskoy gubernii na 1902 god. Izdanie Saratovskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta* [Address-Calendar of Saratov Province for 1902. Publication of Saratov Provincial Statistical Committee]. Saratov, Parovaya skoropechatnya Gubernskogo pravleniya, 1901. 377 p.
5. Besser L., Ballod K. *Smertnost, vozrastnoy sostav i dolgovechnost pravoslavnogo narodonaseleniya oboego pola v Rossii za 1851–1890 gody* [Mortality, Age Composition and Longevity of the Orthodox Population of Both Sexes in Russia for 1851–1890]. Saint Petersburg, 1897. 125 p. (Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk. Po istoriko-filologicheskому otделению. Т. I. № 5 [Notes of the Imperial Academy of Sciences. On Historical and Philological Department. Volume I. No. 5]).
6. Lykoshin P., ed. *Blagotvoritelnaya Rossiya. Iстория государства, общественности и частной благотворительности в России. Т. I. Ч. I.* [Charitable Russia. History of State, Public and Private Philanthropy in Russia]. Saint Petersburg, S-Peterburgskaya Elektropechatnya, 1901. 330 p.
7. Lykoshin P., ed. *Blagotvoritelnaya Rossiya. Iстория государства, общественности и частной благотворительности в России. Ч. II* [Charitable Russia. History of State, Public and Private Philanthropy in Russia. Part II]. Saint Petersburg, S-Peterburgskaya Elektropechatnya, 1901. 264 p.
8. *Blagotvoritelnost v Rossii. Sostavлено по Vysochayshemu poveleniyu Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarieyu po uchrezhdeniyam Imperatrity Marii. T. I* [Charity in Russia. Compiled by the Imperial Order of His Own Imperial Majesty's Office in Accordance with the Institutions of Empress Mary. Volume I]. Saint Petersburg, Tipolitografiya N.L. Nyrkina, 1902. 944 p.
9. *Blagotvoritelnost v Rossii. Sostavлено по Vysochayshemu poveleniyu Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarieyu po uchrezhdeniyam Imperatrity Marii. T. II. Ч. II* [Charity in Russia. Compiled by the Imperial Order of His Own Imperial Majesty's Office in Accordance with the Institutions of Empress Mary. Volume II]. Saint Petersburg, Tipolitografiya N.L. Nyrkina, 1904. 944 p.
10. *Ves gorod Saratov. Adres-kalendar-ukazatel na 1910 god* [The Whole City of Saratov. Address-Calendar-Guide for 1910]. Saratov, Knigoizdatelstvo P. Kochergina, 1910. 187 p.
11. Vysochayshe utverzhdennye vremennye Pravila dlya zemskikh uchrezhdeniy po delam o zemskikh povinnostyakh, narodnom prodrovolstvii i obshchestvennom prizrenii [Highest Approved Interim Rules for Zemstvo Institutions in Cases of Zemstvo Duties, National Food and Public Charity]. PSZRI. *Sobranie vtoroe. T. XXXIX. Otdelenie pervoe. 1864. № 40458-44318* [Full Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection. Vol. XXXIX. Branch First. 1864. No. 40458-44318]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1867, no. 40458.
12. Erokhina E.A. Mery organov gorodskogo samoupravleniya po razvitiyu blagotvoritelnosti i popechitelstva, zdravookhraneniya (na primere Simbirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka) [Measures of City Self-Government Bodies for the Development of Charity and Guardianship, Health Care (On the Example of Simbirsk Province in the Second Half of the 19th Century]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki* [Actual Issues of Modern Science], 2009, no. 6-1, pp. 6-17.
13. Leopoldov A. *Istoricheskiy ocherk Saratovskogo kraya* [Historical Sketch of Saratov Region]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo, 1848. 196 p.
14. Maksimov E. *Brodyachaya Rus* [Roving Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 1877. 465 p.
15. *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii na 1860 god* [Memorial Book of Saratov Province for 1860]. Saratov, Tipografiya Saratovskogo Gubernskogo pravleniya, 1860. 82 p.
16. *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii. 1864. Ch. 2. Svod statisticheskikh svedeniy po Saratovskoy gubernii za 1863 god* [Memorial Book of Saratov Province. 1864. Part 2. Compilation of Statistics in Saratov Province for 1863]. Saratov, Tipografiya Saratovskogo Gubernskogo pravleniya, 1864. 92 p.
17. *Pribavlenie k Saratovskim gubernskim vedomostyam* [Addition to the Saratov Provincial Vedomosti], 1842, December 12, no. 50.
18. *Saratovskiy kalendar na 1889 god* [Saratov Calendar for 1889]. Saratov, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1888. 59 p.
19. *Svod uchrezhdeniy i ustavov ob obshchestvennom prizrenii. Kniga pervaya. Uchrezhdeniya i ustavy Prikazov Obshchestvennogo Prizreniya i zavedeniy, sostoyashchikh pod ikh*

vedomstvom [Code of Institutions and Charters of Public Charity. Book One. Institutions and Charters of Prikazy of Public Charity and Institutions Under Their Authority]. *Svod Zakonov Rossiyskoy Imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavленный. Izdaniya 1857 goda. T. XIII* [Code of Laws of the Russian Empire Compiled by the Order of Emperor Nicholas I. Edition of 1857. Vol. XIII]. Saint Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoe Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. 136 p.

20. Soboleva N.A. Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritelnost: iz istorii ponyatiy [Public Charity and Charity: From the History of Concepts]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, no. 2 (58), pp. 420-426.

21. *Spisok naselemykh mest Rossiyskoy imperii po svedeniyam 1859 goda. Vyp. 38: Saratovskaya guberniya* [List of Populated Places of the Russian Empire According to 1859. Iss. 38. Saratov Province]. Saint Petersburg, Tipografiya Karla Vulfa, 1862. 130 p.

22. Talovka. Beydek. Minkh A.N. *Istoriko-geograficheskiy slovar Saratovskoy gubernii. T. 1.*

Vyp. 3 [Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province. Vol. 1. Iss. 3]. Saratov, Tipografiya Gubernskogo Zemstva, 1901. 1093 p.

23. Ulyanova G.N. *Zakonodatelstvo o blagotvoritelnosti v Rossii (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Legislation on Charity in Russia (End of the XVIII – Beginning of the XX Centuries)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 6, pp. 17-32.

24. Uchrezhdeniya dlya upravleniya Guberniy Vserossiyskoy Imperii ot 7 noyabrya 1775 g. [Institutions for the Management of the Provinces of the Russian Empire of November 7, 1775]. *PSZRI. Sobranie pervoe* [Full Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection], vol. XX, no. 14.392.

25. Frolova I.V. «Blagotvoritelnost», «prizrenie», «filantropiya», «miloserdie»: istoriografiya ponyatiy [“Charity”, “Prizrenie”, “Philanthropy”: The Historiography of Concepts]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 2, no. 2 (48), pp. 39-43.

26. Chistovich Ya. *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii* [History of the First Medical Schools in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya Yakova Treya, 1883. 662 p.

Information About the Author

Elena G. Oleynikova, Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, gattogatto@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9648-0288>

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Олейникова, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, gattogatto@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9648-0288>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.18>UDC 338.2
LBC 63.3(4Анг)Submitted: 21.09.2018
Accepted: 26.12.2018**PRIIVATIZATION OF THE BRITISH OIL INDUSTRY IN THE 1970s – 1980s****Vitalii G. Shishikin**

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The relevance of the subject is proved by the interest in the activity of the fuel and energy complex which remains for Russia one of the economic system donors. In this regard, there is growing interest in the experience of the energy industry development in other states, for example to the oil industry reforms in the Great Britain in the last quarter of the 20th century. *Methods and materials.* The basis of the research is made by works of foreign authors and sources in English. The complex structure of the object of study determines using general historical techniques and the system approach. *Analysis.* The research of the evolution of the British oil industry is connected with considering the general economic situation in the country and the dominating ideological attitudes of the United Kingdom authorities concerning the economic system during the post-war period. It is possible to note that British authorities paid close attention to the oil industry. The privatization of oil enterprises, which began in the second half of the 1970s, became a reaction to the changes of the economic situation within the country and in the world. It was the tactical maneuver under the Labourists directed to stabilization of the economic system without its essential updating. The subsequent transformations of the oil industry under the Conservatives were based on the basis of the economic paradigm revision, with the expectation of reducing the state's participation in the ownership of enterprise assets, forming a broad layer of owners, both among small and large holders of securities, as well as strengthening the independence of fuel companies. *Results.* As a result of the reforms in the market, several fuel companies different in power, continued working. The authorities got an opportunity not only to replenish the budget, but also to fulfill the mechanisms of indirect impact on the oil industry that, on the one hand, allowed to differentiate the spheres of the parties' responsibilities, and on the other hand, to maintain the influence of the state in the strategic segment of economy.

Key words: fuel and energy complex, Great Britain, privatization, economic reforms, oil industry, M. Thatcher, British Petroleum.

Citation. Shishikin V.G. Privatization of the British Oil Industry in the 1970s – 1980s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 218-228. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.18>

УДК 338.2
БВК 63.3(4Анг)Дата поступления статьи: 21.09.2018
Дата принятия статьи: 26.12.2018**ПРИВАТИЗАЦИЯ БРИТАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ
В 1970–1980-х ГОДАХ****Виталий Геннадьевич Шишикин**

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российской Федерации

Аннотация. Актуальность темы обосновывается интересом к деятельности топливно-энергетического комплекса, который остается для России одним из доноров экономики. В связи с этим возрастаёт интерес к развитию ТЭК других государств, например, реформам нефтяной отрасли Великобритании в последней четверти XX века. Основу исследования составляют тексты зарубежных авторов и источники на английском языке. Сложная структура объекта изучения определяет использование общесторических методов и системного подхода. Исследование эволюции британской нефтяной отрасли связано с рассмотрением общей экономической ситуации в стране и доминирующих идеальных установок властей Соединенного Королевства в отношении хозяйственной системы в послевоенный период. Можно отметить, что британские власти уделяли пристальное внимание нефтяной отрасли

ли. Приватизация нефтяных предприятий, начатая во второй половине 1970-х гг., стала реакцией на изменение экономической ситуации внутри страны и в мире. При лейбористах это было тактическим маневром, направленным на стабилизацию хозяйственной системы без ее существенного обновления. Последующие преобразования нефтяной отрасли при консерваторах строились на основе пересмотра экономической парадигмы с расчетом на сокращение участия государства во владении активами предприятий, формирование широкого слоя собственников как среди мелких, так и крупных держателей ценных бумаг, а также усиление самостоятельности топливных фирм. В результате реформ на рынке продолжали работу несколько разных по мощности топливных компаний. Власти же получили возможность не только пополнить бюджет, но и отработать механизмы косвенного воздействия на нефтяную отрасль, что, с одной стороны, позволило разграничить сферы ответственности сторон, а с другой – сохранить влияние государства в стратегическом сегменте экономики.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, Великобритания, приватизация, экономические реформы, нефтяная отрасль, М. Тэтчер, British Petroleum.

Цитирование. Шишкин В. Г. Приватизация британской нефтяной отрасли в 1970–1980-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 218–228. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.18>

Введение. Интерес к проблемам развития ТЭК возрос в связи с кризисом, охватившим российскую экономику, динамизм которой в настоящее время во многом зависит от мирового спроса на топливные ресурсы. В период высоких цен на нефть отечественная хозяйственная система в целом успешно преодолевала трудности за счет перенаправления средств, получаемых от ТЭК, в другие сектора экономики. Падение цен на ресурсы привело к возобновлению споров о необходимости структурных преобразований, затрагивающих в том числе и топливно-энергетический сектор.

Изучение опыта реформ ТЭК зарубежных стран является важным предварительным условием модернизации нефтегазовой отрасли России. Особого внимания заслуживают государства, обладающие запасами топливных ресурсов и развитым энергетическим сектором. Показателен пример Великобритании, где в последней четверти XX – начале XXI в. шел поиск оптимальной модели развития ТЭК и схем его взаимодействия с государством. Одним из ключевых моментов являлась серия мероприятий в 1970–1980-х гг. по адаптации нефтяной отрасли к работе в меняющихся экономических условиях. Данная статья посвящена выявлению ключевых характеристик реформ нефтяного сектора Великобритании в указанный период.

Методы и материалы. Исследование проблем развития современного британского ТЭК целесообразно проводить в рамках истории, экономики, регионоведения и др. Необходимо применять как традиционные мето-

ды исторической науки, так и приемы междисциплинарных исследований. В работе используется историко-генетический метод, который помогает реконструировать механизмы деятельности нефтяной отрасли в период преобразований. Указанный метод также применяется при изучении действий разных кабинетов Великобритании в отношении рассматриваемой отрасли. С помощью историко-сравнительного метода изучаются проблемы британских нефтяных компаний, при этом выявляются общее и особенное в их развитии в годы реформ. В этой связи хронологические рамки работы несколько расширены, что позволяет проанализировать причины и предпосылки приватизации британской нефтяной отрасли. Реформы рассматриваются через призму отдельных компаний, так как в каждом конкретном случае имел место особый набор факторов, повлиявших на изменение их статуса. Необходимым условием является применение общенаучных методов, в том числе анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания и объяснения. Эти методы выступают в качестве конкретных познавательных инструментов, позволяя достичь поставленной цели.

В качестве источников используются документы на английском языке. В первую очередь к таковым относится нормативно-правовая база по развитию нефтяной отрасли Великобритании в исследуемый период. Важно отметить, что законодательные акты, используемые в работе, могут касаться развития и других секторов ТЭК. В статье также анализируются делопроизводственные мате-

риалы – документы партий, стенограммы дебатов в парламенте Соединенного Королевства, а также аналитические отчеты. Важной является информация с официальных сайтов британских нефтяных компаний с данными об их деятельности в разные периоды времени. В качестве источника выступают также новостные тексты, где идет речь об изменениях в нефтяной отрасли Великобритании.

Британский ТЭК является предметом исследования российских и зарубежных авторов. Работ по проблемам развития нефтяного комплекса Соединенного Королевства на русском языке мало. В книге «Энергетические субсидии в современном мире. Страны “Группы двадцати”» авторы среди прочих анализируют работу британского ТЭК, затрагивая ключевые проблемы, стоящие перед ним, и рассматривают меры государства по стимулированию развития энергетического сектора (в том числе нефтедобычи) на современном этапе [3]. Н. Корниенко изучает административные и налоговые механизмы британских властей в отношении нефтяников, которые помогают добиваться сбалансированных выплат, выгодных государству и топливным компаниям [1].

Список работ зарубежных исследователей, посвященных британской нефтяной отрасли, гораздо шире. Необходимо упомянуть лишь те, которые в большей степени относятся к указанной тематике. В работе К. Роудса, Д. Хью и Л. Батчера изучены вопросы приватизации предприятий британского госсектора, среди которых были и нефтяные компании. Авторы охарактеризовали цели, методы и масштабы реформ, направленных на формирование независимых предприятий во многих отраслях британской экономики, в том числе и ТЭК [16]. В работе П. Пирсона и Д. Уотсона речь идет о реформе ТЭК Великобритании, ставшей отражением новой философии властей в отношении национальной экономики. По мнению авторов, приватизация энергетики закрепила новый порядок взаимодействия властей с топливными компаниями и стала отправной точкой для внедрения инноваций в ТЭК [14]. В работе С. Хупса описываются предпосылки и комплекс проблем, связанных с продажей нефтяных активов британскими властями. Исследователь указывает, что после

приватизации ставшие частными компании продолжили успешное развитие на энергетическом рынке [10].

Анализ. Нефтяная отрасль Великобритании с момента зарождения находилась под пристальным вниманием властей. Накануне Первой мировой войны Первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль предложил перевести флот Великобритании с угля на жидкое топливо, а также приобрести акции «Англо-Персидской нефтяной компании» (Anglo-Persian Oil Company; с 1935 г. – Anglo-Iranian Oil Company («Англо-Иранская нефтяная компания»), а с 1954 г. – British Petroleum («Бритиш Петролеум»)), которая в тот момент находилась на грани банкротства [8]. Нефтяная отрасль страны таким образом оказалась под опекой государства, что было выгодно обеим сторонам. «Англо-Персидской нефтяной компании» обеспечили заказы на поставки топлива и финансовую подушку на случай трудностей, а власти, помимо прочего, получили проводника британских интересов в тех регионах мира, где работала компания. Кроме того, соглашение с властями позволило компании сохранить независимость от англо-голландской «Ройял Даф Шелл» (Royal Dutch Shell), которая в этот период расширяла влияние на нефтяном рынке.

Деятельность нефтяных компаний развивалась в целом успешно, несмотря на экономический кризис и Вторую мировую войну. На это указывает и то, что власти не решились национализировать их после завершения войны, как это произошло со многими отраслями британской экономики, в том числе с угледобычей (1946 г.) и газовой сферой (1948 г.). Одним из факторов сохранения независимости было то, что «Ройял Даф Шелл» и «Англо-Иранская нефтяная компания» работали на международной арене. Изменения в структуре руководящих органов компаний могли повлиять на их взаимодействие с зарубежными партнерами, вызвав обеспокоенность на мировом уровне [2, с. 51].

На протяжении тридцати лет в британской элите сохранялся консенсус по вопросам развития экономики. Результаты проведенной в первые послевоенные годы национализации не оспаривались ни консерваторами, ни лейбористами. На единодущие партий влияло и

то, что с 1948 г. ВВП страны неуклонно увеличивался. Средние темпы роста в 1948–1973 гг. составили 3,39 % в год. Лишь в 1974 г. впервые с 1947 г. произошло сокращение ВВП Великобритании на 2,28 %, а в 1975 г. – на 1,46 % [18], что было связано с мировой экономической ситуацией и топливным кризисом, затронувшим развитые страны, которые закупали нефть на Ближнем Востоке. В результате свертывания поставок из нефтедобывающих стран средняя цена на нефть выросла с 2,7 долл. за баррель в 1973 г. до 11 долл. – в 1974 году. В последующие годы цены на нефть не опускались ниже 10 долл. за баррель [5]. Топливный кризис стал своеобразным водоразделом для развития британской нефтяной отрасли. В 1948 г. потребление нефти на внутреннем рынке страны составляло 14,3 млн т (10 %) от общего объема используемых топливных ресурсов в 142,7 млн т нефтяного эквивалента. В 1958 г. показатели увеличились до 40,6 млн т (23,7 %), из 171,1 млн т, в 1968 г. потребление нефти выросло до 89,7 млн т (44,7 %) при общем потреблении 200,4 млн т нефтяного эквивалента. В 1978 г. Великобритания потребляла 97 млн т нефти (43,8 %) из 221,6 млн т нефтяного эквивалента, используемого в стране. Нефть заняла прочные позиции на внутреннем рынке, потеснив уголь, объемы которого в энергетическом балансе страны за указанный период сократились со 128 до 73,3 млн т нефтяного эквивалента. При этом в 1948–1968 гг. импорт нефти вырос с 4,7 до 82,6 млн т, а в 1973 г. достиг пика в 115,5 млн тонн. Таким образом, в это период большая часть нефти, используемая в британской экономике, была привозной. Разработка месторождений Северного моря позволила снизить импорт до 68,1 млн т в 1978 г. (около $\frac{2}{3}$ внутреннего потребления). Минимум был достигнут в 1983 г. – 30,3 млн т, после чего снова начался рост импорта нефти [7, с. 6, 20–21]. Рост собственной нефтедобычи позволил Великобритании занять одно из ведущих мест в ЕЭС, сделав ее донором для других членов Сообщества.

При проведении экономической политики власти Великобритании учитывали особое положение страны в ЕЭС, стремясь адаптировать национальное хозяйство к изменяю-

щейся мировой энергетической ситуации и смягчить последствия топливного кризиса для внутреннего рынка. С этой целью были проведены переговоры с «Бритиш Петролеум» и «Роял Дач Шелл» о дополнительных поставках топлива, но нефтяники отказали в помощи. Аргументы компаний строились на том, что перенаправление поставок на внутренний рынок может повлиять на договоренности с зарубежными партнерами. Неудачный результат переговоров указывал на фактическое бессилие британских властей во взаимоотношениях с нефтяными компаниями, несмотря на то, что большая часть акций «Бритиш Петролеум» принадлежала государству, а 40 % ценных бумаг «Роял Дач Шелл» находились во владении британских акционеров [10, с. 42–43].

Сложный период в британской экономике совпал с трудностями нефтяных компаний, которые столкнулись с препятствиями на международной арене. Например, «Бритиш Петролеум» пришлось свернуть деятельность в Ливии, Иране и Кувейте. В 1970-х гг. власти этих государств заявили о национализации британских активов [11]. Серьезное сокращение влияния и снижение добычи нефти на севере Африки и Ближнем Востоке подтолкнуло «Бритиш Петролеум» к диверсификации деятельности в рамках специализации, а также поиску и освоению месторождений в других регионах.

Пример Великобритании в период экономического кризиса 1970-х гг. показывает, что наличие в стране нефтяных компаний не гарантирует властям и гражданам государства стабильности на внутреннем топливном рынке. Даже если нефтяники работают под эгидой властей, нет полной уверенности в том, что они поставят в приоритет интересы государства и его граждан, а не отдадут предпочтение собственной выгоде, объясняя это конъюнктурными факторами, экономической целесообразностью или международными договоренностями. В большей степени это относится к госкомпаниям, имеющим возможность прикрываться его именем, но предпочитают «работать на себя». Конфликт интересов приводит к тому, что выясняется ограниченность арсенала властей в отношении крупных компаний, которые должны блюсти национальные интересы, а на деле больше заботятся о сво-

их прибылях, но при этом ожидают, что в трудные времена власти помогут им.

Проблема преодоления топливного кризиса отразилась в дискуссии, во время которой высказывалась точка зрения о необходимости усиления контроля над «Бритиш Петролеум» через повышение доли государства в акционерном капитале компании. Однако в итоге власти решили в качестве компенсационной меры сформировать в 1975 г. «Британскую национальную нефтяную корпорацию» (British National Oil Corporation). В Акте «О нефтяных и подводных трубопроводах» идет речь о новой организации, которая должна обеспечить властям долю в добыче нефти и газа на территории Соединенного Королевства. Фактически государство в ответ на трудности, связанные с поставками энергоснителей, а также демарши нефтяных компаний, создало дополнительную структуру, способную выполнять весь спектр работ, связанных с обнаружением, добычей и реализацией топливных ресурсов (нефть и газ), удовлетворяя потребности страны. При этом серьезная роль отводилась контролю над развитием нефтяной отрасли через инвестиции, лицензионное обеспечение, администрирование, консультирование и другие механизмы, обеспечивающие стабильное развитие добычи в Северном море [15].

Можно отметить, что в ответ на кризисные явления в энергетической сфере кабинет Г. Вильсона использовал методы, которые применялись в рамках избранной после Второй мировой войны экономической стратегии. Ее специфика сводилась к тому, что для преодоления трудностей в проблемной отрасли создавалась хозяйственная структура, выступающая в качестве интерфейса государства, в данном случае в нефтяной сфере. В итоге влияние государства в экономической жизни страны росло, затраты и социальные обязательства по отношению к работникам расширялись. Эффективность деятельности подобной структуры на первых порах возрастала, но имела ограничения для развития, а потому на определенном этапе начинала стагнировать и вызывать закономерную критику. С помощью избранных мер изменить ситуацию в нефтяной отрасли в короткие сроки не представлялось возможным, что подталкивало власти

искать новые методы воздействия на топливные компании и идти на дополнительные финансовые траты.

В 1977 г. властям пришлось продать 17 % акций «Бритиш Петролеум» за 560 млн фунтов стерлингов. Это позволило пополнить государственный бюджет, но что более важно – получить транш от МВФ для стабилизации финансов, пострадавших в результате кризисных явлений. Государству требовалось нивелировать негативные последствия в социально-экономической системе, среди которых были не только повышение цены на нефть, но и забастовка шахтеров в 1974 году. Массовые протесты горняков способствовали отставке кабинета консерваторов Э. Хита и прихода к власти лейбористов во главе с Г. Вильсоном [16, с. 2, 14]. В отличие от консерваторов лейбористы не планировали проводить радикальные преобразования в ТЭК, сохранив государственные дотации и разветвленную систему социального обеспечения. На тот момент приватизация части «Бритиш Петролеум» носила тактический характер. Кабинет лейбористов не был готов расстаться с активами компаний, которые находились в собственности государства, придерживаясь принципов индустриальной политики, малоэффективных в условиях структурных изменений мировой экономики. При этом частичная приватизация нефтяного гиганта не решала проблемы ни хозяйственной системы Великобритании, ни «Бритиш Петролеум», позиционирование которой не претерпело изменений.

Находящиеся в тот момент в оппозиции консерваторы выступали за то, что энергетика будет лучше развиваться, если выйдет из-под опеки государства [4]. После прихода к власти в 1979 г. консервативного кабинета М. Тэтчер были обозначены новые ориентиры в экономической политике Великобритании. Власти взяли курс на последовательное сокращение доли государства в хозяйственной системе страны за счет постепенной продажи активов компаний, национализированных после войны. Необходимо отметить, что запрос на расширение доли и самостоятельности частного сектора был и со стороны населения, в том числе контингента работников госпредприятий [10, с. 54–55].

Среди компаний, подлежащих распродаже, были крупные пакеты акций и предприятий нефтяной сферы. В качестве одного из мотивов реформирования отрасли выступала переориентация деятельности британских нефтяных компаний с Ближнего Востока на Северное море, где в 1960-х гг. проводилась разведка, а с середины 1970-х гг. началась разработка месторождений. Важным фактором стало и то, что у нефтяников сохранялась высокая степень автономии, и их интересы не всегда совпадали с приоритетами государства. В связи с этим требовалось установить более четкое распределение полномочий, прибыли и степени взаимодействия. Речь также шла о том, чтобы повысить эффективность деятельности отрасли, которая действовала на внутреннем рынке и участвовала в проектах на территории других стран.

Уже в октябре 1979 г., то есть менее чем через полгода после прихода к власти, кабинет М. Тэтчер инициировал продажу еще одного пакета акций «Бритиш Петролеум» в 5 %, выручив 276 млн фунтов стерлингов. В 1981 г. власти передали права на 6 % акций за 8 млн фунтов стерлингов. В 1983 г. была продана доля в 7 % за 543 млн фунтов стерлингов [16, с. 14]. Государство последовательно сокращало свое участие в капитале компании. При этом примерно равные пакеты акций могли отличаться по цене, что было связано с комплексом причин. После реализации пакета в 1979 г. у властей осталось менее 50 % акций «Бритиш Петролеум». Последующие продажи довели объем владения до одной трети, что позволяло кабинету сохранять влияние на компанию. В 1981 и 1983 гг. продажи акций проводились в период кризиса, когда цены на нефть резко пошли вниз. Возвращение цены на нефть до отметки рубежа 1970–1980-х гг. пришлось ждать больше четверти века [14, с. 4].

Созданная властями в 1975 г. «Британская национальная нефтяная корпорация» за первые годы нахождения у власти консерваторов претерпела трансформации, которые были изначально заложены в ее структуру. Фактически Корпорация объединяла в себе функции хозяйствующего субъекта, призванного эффективно работать на рынке, и управляемой организацией, координирующей неф-

тедобычу. В 1982 г. согласно Акту «О предприятиях нефти и газа» произошло разделение Корпорации [12]. За «Британской национальной нефтяной корпорацией», оставшейся в собственности властей, сохранились функции продавца топлива, что отвечало задачам государства по контролю над развитием внутреннего рынка нефти. Та часть компании, которая занималась разведкой и добычей, была выделена в общество с ограниченной ответственностью «Бритойл» (Britoil). При этом «Британская национальная нефтяная корпорация» на момент разделения контролировала в Северном море девять месторождений нефти и одно месторождение газа, добывая 7 % североморской нефти и контролируя в общей сложности 60 % нефти в регионе [10, с. 61].

Работа над документацией по приватизации Корпорации началась в 1980 г. еще до ее разукрупнения. Первоначально у властей не было четкого понимания того, как вывести компанию из-под государственной опеки. Предлагалось реализовывать облигации через почтовые отделения, а также управлять акциями с помощью инвестиционного трастата и их постепенной продажей. В ходе приватизации была задействована так называемая «золотая акция», которая давала кабинету консерваторов возможность использовать ее как механизм компромисса в отношениях с лейбористской оппозицией, выступавшей с критикой продажи госкомпаний, так и при взаимодействии с акционерами [10, с. 75–82]. «Золотая акция» позволяла властям контролировать деятельность компании и после продажи активов. Фактически этот инструмент защищал приватизированную компанию от недобросовестных инвесторов, сохраняя за государством на переходный период возможность участия в работе предприятий. Тем самым в рамках рыночной системы формировался механизм, сдерживающий конкуренцию, сохраняя серьезные позиции за государством.

В конце 1982 г. 51 % акций «Бритойл» был продан за 627 млн фунтов стерлингов, а еще через три года власти реализовали на рынке оставшиеся 49 % акций за 426 млн фунтов стерлингов. При этом 0,2 % акций достались работникам компаний, а другие были распределены между несколькими сотнями фондов и инвестиционных учреждений [16, с. 14, 22].

«Британская национальная нефтяная корпорация» была преобразована в «Агентство по нефти и трубопроводам» (Oil and Pipelines Agency). Новой структуре перешли функции по решению вопросов, связанных с нефтяными ресурсами, трубопроводами и хранилищами [13]. На момент формирования под контролем Агентства находилось около трети североморской нефти. Таким образом власти смогли реализовать на рынке объемный пакет акций (на тот момент это была крупнейшая приватизационная сделка в Великобритании) и создать ряд рычагов давления на нефтяников, чтобы избежать повторения ситуации середины 1970-х гг. с нестабильностью цен на энергоресурсы и демаршами топливных компаний.

Скромные для «Бритойл» показатели цены при продаже объясняются несколькими причинами. За столь короткий промежуток времени компания не успела сделать себе имя, оставаясь в тени «Бритиш Петролеум» и «Ройял Дач Шелл». Сама структура Корпорации была такой, что полностью реализовать ее на рынке оказалось сложно, поэтому сначала пришлось создавать автономные подразделения, а после разукрупнения продавать по частям, хотя еще до разделения «Британской национальной нефтяной корпорации» звучали голоса о сохранении ее единства. Более того, приватизация проходила в условиях колебаний цен на нефть, что оказывало влияние на стоимость бумаг.

После продажи всего пакета акций власти, как и планировалось, продолжали контролировать «Бритойл» за счет сохранения «золотой акции». По существу в 1984–1988 гг., опекая «Бритойл», кабинет М. Тэтчер «держал руку на пульсе» всей нефтяной отрасли, стремясь не допустить ее кризиса в период падения цен на энергоресурсы, переформатирования рынка и выстраивания новой системы взаимодействия государства и частника. Адаптационный период завершился в 1988 г. после перехода большей части акций «Бритойл» во владение «Бритиш Петролеум». Перед торгами власти не собирались вмешиваться в дела бизнеса, но когда стало известно, что на «Бритойл» претендует компания «Арко» (Arco – Atlantic Richfield), мнение изменилось. Было заявлено о том, что государство использует

«золотую акцию», чтобы повлиять на сделку. В итоге «Арко» отступила, а «Бритиш Петролеум» купила «Бритойл» [16, с. 14, 22]. Объявив о возможности использовать «золотую акцию», правительство дало понять, что не выступит противником поглощения одной нефтяной компании другой, если это помогает развитию отрасли в целом, а не является спекуляцией. Это был один из механизмов, позволяющий властям направлять работу отрасли, контролируя степень ее монополизации и распределения активов.

Пример «Бритойл» указывает на эволюцию британского нефтяного рынка, последовательного перехода от превалирующего положения государства к независимым компаниям. При этом рынок Великобритании закрепил ведущую роль крупных игроков. Для того чтобы избежать полной монополизации власти в ходе самой приватизации предприняли ряд мер для перераспределения ценных бумаг в пользу как крупных собственников, так и мелких держателей акций. Помимо высвобождения государства от активов компаний, кабинет решал задачу по созданию широкой общественной базы поддержки за счет развития частного предпринимательства и увеличения числа мелких собственников – акционеров национальных компаний [4].

В связи этим интересен пример нефтяной компании «Энтерпрайз Ойл» (Enterprise Oil), приватизированной параллельно с «Бритойл». Она была создана в 1983 г. в качестве подразделения государственной монополии «Британской газовой корпорации» (British Gas Corporation), занимавшейся разработкой газовых и нефтяных месторождений. К моменту продажи у компании было пять нефтяных полей [16, с. 14, 29]. Летом 1984 г. власти выставили акции «Энтерпрайз Ойл» на торги небольшими пакетами во избежание их захвата или поглощения крупными компаниями, а также оставили за собой владение «золотой акцией». Речь шла о том, что одно физическое или юридическое лицо не могло купить более 10 % акций «Энтерпрайз Ойл», которая должна стать независимой нефтяной компанией. По итогам размещения ценные бумаги компании перешли в руки широкой группы собственников, в том числе 150–200 организаций, включая пенсионные фонды, 13 тыс. мелких дер-

жателей, среди которых были работники компании. Государство при этом выручило 392 млн фунтов стерлингов [9].

Еще одна сделка, приведшая к высвобождению государства от нефтяных активов, была связана с месторождением «Витч Фарм» (Wytch Farm), принадлежавшим «Британской газовой корпорации». Руководство монополии сопротивлялось продаже актива, указывая на то, что независимая оценка его цены (160–165 млн фунтов стерлингов) гораздо ниже реальной стоимости (450 млн фунтов стерлингов). Помимо разницы в цене менеджеры компании говорили о попрании национальных интересов, возможном возникновении экологических проблем и др. В итоге удалось договориться о том, что активы будут переданы «Дорсет Групп» (Dorset Group) – консорциуму из пяти независимых компаний. Из-за разногласий между руководством компании и властями сделка растянулась на 1983–1984 годы. Сторонам удалось прийти к компромиссу – покупатели первоначально выплачивали 85 млн фунтов стерлингов, а вторую часть в размере 130 млн фунтов стерлингов – после того, как добыча на «Витч Фарм» достигнет 20 тыс. баррелей в сутки. На момент продажи месторождение давало всего 4,5 тыс. баррелей в сутки, но имело возможности расширения до 40 тыс. баррелей [9, с. 85–87]. В итоге оператором «Витч Фарм» в 1984 г. стала «Бритиш Петролеум» [20], которая последовательно аккумулировала нефтяные активы приватизированных предприятий и одновременно готовилась к выходу из-под опеки государства. Фактически власти передавали нефтяные активы в пользование компаний, находящейся под государственным влиянием и таким образом давали отрасли возможность и время адаптироваться к работе в качестве полунезависимого хозяйствующего субъекта.

Ключевым в ходе преобразований нефтяной отрасли стала продажа наиболее крупного пакета акций «Бритиш Петролеум», которая состоялась в 1987 году. Во время консультаций властей и руководителей компании было отклонено предложение о «золотой акции». При этом власти озвучили намерения реализовать весь пакет разом и на разных площадках, но менеджеры «Бритиш Петролеум» настаивали на разделении продаж и склонялись

к тому, что акции должны остаться в Великобритании [10, с. 94–97]. В итоге было решено распродать оставшиеся у государства 32 % бумаг одновременно в Великобритании, США, Японии, Канаде и континентальной Европе, чтобы избежать затоваривания и, соответственно, снижения цен на акции [6]. Продажи проходили в октябре 1987 г. во время падения рынка и принесли более 5,5 млрд фунтов стерлингов [16, с. 14]. На тот момент это была крупнейшая сделка по приватизации в Великобритании, которая привела к высвобождению государства от активов топливных компаний и формированию новой системы отношений между властями и нефтяниками.

Можно отметить, что топливный кризис середины 1970-х гг., а также развитие мировой экономики стали индикаторами, указывающими на то, что государство должно изменить матрицу взаимоотношений с крупными компаниями, дать им больше возможностей для реализации своих целей и выстроить четкую систему взаимодействия. Приватизация позволяла закрепить дистанцию и распределить полномочия, а также финансовые вопросы. Об ее эффективности можно судить по последующей успешности нефтяных компаний. Так, в 2002 г. «Энтерпрайз Ойл» была куплена «Ройял Дач Шелл» за 3,5 млрд фунтов стерлингов, то есть через 20 лет цена компании выросла почти в девять раз [17]. «Бритиш Петролеум» в настоящее время находится на 36-м месте списка Forbes среди крупнейших публичных компаний и на 6-м по рыночной стоимости среди нефтегазовых корпораций мира [19]. Освобождение государства от нефтяных активов не привело к кризису отрасли, а дало ей импульс для развития в новых экономических условиях.

Результаты. На начальном этапе, в 1970-х гг., приватизация британской нефтяной отрасли являлась реакцией властей на изменение экономической ситуации в стране и мире. Стремление сохранить статус-кво, сложившийся за несколько десятилетий, стабилизировало хозяйствственные отношения, но не имело перспектив для развития отрасли. В 1980-х гг. вектор реформ изменился и был нацелен на качественное обновление экономики страны, что сопровождалось высвобождением государства от акций нефтяных компаний, вело к пополнению бюджета и перераспределению активов

между держателями ценных бумаг, то есть формированию широкой базы собственников. Крупные владельцы акций придавали рынку устойчивость, средние и мелкие сдерживали его монополизацию и повышали гибкость. Одновременно власти применяли меры косвенного воздействия на отрасль, формируя промежуточные управленческие структуры или используя механизм «золотой акции», что позволило разграничить ответственность сторон в нефтедобыче и сохранить влияние государства на отрасль. Эта схема стала отражением новой философии и реакцией государства на изменения в экономике, требующей от властей более гибкого подхода при управлении хозяйственной системой, в противовес прямому воздействию. Последнее сдерживает развитие экономики в целом и отдельных ее секторов, консервирует сложившиеся отношения между властью и хозяйствующими субъектами, ограничивает возможности по реагированию на происходящие изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корниенко, Н. Налогообложение нефтегазовой промышленности: опыт Великобритании / Н. Корниенко // Экономико-политическая ситуация в России. – 2008. – № 5. – С. 43–46.
2. Шишкин, В. Г. Особенности национализации британского ТЭК в середине XX в. / В. Г. Шишкин // Региональные процессы в глобализирующемся мире : сб. науч. работ преподавателей, аспирантов и магистрантов / отв. ред. О. В. Зиневич, В. Г. Шишкин. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017. – С. 50–55.
3. Энергетические субсидии в современном мире. Страны «Группы двадцати» / под ред. Л. М. Григорьева, А. А. Курдина. – М. : Асмин Принт, 2014. – 400 с.
4. 1979 Conservative Party General Election Manifesto. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.conservative-party.net/manifestos/1979/1979-conservative-manifesto.shtml> (date of access: 10 June 2018).
5. Average annual OPEC crude oil price from 1960 to 2018 (in U.S. dollars per barrel). – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/262858/change-in-opec-crude-oil-prices-since-1960> (date of access: 30 December 2018).
6. BP Share Offer (Hansard, 3 November 1987). – Electronic text data. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1987/nov/03/bp-share-offer> (date of access: 5 August 2018).
7. Digest of United Kingdom Energy Statistics: 60th Anniversary. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/65896/1_20090729135638_e_dukes60.pdf (date of access: 5 January 2019).
8. Early History – 1909–1924. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history/early-history.html> (date of access: 2 June 2018).
9. Enterprise Oil (Hansard, 28 June 1984). – Electronic text data. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1984/jun/28/enterprise-oil> (date of access: 23 July 2018).
10. Hoopes, S. The Privatization of UK Oil Assets 1977–87: Rational Policy-Making, International Changes and Domestic Constraints / S. Hoopes. – L. : [s. l.], 1994. – 354 p.
11. Late Century – 1971–1999. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history/early-history.html> (date of access: 7 June 2018).
12. Oil and Gas (Enterprise) Act 1982. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/23/pdfs/ukpga_19820023_en.pdf (date of access: 29 June 2018).
13. Oil and Pipelines Act 1985. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/62/pdfs/ukpga_19850062_en.pdf (date of access: 12 July 2018).
14. Pearson, P. UK Energy Policy, 1980–2010. A history and lessons to be learnt. A review to mark 30 years of the Parliamentary Group for Energy Studies / P. Pearson, J. Watson. – L. : [s. l.], 2012. – 64 p.
15. Petroleum and Submarine Pipelines Act 1975. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/74/pdfs/ukpga_19750074_en.pdf (date of access: 14 June 2018).
16. Rhodes, C. Privatisation / C. Rhodes, D. Hough, L. Butcher. – L. : House of Commons Library, 2014. – 42 p.
17. Royal Dutch/Shell Will Buy Enterprise Oil of Britain. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2002/04/03/business/royal-dutch-shell-will-buy-enterprise-oil-of-britain.html> (date of access: 23 July 2018).
18. The Bank of England's Three Centuries Macroeconomic Dataset Version 2.3. – 2016. – 30 June. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.bankofengland.co.uk/research/Documents/datasets/threecenturies_v2.3.xlsx (date of access: 4 June 2018).
19. The World's Largest Public Companies. 2018 Ranking. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.forbes.com/global2000/list/header:market>

Value_sortreverse:true_industry:Oil%20%26%20Gas%20Operations (date of access: 28 August 2018).

20. Wytch Farm Oil Field. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2002/04/03/business/royal-dutch-shell-will-buy-enterprise-oil-of-britain.html> (date of access: 8 August 2018).

REFERENCES

1. Kornienko N. Nalogoooblozhenie neftegazovoy promyshlennosti: opyt Velikobritanii [Taxation of Oil and Gas Industry: UK Experience]. *Ekonomiko-politicheskaya situatsiya v Rossii*, 2008, no. 5, pp. 43–46.
2. Shishkin V.G. Osobennosti natsionalizatsii britanskogo TEK v seredine XX v. [Features of the Nationalization of the British Fuel and Energy Complex in the Mid 20th Century]. Zinevich O.V., Shishkin V.G., eds. *Regionalnye protsessy v globaliziruyushchemsyu mire: sb. nauch. rabot prepodavatelyey, aspirantov i magistrantov* [Regional Processes in the Globalizing World. Collection of Scientific Articles of Lecturers, Postgraduate Students and Master Students]. Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2017, pp. 50–55.
3. Grigoryev L.M., Kurdin A.A., eds. *Energeticheskie subsidii v sovremenном mire. Strany «Gruppy dvadtsati»* [Energy Subsidies in the Modern World. G20 Countries]. Moscow, ООО «Asmin Print» Publ., 2014. 400 p.
4. 1979 Conservative Party General Election Manifesto. URL: <http://www.conservative-party.net/manifestos/1979/1979-conservative-manifesto.shtml> (accessed 10 June 2018).
5. Average Annual OPEC Crude Oil Price from 1960 to 2018 (In U.S. Dollars per Barrel). URL: <https://www.statista.com/statistics/262858/change-in-opec-crude-oil-prices-since-1960/> (accessed 30 December 2018).
6. BP Share Offer (Hansard, 3 November 1987). URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1987/nov/03/bp-share-offer> (accessed 15 August 2018).
7. Digest of United Kingdom Energy Statistics: 60th Anniversary. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/65896/1_20090729135638_e_dukes60.pdf (accessed 5 January 2019).
8. Early History – 1909–1924. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history/early-history.html> (accessed 2 June 2018).
9. Enterprise Oil (Hansard, 28 June 1984). URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1984/jun/28/enterprise-oil> (accessed 23 July 2018).
10. Hoopes S. *The Privatization of UK Oil Assets 1977–87: Rational Policy-Making, International Changes and Domestic Constraints*. London, 1994. 354 p.
11. Late Century – 1971–1999. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/who-we-are/our-history/early-history.html> (accessed 7 June 2018).
12. Oil and Gas (Enterprise) Act 1982. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/23/pdfs/ukpga_19820023_en.pdf (accessed 29 June 2018).
13. Oil and Pipelines Act 1985. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/62/pdfs/ukpga_19850062_en.pdf (accessed 12 July 2018).
14. Pearson P., Watson J. *UK Energy Policy, 1980–2010. A History and Lessons to Be Learnt. A Review to Mark 30 Years of the Parliamentary Group for Energy Studies*. London, 2012. 64 p.
15. Petroleum and Submarine Pipelines Act 1975. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/74/pdfs/ukpga_19750074_en.pdf (accessed 14 June 2018).
16. Rhodes C., Hough D., Butcher L. *Privatisation*. London, House of Commons Library, 2014. 42 p.
17. Royal Dutch/Shell Will Buy Enterprise Oil of Britain. URL: <https://www.nytimes.com/2002/04/03/business/royal-dutch-shell-will-buy-enterprise-oil-of-britain.html> (accessed 23 July 2018).
18. The Bank of England's Three Centuries Macroeconomic Dataset Version 2.3 – 30 June 2016. URL: http://www.bankofengland.co.uk/research/Documents/datasets/threecenturies_v2.3.xlsx (accessed 4 June 2018).
19. The World's Largest Public Companies. 2018 Ranking. URL: https://www.forbes.com/global2000/list/#header:marketValue_sortreverse:true_industry:Oil%20%26%20Gas%20Operations (accessed 28 August 2018).
20. Wytch Farm Oil Field. URL: <https://www.nytimes.com/2002/04/03/business/royal-dutch-shell-will-buy-enterprise-oil-of-britain.html> (accessed 8 August 2018).

Information About the Author

Vitalii G. Shishikin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Affairs and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksа, 20, 630073 Novosibirsk, Russian Federation, wital_sh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2645-871X>

Информация об авторе

Виталий Геннадьевич Шишикин, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Российская Федерация, wital_sh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2645-871X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.19>UDC 325.2.000.1
LBC 66.3(2Poc),5Submitted: 27.11.2018
Accepted: 22.03.2019

RUSSIAN-SPEAKING GROUPS IN GERMANY: MOTIVATION FOR MIGRATION¹

Viacheslav D. Popkov

Institute of Social Researches and Analytics, Kaluga, Russian Federation

Ekaterina A. PopkovaBauman Moscow State Technical University Kaluga Branch (National Research University),
Kaluga, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers motivation for migration of Russian-speaking groups who came to Germany from the territory of the former USSR countries. The article focuses on the analysis of ethnically privileged migrant groups – late migrants (Russian Germans) and quota refugees (Russian Jews) who came to Germany in the period of the late 1980s to mid-2000s. The aim of the research is to reveal the main reasons for and motives of the Russian-speaking group migration from the post-Soviet republics. The authors focus on the migration motives which have not been fully described, shown or analyzed in foreign research works, thus, enabling the readers to broaden their view on the migration of Russian-speaking groups to Germany. *Methods.* The research is based on qualitative methodology using the method of thematically-centered interview. The selection was done by the “snowball” method. *Analysis.* The authors carried out a comparative analysis of several research works with the results of the project conducted with Russian-speaking groups in Munich in 2005–2006 and 2011. The analyzed basis makes 43 interviews. The paper discusses the most questionable aspects regarding the ascertainment of the motivations of Russian Germans and Russian Jews for moving to Germany; it also compares the groups and reveals common features of migratory background characteristics to both of them. The paper gives special attention to ethnic motivations of migration which turn to be both pushing and pulling factors for both Russian-speaking groups. It also compares interpretations of significance of ethnicity and ethnic discrimination being the reasons for migration of Russian Germans and Russian Jews in the research works analyzed here. *Results.* The hypothesis is that after the USSR split ethnic discrimination of both groups may be considered on the basis of “wrong” ethnicity in the countries of exodus. The conclusion is drawn that discrimination on ethnic basis cannot be the main reason for migration of Russian Germans and Russian Jews to Germany. It is more probable that in the case of Russian-speaking groups we deal with “drifting” ethnicity which may be suggested to or imposed on individuals. The data presented in the article may be of great interest for improving the state policy of this country towards compatriots from abroad and working out migratory regulations.

Key words: migration reasons, “drifting” ethnicity, Russian-speaking groups, Germany, Russia, Russian Germans, Russian Jews, comparative analysis.

Citation. Popkov V.D., Popkova E.A. Russian-Speaking Groups in Germany: Motivation for Migration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 229–240. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.19>

УДК 325.2.000.1
ББК 66.3(2Poc),5Дата поступления статьи: 27.11.2018
Дата принятия статьи: 22.03.2019

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ГРУППЫ В ГЕРМАНИИ: МИГРАЦИОННАЯ МОТИВАЦИЯ¹

Вячеслав Дмитриевич Попков

Институт социальных исследований и аналитики, г. Калуга, Российская Федерация

Екатерина Анатольевна Попкова

Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана,
г. Калуга, Российской Федерации

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены миграционные мотивы русскоязычных групп, прибывших в Германию с территории бывшего Советского Союза и стран-наследниц СССР. Основной фокус анализа направлен на группы этнически привилегированных мигрантов – поздних переселенцев (русские немцы) и контингентных беженцев (русские евреи), прибывших в ФРГ в период с конца 1980-х до середины 2000-х годов. Ставится цель показать основные причины миграции русскоязычных групп из постсоветских стран и раскрыть их внутреннюю подоплеку. Методы. Исследование проводилось с опорой на качественную методологию с применением метода тематически-центрированного интервью. Выборка формировалась методом «снежного кома». Анализ. Авторами проведен сравнительный анализ некоторых исследований с результатами авторского проекта, проведенного среди русскоязычных групп в Мюнхене в 2005–2006 и 2011 годах. Всего было проведено 43 интервью. Дискутируются наиболее спорные аспекты, касающиеся выяснения миграционных мотивов русских немцев и русских евреев при переезде в Германию; также проводится межгрупповое сравнение и выявляются общие составляющие миграционной подоплеки, характерные для обеих русскоязычных групп. Значительное внимание уделяется этническим мотивам миграции, которые являются и выталкивающими, и одновременно притягивающими для обеих русскоязычных групп. Проводится сравнение интерпретаций значимости этничности и этнической дискриминации как причин миграции русских немцев и русских евреев. Результаты. Выдвигается гипотеза о том, что после распада СССР в новых странах исхода этническая дискриминация обеих групп может происходить по основанию «ложной» этничности. Предполагается, что в случае русскоязычных групп дело приходится иметь с изменяющейся этничностью, которая может быть предложена или навязана индивидам. Авторы статьи акцентируют внимание на миграционных мотивах русскоязычных групп, не получивших широкого освещения в зарубежных исследованиях, что позволяет читателям расширить представления о механизме миграции русскоязычных в Германию. Изложенные в статье результаты исследования могут быть востребованы для совершенствования государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом и разработки регулирующих миграционных мероприятий. В.Д. Попков разработал дизайн проекта и осуществил общую научную редакцию статьи. Е.А. Попкова проанализировала работы зарубежных авторов и предложила схему исследовательского анализа.

Ключевые слова: причины миграции, «плавающая» этничность, русскоязычные группы, Германия, Россия, русские немцы, русские евреи, сравнительный анализ.

Цитирование. Попков В. Д., Попкова Е. А. Русскоязычные группы в Германии: миграционная мотивация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 229–240. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.19>

Введение. Присутствие значительного количества мигрантов из бывшего Советского Союза и стран-наследниц СССР в Германии, прибывших в страну в конце XX в., привело пристальное внимание исследователей к проблеме их взаимодействия с принимающим обществом. Наряду с вопросами интеграции мигрантов, считающимися ключевыми в исследовательской среде, самое пристальное внимание уделяется миграционной составляющей проблемы, поскольку контекст миграции относится к одному из важных маркеров группы, с помощью которого объясняются обстоятельства ее выезда и приема. Главными являются два направления исследований, подразумевающие ответы на следующие ключевые вопросы: во-первых, почему мигранты хотели (или были вынуждены) покинуть

пределы бывшего СССР; и, во-вторых, почему они выбрали Германию, как конечную цель миграции. Таким образом, в большинстве проведенных исследований речь идет не только об изучении добровольности или вынужденности миграции, что подразумевает выяснение значимости и интенсивности «выталкивающих факторов», но и о мотивах выбора страны нового поселения, которые характеризуются «притягивающими факторами». При этом особое значение придается оценке и сравнению мигрантами указанных аспектов, когда они еще находятся в стране исхода (до переезда) и когда они уже находятся в стране поселения (после переезда). Основное внимание исследователи уделяют этнически привилегированным мигрантам, под которыми понимаются немецкие переселенцы (русские немцы)

и контингентные беженцы (русские евреи). Группа *русских немцев* юридически содержит в себе две категории: «переселенцев» (*Aussiedler*), прибывших до конца 1992 г., и «поздних переселенцев» (*Spätaussiedler*), прибывающих с 1993 года. Основной законодательной базой для иммиграции русских немцев является «Закон по делам изгнанных и беженцев» (*Bundesvertriebenengesetz*), вступивший в силу 19 мая 1953 г., и «Закон для урегулирования законов, вызванных последствиями войны» (*Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgengesetzen*), вступивший в силу с начала 1993 года. В соответствии с последним документом был введен единый термин «поздних переселенцев», который получили и русские немцы. В группу *русских евреев* входят еврейские контингентные беженцы, мигрировавшие в Германию на основании закона «О мероприятиях в отношении беженцев, принятых в рамках акций гуманитарной помощи». Данный документ более известен в качестве «Закона о контингентных беженцах» (*Kontingentflüchtlingsgesetz*). Все участники данной группы, прибывшие в Германию до 1 января 2005 г., получали этот статус.

Дискуссии.

Случай русских немцев.

При определении основных мотивов выезда русских немцев многие исследователи подходят к проблеме с позиции репатриации, то есть возвращения группы на «историческую родину». Например, П. Кёдерицш в своем исследовании задает респондентам вопрос «почему Вы возвратились в Германию?», подчеркивая, что русские немцы – это не простые мигранты, а группа, которая возвращается домой, в свою страну. По его данным, 47 % опрошенных указывают как причину «возвращения» желание «жить на родине предков». Это вторая по значимости причина переезда после «обеспечения надежного будущего для детей», на которую указали 68 % респондентов [10, S. 38]. Характерно, что многие исследователи причину «живь на родине предков», чаще сформулированную в виде известного клише «живь как немцы среди немцев», отмечают в качестве одного из самых заметных мотивов переезда, который доминировал в течение длительного периода миграции.

Ряд исследователей отмечают смену приоритетов миграции русских немцев, которая пришла на середину 90-х годов. Как считается, до этого периода в миграции русских немцев присутствовала этническая мотивация, а экономические причины не играли существенной роли. Как заметный стимул к переезду, они начинают упоминаться в исследованиях лишь с середины 90-х годов. В частности, И. Трёстер полагает, что до начала 90-х гг. основным мотивом переселенцев было желание жить «как немцы среди немцев», воссоединение семьи и забота о будущем детей. Однако русские немцы, приехавшие после 1993 г., «решались на переезд в первую очередь из-за напряженной экономической и политической ситуации в стране выезда» [17, S. 111–112]. К. Фогель также подчеркивает, что с середины 90-х гг. начали преувеличивать экономические причины, связанные с «плачевным экономическим положением в РФ после распада СССР» [18, S. 25].

В то же время отмечается, что большинству переселенцев было известно, что ни советское правительство, ни немецкая сторона не признавали экономические причины в качестве приемлемых оснований для выезда. Поэтому русские немцы были вынуждены указывать этнические мотивы. Таким образом, нельзя автоматически исходить из того, что приводимые русскими немцами этнические мотивы и есть «правдивые» причины выезда [12, S. 32]. Нужно заметить, что и после распада СССР стимул указывать религиозные и этнические причины переезда в качестве основных не утратил своей актуальности, поскольку немецкими властями этничность по-прежнему рассматривалась как основная предпосылка миграции.

По условиям приема русские немцы подталкиваются к тому, чтобы указывать на значимость религии и этнических причин, как основных мотивов миграции, что транслируется ими и при опросах. Кроме того, нельзя не заметить некоторого отличия в подходах российских и немецких исследователей при изучении причин миграции русских немцев. В частности, российскими исследователями, как правило, не поднимается вопрос о «возвращении», в то время как данная идея, как и формулировка «живь как немцы среди нем-

цев» в той или иной степени присутствует в опросниках исследований, проведенных в Германии после переезда [13, S. 153]. Например, в исследованиях русских немцев, проведенных в России, в расшифровке вопроса «по какой причине Вы хотите уехать?», вариант ответа «жить как немцы среди немцев» может вообще отсутствовать. Акцент ставится в основном на экономические составляющие проблемы. В частности, такие варианты ответов, как «отсутствие стабильности в России», «отсутствие работы», «отсутствие жилья» и т. д. [3, с. 29] в известной степени предопределяют выбор респондентов. Поэтому неудивительно, что в России русские немцы указывают экономические причины миграции, а после переезда «переключаются» на этнические.

В качестве одной из составляющих политических мотивов важную роль при приеме мигрантов играли также идеологические аргументы, которые были особенно актуальны во времена существования СССР. Как отмечает Б. Диц, во времена «холодной войны» эмиграция переселенцев из социалистических стран могла быть расценена как доказательство превосходства западногерманского режима [5, S. 116]. После распада Советского Союза эта причина отпала, или, по крайней мере, перестала рассматриваться как актуальная, поэтому, несмотря на упоминание политической составляющей переезда русских немцев, основной миграционный контекст группы видится авторами либо в области этничности, либо в экономической сфере.

Случай русских евреев.

Значительная часть исследователей до середины 90-х гг. в качестве одного из основных мотивов переезда русских евреев в Германию называли страх антисемитизма [14, S. 150]. Несколько позднее, в публикации 1999 г., те же авторы констатировали изменение мотивов эмиграции русских евреев. На видное место вышли «плачевное состояние экономики и нужда в странах СНГ и Балтии». На антисемитизм в данном исследовании указали 15,1 % опрошенных [15, S. 49]. В то же время авторы подчеркивают, что у евреев, уезжающих из России, в противоположность к другим регионам бывшего СССР, был по-прежнему отчетливо выражен страх антисе-

митизма. Это отметили 56,2 % респондентов. Такие причины, как безопасность собственной семьи и страх гражданской войны, также чаще назывались именно у евреев из России, в то время как личные и экономические причины казались несущественными [15, S. 50].

Многие авторы делают акцент не только на страхе антисемитизма, но и на других причинах, которые в основном имеют экономическую и/или политическую подоплеку. «Мотивы эмиграции советских евреев берут свои истоки в страхе антисемитизма и опасности гражданской войны. В остальном они видятся через плохую экономическую ситуацию, возникшую вследствие изменения системы» [7, S. 65]. В исследовании Ю. Крузе и М. Лернера утверждается, что основной причиной эмиграции русских евреев была политическая ситуация в стране исхода. Так считали 61,7 % опрошенных. На экономические причины как доминирующие при принятии решения об эмиграции указали 55,1 % респондентов. Страх антисемитизма находится на третьей позиции по значимости – 50,5 % опрошенных [11, S. 118–119].

На экономические причины эмиграции евреев обращают внимание и другие исследователи, полагающие, что «мотивы эмиграции еврейских беженцев относятся не только к страху перед антисемитизмом и опасностью гражданской войны. Эта эмиграция не в последнюю очередь видится через затруднительную экономическую ситуацию, которая осталась после системных изменений и побудила к эмиграции» [6, S. 16]. Р. Брим, исследуя мотивы евреев, покидающих пределы СНГ, приходит к выводу, что в основе мотивации евреев лежат в большей степени экономические причины (59 %), чем причины антисемитизма, страха быть жертвами насилия и политической нестабильности (33 %), или желания воссоединения семьи (8 %). На основе этих данных автор делает вывод, что не все европейские эмигранты из стран СНГ являются беженцами. Только меньшую часть из них можно так определить [4, р. 79].

Тем не менее вопрос о том, а был ли страх антисемитизма именно той самой движущей силой, которая и побудила большинство русских евреев покинуть пределы СССР и впоследствии СНГ, остается открытым. В ча-

стности, Ю. Щёпс пишет: «оспариваемым остается также вопрос, действительно ли в начале 90-х гг. сильный антисемитизм в СНГ был серьезной угрозой для евреев и высококультуральным эмиграционным мотивом» [16, S. 129]. Это оставляет поле для дискуссии о том, в каком направлении должно идти понимание группы русских евреев: как общества «жертв», или как обычных экономических мигрантов. Именно смещение акцента понимания группы через ее экономическую мотивацию выезда, которое стало наблюдаться в ряде исследований [8; 9], послужило причиной для отхода от первоначальной перспективы рассмотрения русских евреев как «жертв» и трактовки группы как экономических мигрантов.

Можно видеть, что в исследованиях мотивов миграции русских немцев и русских евреев главные расхождения авторов в основном касаются разной интерпретации значимости этнических и экономических/политических аспектов миграции. В случае с русскими евреями значимость аспекта этничности не выделяется прямо, а выражается через антисемитизм стран исхода и этническую дискриминацию евреев как группы, существующей в странах исхода. В случае русских немцев этнический аспект подчеркивается желанием мигрантов «жить как немцы среди немцев». Это трактуется авторами однозначно как этнический мотив.

Принимая во внимание данные направления исследований миграционных причин русских немцев и русских евреев, попробуем сравнить их с результатами нашего исследования, фокусируя при этом внимание на сходстве/различии между группами русских немцев и русских евреев.

Анализ. Как было указано, *объект исследования* ограничен группами этнически привилегированных мигрантов, а именно немецкими поздними переселенцами и еврейскими контингентными беженцами, обозначаемыми как «русские немцы» и «русские евреи» соответственно. Среди представителей данных групп в Мюнхене было проведено 43 интервью. Из них – 20 в группе русских немцев и 23 – в группе русских евреев. В контексте поставленной проблемы основной интерес представляли русскоязычные мигран-

ты, приехавшие в Германию из СССР и позднее стран-наследниц Советского Союза, начиная с последнего этапа перестройки (1988–1989 гг.) в течение последующих 15 лет, на которые пришелся основной поток мигрантов в Германию с территории бывшего СССР. Исследование проводилось с опорой на *качественную методологию* с применением метода тематически-центрированного интервью. Основная идея метода заключалась в том, что респонденту предлагался набор тематических блоков, в рамках которых поступательно формулировались открытые вопросы, касающиеся только одной темы, и велось свободное обсуждение. Применение данного метода позволяло четко структурировать беседу, не «загонять» респондента в жесткие рамки, как это происходит, например, при структурированном интервью. Это позволяло придать свободный характер интервью, которое в то же время приобретало вид связанных между собой законченных модулей.

Выборка формировалась методом «снежного кома» с учетом приведенных выше ограничений.

Случай русских немцев.

Следует выделить несколько групп причин, встречающихся в высказываниях опрошенных, которые кажутся типичными при их оценке мотивов переезда в Германию.

К первой группе относятся *причины социально-экономического характера*. В данном случае переход в Германию связывается с получением широкого спектра социальных гарантий, которые в Германии считаются нормой и касаются всех ее жителей. Это, например, гарантии личной безопасности, доступного медицинского обслуживания, бесплатного образования и т. д. К этому же относятся и удобная инфраструктура немецких городов, более широкие перспективы для детей мигрантов и т. д.

«Дело в том, что я перенес операцию. Меня еле вытащили. И мне посоветовали, что если есть возможность уехать, то надо уезжать. А еще из-за непорядка уехал, из-за неустойчивости российской политики. Еще была причина – я из-за детей уехал. А так я бы никуда не уехал. Это ведь моя родина – Россия. Я там родился» (муж., 54).

Вторая группа охватывает *причины масштабного подражания* и примера родственни-

ков. Особенно сильно это выражено у мигрантов из небольших городов и сельских поселений Казахстана. Для этой группы мигрантов тесные родственные связи имели большое значение, поэтому выбор многих родственников в пользу эмиграции часто мог быть решающим аргументом при принятии собственного решения о переезде. В этом случае ключевой мотив миграции заключался в стремлении русских немцев «быть как все», что связано со страхом потерять сложившуюся сеть социальных взаимодействий, которая «мигрировала» в Германию, независимо от воли респондента. При этом опрошенные часто не могли сами однозначно оценить преимущества или недостатки будущего переезда, поэтому решение принималось с опорой на опыт и советы родственников. Что же касается жителей крупных городов, особенно мегаполисов России, то данная тенденция выражена гораздо слабее, поскольку родственные связи здесь имели гораздо меньшее значение и советы родственников не являлись определяющими при принятии окончательного решения.

«К тому времени начался повальный отъезд из Казахстана русских в Россию. Немцы тоже большим потоком уезжали. У нас вопрос был, что если ехать, то в Германию. А туда уже уехало много родственников. Но я, честно говоря, уезжать никуда не хотела. Нас тогда еще ничего не зацепило, чтобы ехать. А было такое, стадное чувство, что вот все ехали, и мы поехали. Опять же мне не хотелось ехать, у меня не было этого чувства, но мы поехали» (жен., 56).

К третьей группе причин следует отнести возникновение процессов *выталкивания по этническому признаку*. Часть населения, считавшегося «русским» в ряде республик бывшего СССР, оказалось в ситуации частичной языковой и социальной изоляции, что побуждало людей к выезду из страны. В эту часть входили и русские немцы, которые в Казахстане не могли претендовать на статус «коренного народа» и (также как и русские) выдавливались из страны. Поэтому фактор выталкивания стал приобретать весомое значение при принятии решения о переезде для всех «некоренных» групп, включая и русских немцев.

«Я уже на тот момент оставалась практически без работы. Из русскоязычного на-

селения кто мог – все уехали. Оставались одни казахи, которые на работу брали только своих. А мы оставались не у дел. То есть мы им не нужны были. Я бы просто не вытянула там с детьми» (жен., 36).

Четвертая группа причин связана с желанием респондентов получить *личный опыт жизни на Западе* и сравнить его с теми представлениями о «загранице», которые были в СССР. В данном случае «заграница» не подразумевала исключительно Германию. Запад понимался собирательно и выступал как некая привлекательная картинка, которую после длительного запрета разрешили посмотреть.

«Мне хотелось посмотреть, что такое заграница. Мы не имели возможности выехать дальше нашего города. Дальше Ленинграда, если к родственникам. И приехав сюда, мы уже на второй год могли позволить себе поехать отдохнуть на море. Я здесь первый раз море увидела» (жен., 42).

Все вышеупомянутые группы причин не встречаются в высказываниях респондентов отдельно друг от друга. Как правило, они тесно взаимосвязаны между собой. Речь идет лишь о возможном доминировании той или иной причины переезда в конкретном случае. Обращает на себя внимание сильное влияние неформальных сетей связей на принятие решения о миграции, когда часть опрошенных делали «как все». Родственники и знакомые респондентов формировали «картину Германии», которая была, вне всякого сомнения, привлекательной. «Там» было лучше, чем «здесь». Это стало аксиомой в умах многих русских немцев, что существенно повлияло на формирование выездных настроений в группе.

Случай русских евреев.

При оценке мотивов, побудивших русских евреев мигрировать в Германию, речь также шла о комплексе взаимоувязанных причин, значимость которых варьировалась в зависимости от темы обсуждения и актуальных установок респондента. Заметны причины экономического характера. При этом экономическая мотивация переезда связывается обычно не с желанием разбогатеть, открыть собственный бизнес и т. д., а с получением минимальных гарантий в рамках социальной помощи. В ряде случаев речь шла о «бегстве

от нищеты». Также следует подчеркнуть, что экономические причины очень редко фигурировали отдельно от других мотивов переезда. Чаще всего они рассматривались респондентами как неотъемлемая часть общей ситуации в стране и сложившихся личных семейных обстоятельств.

«Тогда это был полный развал страны. Пустые полки, зарплаты я уже не получала. Полная бесперспективность. Я чувствовала, что выхожу уже за грань нищеты. А тут была возможность такая. Ну, я и понимала, что хуже уже не будет, чем то, что у нас делалось в Союзе» (жен., 64).

Очень заметно желание респондентов жить в стабильном и предсказуемом обществе с действующими законами. Разочарование опрошенных в обществах стран исхода, их политических режимах и отсутствие видимых перспектив улучшения ситуации повлияло на принятие решения о выезде. Характерно, что данная причина фигурировала как основная и для тех респондентов, которые не ощущали финансовых проблем в странах исхода и вообще никак не упоминали экономической подоплеки миграции. В ряде случаев решающим моментом оказалось то, что у них впервые появилась возможность покинуть пределы постсоветского пространства. Данные причины основаны на особенностях социализации в советском обществе и особом восприятии «заграницы», знакомство с которой для большинства советских людей было недоступно. Возможность «открытия» для себя Запада стала одним из важных мотивов, побудивших респондентов к миграции.

«Мне хотелось посмотреть заграницу, архитектуру, замки... И меня, как и любого бывшего советского человека, притягивал Запад. Я не могу сказать, что мы совсем уж так плохо жили, нет. Но они жили лучше» (муж., 64).

Интересно и то, что Германия здесь не рассматривалась как основная цель миграции. Функции немецкого государства сводились к предоставлению возможности свободного перемещения по странам Европы.

Упоминание респондентами дискrimинации по этническому признаку следует отметить особо, поскольку этому моменту в ряде работ по русским евреям уделяется повышен-

ное внимание. Однако в нашем исследовании эта причина слабо представлена. Причем характерно, что, говоря об этнической дискrimинации, респонденты упоминают не только антисемитизм, но и случаи этнической дискrimинации русского населения.

«Я из Таллинна сюда приехала. Тогда уже независимая Эстония была. И они, особенно когда почувствовали себя свободными... Они в принципе русских ненавидели. Не все, конечно. Ну, я поэтому и уехала... Потом в Эстонии тогда все развалилось, работы никакой не было» (жен., 55).

Следует отметить, что данный случай не является типичным и по нему нельзя судить о наличии какой-либо тенденции. Показательно лишь то, что еврейская эмигрантка покидает страну, возникшую на постсоветском пространстве, по причине этнической дискrimинации части населения, к которому она (кажется) не имеет отношения.

Создается впечатление, что русские евреи, хорошо зная о проявлениях антисемитизма, не придают этому факту большого значения. По крайней мере, респонденты вспоминают об этом только тогда, когда им задается уточняющий вопрос по поводу антисемитизма как причины эмиграции. При этом респонденты не склонны к тому, чтобы называть антисемитизм главной причиной переезда.

«На момент выезда, да и до этого все время, сколько я там жил, бытового антисемитизма не было. Был же государственный антисемитизм, который был везде. Но оттого, что я еврей, я никогда не страдал. И если я скажу, что я приехал сюда потому, что там был антисемитизм и все такое, то это не так. Вранье все это. Я просто оставался там один. Это главная причина» (муж., 73).

В целом весь вышеизложенный спектр миграционных мотиваций русских евреев можно свести к следующим трем группам. Во-первых, это группа *социально-экономических причин*. К ним относятся все социальные преимущества немецкого общества, к которым получила доступ еврейская эмиграция. Данная группа причин тесно связывается с выталкивающими факторами социально-экономического характера, возникшими в СССР и впоследствии в странах-наследницах Советского Союза. Обобщая весь комплекс

причин, описываемых здесь как социально-экономические, можно сказать, что основная мотивация группы была направлена на осуществление возможности стать частью общества с более высоким жизненным стандартом, более понятными социальными правилами и определенными гарантиями в завтрашнем дне.

Самой неожиданной причиной эмиграции русских евреев оказалось, пожалуй, стремление заметной части группы опрошенных увидеть другую (не советскую) реальность и иметь беспрепятственную возможность перемещения по странам Европы. Именно это лежит в основе второй группы причин, которую можно обозначить как желание «увидеть заграницу».

К третьей группе причин эмиграции следует отнести *дискrimинацию по этническому признаку*. Главной интригой здесь является то, что группа русских евреев испытывала дискrimинацию в странах бывшего СССР не только как евреи, но и как русские, например, в случае если они выезжали из Эстонии. Следует отметить, что данная тенденция не является преобладающей среди опрошенных. Однако в глаза бросается явное сходство с ситуацией в группе русских немцев, которые в Казахстане также испытывали случаи этнической дискrimинации не только как немцы, но и как русские.

Результаты. В качестве одного из интересных мотивов миграции следует выделить стремление «увидеть заграницу». Такая мотивация, несмотря на кажущуюся естественность для выходцев из бывшего СССР, все же представляется довольно экзотичной, поскольку не несет в себе явной рациональной составляющей, то есть никак не связана ни с карьерой, ни с преференциями материального характера. Но в целом эта (почти что иррациональная) тяга респондентов узнать о том, «как живут люди на Западе» является очень заметным мотивом миграции. Этот мотив очень мало, или даже никак не связан ни с экономическими причинами, ни с этнической дискrimинацией и конкретно с антисемитизмом, ни с желанием респондентов «жить в демократическом обществе». Условия советского государства, транслирующие только одну идеологию и только одно ми-

понимание, не давали возможности советским людям на практике ощутить другую реальность. Это порождало особую мотивацию части респондентов «увидеть Запад». В данном случае «Западом» выступала ФРГ, поэтому для некоторых респондентов представления о Германии приравнивались к представлениям о Западе в целом.

«Знаете, даже странно, вот я когда сюда ехала, я даже не отдавала отчета, что это Германия. Ну, просто ехала заграницу и все. Куда-то на Запад, в другой мир» (жен., 57).

Следует признать, что появление этой причины в разряде значимых в данном исследовании оказалось неожиданным. Кроме того, настораживает тот факт, что в других работах данная причина вообще не упоминается исследователями.

Думается, что здесь следует принимать во внимание различные культурные реальности западногерманских исследователей, задающих тон в изучении русских немцев и русских евреев, с одной стороны, и бывших советских граждан, с другой. Вполне вероятно, что для многих исследователей русскоязычных групп сама идея о том, что желание «увидеть заграницу» может быть причиной миграции, даже не возникала. Соответственно, данная группа вопросов не включалась в исследовательский инструментарий, так как сам феномен «заграницы», обобщающий все государства несоциалистического лагеря, отсутствовал в культурных практиках населения западноевропейских стран. Между тем наличие собирательного образа «заграницы» в советской культуре, его глубокое эмоциональное наполнение стало основой для формирования поведенческих образцов массового характера, которые не принимались во внимание большинством западногерманских авторов. В итоге одна из значимых причин миграции, в разной степени выраженная во всех русскоязычных группах, оказалась за рамками внимания исследователей.

В качестве другой заметной миграционной мотивации следует выделить *социально-экономические причины*. Квинтэссенция группы социально-экономических причин сводится к тому, что многие респонденты ищут в Германии чувство социальной определенности как рядового гражданина, которую они

потеряли при распаде СССР и которую им были не в состоянии дать ни одна из стран-наследниц Советского Союза, включая и Россию. Поэтому основа социально-экономической мотивации мигрантов заключалась в первую очередь в попытке приобрести социальную «точку опоры», которую им и предложила Германия, подарив перспективу новой идентичности (в первую очередь политической) и полноправное членство в стабильном обществе с прозрачными правилами игры и определенным дальнейшим развитием. Кажется, что эта идея слабо артикулируется исследователями, и основное внимание уделяется, чаще всего, чисто экономическим преференциям, получаемым мигрантами в виде пособий, страховок, интеграционных курсов и т. д.

Также нельзя обойти вниманием некоторые дискуссионные моменты, касающиеся интерпретации степени значимости *этничности и этнической дискrimинации* как причин миграции групп русских немцев и русских евреев.

Например, согласно данным ряда исследований по русским евреям, именно антисемитизм являлся одной из важнейших причин выезда евреев из СССР и стран-наследниц Советского Союза. Действительно, большинство респондентов, как в группе русских немцев, так и русских евреев, отметили, что им в той или иной степени приходилось сталкиваться с фактами этнической дискrimинации. И этот результат совпадает с данными других исследований. Но возникает вопрос, по какой именно этничности были дискrimинируемые русские немцы и русские евреи в СССР, а по какой – в странах-наследницах СССР? В большинстве исследований считается, что русские евреи дискrimинировались всегда как евреи, а русские немцы – как немцы. Другая характеристика этничности данных групп – «русские», присутствующая, как у русских немцев, так и русских евреев, обычно выпадает из поля зрения исследователей.

Между тем касательно случая постсоветских государств дискrimинация русских немцев и русских евреев может иметь место по основанию «не той» этничности. Если в СССР имела место дискrimинация русских немцев как немцев и русских евреев как евреев, то на постсоветском пространстве обе

группы могли дискrimинироваться как русские, а не как евреи или немцы. Говоря другими словами, дискrimинироваться по конкретному этническому признаку, не обладая, или «недостаточно обладая» этим признаком. Таким образом, в ряде работ мы имеем дело с неоправданным упрощением ситуации, когда условия СССР и его национальная политика приписываются и государствам, возникшим на его территории. В этой связи дискrimинация как причина миграции должна рассматриваться применительно к двум случаям: во-первых, случай СССР; во-вторых, случай государств-наследниц Советского Союза. Поэтому нельзя утверждать, что именно дискrimинация по признаку какой-либо определенной этничности послужила причиной миграции, так как, вероятнее всего, в случае русскоязычных групп мы имеем дело с «плавающей» этничностью, которая может быть предложена или навязана индивидам.

Доминирующее во многих современных исследованиях предположение о том, что дело приходится иметь с устойчивыми этническими группами, привело многих авторов к явному преувеличению роли этничности для понимания самоидентификации участников этих групп. Этничность часто рассматривается как ключевой маркер группы и увязывается с ее культурными характеристиками, предполагающими существование определенного нормативного аппарата, на основе которого выстраиваются поведенческие и ментальные образцы членов группы.

Следует подчеркнуть, что многие авторы были просто вынуждены использовать «фиксированную» этничность в своих исследованиях, поскольку категория этничности является *изначально заданной* соответствующими законами ФРГ, регламентирующими правила приема русских немцев и русских евреев. Поэтому «обойти» вопрос этничности, не поставив при этом под сомнение всю немецкую миграционную политику в отношении указанных групп, не представляется возможным. Фактически в случае русских немцев и русских евреев мы имеем дело с носителями ментальных и поведенческих образцов советской культуры, в рамках которой и состоялась социализация участников обеих групп. Советская действительность задавала

ла другие, отличные от этнических, рамки самоопределения, в которых размещались все этнические группы, включая русских немцев и русских евреев. «Во времена СССР российские евреи, как и все население страны, были органической частью советского народа, который, как известно, считался “новой исторической общностью”. Действительно, как “простые люди” из числа евреев, так и выдающиеся их представители – О. Мандельштам и А. Райкин, М. Ботвинник и Л. Утесов, Ф. Раневская и многие другие – ощущали себя представителями не еврейской, а советской культуры» [2, с. 52]. «Жизнь в советской стране и, более того, в крупном городе, практически разрушила прежний конструкт этничности, в большинстве случаев немецкая идентичность сменилась на советскую» [1, с. 106].

Это заставляет предположить, что культурные границы групп не совпадают с их этническими границами. То есть по этничности группы мы не можем судить о ее культуре, включающей образцы поведения, способы мышления, привычки и т. д. Создается впечатление, что категории этничности и культуры никак не согласуются между собой. Причем, если категория культуры увязывается с образом мыслей и с конкретным ценностно-нормативным аппаратом, который разделяется большинством группы, то категория этничности служит лишь для того, чтобы дать условное обозначение носителям данного ценностно-нормативного аппарата. В этом свете этничность как критерий, с помощью которого исследователи пытаются охватить группы русских немцев и русских евреев, видится несостоятельным, а использование принятых этничностей, как основных характеристик для обозначения и ограничения исследуемых групп, кажется неоправданным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Авторы благодарят Фонд Александра Гумбольдта за поддержку проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бредникова, О. «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я

чувствую, что я все-таки немец...» / О. Бредникова // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / под ред. В. Воронков, И. Освальд. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – С. 97–135.

2. Рывкина, Р. Евреи в современной России / Р. Рывкина // Общественные науки и современность. –1996. – № 5. – С. 47–58.

3. Смирнова, Т. Современное состояние идентичности, языка и культуры немцев России / Т. Смирнова // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 191–214.

4. Brym, R. The Jews of Moscow, Kiev and Minsk. Identity, Antisemitism, Emigration / R. Brym. – N. Y. : New York University Press, 1994. – 93 p.

5. Dietz, B. Die Zuwanderung und Integration von (Spät) Aussiedlern im Kontext deutscher und europäischer Migrationspolitik / B. Dietz // Die Russlanddeutschen in den Migrationsprozessen zwischen den GUS-Staaten und Deutschland / B. Dietz, O. Luchterhand, A. Eisfeld (Hg.). – Göttingen : Der Göttinger Arbeitskreis, 2008. – S. 115–132.

6. Gruber, S. Hochqualifiziert und arbeitslos. Jüdische Kontingentflüchtlinge in Nordrhein-Westfalen. Problemaspekte ihrer beruflichen Integration. Eine empirische Studie / S. Gruber, H. Rüßler. – Opladen : Leske + Budrich, 2002. – 225 s.

7. Haug, S. Jüdische Zuwanderer in Deutschland / S. Haug, M. Wolf // Neue Zuwanderergruppen in Deutschland / F. Swiaczny, S. Haug (Hg.). – Heft 118. – Wiesbaden : Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung beim Statistischen Bundesamt, 2006. – S. 65–82.

8. Kessler, J. Homo Sovieticus in Disneyland: the Jewish Communities in Germany Today / J. Kessler // The new German Jewry and the European Context. The Return of the European Jewish Diaspora / ed. by Y. M. Bodemann. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. – P. 131–143.

9. Körber, K. Juden, Russen, Emigranten. Identitätskonflikte jüdischer Einwanderer in einer ostdeutschen Stadt / K. Körber. – Frankfurt ; N. Y. : Campus Verlag, 2005. – 191 s.

10. Ködderitzsch, P. Zur Lage, Lebenssituation, Befindlichkeit und Integration der rußlanddeutschen Aussiedler in Berlin. Teil I, Studie / P. Ködderitzsch. – Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 1997. – S. 11–155.

11. Kruse J. Jüdische Emigration aus der ehemaligen Sowjetunion nach Deutschland. Aspekte eines neuen Migrationssystems / J. Kruse, M. Lerner. – Potsdam : Selbstverlag des Instituts Humangeographie und Geoinformatik der Universität, 2000. – 151 s.

12. Kusterer, K. Forschungsprojekt “Deutsche in der Sowjetgesellschaft”. Arbeitsbericht Nr. 13. Ethnische Identität bei den Deutschen in der Sowjetunion. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion / K. Kusterer. – München : Osteuropa Institut, 1990. – 34 s.

13. Riek, G.-A. Die Migrationsmotive der Rußlanddeutschen. Eine Studie über die sozialintegrative, politische, ökonomische und ökologische Lage in Rußland / G.-A. Riek. – Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2000. – 554 s.
14. Schoeps, J. Russische Juden in Deutschland. Integration und Selbstbehauptung in einem fremden Land / J. Schoeps, W. Jasper, B. Vogt. – Weinheim : Beltz Athenäum Verlag, 1996. – 366 s.
15. Schoeps, J. “Jüdische Zuwanderer aus der GUS – zur Problematik von soziokultureller und generationsspezifischer Integration”. Eine empirische Studie des Moses Mendelsohn Zentrums 1997–1999 / J. Schoeps, W. Jasper, B. Vogt // Ein neues Judentum in Deutschland? Fremd- und Eigenbilder der russisch-jüdischen Einwanderer / J. Schoeps, W. Jasper, B. Vogt (Hg.). – Potsdam : Verlag für Berlin-Brandenburg, 1999. – S. 13–139.
16. Schoeps, J. Ein neues Judentum in Deutschland? Zur Debatte um die Zukunftsperspektiven jüdischer Zuwanderer aus der früheren Sowjetunion und deren Nachfolgestaaten / J. Schoeps // Russische Juden und transnationale Diaspora / J. Schoeps, K. Grözinger, u.a. (Hg.). – Berlin/Wien : Philo Verlagsgesellschaft mbH, 2005. – S. 119–132.
17. Tröster, I. Wann ist man integriert? Eine empirische Analyse zum Integrationsverständnis Rußlanddeutscher / I. Tröster. – Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2003. – 193 s.
18. Vogel, K. Psychosoziale Schwierigkeiten im Integrationsprozess von russlanddeutschen Spätaussiedlern. Qualitative Fallanalysen / K. Vogel. – Stuttgart : Ibidem Verlag, 2008. – 506 s.
4. Brym R. *The Jews of Moscow, Kiev and Minsk. Identity, Antisemitism, Emigration*. New York, New York University Press, 1994. 93 p.
5. Dietz B. Die Zuwanderung und Integration von (Spät) Aussiedlern im Kontext deutscher und europäischer Migrationspolitik. Luchterhand O., Eisfeld A., Hrsg. *Die Russlanddeutschen in den Migrationsprozessen zwischen den GUS-Staaten und Deutschland*. Göttingen, Der Göttinger Arbeitskreis, 2008, S. 115–132.
6. Gruber S., Rüßler H. *Hochqualifiziert und arbeitslos. Jüdische Kontingentflüchtlinge in Nordrhein-Westfalen. Problematische ihrer beruflichen Integration. Eine empirische Studie*. Opladen, Leske + Budrich, 2002. 225 S.
7. Haug S., Wolf M. Jüdische Zuwanderer in Deutschland. Swiaczny F., Haug S., Hrsg. *Neue Zuwanderergruppen in Deutschland*. Wiesbaden, Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung beim Statistischen Bundesamt, 2006, Heft 118, S. 65–82.
8. Kessler J. Homo Sovieticus in Disneyland: The Jewish Communities in Germany Today. *The New German Jewry and the European Context. The Return of the European Jewish Diaspora*. New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 131–143.
9. Körber K. *Juden, Russen, Emigranten. Identitätskonflikte jüdischer Einwanderer in einer ostdeutschen Stadt*. Frankfurt, New York, Campus Verlag, 2005. 191 S.
10. Ködderitzsch P. *Zur Lage, Lebenssituation, Befindlichkeit und Integration der rußlanddeutschen Aussiedler in Berlin. Teil I, Studie*. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 1997, S. 11–155.
11. Kruse J., Lerner M. *Jüdische Emigration aus der ehemaligen Sowjetunion nach Deutschland. Aspekte eines neuen Migrationssystems*. Potsdam, Selbstverlag des Instituts Humangeographie und Geoinformatik der Universität, 2000. 151 S.
12. Kusterer K. *Forschungsprojekt „Deutsche in der Sowjetgesellschaft“*. Arbeitsbericht Nr. 13. *Ethnische Identität bei den Deutschen in der Sowjetunion. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion*. München, Osteuropa Institut, 1990. 34 S.
13. Riek G.-A. *Die Migrationsmotive der Rußlanddeutschen. Eine Studie über die sozialintegrative, politische, ökonomische und ökologische Lage in Rußland*. Stuttgart, Ibidem-Verlag, 2000. 554 S.
14. Schoeps J., Jasper W., Vogt B. *Russische Juden in Deutschland. Integration und Selbstbehauptung in einem fremden Land*. Weinheim, Beltz Athenäum Verlag, 1996. 366 S.
15. Schoeps J., Jasper W., Vogt B. “Jüdische Zuwanderer aus der GUS – zur Problematik von soziokultureller und generationsspezifischer Integration”.

REFERENCES

1. Brednikova O. «Voobshche-to ya russkiy... No kogda u nas v Pitere brosayut mimo musor, ya chuvstvuyu, chto ya vse-taki nemets...» [“Actually, I’m Russian.... But When We Are in St. Petersburg by Throwing the Garbage, I Feel like I’m still a German”]. Voronkov V., Osvald I., eds. *Konstruirovaniye etnichnosti. Etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga* [Construction of Ethnicity. Ethnic Communities of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998, pp. 97–135.
2. Ryvkin R. Evrei v sovremennoy Rossii [The Jews in Modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], no. 5, 1996, pp. 47–58.
3. Smirnova T. Sovremennoe sostoyanie identichnosti, yazyka i kultury nemtsev Rossii [The Current State of Identity, Language and Culture of Germans of Russia]. *Diaspora*, 2010, no. 2, pp. 191–214.

Eine empirische Studie des Moses Mendelssohn Zentrums 1997–1999. Schoeps J., Jasper W., Vogt B., Hrsg. *Ein neues Judentum in Deutschland? Fremd- und Eigenbilder der russisch-jüdischen Einwanderer.* Potsdam, Verlag für Berlin-Brandenburg, 1999, S. 13–139.

16. Schoeps J. Ein neues Judentum in Deutschland? Zur Debatte um die Zukunftsperspektiven jüdischer Zuwanderer aus der früheren Sowjetunion und deren Nachfolgestaaten. Schoeps J., Grözinger K., u.a., Hrsg. *Russische Juden*

und transnationale Diaspora. Berlin, Wien, Philo Verlagsgesellschaft mbH, 2005, S. 119–132.

17. Tröster I. *Wann ist man integriert? Eine empirische Analyse zum Integrationsverständnis Russlanddeutscher.* Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 2003. 193 S.

18. Vogel K. *Psychosoziale Schwierigkeiten im Integrationsprozess von russlanddeutschen Spätaussiedlern. Qualitative Fallanalysen.* Stuttgart, Ibidem Verlag, 2008. 506 S.

Information About the Authors

Viacheslav D. Popkov, Doctor of Sciences (Sociology), Doctor of Philosophy (Technische Universität Berlin), Director, Institute of Social Research and Analytics, Nikitina St., 40/49-5, 248003 Kaluga, Russian Federation, v-831p@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4531-0358>

Ekaterina A. Popkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University Kaluga Branch (National Research University), Bazhenova St., 2, 248000 Kaluga, Russian Federation, ekaterina.popkova@lenta.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8734-8330>

Информация об авторах

Вячеслав Дмитриевич Попков, доктор социологических наук, доктор философии (Берлинский технический университет), директор, Институт социальных исследований и аналитики, ул. Никитина, 40/49-5, 248003 г. Калуга, Российская Федерация, v-831p@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4531-0358>

Екатерина Анатольевна Попкова, кандидат филологических наук, доцент, Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, ул. Баженова, 2, 248000 г. Калуга, Российская Федерация, ekaterina.popkova@lenta.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8734-8330>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.20>UDC 323.2
LBC 66.3(2Poc),1Submitted: 04.02.2019
Accepted: 20.05.2019

**PRACTICES OF INTERACTION
OF STATE AND NON-STATE ACTORS IN THE CONTEXT
OF REGULATION OF THE MASS COMMUNICATION SYSTEM
IN THE RUSSIAN FEDERATION¹**

Sergei I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article represents the author's interpretation of the actor composition of implementing information policy in modern Russia. Special attention is paid to the analysis of the main conditions of interaction between state and non-state structures of the Russian Federation in the process of determining priorities and strategies for ensuring information security in Russia. The problem of this research is actualized by increasing dependence of the mass communication domestic system on modern global geopolitical threats and foreign policy challenges. Russia and Russian society need a set of effective tools and methods to ensure the security and stability of the mass communication system. *Methodology and methods.* The main methodology of this study is the principles of the communicative approach (N. Wiener, C. Deutsch). Besides, the ideas about the technological core of political communication find their scientific and practical application (S.V. Volodenkov, M. Castells, S.V. Schwarzenberg). The analysis of the combination of public political communication and the processes of administrative-state management is based on the conclusions, which are contained in the articles of G. Lassuela and O.F. Shabrov. The empirical basis of the research is the public opinion polls of "Levada Center". *Analysis.* The modern world is increasingly differentiated by the degree of information richness: the more the country is informationally open, the faster the production of new ideas, their inclusion in political decisions. The modern process of political communication has shifted to greater interactivity. Information policy, political regulation of the mass communication system becomes the leading sphere of management activities of state and non-state structures. *Discussion.* The indicative model development of political-communicative interaction of information policy actors in the Russian Federation is hampered by a number of problems. Some of them are associated with established practices of political administration by state institutions of information processes. Other problems come from the unwillingness of civil structures to carry out the functions of public political management in the field of information security. The result is a decline in public confidence in political information and the Russian media. *Results.* The author proposes the main forms of coordinated interaction of state and non-state actors in the field of information regulation, ensuring the information security of the Russian Federation. The researcher substantiates the idea of the relationship of the mass communication system development with the formation of information and communication competencies of the Russian Federation population.

Key words: information, communication, institutional interaction, state, public management, political technologies, system of mass communication.

Citation. Morozov S.I. Practices of Interaction of State and Non-State Actors in the Context of Regulation of the Mass Communication System in the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 241-253. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.20>

**ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ
РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹**

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье представлена авторская интерпретация акторного состава реализации информационной политики в современной России. Особое внимание уделяется анализу основных условий взаимодействия государственных и негосударственных структур РФ в процессе определения приоритетов и стратегии обеспечения информационной безопасности России. Проблематика данного исследования актуализируется возрастающей зависимостью отечественной системы массовой коммуникации от современных глобальных геополитических угроз и внешнеполитических вызовов. Российскому государству и обществу необходим набор эффективных инструментов и методов обеспечения безопасности и стабильности функционирования системы массовой коммуникации. Методология и методы. Основной методологией данного исследования выступают принципы коммуникативного подхода (Н. Винер, К. Дойч). Кроме того, нашли свое научно-практическое применение идеи о технологическом ядре политической коммуникации (С.В. Володенков, М. Кастельс, С.В. Шварценберг). Анализ соединения публичной политической коммуникации и процессов административно-государственного управления базируется на выводах, содержащихся в работах Г. Лассуэла и О.Ф. Шаброва. Эмпирической основой исследования выступают опросы общественного мнения населения «Левада-центра». Анализ. Современный мир все более дифференцируется по степени информационной насыщенности: чем больше страна информационно открыта, тем быстрее происходит производство новых идей, их включение в политические решения. Современный процесс политической коммуникации сместился к большей интерактивности. Информационная политика, политическое регулирование системы массовой коммуникации становятся ведущими сферами управляемой деятельности государственных и негосударственных структур. Дискуссия. Развитию индикативной модели политico-коммуникативного взаимодействия акторов информационной политики в РФ препятствует ряд проблем. Часть из них связана с сложившимися практиками политического администрирования государственными институтами информационных процессов. Другие проблемы исходят из неготовности гражданских структур осуществлять функции публичного политического управления в сфере обеспечения информационной безопасности. Следствием этого является снижение доверия населения к политической информации и российским СМИ. Результаты. Предложены основные формы координированного взаимодействия государственных и негосударственных акторов в сфере информационного регулирования, обеспечения информационной безопасности РФ. Обоснована идея взаимосвязи развития системы массовой коммуникации с формированием информационно-коммуникативных компетенций населения РФ.

Ключевые слова: информация, коммуникация, институциональное взаимодействие, государство, публичное управление, политические технологии, система массовой коммуникации.

Цитирование. Морозов С. И. Практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов в контексте регулирования системы массовой коммуникации в Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 241–253. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.20>

Введение. Ускоряющийся процесс изменения информационно-коммуникационных технологий актуализирует исследование с различных научно-теоретических подходов к решению вопросов взаимодействия государственной власти и общества по поводу фор-

мирования, хранения и передачи информации. В связи с этим важно уточнить содержание понятия «система массовой коммуникации» в контексте обеспечения взаимодействия государственной власти и общества, обусловленного мировыми изменениями в сфере комму-

никации и информатизации. Поскольку система массовой коммуникации создает возможности как для социального диалога и развития других сфер жизни общества, так и для дестабилизации и разрушения, поэтому целесообразно определить способы государственного регулирования в данной области.

Процесс регулирования системы массовой коммуникации предполагает наличие действующих акторов, его осуществляющих. В данном исследовании «акторность» интерпретируется прежде всего как проявление активной политической субъектности в процессе принятия решений на основании собственных политических интересов, ценностей, идей, а также на основании прикладного анализа политической ситуации. В силу этого политические акторы в качестве «лидеров» социально-политического процесса могут формировать институциональные «правила игры», привлекать и использовать властно-управленческие ресурсы, обеспечивая устойчивое воспроизведение и развитие политической системы общества.

В связи с демократизацией общества, помимо государственных структур, появляются новые акторы, без участия которых невозможно осуществление современной информационной политики. В связи с этим важно интерпретировать акторный состав участников реализации информационной политики, условия и цели их взаимодействия. В современном мире необходимо нахождение баланса интересов личности, общества и государства в различных сферах (включая политическую и информационную), который определяется характером взаимодействия политических и общественных институтов и лиц. Поэтому представляет научный интерес поиск моделей такого взаимодействия с выявлением их альтернатив.

Россия активно включена в мировые современные международные процессы, и ее стратегия информационной политики должна соответствовать актуальным вызовам внутри страны и на мировой арене. Для того чтобы понять, как эффективно реализовывать информационную политику и регулировать сферу массовой коммуникации, важно определить условия для развития информационной сферы и общественно-политических отноше-

ний, охарактеризовать результаты взаимодействия участников данных отношений на сегодняшний день.

Связующим интересом государственных и общественных структур является обеспечение безопасности как одной из базовых ценностей сохранения и развития форм социальной жизнедеятельности. В данной связи научную значимость представляет также анализ мероприятий по организации координированного взаимодействия государственных и негосударственных акторов в России в условиях перехода к информационному обществу как адаптации к глобальным изменениям и совершенствования основных общественных сфер, противостояния новым и традиционным угрозам современных мировых процессов.

Методология и методы исследования. Основной методологией исследования выступают идеи коммуникативного подхода, позволяющие интерпретировать взаимодействие государственной власти и общества как процесс обмена и передачи информации соответственно информационной парадигме современного социума. Осмысление содержания современной системы массовой коммуникации основывается как на теоретических идеях Н. Винера, К. Дойча, так и на представлениях о технологическом ядре политической коммуникации С.В. Володенкова, С.В. Шварценберга, М. Кастельса. Не менее значимы теоретические идеи О.Ф. Шаброва о соединении политической и управленческой сфер во взаимодействии власти и общества, а также понимание структурных компонентов модели массовой коммуникации Г. Лассуэла. Анализ эмпирической информации основывается на количественных методах сбора и обработки данных аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр» (Всероссийский опрос общественного мнения населения в 52 субъектах РФ).

Анализ. В политологических исследованиях концепт коммуникации активно используется уже более полувека, позволяя раскрыть и охарактеризовать множество противоречий и скрытых сторон политической жизни, описать содержательные аспекты политического взаимодействия и властных отношений, их изменение и развитие в сложной сфере политики. Кроме того, он имеет ключевое отношение к наступившей постиндустриальной

эпохе и ее историческому смыслу, помогает в осмыслинении перехода к новому типу политического сообщества и организации власти.

Новые формы общественной жизни были порождены «технанизированной» и «информатизированной» средой. На рубеже XXI в. общество находится в среде постоянных технологических достижений и основывается на умении все большего числа людей обрабатывать информацию. Общественные изменения были замечены в работах множества зарубежных и отечественных исследователей, различно характеризовавших «новое общество». К ним относятся работы А. Турена о «программируемом» обществе, Р.Е. Лейна об «обществе, основанном на знаниях» (*“the knowledgeable society”*), Р. Дарендорфа о «посткапиталистическом» обществе, но наиболее популярными стали характеристики современного общества как «постиндустриального» или «информационного». Как отмечает А.В. Манойло, в таком обществе «главными составляющими труда становятся знания и информация, легкий и свободный доступ к информации по всему миру» [12, с. 8]. Таким образом, современный мир все более дифференцируется не по уровню экономического развития, а по степени информационной насыщенности: чем больше страна информационно открыта, тем быстрее люди «обрабатывают информацию», «принимают решения» и «действуют»; быстрее происходит производство новых идей, их имплементация в политические решения.

Необходимо заметить, что значение имеет не любая информация, и даже не «политическая информация», а та, которая имеет смысловую значимость, то есть «политически значимая». Вместе с тем, предполагая наличие обратной связи, можно говорить о политическом диалоге, который в неявном виде содержит управляемые моменты. Согласно О.Ф. Шаброву, следует говорить о существовании области пересечения двух областей – теории управления и политической науки, которая называется политическим управлением, а наука – управляемой политологией [6, с. 85]. То есть это есть не что иное, как пересечение «политической коммуникации» с «управлением».

Но на протяжении всего XX в. сформировался и получил развитие технически опос-

редованный процесс хранения, распространения, обмена и восприятия информации численно большими и рассредоточенными аудиториями, иной тип коммуникации – массовый. В работах Г. Лассуэлла массовая коммуникация интерпретируется как целевоориентированный процесс направленного воздействия на аудиторию посредством соответствующего информационного контента. Подобное воздействие производится средствами массовой информации на аудиторию, не имеющую горизонтальных связей и представляющую массу изолированных друг от друга людей. Люди потребляют пропагандистскую информацию по вертикальным каналам односторонней коммуникации. В данном случае пропагандист – инициатор политической коммуникации, активный субъект коммуникационного управления, который использует значимые символы для осуществления воздействия в формате пропаганды при помощи средств массовой коммуникации. Следовательно, средства коммуникации – это материальный компонент процесса коммуникации, выражающий собой способ производства и распространения идей, ценностей в обществе (печать, радио, телевидение, компьютерные сети).

Важной представляется идея М. Кастельса об основном векторе политической коммуникации: «осуществление власти есть процесс генерирования и трансляции информации и культурных кодов, которые и обеспечивают содержательные основы власти, базирующейся на коммуникационных технологиях» [11]. В связи с этим массовое поведение является результатом внедрения в массовое сознание политических ценностей тех, кто контролирует каналы массовой коммуникации.

Кроме того, современный процесс информирования сместился к большей интерактивности. Значительный вклад в это внесла глобальная сеть Интернет, которая изменила функционирование официальных государственных и негосударственных структур, принципы функционирования Интернета экстраполировались на традиционные СМИ. Под влиянием этих процессов органы государственной власти обзаводятся собственными сайтами для расширенной передачи сведений для граждан в онлайн-режиме, возникают интернет-при-

емные президентов и лидеров политических партий; статусные лица государства используют Интернет для общения с политическими институтами и гражданами. Этой коммуникативной модели следуют вертикально интегрированные «низовые» политические структуры, использующие пространство блогосферы и иные сетевые структуры.

Содержание информационных потоков, инициируемых СМИ, так или иначе контролируется и регулируется высшими исполнительными структурами государства. Однако официальные представители властных структур в силу институциональных «правил игры» постоянно ставят под сомнение такие выводы, ссылаясь на наличие и многообразие независимых СМИ, государственный контроль за которыми невозможен. Однако если допустить, что публичная политическая коммуникация задается и формируется несколькими национальными (планетарными) СМИ, то ситуация окажется несколько иной. Таким образом, подобное создавшееся положение в медиасфере с установлением политico-административного контроля над ведущими источниками массовой информации формирует и направляет информационные потоки, ограничивая гражданское волеизъявление. Но у государственной власти имеется обоснование такой позиции, а точнее – необходимость обеспечения порядка, стабильности и безопасности общества.

Новый тип политической коммуникации оказывает влияние на реализацию власти внутри государства, взаимодействие государства и общества, требуя от государственных институтов власти выработку иных подходов к информационно-коммуникационной деятельности, иного понимания места и роли индивида и общества в сложившихся условиях. При этом понятие «массы» приобретает новое звучание за счет «структуризации сетевых сообществ» [16, с. 225] в форматах, рассчитанных как для единоличной, так и многопользовательской коммуникации, что связано также с использованием высокотехнологичных гаджетов и наличием в сообществах виртуальных лидеров общественного мнения.

Система массовой политической коммуникации расширяется, увеличивая технологическую и информационную базу, вместе с тем

растут ее участники, возникают новые формы передачи информации и самой коммуникации. Но для того, чтобы организовать конструктивный общественно-политический диалог в данной системе, необходимо ее регулирование, введение (норм, правил, целей, связей), связывающее данный вид деятельности с политико-управленческими процессами, как способом «исправления ошибок». Как известно, политика возникает там, где есть проблемы, в решении которых возникают альтернативные пути и различные социальные силы или само государство. Таким образом, как отмечает С.В. Володенков, политическое регулирование становится «самостоятельным и ведущим видом управленческой деятельности, который легитимирует все остальные уровни управления и самоуправление в целом, приобретающее политический характер» [2, с. 7].

В отношении взаимодействия власть – СМИ – общество проблема регулирования является дискуссионной, поскольку не достаточно четко возможно очертить границы публичного и частного, определить принципы «фильтрации» информационного контента. В связи с этим регулирование системы массовой коммуникации должно осуществляться как на уровне государственных (муниципальных) структур, так и институциональными структурами гражданского общества. А.А. Морозов выделяет три группы методов регулирования СМИ и системы массовой коммуникации: правовые, экономические и политические [13]. Основным регулятором взаимоотношений между властью, обществом и акторами масс-медиа в правовом государстве могут выступать только нормативно-правовые акты. Среди экономических методов регулирования достаточно широко используется предоставление для средств массовой информации таможенных и/или фискальных льгот, с целью создания благоприятных условий для распространения общественно- и политически важной информации, в частности содействующей образованию, воспитанию, культурному досугу граждан. В ряде зарубежных стран законодательством также предусмотрено выделение бюджетных средств и субсидий для финансирования целевых расходов некоторых общественно-значимых СМИ (например, ФРГ, Франция, Австрия, США). К политическим методам регу-

лирования относится поддержка государственных СМИ, кадровая политика. На данный момент основной формой реализации медиаменеджмента в политическом процессе является учредительство. Для множества региональных (местных) СМИ в качестве соучредителей выступают органы государственной и муниципальной власти, что не может не сказываться определенным образом на содержании и подаче информационного контента: телевидение и пресса обладают «мощным манипулятивным потенциалом» [2], позволяя эффективно транслировать целевой аудитории значимые смыслы, ценности и символы.

Тем не менее активно формирующаяся глобальная система массовой коммуникации, развитие информационно-коммуникативных технологий все более трансформируют политico-коммуникативное пространство. Политическая коммуникация все более детерминируется виртуальной политической реальностью, сетью Интернет, системами и сервисами Web 2.0. Мультимедийность, экстерриториальность и интерактивность интернет-ресурсов способствуют разрушению традиционных символов и политico-культурных пространств, внедрению в массовое сознание новых политических мифов, ценностей и стереотипов, обусловливая тем самым уровень стабильности/дестабилизации тех или иных политico-территориальных сообществ.

От содержания, объема и полноты информационного обеспечения населения зависит уровень легитимности государственно-политических институтов, степень электоральной активности, понимание необходимости соблюдения законов и иных государственных предписаний. Чтобы избежать дестабилизирующей и дезинтегрирующей информации, необходима соответствующая информационная политика: регулярный сбор информации о состоянии политической системы, привлечение СМИ к отражению потребностей социума и поддержанию баланса общественных настроений, обеспечение устойчивости политico-коммуникативных каналов и средств. Определенным маркером качества информационной политики, устойчивости и транспарентности коммуникации общественных и властных институтов является информа-

ционная безопасность страны. С точки зрения важности поддержания упорядоченности политической системы и качества политического процесса особо значимой угрозой информационной безопасности общества становится внедрение дезинформации или информации негативного характера. Поэтому постоянно актуализируется необходимость существования специализированных государственных и негосударственных «фильтрующих» структур, обеспечивающих нейтрализацию негативной информации, пресекающих применение манипулятивных технологий и кибератак.

Акторами информационной политики выступают различные социально-политические группы общества, государственные учреждения и организации в зависимости от господствующего типа политической культуры населения, комбинации авторитарных и демократических тенденций при реализации политического режима в отношении системы власть – СМИ – общество. Цели и содержание государственной информационной политики формируют институциональные структуры государственной власти координирующего и управляющего характера; центры ситуационного анализа при различных правительственные ведомствах; технические центры, обеспечивающие защиту информации и выработку образцов информационного контакта для вхождения в мировое информационно-политическое пространство. Информационно-коммуникационное взаимодействие государства и гражданского общества формируется параллельно, в рамках создания и развития открытой площадки идей, где властные институты в качестве контрагентов обмениваются целями и результатами деятельности со множеством общественно-экспертных советов, медиахолдингов аналитических структур и PR-служб исследовательской и научной направленности.

Кроме того, О.Ф. Волочаева указывает на важность неинституциональных акторов политической коммуникации в информационном обществе – социальные движения [3, с. 99]. Они не в полной мере могут быть включены в институциональные каналы публичной политики, контролируемые структурами власти или ограниченной группой политэспертов (политтехнологов). В общественные движения вливаются политические аутсайдеры и

маргинальные политические группы, отстраненные по каким-либо причинам от участия в процедуре принятия политических решений.

Тем не менее ключевой (системообразующей) частью информационной политики является государственная информационная политика, которая представляет собой «деятельность органов государственной власти с целью регулирования информационной сферы общества, включающую в себя информационные и телекоммуникационные системы или СМИ, отношения и процесс производства, создания, хранения, обработки и передачи информации в различных аспектах – официальном-новостном, развлекательном, научном, образовательном и деловом» [14].

Существует три модели взаимодействия элементов системы массовой коммуникации: «императивная», «социо-ориентированная» и «индикативная». Первая основывается на обеспечении жесткого мониторинга, контроля за государственными институтами всех элементов инфраструктуры массовой коммуникации. В рамках второй модели «аудитория» – совокупность независимых потребителей информации осуществляет обратную связь с органами власти; система массовой коммуникации ориентируется на аудиторию, готовую платить за контент и потреблять рекламируемую продукцию.

Наиболее валидна «индикативная» модель. Она ориентирована на обеспечение возможности открытого доступа граждан к созданию и распространению информационных сообщений по каналам массовой коммуникации; возможность потребления информации коррелирует в целом с коммуникативными правами населения. Однако широкому распространению данной модели, по мнению Е.С. Устинович, могут препятствовать следующие проблемы коммуникационного взаимодействия основных акторов информационной политики [17]:

- постоянные попытки осуществления манипуляций со стороны властных структур в общении с населением; некорректная или дозированная информация; обилие чрезмерно позитивной информации о достижениях и успехах в работе органов власти;

- субъективное восприятие представителями власти «вынужденности» работы с

обращениями граждан; слабая коммуникативная некомпетентность государственных служащих; предпочтение монологичных, односторонне направленных форм политической коммуникации;

- устойчивое недоверие населения органам власти, особенно регионального и местного уровней; высокий уровень политической пассивности граждан: нежелание и неготовность самостоятельно собирать и критически обрабатывать политическую информацию.

Дискуссия. Следует отметить, что в современном политико-коммуникативном пространстве России, несмотря на признание значения информационного обеспечения для выработки и осуществления общенациональной государственной политики, нет единства в понимании содержания и инструментов информационной политики. Как отмечают Ю.Е. Бурова и Д.Л. Стровский, федеральные программы, ориентированные на развитие инновационных ИТ-технологий, сосредоточивали внимание на организационно-технологических аспектах данного вопроса, а идея улучшения взаимоотношений с обществом оставалась далеко не на первом месте [1, с. 25]. Более того, следует согласиться с В.М. Казиевым, что на данный момент в России информация есть властный ресурс, используемый в политической сфере. И этот ресурс огромен, дорог и сложен. Он включает в себя различные базы данных, электронные информационные массивы, архивные фонды и т. д. Но по уровню использования этих ресурсов Россия отстает от развитых стран мира [10]. Финансируются административно значимые информационные системы, системы таможенных и налоговых служб, государственных органов, выборов, органов правопорядка. По словам А.И. Завьялова, Россия «не имеет необходимых средств и производственных возможностей для самостоятельного развития национальной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, поэтому вынуждена привлекать капитал и технологию из более развитых стран» [8, с. 141].

Подобная ситуация сложилась в отношении технологий информатизации и связи, которые включают в себя совокупность экономических, технических и программных средств для улучшения реализации деятельности структур социально-политической сфе-

ры, будь то сфера производства или система государственного управления. Отечественный рынок технологий информатизации и связи ориентирован на зарубежные технические средства, что приводит к снижению производства отечественных разработок в данной области.

Тем не менее, несмотря на определенные проблемы в правовом урегулировании СМИ, отечественные масс-медиа – это не только инструмент государственного воздействия на массовое сознание и на общественное мнение. Постепенно укрепляющиеся независимые СМИ, в том числе в сети Интернет, становятся все более значимыми институтами отечественной публичной политики, определяя характер и направленность деятельности органов государственной власти. Характерным примером тому могут служить регулярно появляющиеся результаты независимых журналистских расследований о фактах коррупции и о злоупотреблениях служебным положением представителей федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

Президент РФ В.В. Путин по случаю Дня прав человека в декабре 2016 г. указал на необходимость информационной открытости государства перед формируемым гражданским обществом. Основополагающая необходимость формирования в РФ открытого информационного пространства с условием обеспечения целостности и единства государства является стратегическим приоритетом реализации федеральной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)» [4]. Программа содержит перечень проблем, препятствующих осуществлению эффективной государственной информационной политики: зависимость от зарубежных информационных технологий, разрозненность государственных информационных ресурсов и дублирование данных, увеличение количества компьютерных преступлений и материального ущерба от их последствий. Более того, утвержденная в декабре 2016 г. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации содержит основные направления обеспечения информационной безопасности:

– противодействие использованию информационных технологий для совершения правонарушений, пропаганды противоправных действий особой общественной опасности;

– пресечение ущерба от деятельности, осуществляющейся с использованием технических средств и информационных технологий;

– повышение защищенности критической информационной инфраструктуры и устойчивости ее функционирования, развитие механизмов обнаружения и предупреждения информационных угроз;

– обеспечение безопасности информации, передаваемой и обрабатываемой в информационных системах с целью устойчивого взаимодействия органов государственной власти;

– обеспечение защиты информации ограниченного доступа и распространения, в том числе за счет повышения защищенности соответствующих информационных технологий;

– повышение эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации [7].

В Доктрине также указаны основные угрозы информационной безопасности: «угрозы информационному обеспечению государственной политики; развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, а также обеспечению эффективного использования отечественных информационных ресурсов; безопасности информационных и телекоммуникационных средств» [7] на территории России.

Однако рейтинг доверия к органам государственной власти (за исключением Президента РФ), которые непосредственно призваны решать данные приоритетные проблемы, у россиян достаточно низкий. Как показывают исследования Левада-Центра, к началу 2019 г. с утверждением, что «государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами» согласились лишь 20 % граждан России; треть опрошенных затруднились с ответом. Примерно треть респондентов уверены в том, что «государство дает так мало, что мы ему ничем не обязаны»; примерно половина опрошенных, то есть каждый второй гражданин РФ высказывает мнение, что от государства «можно требовать и большего» или уверенность в необходимости «заставить государство служить нашим интересам» [5]. Кроме того, как демонстрируют результаты замера общественного мнения в конце 2018 г., правительственный институтам, призванным

определять стратегию и непосредственно реализовывать государственную информационную политику, доверяют лишь 27 % граждан РФ (для сравнения, традиционно менее популярным в оценках граждан региональным органам власти – 29 %).

В процессе реализации информационной политики государственные структуры взаимодействуют со СМИ, конструируя информационную повестку дня. СМИ освещают выступления руководителей органов государственной власти, интервью политиков и лидеров политических партий, публичные дискуссии в экспертном сообществе. В.А. Шакирова отмечает две основные цели, руководствуясь которыми властные структуры являются активаторами политической коммуникации: во-первых, создание востребованного образа политического института и его поддержание, во-вторых, коррекция созданного образа [18, с. 77]. При этом, с учетом того, что современное общество массовой культуры не терпит однообразия, акторам государственной информационной политики приходится «удивлять» и даже «забавлять» население. Многочисленные телевизионные «шоу» общественно-политической направленности на российских федеральных телеканалах имеют своей основной целью скорее «развлечение» аудитории, нежели удовлетворение потребности населения в достоверной и всесторонней политической информации. На наш взгляд, это обусловлено медиакратической способностью государства обеспечивать политическую стабильность. Характер и содержание информационных потоков, создаваемых и направляемых федеральными СМИ, так или иначе контролируется исполнительными структурами государства. Но официальные представители властных структур, по мнению А.И. Соловьева, как правило, опровергают такие выводы, ссылаясь на то, что в стране зарегистрировано более 25 тысяч СМИ, за которыми невозможен государственный контроль. Политический контроль и «самоцензура» журналистов сохраняют разнообразие позиций в сфере сообщений о культуре, но не в сфере политически значимых вопросов. В условиях политических и административно ограниченного информационного пространства лишь частично идет речь о расширении гласности и прозрачности действий власти [16, с. 225].

На данном фоне обращают на себя внимание рейтинги доверия населения российским СМИ: печать, радио и телевидение вполне заслуживают доверия 31 % граждан; не вполне заслуживают и совсем не заслуживают – суммарно 62 % населения РФ [9]. Если принимать во внимание тот факт, что абсолютное большинство россиян предпочитают телевизионный контент и чаще всего получают новости о ситуации в стране из телевизора, вывод достаточно пессимистичен. Население не склонно доверять сформировавшейся в России системе массовой коммуникации, не заинтересовано в поддержании политико-коммуникативного взаимодействия с государственными и негосударственными властными институтами. Из этого следует, что современные условия диктуют проработку новых аспектов национальных интересов Российской Федерации в сфере реализации информационной политики.

Необходимо принять тот факт, что информационная политика распространяется на все общество в целом, интересы его институтов и отдельных граждан, интересы органов государственной власти различных ветвей и уровней, влияет на внутреннюю и внешнюю политику государства, государственная информационная политика начинается с разработки концепции и организации контроля над ее реализацией. Это находится в непосредственном ведении Президента РФ в соответствии с его функциями и обязанностями, возложенными на него Конституцией РФ. Сегодня только государственные институты могут обеспечить защиту общества и его граждан от масштабной внешней и внутренней информационной агрессии. Но в настоящее время государственная информационная политика продолжает находиться в состоянии поиска новых способов управляемости, эффективных в условиях политической публичности и информационной открытости современного общества.

Кроме того, одной из приоритетных задач реализации современной информационной политики в РФ становится минимизация рисков и угроз, связанных с внешнеполитическими (глобальными) противоречиями и геополитическими вызовами, с которыми вынужденно столкнулось российское государство и общество в последние годы. Безусловно, вопро-

сы обеспечения информационной безопасности приоритетно относятся к компетенции специализированных органов государственной власти. Однако большая результативность в решении данных задач должна быть связана с развитием координированного политico-коммуникативного взаимодействия административных и общественных структур в информационной сфере. В условиях все возрастающей публичности сферы российской политики, постепенных, хоть и противоречивых практик демократизации общественных отношений, только подобного рода координированное взаимодействие позволит сгладить наиболее острые противоречия и конфликтные ситуации в сфере объектов и предметов информационного регулирования.

Свидетельством начала формирования общественно-политической системы реализации информационной политики и поддержания информационной безопасности в РФ является постепенное вовлечение общественных организаций и гражданских объединений в разработку актуальной «повестки дня». Например, Научный совет при Совете Безопасности РФ, в состав которого входят руководители научно-образовательных учреждений, академики РАН, известные представители экспертно-аналитических структур и исследовательских центров, обеспечивает научную основу для анализа особо важных проблем обеспечения информационной безопасности, занимается независимой экспертизой вопросов защиты информации. Факт участия институтов гражданского общества России в процессе обеспечения информационной безопасности отмечается многими исследователями, однако лишь как начинаяющий проявляться.

Тем не менее А.Н. Сапожникова отмечает, что «гражданское общество в России должно принимать участие в разработке альтернативных моделей и элементов отечественной стратегии по борьбе с кибертерроризмом, электронным мошенничеством, компьютерными атаками и прочими угрозами информационной безопасности государства и граждан» [15, с. 5–6]. И общественные институты демонстрируют готовность принимать участие в выработке и реализации общенационального вектора информационной политики. Российское политологическое сообщество

регулярно проводит тематические конгрессы, международные и всероссийские конференции, межрегиональные круглые столы и экспертные семинары, привлекая к активному участию представителей органов власти и управления, средства массовой коммуникации, политехнологов, с целью обсуждения актуальных вопросов и выработки рекомендаций по регулированию общенационального информационного пространства. Комплекс данных мероприятий имеет своей не менее важной задачей создание общероссийской публичной дискуссионной площадки обсуждения содержания и реализации информационной политики для мобилизации широких слоев населения к поддержке действий государственных и негосударственных институтов в области распространения и использования информации, обеспечения информационной безопасности.

Результаты. Современная государственная информационная политика связывается с процессом развития массовой коммуникации и глобализации информационного пространства в рамках прикладных моделей многостороннего взаимодействия специальных акторов. Основными акторами, осуществляющими информационную политику, являются: органы государственной и муниципальной власти (как узкоспециализированные, так и широкого профиля); институты гражданского общества (медиахолдинги, СМИ и др.); индивидуальные политические акторы, лидеры общественного мнения и т. д. Целью взаимодействия является обеспечение информационной безопасности (внешней, внутренней, корпоративной или частной).

Комбинация акторов и характер функциональных полномочий определяют тип политico-коммуникативной модели взаимодействия институтов власти и общества. В рамках доминирующей модели политической коммуникации в России явно проявляется недостаточно координированное взаимодействие отечественных государственных и негосударственных акторов; наблюдается отсутствие четких, институционально закрепленных «правил игры» в сфере информационного регулирования, обеспечения информационной безопасности. Свидетельством тому является достаточно негативное отношение многих представителей экспертного сообщества и

политической медиасфера к качеству и проработанности принятого в Государственной Думе РФ законопроекта о контроле за публикациями в сети Интернет, в электронных и печатных СМИ и недостоверной информации. К подобного рода противоречивым вопросам об объекте и предмете государственной информационной политики следует отнести и дискуссии о создании и государственном регулировании отечественного сегмента сети Интернет. На наш взгляд, способность СМИ выполнять основную свою функцию – предоставление объективной, полной и достоверной информации должна в большей мере связываться со способностями системы массовой коммуникации к результативному взаимодействию государственных и негосударственных структур в процессе определения «правил игры» и реализации информационной политики в РФ.

К приоритетным формам развития отечественной системы массовой коммуникации следует отнести: общенациональные дискуссионные площадки с привлечением представителей федеральных и региональных властных структур, СМИ, экспертно-аналитического сообщества; развитие отечественного интернет-сегмента; развитие системы социальных контрактов с независимыми масс-медиа общественно-политической направленности; реализация программ формирования информационно-коммуникативных компетенций для различных групп населения; развитие системы гражданской ответственности за защиту персональной или общественно значимой информации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 р_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

The reported study was funded by RFBR and Volgograd Region Administration in the framework of research project no. 19-411-340006 р_а “Socio-Political Design of Public Space and Mass Communication System in the Regions of the Russian Federation (The Example of the Volgograd Region)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурова, Ю. Е. Информационная политика и ее формирование в современных российских условиях / Ю. Е. Бурова, Д. Л. Стровский // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 1 (123). – С. 21–34.
2. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://partnersdnld.litres.ru/static/trials/21/53/56/21535692.a4.pdf> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
3. Волочаева, О. Ф. Политические процессы в современном информационном обществе: новые акторы и векторы развития : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Волочаева Оксана Федоровна. – Пятигорск, 2015. – 300 с.
4. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
5. Граждане и государство: исследования аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
6. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: понятие, сущность / М. Н. Грачев // Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН) : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 77–90.
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
8. Завьялов, А. И. Основные тенденции государственного управления в информационной сфере / А. И. Завьялов // KANT. – 2013. – № 3 (9). – С. 141–145.
9. Институциональное доверие: исследования аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionnoe-doverie-4> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
10. Казиев, В. М. Основы правовой информатики и информатизации правовых систем / В. М. Казиев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

<http://www.ribis.vegu.ru/repos/10870/Html/86.htm> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

11. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://bwbooks.net/index.php?id1=4&category=comp-lit&author=kastelm&book=2004> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

12. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях / А. В. Манойло. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

13. Морозов, А. А. Методы регулирования деятельности СМИ сквозь призму мирового опыта / А. А. Морозов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/metody-regulirovaniya-deyatel-nosti-smi-skvoz-prizmu-mi> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

14. Нисневич, Ю. А. Информационная политика России: проблемы и перспективы / Ю. А. Нисневич. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://text.tr200.biz/referat_ostaljnye_referaty/?referat=736165&page=1 (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

15. Сапожникова, А. С. Взаимодействие государства и общества в политике информационной безопасности РФ / А. С. Сапожникова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2009. – Вып. 19 (июнь). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk_19._ijun_2009_g._sapozhnikova.pdf. – Загл. с экрана.

16. Соловьев, А. И. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики / А. И. Соловьев // Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН) : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 222–233.

17. Устинович, Е. С. Проблемы взаимодействия субъектов коммуникативно-информационного пространства современной России / Е. С. Устинович // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/4021> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

18. Шакирова, В. Информационная политика – это реализация «властной идеи» / В. Шакирова // Обозреватель-Observer. – 2014. – № 8. – С. 77–83.

REFERENCES

1. Burova Yu.E., Strovskiy D.L. Informatsionnaya politika i ee formirovanie v sovremennykh rossiyskikh

usloviyakh [Information Policy and Its Formation in Modern Russian Conditions]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues In Education, Science And Culture], 2014, no. 1 (123), pp. 21-34.

2. Volodenkov S.V. *Internet-kommunikatsii v globalnom prostranstve sovremennoego politicheskogo upravleniya* [Internet Communications in the Global Space of Modern Political Governance]. URL: <http://partnersdnld.litres.ru/static/trials/21/53/56/21535692.a4.pdf> (accessed 28 January 2019).

3. Volochaeva O.F. *Politicheskie protsessy v sovremenном informatsionnom obshchestve: novye aktory i vektorы razvitiya: dis. ... d-ra polit. nauk* [Political Processes in the Modern Information Society: New Actors and Development Vectors. Dr. polit. sci. diss.]. Pyatigorsk, 2015. 300 p.

4. Gosudarstvennaya programma Rossийskoy Federatsii «Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)» [State Program of the Russian Federation “Information Society (2011–2020)"]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobshestvo-site-dok.html> (accessed 28 January 2019).

5. Grazhdane i gosudarstvo: issledovaniya analiticheskogo tsentra Yurya Levady «Levada-tsentr» [Citizens and the State: Research of the Analytical Center of Yuri Levada “Levada Center”]. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3> (accessed 28 January 2019).

6. Grachev M.N. Politicheskaya kommunikatsiya: ponyatie, sushchnost [Political Communication: Concept, Essence]. Timofeeva L.N., ed. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya, praktika* [Political Communication Studies: Theory, Methodology, and Practice]. Moscow, Rossiyskaya assotsiatsiya politicheskoy nauki (RAPN), Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, pp. 77-90.

7. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossийskoy Federatsii [Doctrine of Information Security of the Russian Federation]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (accessed 28 January 2019).

8. Zavyalov A.I. Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo upravleniya v informatsionnoy sfere [The Main Trends of Public Administration in the Information Sphere]. *KANT*, 2013, no. 3 (9), pp. 141-145.

9. *Institutsionalnoe doverie: issledovaniya analiticheskogo tsentra Yurya Levady «Levada-tsentr»* [Institutional Trust: Research of the Analytical Center of Yuri Levada “Levada Center”]. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4> (accessed 28 January 2019).

10. Kaziev V.M. *Osnovy pravovoy informatiki i informatizatsii pravovykh sistem* [Fundamentals of

- Legal Informatics and Informatization of Legal Systems]. URL: <http://www.irbis.vegu.ru/repos/10870/Html/86.htm> (accessed 28 January 2019).
11. Kastels M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society]. URL: <http://bwbooks.net/index.php?id1=4&category=comp-lit&author=kastel-m&book=2004> (accessed 28 January 2019).
12. Manoylo A.V. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh* [State Information Policy in Special Conditions]. Moscow, MIFI, 2003. 388 p.
13. Morozov A.A. *Metody regulirovaniya deyatelnosti SMI skvozь prizmu mirovogo opyta* [Methods of Regulating the Activities of the Media Through the Prism of World Experience]. URL: <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/metody-regulirovaniya-deyatelnosti-smi-skvozь-prizmu-mi> (accessed 28 January 2019).
14. Nisnevich Yu.A. *Informatsionnaya politika Rossii: problemy i perspektivy* [Information Policy of Russia: Problems and Prospects]. URL: http://text.tr200.biz/referat_ostaljnye_referaty/?referat=736165&page=1 (accessed 28 January 2019).
15. Sapozhnikova A.S. *Vzaimodeystvie gosudarstva i obshchestva v politike informatsionnoy bezopasnosti RF* [Interaction of the State and Society in the Information Security Policy of the Russian Federation]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [E-Journal. Public Administration], 2009, June, iss. 19. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__19._ijun_2009_g._/sapozhnikova.pdf.
16. Solov'yev A.I. *Mediasposobnosti gosudarstva kak faktor razvitiya rossiyskogo obshchestva: problemy i praktiki* [Media Capabilities of the State as a Factor in the Development of Russian Society: Problems and Practices]. Timofeeva L.N., ed. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya, praktika* [Political Communication Studies: Theory, Methodology, and Practice]. Moscow, Rossiyskaya assotsiatsiya politicheskoy nauki (RAPN), Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, pp. 222-233.
17. Ustinovich E.S. *Problemy vzaimodeystviya subyektov kommunikativno-informatsionnogo prostranstva sovremennoy Rossii* [Problems of Interaction of Subjects of the Communicative Information Space of Modern Russia]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Modern Scientific Researches and Innovations], 2011, no. 6. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/4021> (accessed 28 January 2019).
18. Shakirova V. *Informatsionnaya politika – eto realizatsiya «vlastnoy idei»* [Information Policy Is the Realization of the “Power Idea”]. *Obozrevatel* [Observer], 2014, no. 8, pp. 77-83.

Information About the Author

Sergei I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Информация об авторе

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – со-действие коллaborации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
 - ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
 - содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
 - бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.
-

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2020 года осуществляется
по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1.
Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2020 года 1 566 руб. 84 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2020 is 1566.84 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ»

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редакции журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редакция приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN THE SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.
2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
